

Департамент по науке и инновациям ЯНАО
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

Археология Арктики

ВЫПУСК 3

vk.com/ethnograph

РОС-ДОАФК
— ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ —

Калининград 2016

УДК (902) 9785
ББК 64.48 (211)я43
А 87

Утверждено к печати Ученым советом ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики».

А 87 **Археология Арктики:** сборник / Науч. центр изучения Арктики; научные редакторы Д. С. Тупахин, Н. В. Федорова. — Калининград: «ИД «РОС-ДООАФК», 2016. — **Вып. 3.** — 300 с. — ISBN 978-5-9907515-8-3.

Вниманию читателей предлагается третий выпуск сборника «Археология Арктики», представляющий собой научное издание статей ведущих российских и зарубежных ученых: археологов, этноархеологов, археозоологов. Как и прошлые выпуски, издание осуществлено благодаря действию в Ямало-Ненецком автономном округе долгосрочной научной Программы «Развитие научной деятельности в ЯНАО в области археологии», финансируемой из бюджета округа. Хронологически рамки опубликованных статей охватывают период от верхнего палеолита до этнографической современности, территориально — от севера Западной Европы до Чукотского полуострова. Завершается сборник статьей И. И. Крупника (Вашингтон, Смитсоновский институт, США) о выдающейся исследовательнице Дальневосточной Арктики — Л. С. Богословской.

Ответственный редактор: Н. В. Федорова, к. и. н.

Научные редакторы сборника: Д. С. Тупахин, Н. В. Федорова

Редакционная коллегия: С. Е. Алексеев, к. и. н.; А. В. Головнев, чл. корр. РАН, д. и. н.; О. Н. Корочкова, д. и. н.; И. И. Крупник, д. б. н. (Вашингтон, США); В. В. Питулько, к. и. н.; А. Л. Титовский; Н. В. Федорова, к. и. н.

УДК (902) 9785
ББК 64.48 (211)я43

ISBN 978-5-9907515-8-3

© Тексты, авторские материалы — авторы, 2016
© Фотообеспечение, графические материалы — авторы, 2016
© Составление, оформление ООО «Издательский Дом «РОС-ДООАФК», 2016
© ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЙ МИР И СРЕДА В ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ: СИСТЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

- Д. Г. Андерсон, П. Л. Луверс, С. А. Шроер, Р. П. Вишарт.*
Пространственные архитектуры в отношениях между людьми,
животным миром и ландшафтом на Севере5
- К. Хельског.* Медведь: смыслы и образы в обществах охотников-
собираателей Северной Фенноскандии 9000–2500 лет до н. э.25

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Р. Д. Лозей, Б. Осипов, Р. Сивакумаран, Т. Номоконова.* Вычисление
массы тела собак и волков с использованием
кранио-мандибулярных размеров.....49
- П. Х. Бланкхолм.* Макроуровневое предиктивное моделирование
ранних послеледниковых стоянок начального этапа заселения
в Варангере, Норвегия66

РАННИЕ ЭТАПЫ РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В АРКТИКЕ

- П. Ю. Павлов.* Начало верхнего палеолита на северо-востоке Европы75
- В. В. Питулько.* Свидетельства раннего расселения человека
в Арктической области Евразии: новые находки и перспективы
исследований91

СЕВЕРО-ЗАПАД И СЕВЕРО-ВОСТОК ЕВРОПЫ В I–II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ Н. Э.

- В. Я. Шумкин.* Морской зверобойный промысел населения Северной
Фенноскандии эпохи раннего металла как эмбриональный вид
производящего хозяйства117
- Р. Л. Андреассен, Х. Д. Братрейн.* Финнмарк между Востоком
и Западом.....140
- И. О. Васкул, О. М. Селезнева.* Захоронения первых веков I тыс. н. э.
на озере Пожем-ты в Интинском районе Республики Коми170
- А. М. Мурыгин.* Арктический регион крайнего северо-востока
Европейской части России в эпоху Средневековья.....183

ЯМАЛЬСКАЯ АРКТИКА И СУБАРКТИКА В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА – СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>О. С. Тупахина.</i> Образы птиц на керамической посуде эпохи энеолита севера Западной Сибири	204
<i>Д. С. Тупахин.</i> Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Горный Самотнёл-1	212
<i>Ал. В. Гусев.</i> Новая находка мумифицированных останков ребенка (археологический комплекс Зеленый Яр, 2015 г.).....	218
<i>Ан. В. Гусев, А. В. Плеханов, Н. В. Федорова.</i> Оленеводство на Севере Западной Сибири: ранний железный век – Средневековье.....	228

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ВОСТОЧНОЙ АРКТИКЕ

<i>С. В. Гусев, Т. Ю. Репкина.</i> Этноархеологическое наследие острова Иттыгран. Долина реки Напаутак.....	240
<i>А. А. Орехов.</i> Каменный инвентарь древнеберингоморского жилища 1 древнеэскимосского поселения Кивак (Чукотский полуостров)	250
<i>М. М. Бронштейн, И. М. Бронштейн.</i> Контакты морских зверобоев Чукотки и Аляски в I тыс. н. э. (по материалам Эквена и Пайпельгака)	263

AD MEMORIA

<i>И. И. Крупник.</i> «Лицом к морю»: Л. С. Богословская (1937–2015).....	282
---	-----

Д. Г. Андерсон, Я. П. Л. Луверс,

С. А. Шроер, Р. П. Вишарт

Кафедра антропологии, Абердинский университет,

Великобритания

e-mail: david.anderson@abdn.ac.uk

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АРХИТЕКТУРЫ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ, ЖИВОТНЫМ МИРОМ И ЛАНДШАФТОМ НА СЕВЕРЕ¹

Аннотация. Настоящая статья предлагает читателю посмотреть «с другой стороны» на понятие приручения посредством изучения вмещающей его архитектуры. На конкретных примерах и посредством анализа литературы мы привлекаем внимание к самоограничивающимся и реляционным характеристикам архитектуры на Севере, подчеркивающей взаимную автономию, а не ограничивающей ее. Этот подход ставит под сомнение укоренившиеся представления, согласно которым отношения приручения понимаются исключительно как отношения подчинения, или, в глубине души, взаимные или даже взаимовыгодные. Перенаправляя внимание на архитектуру приручения в ее материальном выражении, таком как привязи, загоны и ловушки, мы надеемся раскрыть обычно остающиеся без внимания свойства бытовых предметов. Мы предлагаем этнографически обоснованный подход, подчеркивающий многогранность способов, посредством которых стратегии контроля совмещаются со стратегиями заботы и комфорта. Возвращаясь к метафоре домуса, мы стремимся привлечь внимание к местам, в которых эти отношения формируются, связывая арктическую архитектуру с местами встречи. Статья опирается на обширные результаты полевых исследований, проведенных преимущественно в северной части североамериканского континента и на различных территориях Северной Евразии.

Ключевые слова: архитектура приручения, взаимная автономия, привязи, загоны, ловушки, Северная Евразия, стратегии комфорта.

Введение

Статья посвящена исследованию понятия приручения посредством изучения вмещающей его архитектуры. Оспаривая укоренившиеся представления, согласно которым отношения приручения понимаются исключительно как отношения подчинения, мы предлагаем вниманию читателя этнографически обоснованную модель, акцентирующую навыки обустройства, — с использованием тех знакомых и порой незаметных деталей, из которых часто создается домашняя среда (комм. 1). Приручающие вмеща-

тельства, таким образом, включают в себя стратегии контроля, но также и стратегии заботы и комфорта. Мы также утверждаем, что такие незаметные вмешательства часто можно увидеть посредством изучения некоторых выразительных предметов. Перенаправляя внимание на архитектуру приручения в ее материальном выражении, таком как путы, загоны и ловушки, мы надеемся раскрыть обычно остающиеся без внимания свойства бытовых предметов. Вместо того, чтобы утверждать, что одна уздечка, извлеченная из раскопанной неолитической стоянки, или огороженный загон в тайге «указывают» на жесткое доминирование человека над животным, мы приглашаем читателя посмо-

¹ Научный редактор перевода: Д. В. Арзютов.

треть на эти вещи по-новому, чтобы увидеть в них проявление архитектуры отношений.

Наши примеры происходят практически исключительно с территорий Севера — северной части североамериканского континента и Северной Евразии, — и тому есть несколько причин. Среди регионов мира, в которых изучалась история одомашнивания, наблюдается поразительное смещение фокуса в пользу признания таких территорий, как Ближний Восток, Китай или зоны умеренного климата американского континента так называемыми «очагами» приручения.

Доминирующая идея состоит в том, что одомашнивание — как если бы это было стандартным правилом — произошло однажды в конкретном месте, а затем распространилось на другие части света. Представление о том, как физически разные собаки, кукуруза или лошади колонизируют остальную часть планеты, представляется некоторым преувеличением, но при этом обладает сверхъестественной способностью закрепляться в умах как исследовательская установка [Gamble 2007; Terrell et al. 2003]. Арктика, напротив, традиционно оставалась местом, где заранее заготовленные одомашненные формы — даже если они туда попадали — по-видимому, никогда не приживались. Говоря словами такого маститого арктического этнографа, как Харви Фейта [1994], мир арктических охотников-собирателей часто представляет собой «абсолютный ноль» в отношениях между человеком и животными. Существует распространенное мнение, что арктические собаки были выведены где-то в другом месте, распространились на определенную территорию, а затем утратили свои отличительные особенности в результате скрещивания с волками [Lee et al. 2015; Mannermaa et al. 2014; Park 1987]. Аналогичным образом, северный олень и карibu, характерные виды северных широт, всегда оставались лишь «частично прирученными» или, в лучшем случае, объектами оленеводства, в отношении которых сохраняется постоянный риск интродукции [Larson and Fuller 2014, 118; Røed et al. 2014; Vigne 2011]. Северные одомашненные виды

всегда воспринимаются как гибриды и неточные копии лучших экземпляров чистых пород, встречающихся в других местах.

Для такой сохраняющейся в науке аномалии существует множество причин. Одной из них является тот факт, что до настоящего времени в этнографии очень мало внимания уделялось тому, как северное население, будь то коренные народы или пришлые сотрудники охотничье-промысловых хозяйств, взаимодействует с арктическими животными. На наш взгляд, важным аспектом представляется тот факт, что для местного населения на Севере больше характерны индивидуализм и относительная автономия в отношениях друг с другом. Это распространяется и на их отношения с домашними животными, где такая взаимно признаваемая этика относительной автономии по каким-то причинам создает ощущение меньшей зависимости, а следовательно, и меньшей прирученности/контролируемости животных. Это впечатление часто подтверждается данными остеологических или генетических исследований, показывающих меньшую степень расхождений между несколько произвольно определяемыми дикими и одомашненными популяциями собак, оленей или рыб. Мы полагаем, что такое отсутствие данных можно, на самом деле, считать маркером чрезвычайно устойчивого типа отношений между животными и человеком.

Такая преемственность в отношениях проявляется не в костях и телах — в процессе видообразования, — но в характеристиках среды, оберегаемой и людьми, и животными [Heu 2006; Mallet 2008]. Северная среда², в свою очередь, характеризуется своей невыразительной, но важной архитектурой. Именно в этом смысле мы привлекаем внимание читателя к особенностям архитектуры приручения в северных широтах — таким как привязи и загоны — как к указателям, ведущим к доместифициру-

² В оригинале используется термин *environment* во множественном числе, что предполагает множественность и полицентричность взаимодействий человека, ландшафта и живого мира. — Прим. ред. перевода.

ющим ландшафтам, где разумные существа встречаются и, таким образом, научаются приспособляться друг к другу.

В последнее время в литературе наблюдается большой интерес к вопросам доместикации, и исследование антропологии доместикации не стало исключением [Lien 2015; Stépanoff 2012; Stépanoff 2015; Willerslev et al. 2015]. Тон дискуссий преимущественно фундаменталистский, многие из авторов придерживаются мнения о том, что более внимательное изучение взаимодействий между человеком и животными может помочь излечить антропологию от присущих ей тенденций эволюционизма. Некоторые из работ носят на удивление иронический характер.

В значительной степени дискуссия ожидалась в результате попыток определения временных рамок периода экологического доминирования, известного как антропоцен, при котором доминирование оседлого образа жизни и промышленного производства воспринимается как, с одной стороны, порождение человеческой деятельности и, с другой, как нечто странным образом неизбежное [Cassidy 2012; Lövbrand et al. 2015; Moore 2016; Steffen et al. 2011]. Лесли Хэд [Lesley Head 2014], мягко критикуя этот подход, отмечал, что многие авторы, отходя от триумфалистского нарратива прогресса, сохраняют при этом его фаталистическую однолинейность. Этой тенденции вторит популярная в последнее время тема пост-человеческих/постгуманистических исследований, которые утверждают, что любые отношения, возможные между человеком и животными, — это всегда отношения доминирования и что, таким образом, действительно освободительной позицией должно быть продвижение идеи новых заповедников по типу защищенных крепостей, основанных на философии «эдемской науки»³ или «возрождения дикой природы»

³ Речь идет об одной из предпосылок в формировании научного дискурса, согласно которой исходной позицией существования человека было его нахождение внутри дикого ландшафта, подобно саду Адама и Евы (отсюда и происхождение термина «эдемская наука» («edenic science»). Эта

[Knight 2000; Linnell et al. 2015; Robbins and Moore 2013; Tsing 2013; Wuerthner et al. 2014].

В то же время в соседних лабораториях некоторые ученые, проведя повторный анализ генетической архитектуры видов, которые традиционно считались домашними, все больше склоняются в пользу сложных моделей взаимодействия, со-приручения, и истории отношений, когда некоторые животные мигрируют между физически измененными «домашними» формами и «дикими» или неприрученными формами без какого-либо обязательного единого источника [Larson and Fuller 2014; Vigne 2011; Zeder 2012]. При этом даже в этой обширной литературе часто также вновь вводится то же понятие анизотропности, только на ином уровне.

Одним из наиболее заметных недавних примеров является работа Мелинды Зедер [Melinda Zeder 2015], которая ограничивает употребление термина «приручение» ситуациями, когда контроль воспроизводства и забота одного организма по отношению к другому повышает взаимную «приспособленность» как приручающего, так и партнерского организма. Ее определение уникально и привлекательно, поскольку предполагает взаимовыгодные отношения. Однако оно опирается на старую идеологию, поскольку требует наличия измеримых «документированных» изменений физической и/или генетической формы растения или животного [Zeder et al. 2006]. Иронический характер этой дискуссии в разных научных дисциплинах распространяется на работы, открыто критикующие утверждение исключительности человека в рамках нарратива приручения. Хотя в некоторых из них и содержатся аргументы в пользу симметрии при описании действующих лиц и материальных комплексов [Olsen 2010; Witmore 2014], они часто непреднамеренно возвращаются к человеческой исключительности, приглушая «неверный тип не-человеческого», — показательным примером может служить субъектность действий разумных

точка зрения является довольно спорной, как авторы настоящей статьи и показывают. — Прим. ред. перевода.

животных [Ingold 2012, 429–31; Ingold 2013, 14–17]. Эти исследования, независимо от того, поддерживают ли они «новый материализм» [Bennett 2010; Witmore 2014], «новый анимизм» [Costa and Fausto 2010; Descola 2013] или какую-то из форм «онтологического плюрализма» [Holbraad and Willerslev 2007; Kohn 2015], как правило, защищают, возможно, непреднамеренно, представление о плоской вселенной, наивысшей точкой обзора в которой является позиция одинокого ученого.

Признавая уместность некоторых аргументов этих дискуссий, мы полагаем, что вследствие приверженности строгому методологическому подходу был упущен один очень важный момент. В то время как идея повсеместно равной субъектности может быть логически допустима, такой строгий подход приводит к описанию довольно голого ландшафта, где ни исключительно человеческие интересы, ни интересы соответствующих животных (или вещей) не нарушают сложную линию горизонта. Не настаивая на том, что человек является мерой всего, мы полагаем возможным представить себе более экологичное взаимодействие с миром — где вещи, животные и люди вместе привлекают внимание к значимым ситуациям. В настоящей работе мы используем этнографические примеры и сравнительный анализ с акцентом именно на таком переходном моменте — пространстве, в котором более чем одно животное создают совместное, благоприятное для жизни окружение (комм. 2).

Вмещающий ландшафт доместикации⁴ как конспецифический⁵ *домус*⁶

Существует несколько работ, подчеркивавших важность понимания ландшафтов,

⁴ В английском оригинале: *emplaced domestication*. — Прим. ред. перевода.

⁵ Конспецифический — термин, заимствованный из биологии и означающий принадлежность другого организма к тому же самому виду, что и рассматриваемый организм. — Прим. ред. перевода.

⁶ Термин *домус* является смыслообразующим для данной статьи. Для русскоязычного читателя

связывающих отношениями многие разные виды [Anderson 2014; Berkes 2008; Johnson and Hunn 2009; Terrell et al. 2003]. Мы утверждаем, что этот локус отношений можно удачно обозначить латинским корнем термина доместикация/одомашнивание — *domus*. Термин *домус* используется в самых разных контекстах, некоторые из которых довольно противоречивы. В последнее время он привлек внимание сторонников акторно-сетевой теории как синонима комплекса, в который помещены и где формируются отношения между животным и человеком [Lien 2015; Lien and Law 2016; Swanson 2016]. В более классическом контексте он широко использовался представителем теоретической археологии Яном Ходдером как своего рода структурирующая интуиция, характерная для европейского неолита [Hodder 1990; Hodder 1998]. В частности, Ходдер предположил, что доисторические европейцы структурировали пространство внутри загонных, возводили стены и крыши лишь после того, как они мысленно представляли себе символическое пространство, в котором то, что напоминало о доме⁷, отделялось от того, что было диким. Символический *домус* Ходдера критиковали как за то, что он исключал человека [Leach 2003, 358], так и за то, что он хирургически извлекал жилища из их контекста в рамках более широких параметров социальной среды [Davis 1992]. Более жесткой критике его теория подвергается со стороны литературоведения, где *домус* ассоциируется с «пасторальным» сельским идеалом, характерным для некоторых крайних форм национализма [Leach 1998; Lyotard 1988; Lyotard 1991]. Пуританский позитивизм этих критических работ побуждает нас за-

связь между *домом* и *доместикацией* с очевидностью отсылают к концепции обжитого пространства. В контексте настоящего исследования это обжитое пространство представляется не столько отграниченным стенами, сколько представляющим отношения, посредством которых возникает освоенное/одомашненное пространство. — Прим. ред. перевода.

⁷ Авторы используют понятие *homely* в значении любви, привязанности, тяги к освоенному пространству. — Прим. ред. перевода.

крывать глаза на один из типов сложной среды — среды людей, привязей, лесов, животных и ледников — и перенаправить наше внимание на другую, но не менее сложную тему. Вместо этого экологический подход мог бы сосредоточиться на том, как внимание разнообразных видов и предметов этого внимания начинают работать вместе в определенном окружении — конспецифическом *домусе*. Здесь не будет нужды в городском исследователе, который бы объединил интересы тысяч обитателей, или новом материализме, который бы выступал от имени собрания вещей. Во вступлении к своему авторитетному исследованию феномена приручения Ребекка Кассиди и Молли Маллинз [Rebecca Cassidy and Molly Mullins 2007, 14] привлекают внимание этнографов к пространству, в котором происходит приручение. В качестве примера, такими пространствами были бы не трапециевидные крытые загоны Ходдера, а долины, окруженные крутыми склонами, или простое веревочное ограждение, которые ненавязчиво, но эффективно ограничивают пространство во многих северных регионах. Если отойти от дуализма первоначального тезиса Ходдера — его исследования внутреннего/внешнего, мужского/женского, дикого/ручного — его поиск долговременной символической преемственности в специфических, совместно конструируемых средах сослужил бы нам хорошую службу в качестве метафоры для описания мест встречи арктических людей и животных.

Следует признать, что европейские языки плохо приспособлены для нахождения слов, соединяющих в себе представление о понятии места с ощущением того, как оно воспринимается разными видами. Напротив, многие языки коренных циркумполярных народов содержат в себе термины, обозначающие взаимное признание места множественностью думающих существ. Гвичины Северо-Западной Канады говорят о ландшафте вокруг них как о «стране» — что может восприниматься как интерпретация понятия *домуса*, признаваемого множеством существ [Wishart 2004, 81]. В своем классическом эт-

нографическом описании южного Юкона Кэтрин Маклеллан [Catherine McClellan 1975] использовала креольский английский, на котором говорило местное население, для описания охотничьих лагерей с милитаристской метафорой «штаб». Хорошо известно, что в традиции присвоения имен у инуитов присутствует смешение личностной идентичности и ландшафта с суффиксом *-miuit* [Collignon and Müller-Wille 2006]. У ненцев-оленьеводов европейской части Арктики есть уникальное значение слова *илеби*, которое может означать как дикого оленя, так и жизнь, жилище или «пожитки», — значение, подчеркивающее пересечение жизнеобеспечения и жилища. Восточно-сибирские эвенки называют удобные для охоты и выпаса места *бикит*, буквально: «место бытия», при этом в метафорическом смысле — место, где пересекаются интересы людей и животных [Brandišauskas 2012].

Такой плавный переход от бытия к месту иногда лучше показать на примерах. Константин Клоков [Klokov 2011] развил идею Гумилева о «кормящем ландшафте», применив ее для описания того, как поведение животных сплетается с социальными и экономическими целями человеческого населения Арктики. В своих подробных описаниях ненецкой практики разведения песцов он объединил знания, необходимые для поиска диких песцов в их географически очерченных местах обитания, со знаниями о том, как можно воспользоваться периодическими демографическими всплесками среди мигрирующих песцов, чтобы привлечь их в стойбище. В его рассказе ранние попытки разведения песцов, предпринимавшиеся кочевыми ненцами, воспринимались как развитие знаний, необходимых для нахождения их в часто посещаемых ими местах.

Одомашненные животные также могут становиться архитекторами ландшафта. В Северной Канаде вунтут-гвичины, которые держат ездовых собак, говорят, что сами собаки преобразуют вид стойбища, расчищая его от травы и кустарника летом. Собак держат на привязи, при этом они оставляют глубокие круговые борозды на земле. Эти

открытые пространства интерпретируются не как артефакты ограничения свободы, но как созидательное действие. Считается, что собаки сохраняют открытое пространство вокруг себя для того, чтобы иметь пространство для обоняния и зрения, чтобы лучше понимать местность вокруг себя.

Ландшафты, возделываемые животными, могут также включать в себя выстроенные, урбанизированные элементы. Бенте Сандсволд [Bente Sundsvold 2010, 2015], в ее многолетнем исследовании северо-норвежской практики «заботы о птицах» (*fulglepleie*), описывает, как люди выстраивают деревенскую среду с целью привлечения экономически значимых гаг. Многовековая практика изготовления пуховых изделий в Северной Норвегии строится на этике взаимного уважения, требующей от людей изменения их собственного поведения, а также выделения отдельных построек для диких водоплавающих птиц. Правильно выбранные места привлекают гаг в таких количествах, что в определенный сезон население поселка удваивается, становясь птичьим *домусом*.

Один из наиболее пассивных и слабо выраженных типов отношений, рыбная ловля, также требует глубокого понимания бытия и места. Успешная рыбалка требует хорошего знания подводной географии. Рыба не распределяется в реке равномерно по течению реки, равно как и в глубину. Часто в мутной воде северных рек она становится совершенно невидимой. Безусловно, рыбная ловля подразумевает экспериментальный подход; готовность перемещать сети и менять их глубину. При этом поверхность воды можно читать как ключ к тому, что скрыто под ней, и целью будет найти места, где рыба, по выражению одного из гвичинских старейшин, «чувствует себя совершенно как дома». Река меняет свою архитектуру в зависимости от времени года и от года к году, при этом природу таких изменений можно описать посредством языка ощущений. Поверхность реки замедляется, показывая, где находятся омуты, ускоряется, подобно реке в реке, показывая каналы, вскипает, указывая на подводные препятствия, и течет

Рис. 1. Собачья архитектура на рыбачьем стойбище на 8-й миле, р. Пил, Северо-Западные территории (Фото: П. Луверс)

вспять в местах образования водоворотов. Из всех характеристик поверхности крупные водовороты особенно важны, поскольку они привлекают большое количество рыбы, отдыхающей в заводях, и по ним гвичины находят хорошие места, где можно разбить рыбачье стойбище, — некоторые из таких стойбищ сохраняются в течение нескольких лет [Slobodin 1962, 58–59; Wishart 2014]. Обустройство стойбища было бы неполным без коптилен, сушильных рам, построек для собак и соответствующей собачьей архитектуры, описанной выше, — причем все это размещается в непосредственной близости от реки (рис. 1).

Водовороты связывают восприятия и поведение рыб, людей и множества других животных — от собак до ворон, орлов и чаек.

Отношения с животными и птицами посредством ландшафта также подразумевают восприимчивость к воздушному пространству. Сокольник должен следить за атмосферными условиями при взаимодействии с птицами. Как и для многих других форм бытовых практик на Севере, очень важно, чтобы птицы, используемые для соколиной охоты, сохраняли определенную степень автономии; чтобы они научились летать свободно, без каких-либо физических ограничений, но при этом все же не упускали из виду человека — помощника в охоте на земле. Соколиные охотники должны тщательно выбирать окружение, в котором они выпускают своих птиц, поскольку пе-

ремещение воздушных потоков в зависимости от погоды, а также структура и формы ландшафта могут в значительной степени управлять их взаимодействием. Таким образом, совместная работа с птицей в полете требует постоянной настройки на способ существования их птиц, все время взаимодействующих с постоянно меняющимися условиями среды, в которую они помещены.

Различные формы сельской архитектуры в Восточной Сибири следуют тому же принципу не отделения животных от людей, но построения отношений. Владимир Давыдов [Давыдов 2014а, 2014б] описывает архитектуру оленеводов как «социальные рамки», которые не только не отделяют людей от животных, но и помогают повысить интенсивность и эффективность их взаимоотношений и социализации. По его словам, разборные строения не сооружаются на постоянной основе, а все время поддерживаются и подгоняются в процессе приспособления их к погодным условиям и ландшафту. В отношении забайкальских эвенков он привлекает внимание к «узким местам», которые часто выбирают оленеводы, где скалистые склоны служат естественными границами, объединяя людей и животных и способствуя большей близости и дружеским отношениям между людьми и животными. При этом он предупреждает, что таежные жители, будь то люди или животные, не привязаны к одному узкому месту. Напротив, им известно множество мест на обширной территории, некоторые из которых имеют природные ограждения, а другие необходимо дополнять изгородями или дымокурами. Таким образом, архитектура оленеводства представляет собой форму прагматического учета окружающей среды, которая не может быть отделена от нее.

Привязи и веревочные конструкции как элементы социальной инфраструктуры

В одном из наиболее сильных исследовательских высказываний по вопросу отношений человека и животных Тим Инголд

[Ingold 1994; 2000, Ch. 4] выявил различие между доверием и подчинением. Он высказал противоречивую мысль, переворачивающую неолитический стереотип, согласно которому охотник был диким потребителем плоти животных, а скотовод заботливо культивировал свое стадо. В его зеркальном представлении скотовод отрекается от доверия и отрицает автономию своих подопечных. В одном из, пожалуй, наиболее широко цитируемых примеров эта инверсия заботы иллюстрируется орудиями скотовода: «орудия скотоводства в отличие от орудий охоты — это орудия, скорее, контроля, чем узнавания: они включают в себя кнут, шпоры, узду и путы, все они предназначены либо для ограничения, либо понуждения к движению через применение физической силы, а иногда и причинение острой боли» (Ingold 2000, 73). Знаменитая инверсия Инголда привлекла внимание к изоциренным механизмам взаимодействия охотников с окружающей их средой, при этом она имела, возможно, непреднамеренные, последствия превращения материальных атрибутов скотоводства в недвусмысленные символы превосходства человека (в отношении противоположных аргументов см. [Oma 2010; Knight 2012]). Как может стреноживание или обуздание служить выражением каких-либо иных намерений, помимо ограничения горизонта свободно перемещающегося существа?

В руках неловкого оленевода, возможно, ученика-антрополога, узды или лассо действительно могут вызвать значительный стресс у животного. Однако это вовсе не неизбежность. Во многом, подобно классическим диалогическим предметам философской традиции — будь то молоток Хайдеггера или трость слепого у Мерло-Понти, — при правильном обращении с ними предметы становятся продолжением выражения намерения, как и, в некоторых случаях, силы, по меньшей мере, одного разума. Лассо может служить выражением желания оленевода прикоснуться и направить внимание животного-компаньона, точно так же, как оно может использоваться

для сдерживания непокорного животного. Аналогичным образом соколиный клобук можно использовать для формирования локального окружения, возможно, ограничения свободы, но также и для успокоения и защиты. При правильном использовании они становятся незаметными и приобретают свойство, которое Хайдеггер мог бы назвать «незаметным подчинением» [Braver 2014, 45]. Вместо того, чтобы восприниматься, в лучшем случае, как средства предъявления ультиматума, клобуки⁸ и привязи подобны другим «скучным вещам», формирующим инфраструктуру построения отношений [Star 1999; Star and Ruhleder 1996]. Они ненавязчиво помогают двум конкретным персонажам сфокусировать свое внимание на одном проекте, нацеленном на преуспевание в конкретном месте. В окружении множества существ и звуков — ветра, летящего над головой самолета, или скрипа деревьев, обожженных лесным пожаром, — эти социальные инфраструктуры помогают двум существам не отвлекаться и сосредоточиться на выполнении текущей задачи.

Небольшие таежные оленеводческие хозяйства служат тому хорошим примером [Beach 1981; Ingold 1980; Василевич, Левин 1951]. В пределах летнего стойбища основные домашние животные (олени, собаки, лошади) приучены к стойбищу, но не подчинены воле человека — или, во всяком случае, не подчинены в смысле подавления или ограничения их инициативы и диапазона перемещений. Хотя в каждом стойбище и в каждом регионе существует сложный годовой цикл. Типичный день из жизни оленевода представляет собой пробуждение, утренний чай, а затем выход в лес, чтобы собрать животных и «привести их назад домой». По прибытии в стойбище, где может быть или не быть огороженный олений загон, оленям предоставляется какое-то время, чтобы отдохнуть и покормиться. Оленеводы

в это время могут спокойно и медленно бродить по стаду, собирая оленей в упряжку. Некоторые «обученные», хорошо приученные животные могут позволить знакомому оленеводу приблизиться и дать увести себя. Других надо приманивать или ловить. Однако даже в самых крайних случаях в этих часто посещаемых стадах, как только лассо заброшено и касается животного, олень часто внезапно останавливается, не борется и терпеливо ждет приближения оленевода. Лассо в этих случаях служит для сообщения о том, что конкретный олень вызывается из сообщества оленей, чтобы принять участие в выполнении определенной задачи в рамках сообщества конспецифического *домуса*.

Из этого гармонического принципа, конечно же, есть исключения. Внутри хорошо приученного стада лассо может случайно захватить годовалого теленка — молодое, наивное, «необученное» животное, — и в этом случае перед оленеводом встает дилемма — как освободить животное и лассо, не сломав ногу молодому животному. В тайге, площадь которой сокращается вследствие развития добывающих отраслей и роста городов, еще встречаются стада, в которых олени не так хорошо приучены к своим хозяевам-людям или в которых оленеводы часто отсутствуют. В этих случаях процесс отлова животного с помощью лассо может быть сопряжен с большим сопротивлением, или даже может потребоваться винтовка, чтобы добыть совершенно дикого члена стада. Классический пример отлова одичавшего и нервного животного приводится Инголдом [Ingold 1993]. Здесь лассо, которое уже стало на тот момент редким орудием у финских саамов, использовалось как инструмент для демонстрации как умения оленевода, так и средства отлова непокорного, полудикого оленя. В такой индустриализированной среде орудия оленеводства служат, скорее, классическими примерами подчинения, поскольку отношения между людьми и оленями становятся напряженными. Таким образом, орудия используются для их восстановления.

⁸ *Hood* (англ.), клобук — кожаный колпачок, который надевают на голову ловчего сокола. — Прим. ред. перевода.

Оленеводы-эвенки, как правило, говорят не о «приручении» оленей, а скорее, об их «обучении». Об обученном олене также говорится как о «знающем веревку» — при этом слово «знающий» употребляется как широкая категория, ближе по значению к «понимающий», чем к «подчиняющийся». В среде, где люди и олени хорошо понимают друг друга, материальные артефакты связывания — будь то лассо, надевающаяся на голову упряжь или ошейник — могут использоваться как указатели направления или концентрации внимания на выполнении совместной работы. Оленевод, приученный к животному, и животное, «знающее веревку», не будут бороться друг с другом. Привязь позволяет человеку задать ощущение среды — микроэкологии — для пребывания или существования в течение какого-то времени вместе в ограниченном пространстве. Эти отношения не строго симметричны, как и многие другие. В то время как олени, конечно же, сопротивляются и тянут упряжь назад, они, как правило, не позволяют людям запрячь себя, чтобы затем направить их к тем местам, куда нужно им. При этом оленеводы часто бывают привязаны к своим оленям в более общем смысле. Если в тайге люди вынуждены перемещать свои стойбища от сезона к сезону, чтобы сопровождать своих оленей к местам, где они чувствуют себя наиболее комфортно, в открытой тундре людям иногда бывает трудно угнаться за животными, которые перемещаются на новые пастбища каждые несколько дней. В этом смысле судьба людей привязана к благополучию стада.

Такого рода коллективная связанная судьба построена на отношениях и метафорична. В археологической литературе она документирована и описана как «следование за стадом» северо-американских народов инуитов и дене, которые сопровождают так называемые «дикие» стада карибу, совершающие миграции, аналогичные по масштабу и стилю миграциям одомашненных стад евразийской тундры [Gordon 1990; Gordon et al. 1990]. Более ярко та же мысль была выражена Шарлем Степановфом [Stépanoff 2015],

Рис. 2. «Связанная» триада «человек – олень – собака» (Фото: В. Давыдов)

который использовал пример «Оленьей Революции» для описания момента, когда люди вынуждены пытаться понять инстинкты и «желания» животных, вместо того чтобы силой склонить животных к участию в их собственных жизненных планах.

Существуют менее эпические, но столь же прозаичные примеры физических перевезей, делающих возможным общение между отдельным человеком и отдельным животным. Часто можно слышать истории о том, как оленевод был доставлен назад в стойбище вожаком своего стада в ситуациях снежной бури, когда дорога становится совершенно невидимой, или если оленевод теряет дееспособность в результате травмы или опьянения. У лесных эвенков-скотоводов, пожалуй, нет лучшего примера коммуникативной связи, чем охотничья триада «человек – олень – собака» (рис. 2). В Восточной Сибири многие жители тайги держат оленей для использования их в охоте на соболя. В этой охотничьей триаде охотник с мелкокалиберной винтовкой выезжает верхом на олене в начале зимы с охотничьей собакой, привязанной сбоку к седлу. Собака ведет триаду, выслеживая соболя по запаху. Когда она обнаруживает соболя, человек отпускает собаку, которая идет по следу зверя, пока не обнаруживает его на дереве. Затем к ней присоединяется команда из человека и оленя. Человек стреляет соболя, отдавая мясо собаке и забирая себе шкуру.

Веровка, соединяющая триаду, сначала позволяет собаке вести человека и оленя, а затем человеку вести оленя. Более того, сам акт привязывания служит для оленя сигналом того, что предстоящей задачей будет охота в лесу. В голове оленя это противопоставляется его ежедневному выпасу, когда тот же олень бежит от той же самой собаки до тех пор, пока его спины не коснется лассо.

У гвичинов сложились обратные отношения между животными и привязями. В этом регионе Канадской Арктики собак обычно держат на привязи, что связано с давней историей колониального управления местных поселений правительственными властями (комм. 3). Тем не менее, гвичины, воспринявшие эту официально установленную практику, не говорят о ней как о форме подчинения, а, скорее, как об удобном способе «держания собак поблизости». Они воспринимают это как форму заботы, при которой люди следят, чтобы собаки чего не натворили или не стали бы добычей волков. Гвичинские каюры часто говорят, что «собаки работают на них, а они работают на собак». В качестве примера, в процессе приучения молодых щенков к упряжке, щенка привязывают к более опытной собаке, чтобы он «научился бежать». Здесь также акцент делается на обучении и понимании задачи, которую предстоит выполнять. Работа в упряжке — это в такой же мере межсобачья педагогика, как и межвидовые отношения между человеком и собакой.

В случае соколиной охоты, привязи, поводки и так называемая приманка являются неотъемлемыми элементами посредничества и структурирования сотрудничества между человеком и птицей. Попытки интерпретировать их как простые орудия подчинения не позволяют увидеть «средства коммуникации» [Schroer 2015], позволяющие человеку и птице проявлять внимание друг к другу. Птицы учатся интерпретировать разные формы привязей в соответствии с контекстом, в котором они применяются, и их значение меняется со временем и накоплением опыта. Чтобы фиксировать птиц,

охотники пользуются так называемыми ножными путами — тонкими кожаными полосками, изготавливаемыми из мягкой, но прочной кожи, — и коротким поводком, прикрепляемым к таким путам. Для привязывания птицы к руке или шесту используется специальный «сокольничий узел». Он дает возможность завязать его одной рукой и обеспечивает надежность, и в то же время его можно легко и быстро развязать, чтобы освободить птицу без «лишней возни».

Молодые, неопытные и необученные птицы содержатся на привязи большую часть времени, пока они медленно приучаются к охоте в присутствии людей и в их окружении. Пока птицы еще не стали ручными и не привыкли к новому окружению, считается, что их безопаснее держать на привязи, чем оставлять несвязанными в замкнутом пространстве, где они могут подвергаться риску причинить себе вред (т. е. сломать перья). Акт связывания, аналогично использованию клобука, становится рамочным приспособлением, сообщаящим о намерениях сокольничего, которые птицы учатся интерпретировать в зависимости от рода деятельности, в которых они применяются.

Структурирование движения через привязывание включает в себя и людей, которые учатся дисциплинировать поведение своего тела по отношению к птицам и должны в значительной степени контролировать и сдерживать себя, чтобы установить связь с птицей. В частности, когда сокольничий несет птицу, привязанную к его перчатке, его задачей является обеспечить покой и отсутствие стресса для птицы. В этом отношении охотники часто говорят, что на первом месте всегда должен стоять комфорт птицы, и именно охотник должен приспособлять свои движения и позы к потребностям птицы, чтобы обеспечить такой комфорт. Это поведение также включает в себя постоянное внимание к более широкому окружению, в которое помещены человек и птица, поскольку сокольничий должен развить в себе умение предвидеть реакции птицы на такие факторы, как шумы, движения,

смена направления и силы ветра, и т. п., чтобы обеспечить спокойное путешествие птицы у себя на руке.

Эти примеры приведены, чтобы показать, что инструменты приручения — и особенно, те, которые используются на Севере, — не могут функционировать или, по крайней мере, не работают так, как они могли бы, когда они служат инструментами навязывания воли человека-хозяина. Они могут использоваться для ограничения или подчинения, но в большинстве случаев они объединяют людей и животных. Они ограничивают движение как животного, так и того, кто намеревается их контролировать, и, таким образом, в какой-то степени формируют окружение, в котором эти двое совместно работают. При правильном использовании они обладают качеством ненавязчивости, что, вероятно, способствует тому, что они остаются незамеченными в литературе. Без привязей, упряжи и лассо окружение может до такой степени нарушить внимание и концентрацию на действии, что ни животное, ни человек не смогут обеспечить свое благополучие. Таким образом, эти орудия выступают в роли социальных инфраструктур, определяющих пространство, в котором люди и животные сотрудничают.

Загоны: структуры комфорта и контроля

Помимо веревочных конструкций, загоны представляют собой наиболее архетипический тип структур, производящих впечатление контроля и ограничения свободы. Они часто строятся из тяжелых материалов, не менее часто снабжены решетками и выглядят как тюрьма. В антропологической литературе загоны занимают особое место. Они формируют границы, отделяющие домашнее от дикого [Hodder 1990], и часто служат указанием собственности и владения [Ingold 1980; Khazanov and Schlee 2012]. Во многих умеренных климатических зонах это чаще всего постройки, которые могут использоваться для разведения животных — маркеры животноводства.

Изгороди и загоны используются в разных формах по всему Северу, но хотя они и напоминают внешне структуры контроля (решетки, границы, маркеры земельных участков), в большинстве случаев, как и в ситуации с путями, их структурирующие аспекты второстепенны. Наряду с общими свойствами конспецифического *домуса*, описанными выше, животные в них не лишены свободы, в той мере, в какой это не препятствует их поведению как автономных действующих лиц в окружающей среде — качеству, к которому стремятся как люди, так и животные, и даже, как говорят, сама окружающая среда. Их нужно регулярно кормить и заботиться о них иным образом, при этом такая забота в конечном итоге снижает их способность к самостоятельному поиску корма.

Качества связывания, контроля и владения в большинстве циркумполярных контекстов слабо сочетаются с прагматическими аспектами архитектуры животноводства. Как мы видели на приведенных выше примерах, сами структуры призваны подчеркнуть и улучшить структурирующие свойства ландшафта и часто воспринимаются, скорее, как продолжение окружающей среды, а не отделение от нее. В остальном люди предпринимают все усилия, чтобы сделать загоны комфортными и привлекательными для отдельных животных.

Примером могут служить таежные оленьи корали — как правило, это большое округлое пространство, огороженное параллельными горизонтальными деревянными шестами, используемое для выполнения определенной краткосрочной задачи [Чарнолусский 1931; Туров 1990; Василевич 1961]. Сортировочный кораль используется многими крупными эвенкийскими таежными оленеводческими хозяйствами, как правило, в редколесных или высокогорных районах Восточной Сибири. 40–60-метровый в диаметре кораль становится промежуточным пунктом в ежедневном жизненном цикле для стада до 100 животных. Оленей заманивают в кораль с помощью соли, которой им не хватает поздней весной и в начале лета.

Рис. 3. Ненецкое лассо, выполняющее роль загона
(Фото: К. Клоков)

Позже в течение лета их привлекают запахом дыма, что обещает им освобождение от насекомых. После того как животные заходят в кораль, ворота за ними закрываются. Внутри могут проводиться различные операции — от ветеринарных до обучения или отбора оленей в упряжь. Обычно животные проводят в корале не более нескольких часов — это достаточное время для того, чтобы жара спала, и их можно было выпустить на свободный выпас в окрестных долинах прохладным вечером. Хотя некоторых отдельных «диких» животных и приходится загонять в кораль, большая часть стада признает и воспринимает эту структуру «домом».

К некоторым оленьим загонам слово архитектура может быть применено с большой долей условности. В тундре, где ландшафт полностью лишен деревьев, кустарника и вообще каких-либо вертикально стоящих структур, самая незначительная преграда может стать барьером. Ненцы-оленьеводы полуострова Ямал, как те, кто работает с крупными, активно мигрирующими стадами, так и те, кто держит небольшие стада, могут использовать для формирования загона простую веревку (рис. 3). Обычно используется несколько нарт, или же группа людей может просто растянуть лассо между собой, формируя тонкую линию, которая для глаза, привыкшего к открытому

горизонту, выглядит как барьер. Несмотря на свое превосходство в количестве и силе, олени собираются вместе и не пересекают черту этого временного «строения», пока люди выполняют свои задачи⁹.

Так же, как и в других случаях, этот веревочный загон используется в течение ограниченного времени, и животные вскоре отпускаются на свободу, пока не наступит пора снова привести их домой. Следует отметить, что многие оленеводы собирают своих оленей, вообще не пользуясь никакими загонами, хотя это возможно только в отношении более мелких и более активно прирученных стад. Часто более мелкие группы оленей возвращаются домой к безопасности и комфорту соли и дыма и счастливо проводят там свои дни без использования какого-либо загона или ограды. В Саянах для привлечения и удержания оленей оленеводы также используют человеческую мочу [Stépanoff 2012]. Архитектурные аспекты этих структур ограничиваются конструкцией и размещением дымокуров, кормушек или открытых корней деревьев, которые служат в качестве сосудов для соли или предоставлением тени. В очень немногих случаях в Южной Сибири можно встретить логическую противоположность оленьему загону. Некоторые оленеводы-эвенки строят изгородь вокруг своих чумов, чтобы защитить личную жизнь людей от любопытных животных, которые свободно пасутся вокруг стойбища (рис. 4).

Во всех этих примерах само слово «загон» употребляется, скорее, в ироническом, чем в описательном смысле. Это не «перекры-

⁹ К этому описанию можно сделать одно дополнение, которое не только подтверждает аргумент статьи, но и показывает инверсивность между телом животного и созданием архитектуры domestikации. Ненцы севера Ямала используют рога оленя, которые закапывают в снег, и уже к ним прикрепляют палки, к которым в свою очередь привязывается веревка — *пелей иня*, — которая отходит от коралья и позволяет координировать движение оленей во время загона в кораль (*ёрколава*). Таким образом, здесь происходит удивительное продолжение оленьего тела в создании подобных конструкций. — Прим. ред. перевода.

Рис. 4. Чум оленевода, окруженный изгородью
(Фото: В. Давыдов)

вающие» типы архитектуры, а, скорее, примеры вмещающей комфортной среды, в которой в каком-то смысле животные и люди ищут общества друг друга — физическая среда для конспецифического *домуса*.

Метафора построения товарищеских отношений сильнее выражена в этнографии соколиной охоты. По мнению Сары Шроер [Schroer 2015, 86], в исследовании практики соколиной охоты понятие подчинения животного/птицы человеку, в смысле укрощения его воли, ошибочно и не отражает представления о приручении как о взаимном процессе, что подчеркивается всеми специалистами по соколиной охоте. Один охотник очень ясно это сформулировал, когда сказал: «Если вы хотите, чтобы ваша птица хорошо к вам относилась и сотрудничала с вами, ее нужно тренировать умением, а не силой». ...Быть «настоящим» сокольничим, значит обладать хорошими навыками и работать, исходя из некоего представления об идеале, который состоит в том, чтобы посредством приручения хищной птицы создать основу для товарищества.

Соколиный клубок — то, что, на первый взгляд, выглядит, пожалуй, одним из ярко выраженных инструментов контроля, — представляет собой тип ограждения, помогающий сконцентрировать внимание в межвидовом общении (рис. 5). Клубок, который вначале представляется пугающим,

незнакомым предметом, становится, благодаря постоянному использованию в разных ситуациях, желанным укрытием от отвлекающих и тревожных видов. Он также становится устройством, задающим рамки деятельности, надетый на голову сокола, он говорит о начале выезда на охоту, а его снятие говорит о скором наступлении времени свободного полета и охоты. Таким образом, в этом смысле материальные артефакты, интегрированные в повседневную жизнь, структурируют социальное взаимодействие между людьми и животными через понятия комфорта и безопасности, а не насилия или угрозы.

Ловушки как места встреч

Образ ловушки, вероятно, как никакой другой вызывает в воображении стереотипы и опасения, связанные с человеческой исключительностью. В рамках антропологии Паскаль Бойер [Boyer 1988], Альфред Гелл [Gell 1996] и Пьер Лемоннье [Lemonnier 2012] привлекают к ним внимание как к местам, где коварство человека воплощается в конструкциях, способных перехитрить животное. Согласно программному высказыванию Гелла [Gell 1996, 22], ловушка, как произведение искусства, «воплощает сложные, требующие внимания интенциональности», и заслуживает внимательного изучения. Для Лемоннье [Lemonnier 2012] ловушка на утря представляет собой будоражащее воображение и богатое символикой место, где ритуальные миры дуалистически сосуществуют с материальной эффективностью, воплощая собой то, что он называет «резонансом». Удивительным в этнографии изготовления ловушек, как, вероятно, и в самих отношениях приручения, представляется то, как изобретательность и подчинение увязываются в единый эвристический клубок. Механизм самой ловушки представляется как фиксированная структурная форма, изначальным предназначением которой является обман. Еще более удивительно то, насколько неглубоки этнографически эти

Рис. 5. Сокол перед вылетом с клобуком на голове для защиты от отвлечения внимания (телеметрический приемник на шее будет потом помещен на «хвостовое крепление» на спине) (Фото: С. Шроер)

три классических примера, с их быстрым переходом от описания места и формы к обсуждению искусства и ритуала, оставляя без существенного внимания прагматические задачи установки серии ловушек или необходимости починки, настройки и приспособления этих устройств к конкретным условиям.

В контексте нашего исследования часто бывает очень трудно отличить ловушку от веревочных конструкций, выгородки или, в действительности, самой среды, в которую она помещена. Ловушка лучше всего интерпретируется как один из вариантов конструкций в ряду различных северных архитектур приручения. Как пишет Тим Инголд [Ingold 1993, 110], для финского саамского оленевода не существует большой разницы между оленьим лассо *suorunki* и силком или ловушкой: «лассо становится силком, если его поставить, и силком превращается в лас-

со, когда его бросают». В его описаниях разница между ними состоит в намерении или уровне мастерства оленевода. Как уже говорилось выше, загон для оленей не привлечет и не удержит оленей, если не сделать его привлекательным, комфортным и не снабдить своего рода «приманкой» в виде соли, мочи или дыма. Даже более преднамеренные пересечения человека и животного посредством веревки или лассо требуют знания местности и окружения, чтобы быть эффективными. Также может иметь значение тот факт, что эти структуры во многих контекстах лингвистически не обозначены как орудия обмана. В языках коренных народов существует множество слов для каждого процесса. По всей Сибири устаревшее русское слово *пасть* в значении деревянного устройства для приманки и захвата животного делает акцент на идее заманивания. Более классический термин *ловушка* бук-

важно переводится, скорее, как «устройство для ловли», чем как средство обмана.

Как отмечают некоторые комментаторы, в частности Гелл [Gell 1996, 27], приманивающие выгородки структурируют время особым образом. Они эффективны и полезны, поскольку тому, кто их поставил, не нужно постоянно находиться на месте. Конструкция или механизм сработают в отсутствие снарядившего их человека, который может тем временем заниматься другими делами. Это можно описать как своеобразную форму измененной темпоральности, когда умелый охотник — разработчик конструкции — способен читать и предвидеть перемещения животного заранее и построить конструкцию, чтобы удержать его. В этих случаях его или ее искусство овеществляется в чисто физической конструкции, которой можно восхищаться. Такая интерпретация склонна чрезмерно превозносить человеческую интуицию. Другой, более плюралистической интерпретацией конструкции приманивающей выгородки может быть своего рода понимание окружения, в котором животное чувствует себя комфортно. Ловушка, таким образом, может пониматься как устройство для обеспечения встречи — в этом случае это в большей степени комфортное место, чем искусно выстроенное «ядро интенциональности».

Гвичинские звероловы, например, говорят не только о конструктивных особенностях конкретных ловушек, но, более того, рассказывают, что удачная охота требует особого понимания того, в каких местах животным хотелось бы быть. При этом это далеко не всегда означает скрытное поведение и старание не оставить следов присутствия человека. Некоторых животных притягивают места, в которых люди оставили то, что выглядит очевидным архитектурным изменением ландшафта. Один из примеров — это помещение силка или ловушки внутри небольшого специально построенного укрытия; считается, что животные заходят туда из любопытства, потому что воспринимают его как возможный дом, или, может быть, чтобы воспользоваться возможностя-

ми, предоставляемыми людьми в их жизненном мире. Например, росомахи исследуют западни из валежника, поскольку, как говорят, они узнают их как нечто, построенное человеком, и ищут то, что люди могли оставить после себя, с этой целью они даже идут по следам человека. В Восточной Сибири медвежьих капканы специально строятся в виде бревенчатых хижин.

Из всех животных, на которых ставят капканы на Севере, водные грызуны строят наиболее узнаваемые дома. Ондатры строят настоящие жилища, или «хатки». Бобры даже изменяют течение рек, чтобы создать запруды, отвечающие их представлениям о хорошем доме. Звероловы должны работать с тем, что они знают о предпочтениях этих животных для того, чтобы с ними встретиться. Несмотря на возможность установки капканов вдоль известных путей миграции животных в поисках пищи, более продуктивно ловить их, зная архитектуру их жилищ и устанавливая ловушки под водой, там, где они выходят из своих нор в воду и обратно. В этом случае идея состоит в том, чтобы встретить животное, полагаясь на его собственное представление о комфорте, в противовес привлечению его с помощью приманки или возбуждая его любопытство и желание исследовать искусственное строение.

Звероловный промысел, пожалуй, в большей степени, чем любой другой способ охоты, часто представляется как жестокий, варварский, причиняющий большие страдания и свидетельствующий о бездумном отношении к животным. Соответственно, звероловов представляют как ленивых, жадных, отсталых и недалеких [Wenzel 1991]. Такие представления не учитывают вдумчивого и многостороннего взаимодействия с жизненным миром животных и скрывают глубокий философский подход зверолова, пытающегося представить себе дома других и предвидеть правильность такого понимания. Звероловы рассказывают, как они часто лежат ночью без сна, сомневаясь, было ли их приглашение успешным, будет ли там бобр

чувствовать себя комфортно, пытаясь увидеть ловушку глазами своей добычи, и наконец, стремясь пойти проверить ловушки, чтобы убедиться, что они сработали, — как говорил один гвичинский зверолов: «От этого никогда не устаешь».

Отлов хищных птиц для соколиной охоты также помогает дополнить набор различных экологических знаний, необходимых для правильной установки ловушки. Ловля диких хищных птиц на пути их миграций исторически практиковалась преимущественно в России и Скандинавии, где профессиональные ловцы отлавливают птиц для продажи любителям соколиной охоты или коллекционерам. В отличие от капканов, используемых для ловли пушных животных или дичи, ловушка на сокола должна быть такой, чтобы не причинить птице какого-либо вреда. Ловушка, как отмечал Инголд [Ingold 2003, x], может в этом случае восприниматься как «своего рода история наоборот, воплощая в своей конструкции рассказ о движении и поведении целевого животного». Мастерство ловца, «выдерживающего птицу с неба», требует понимания взаимодействия между разными птицами и животными, а также постоянно меняющихся условий окружающей среды [Bodio 1984]. Ловушки на сокола, кроме того, предполагают использование других животных, либо в качестве приманки (например, голубей, сов и ручных ястребов), либо «сторожей», по поведению и выкрикам которых ловец узнает о приближении хищной птицы (например, сорокопуд) [Lascelles 1971]. Вместо того, чтобы представлять эти ловушки как выражение превосходства человека, как, например, предлагает Гелл, охотники, практикующие соколиную охоту, говорят, что их действие основано на удаче. Конструкция ловушки, таким образом, является не результатом продуманного плана, а, скорее, должна пониматься как импровизационная конструкция, которая может «сработать», только если будет поставлена в правильном месте конкретного участка с учетом поведения и реакций множества разумных существ.

Заключение

Этой статьей мы хотели заставить читателя посмотреть по-новому на отношения между человеком и животным и архитектуры приручения, существующие на Севере. Посредством примеров и критического анализа литературы мы привлекаем внимание к самоограничивающему и акцентированному на отношениях качеству северных архитектур, призванных подчеркнуть взаимную автономию, а не ограничивать ее. По нашему мнению, некоторые из этих инфраструктур настолько скромны, что иногда требуется прилагать усилия, чтобы обратить на них внимание. Возвращаясь к метафоре *домуса*, мы призываем обратить более пристальное внимание на места, в которых такие отношения развиваются, и на то, как характер этих мест определяется часто неприметными устройствами, объединяющими людей и животных. Используя примеры из жизни оленей и оленеводов, собак и каюров или соколов и сокольников, мы расширили наш анализ материальной культуры, включив в него примеры арктической архитектуры как мест встречи.

Примеры циркумполярных практик приручения традиционно оставались на обочине дискуссий о том, как люди и животные подходят к построению общего мира. Легче всего было бы сослаться на то, что этнографические свидетельства из таких мест довольно малочисленны по сравнению с другими регионами, но мы полагаем, что такие несколько менее рестриктивные примеры пуг, загонов и ловушек указывают на возможность существования столь же сложных отношений в других частях мира. Наш краткий этнографический обзор этого региона дает основания предположить, что архитектуры приручения здесь и, возможно, также в других местах, часто лучше характеризуются тем, как они способствуют общению, чем их способностью разделить людей и животных по разным сферам. Далее мы полагаем, что экологичное представление контекста, возможно, не менее важно для понимания того, как ловушка может «работать» или

лассо «ловить», чем описание изоцированной интуиции человека — каюра, оленевода или сокольника. Напротив, наш акцент на архитектуре признает разумность и внимание людей и животных наряду с предметами, одушевляющими места их проживания. В классической работе Ходдера о *домусе* высказывалось предположение о том, что интуиции разделяющего пространства возникли в воображении неолитических европейцев задолго до того, как они физически выстроили эти пространства с помощью стен и изгородей. На основании этого исследования теперь можно задаться вопросом, как стены, изгороди и пути в те давние времена на территории Европы могли служить структурами общения, или как пространственная интуиция могла присутствовать в умах животных, или в возможностях, предоставляемых материалами, в то же время, когда она зарождалась в умах людей.

Это сравнительное исследование также поднимает вопрос о широкой распространенности моделей человеческой исключительности в антропологии и смежных дисциплинах. Глубоко иронично, что группы ученых пытались симметрично или существенно переосмыслить онтологические идеи лишь с тем, чтобы заново прочертить те же самые разделительные линии, исходя из тех же допущений, которые они сознательно пытаются устранить. Есть нечто необъяснимое в том, как этнографические описания, по крайней мере, на европейских языках, иногда считаются убедительными, только если они подтверждают в первую очередь основные догадки рассказчика, а не место и обстоятельства действия. Критические, политически обоснованные описания имеют право на существование. При этом этнографически ориентированный нарратив должен иногда выходить за рамки исследовательских проектов симметрии и равенства, чтобы объяснить, как множество действующих лиц могут сотрудничать в ассоциативном контексте, создавая условия для повседневной привычной жизни. Необъяснимая потребность сместить акцент с дома, описывая его как место подчинения,

или домашние отношения, как отношения контроля, уводит наше внимание вовне, где мы открываем все новые и, возможно, политически более корректные контексты. При этом мы также обедняем наш словарь, когда пытаемся писать о среде, которую оленеводы, каюры и охотники с соколами вместе со своими животными воспринимают как дом. Важной частью этого исследования является попытка вновь привлечь внимание к *домусу* как месту, которое не обязательно является ни наивно уютным, ни спартански контролируемым, — но, вероятно, представляет собой смесь всех этих качеств.

От авторов

Полевые исследования и последующий анализ были выполнены при финансовой поддержке гранта Европейского совета по научным исследованиям 295458 Арктический *Domus*. Мы выражаем нашу признательность Робу Лозею, Бенте Сандсволд и Константину Клокову за их комментарии к рукописи этой статьи.

Комментарий

1) Понятию «домашний/обыденный» соответствует *huiselijk* в голландском и *heimlich* в немецком языках, которые, в свою очередь, тесно связаны с идеями Мартина Хайдеггера [Krell 1997; Leach 1998; Withy 2015]. Без углубления в изучение связи между хайдеггеровским понятием «жуткий» *unheimlich* и понятием «домашний», достаточно будет сказать, что мы здесь подчеркиваем обыденность, как свойство места встречи разумных существ, которое иногда воспринимается как само собой разумеющееся, а потому незаметное и неромантическое.

2) В этой статье мы используем широкое определение Севера, включающее в себя север европейской части Евразии. Приведенные нами этнографические примеры основаны на многолетних полевых исследованиях каждого из авторов в следующих регионах: места поселений гвичинов, Северо-Западные территории, Канада [Anderson

1985–1987, 1996–1998; Loovers 2005–2008, 2011–2014; Wishart 1998–2003; 2014], деревня вунтут-гвичинов, Олд-Кроу, Юкон [Loovers 2013–2014], поселения эвенков Холодная и Чапо-Олого, Бурятия и Забайкальский Край, Российская Федерация [Anderson 1987, 2013–2014], сообщества любителей соколиной охоты в Великобритании и Германии [Schroer 2008–2011].

3) Согласно устным историческим описаниям, бытующим в среде гвичинов, в прошлом собак не всегда держали на привязи. Во время охоты на карибу собаки следовали за охотниками в горы без привязи. После удачной охоты собаки несли значительную часть добытого мяса в специальных контейнерах наряду со своим партнером-человеком.

Литература

Василевич, Г. М., — Типы оленеводства и их происхождение / Г. М. Василевич, М. Г. Левин // Советская этнография. — 1951. — № 1. — С. 63–87.

Василевич, Г. М. Угдан — жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов / Г. М. Василевич. — Л.: Наука, 1961. — С. 30–39.

Давыдов, В. Н. Исследование отношений человека и оленя в Южной Якутии / В. Н. Давыдов // Материалы полевых исследований МАЭ РАН, ред. Е. Г. Федорова. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — Вып. 14. — С. 95–117.

Давыдов, В. Н. От дикого оленя к домашнему / В. Н. Давыдов // Радловский сборник, ред. Е. Г. Федорова. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — С. 365–371.

Туров, М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в. / М. Г. Туров. — Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1990.

Чарнолусский, В. В. Оленья изгородь / В. В. Чарнолусский. — М.: ОГИЗ, 1931.

Anderson, E. N. (2014). *Caring For Place*. Left Coast Press.

Beach, H. (1981). *Reindeer-Herd Management In Transition*. Uppsala: Upsaliensis Academiae.

Bennett, J. (2010). *Vibrant Matter*. Durham, N. C.: Duke University Press.

Berkes, F. (2008). *Sacred Ecology*. New York: Routledge.

Bodio, S. (1984). *A Rage for Falcons*. New York: Lyons.

Boyer, P. (1988). *Barricades Mystérieuses et Pièges à Pensée*. Paris: Société d'ethnologie.

Brandišauskas, D. (2012). *Making a Home in the Taiga*. *Journal of Ethnology and Folkloristics* 6, pp. 9–25.

Braver, L. (2014). *Heidegger*. Cambridge: Polity.

Cassidy, R. (2012). *Lives with Others*. *Annual Review of Anthropology* 41, pp. 21–36.

Cassidy, R. & Mullin M. H. (2007). *Where the Wild Things are Now*. Oxford, UK. New York: Berg.

Collignon, B. & Müller-Wille L.W. (2006). *Knowing Places*. CCI Press.

Costa, L. & Fausto C. (2010). *The Return of the Animists*. *Religion and Society: Advances in Research* 1, pp. 89–109.

Davis, W. (1992). *The Deconstruction of Intentionality in Archaeology*. *Antiquity* 66, pp. 334–347.

Descola, P. (2013). *Beyond Nature and Culture*. University of Chicago Press.

Feit, H. A. (1994). *The Enduring Pursuit*. In *Key Issues in Hunter-Gatherer Research* (eds.) Burch E. S. J. & Ellanna L. Oxford: Berg, pp. 421–440.

Gamble, C. (2007). *No Neolithic Revolution*. *Cambridge Archaeological Journal* 17, pp. 92–94.

Gell, A. (1996). *Vogel's Net Traps as Artworks and Artworks as Traps*. *Journal of Material Culture* 1, pp. 15–38.

Gordon, B. C. (1990). *More on the Herd-Following Hypothesis*. *Current Anthropology* 31, pp. 399–400.

Gordon, B. C., Kehoe A. B. & White R. (1990). *On the Herd-Following Hypothesis*. *Current Anthropology* 31, pp. 69–71.

Head, L. (2014). *Contingencies of the Anthropocene*. *The Anthropocene Review* 1, pp. 113–125.

Hey, J. (2006). *On the Failure of Modern Species Concepts*. *Trends in Ecology & Evolution* 21, pp. 447–450.

Hodder, I. (1990). *The Domestication of Europe*. Oxford: Basil Blackwell. (1998). *The domus*. In

- Understanding the Neolithic of north-western Europe. Edmonds M. R. & Richards C. (eds.), Glasgow: Cruithne Press, pp. 84–101.
- Holbraad, M. & Willerslev R. (2007). *Transcendental Perspectivism*. *Inner Asia* 9, pp. 329–345.
- Ingold, T. (1980). *Hunters, Pastoralists and Ranchers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- (1993). *The Reindeerman's Lasso*. In *Technological choices* Lemonnier P. (ed.), London: Routledge, pp. 108–125.
- (1994). *From Trust to Domination*. In *Animals and Society* Manning A. & Serpell J. (eds.), Routledge, pp. 1–22.
- (2000). *From Trust to Domination*. In *The Perception of the Environment*. London: Routledge, pp. 61–76.
- (2003). *Foreword*. In *Cultivating Arctic Landscapes* Anderson D. G. & Nuttall M. (eds.), vii–xiii. Oxford: Berghahn.
- (2012). *Toward an Ecology of Materials*. *Annual Review of Anthropology* 41, pp. 427–442.
- (2013). *Anthropology Beyond Humanity*. *Suomen Antropologi: Journal of the Finnish Anthropological Society* 38, pp. 5–23.
- Johnson, L. M. & Hunn E. S. (2009). *Landscape Ethnoecology Concepts of Biotic and Physical Space*. New York: Berghahn Books.
- Khazanov, A. M. & Schlee G. (eds.) (2012). *Who Owns the Stock?* Oxford: Berghahn.
- Klovov, K. B. (2011). *The Sustaining Landscape and the Arctic Fox Trade*. In *the 1926 / 27 Soviet Polar Census Expeditions*. Anderson D. G. (ed.), Oxford: Berghahn Books, pp. 155–179.
- Knight, J. (2000). *Natural Enemies People-Wildlife Conflicts in Anthropological Perspective*. London, New York: Routledge.
- Knight, J. (2012). *The Anonymity of the Hunt*. *Current Anthropology*, pp. 334–355.
- Kohn, E. (2015). *Anthropology of Ontologies*. *Annual Review of Anthropology* 44, pp. 311–327.
- Krell, D. F. (1997). *Archeticture*. SUNY Press.
- Larson, G. & Fuller D. Q. (2014). *The Evolution of Animal Domestication*. *Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics* 45, pp. 115–136.
- Lascelles, G. (1971). *The Art of Falconry*. London: Spearman.
- Leach, H. M. (2003). *Human Domestication Reconsidered*. *Current Anthropology* 44, pp. 349–368.
- Leach, N. (1998). *The Dark Side of the Domus*. *The Journal of Architecture* 3, pp. 31–42.
- Lee, E. J., Merriwether D. A., et al. (2015). *Ancient DNA Analysis of the Oldest Canid Species from the Siberian Arctic*. *PloS one* 10, e0125759.
- Lemonnier, P. (2012). *The Eel and the Ankave-Anga*. In *Mundane Objects* Lemonnier P. (ed.). Left Coast Press.
- Lien, M. (2015). *Becoming Salmon*. University of California Press.
- Lien, M. E. & Law J. (2016). *The Salmon Domus as a Site of Mediation*. In *Animal Housing and Human-Animal Relations* Bjørkdahl K. & Druglitrø T. (eds.), Milton Park: Routledge, pp. 15–28.
- Linnell, J. D., Kaczensky, P. et al. (2015). *Framing the Relationship Between People and Nature in the Context of European Conservation*. *Conservation Biology* 29, pp. 978–985.
- Lövbrand, E., Beck S., et al. (2015). *Who Speaks for the Future of Earth?* *Global Environmental Change* 32, pp. 211–218.
- Liotard, J.-F. (1988). *Domus et la Mégapole*. In *L'inhumain* Lyotard J.-F. (ed.), Paris: Galilée, pp. 203–213.
- (1991). *The Inhuman*. Cambridge: Polity Press.
- Mallet, J. (2008). *Hybridization, Ecological Races and the Nature of Species*. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences* 363, pp. 2971–2986.
- Mannermaa, K., Ukkonen P., Kristiina S. & Viranta-Kovanen (2014). *Prehistory and Early History of Dogs in Finland*. *Fennoscandia Archaeologica* 31, pp. 25–44.
- McClellan, C. (1975). *My Old People Say*. Ottawa: National Museums of Canada.
- Moore, A. (2016). *Anthropocene Anthropology*. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 22, pp. 27–46.
- Olsen, B. (2010). *In Defense of Things*. Lanham, Plymouth: Rowman & Littlefield Publishers.

- Oma, K. A. (2010). *Between Trust and Domination*. *World Archaeology* 42, pp. 175–187.
- Park, R. W. (1987). *Dog Remains from Devon Island, NWT*. Arctic, pp. 184–190.
- Robbins, P. & Moore S. A. (2013). *Ecological Anxiety Disorder*. *Cultural geographies* 20, pp. 3–19.
- Røed, K. H., Bjørnstad G., et al. (2014). *Ancient DNA Reveals Prehistoric Habitat Fragmentation and Recent Domestic Introgression*. *Conservation Genetics* 15, pp. 1137–1149.
- Schroer, S. A. (2015). *On the Wing: Exploring Human-Bird Relationships in Falconry Practice* PhD Anthropology, Aberdeen University.
- Slobodin, R. (1962). *Band Organization of the Peel River Kutchin*. Ottawa: National Museum of Canada (Bulletin no. 179, Anthropological Series no. 55).
- Star, S. L. (1999). *The ethnography of infrastructure*. *American Behavioral Scientist* 43, pp. 377–391.
- Star, S. L. & Ruhleder K. (1996). *Steps Toward an Ecology of Infrastructure*. *Information systems research* 7, pp. 111–134.
- Steffen, W., Grinevald J., Crutzen P. & McNeill J. (2011). *The Anthropocene*. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences* 369, pp. 842–867.
- Stépanoff, C. (2012). *Human-Animal “Joint Commitment” in a Reindeer Herding System*. HAU: *Journal of Ethnographic Theory* 2, pp. 287–312.
- (2015). *The Origins of Reindeer-Human Co-Domestication*. *Siberian mythologies and animal desire in University of Aberdeen Anthropology Departmental Seminar* 4 June 2015, p. 41.
- Sundsvold, B. (2010). *Stedets Herligheter-Amenities of Place*. *Acta Borealia* 27, pp. 91–115.
- (2015). *“Den Nordlandske Fulgepleie” — Herligheter, Utvæer og Geleber Verdensarv*. Mellom tekster og praksiser i Vegaøyen. PhD, Universitetet i Tromsø.
- Swanson, H. (2016). *Domestication Gone Wild*. In *De-centering Domestication* Lien, M., Ween G. & Swanson H (eds.).
- Terrell, J. E., Hart J. P., et al. (2003). *Domesticated Landscapes*. *Journal of Archaeological Method and Theory* 10, pp. 323–368.
- Tsing, A. L. (2013). *More-Than-Human Sociality*. In *Anthropology and Nature* Hastrup K. (ed.), Routledge, pp. 27–42.
- Vigne, J.-D. (2011). *The Origins of Animal Domestication and Husbandry*. *Comptes Rendus Biologies* 334, pp. 171–181.
- Wenzel, G. (1991). *Animal Rights Human Rights*. Toronto: University of Toronto Press.
- Willerslev, R., Vitebsky P. & Alekseyev A. (2015). *Sacrifice as the Ideal Hunt: a Cosmological Explanation for the Origin of Reindeer Domestication*. *Journal of the Royal Anthropological Institute* 21, pp. 1–23.
- Wishart, R. P. (2004). *A Story about a Muskox*. In *Cultivating Arctic landscapes* Anderson D. G. & Nuttall M. (eds.), Oxford: Berghahn, pp. 79–92.
- Wishart, R. P. (2014). *“We Ate Lots of Fish Back Then”*. *Polar Record* 50, pp. 343–353.
- Withy, K. (2015). *Heidegger on Being Uncanny*. Harvard University Press.
- Witmore, C. (2014). *Archaeology and the New Materialisms*. *Journal of Contemporary Archaeology* 1, pp. 203–246.
- Wuerthner, G., Crist E. & Butler T. (2014). *Keeping the Wild*. Island Press.
- Zeder, M. A. (2012). *9 Pathways to Animal Domestication*. In *Biodiversity in Agriculture* Gepts P., Famula T. R. (eds.), et al. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227–259.
- Zeder, M. A. (2015). *Core Questions in Domestication Research*. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 112, pp. 3191–3198.
- Zeder, M. A., Smith B. D., Bradley D. G. & Emshwiller E. (eds.) (2006). *Documenting Domestication* Berkeley. University of California Press.

МЕДВЕДЬ: СМЫСЛЫ И ОБРАЗЫ В ОБЩЕСТВАХ ОХОТНИКОВ-СОБИРАТЕЛЕЙ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ 9000–2500 ЛЕТ ДО Н. Э.¹

Аннотация. Исследование различных смыслов, относящихся к образу медведя в древних обществах охотников, собирателей, рыболовов Северной Фенноскандии, основанное на изучении культов и ритуалов по материалам этноисторических наблюдений, указывает на большое число представлений об этом животном как в историческое, так и в доисторическое время. Образ медведя мог восприниматься в качестве родового тотема, повелителя высших сил, символом возрождения, смены сезонов года. Рассматриваемые в работе примеры говорят, скорее, о наличии большого числа локальных вариантов верований, чем о существовании некой единой религиозной практики в рамках обширного региона.

Ключевые слова: ритуалы, связанные с медведем, статусы и смыслы, общества охотников-собирателей, Северная Фенноскандия.

Введение

Медведь — одно из самых опасных животных Севера. Население циркумполярных регионов всегда уделяло ему особое внимание в различных ипостасях: в качестве носителя сверхъестественной силы, в качестве тотемного животного, в качестве добычи [Bieder 2005; Black 1998; Edsman 1994; Hallowell 1926]. Этнографические описания начиная с XVII века содержат множество информации о культах и ритуалах, связанных с медведем, практиковавшихся у населения циркумполярного региона. В ряде случаев такого рода практики сохранились вплоть до этнографической современности [Siikala and Ulyashev 2011, 90–96]. Особое отношение к медведю проявляется в строгом регламенте обращения с медведем как до, так и после добычи зверя, поедании мяса, выкладке и захоронении его костей, а также в создании многочисленных изображений его на мембранах бубнов, амулетах и т. д. Археологические источники, в числе кото-

рых зафиксированы как символические изображения медведей, в том числе и в наскальных изображениях [Carpelan 1975; Gimbutas 1956; Жульников 2006; Gjessing 1932, 1945; Hagen 1965; Hallström 1938; Helskog 1988, 1999; Lahelma 2008b; Равдоникас 1936; Саватеев 1970; Simonsen 1958], так и особое отношение к костным останкам [Myrstad 1996; Zachrisson 1981; Zachrisson and Iregren 1974], указывают на глубокие исторические корни подобных практик и культов.

Современные исследования показали, что местоположение, топография, минеральный состав и цвет поверхности, на которой были сделаны рисунки, могли активно влиять на смысловую нагрузку как отдельных фигур и композиций, так и всей группы рисунков [Gjerde 2010; Goldhahn 2002; Helskog 1999, 2010; Janik et al. 2007]. В частности, это четко прослеживается в композициях, где медведи покидают одну берлогу весной, чтобы залечь в другой осенью. Следы, прорисованные между берлогами, иллюстрируют процесс перехода. Изображения годового цикла медведя в сочетании с ритуальным поведением людей, его убивающих, является ярким примером распространения ритуалов, связанных с медвежьим образом начиная, как минимум, с эпохи мезолита

¹ Статья ранее опубликована на английском языке: Knut Helskog (2012). Bears and Meanings among Hunter-her-gatherers in Northern Fennoscandia 9000–2500 BC. Cambridge Archaeological Journal, 22, p. 209–236 doi: 10.1017/S0959774312000248.

Рис. 1. Карта северной оконечности Европы с указанием территорий, упоминаемых в тексте (Карта составлена Дорой Кемп)

и заканчивая поздним энеолитом. Но археологические свидетельства лишь фиксируют особый статус животного, требовавший специального обращения как при жизни, так и после смерти. Детали же существовавших культов остаются неизвестны.

Различные этнографические материалы указывают на наличие большого числа местных вариантов во взаимоотношениях «человек – медведь» [Grøn 2005; Pentikäinen 2007, 14–15]. Резюмируя, стоит отметить, что целью настоящего исследования является реконструкция статусов и смыслов, ассоциируемых с медведями в доисторических обществах Северной Фенноскандии (рис. 1) на основе культов и ритуалов, представленных в этнографических материалах циркумполярной Арктики.

Территория данной работы охватывает обширный район от побережья Северной Норвегии до лесной полосы Карелии, включая открытые горные районы внутренней Норвегии и Швеции, лесные территории Швеции и Финляндии, побережье Балтики и Ботнического залива, а также многочисленные озерные и речные системы. Большая часть изображений медведя найдена в Алте (арктическая часть Норвегии), а костный материал и символические изображения, по большей части, происходят с территории Финляндии и Северо-Запада России.

Важно отметить, что каждый памятник сам по себе представляет проявление местных особенностей, которые в сочетании с другими чертами могут указывать на наличие региональной модели медвежьего культа.

Методология

Рассматриваемые нами археологические данные охватывают период в 10 000 лет, а привлекаемые этнографо-исторические данные, дающие непосредственное понимание предмета и основу для археологических интерпретаций, относятся к последним 500 годам. В связи с этим возникает проблема объединения двух категорий данных, поскольку перенос «сырой» этнографии на археологический материал невозможен, что неоднократно обсуждалось в литературе [Wylie 2002, chs. 9 and 11]. Рассматривая исторические и этнографические материалы Фенноскандии, мы можем найти в них лишь слабые отголоски некогда существовавших культов [Lahelma 2007; Zvelebil 2008, 42]. Учитывая многочисленные сходства в топографии, среде обитания, биоме, в рамках которого обитало как древнее доисторическое население, так и «этнографическое», некоторые из предложенных в данной работе интерпретаций могли бы дать разумные объяснения. Однако это не означает, что материалы, полученные из других регионов, не могут быть привлечены в качестве источников для понимания культурных процессов в древних обществах Северной Фенноскандии. Сравнительный анализ не менее важен, как в отношении «похожих», так и «совершенно отдельных» культур [Grøn 2005]. Еще одно направление исследований связано с самими медведями. Их популяция составляет около 200 особей для Норвегии, около 450 — в Финляндии и 3 200 — в Швеции. В Северо-Западной части России, по сегодняшним подсчетам, проживает около 30–33 тыс. особей. Справедливо предположить, что в доисторическое время популяции медведей были многочисленнее. Знания о среде обитания медведей, их поведении

и физиологии обширны. Они спариваются летом, приносят потомство в берлоге в январе-феврале, детеныши живут с матерью до двух лет. Часть этого жизненного цикла отражена в наскальном искусстве. Несмотря

на то, что изображения медведей не могут восприниматься как непосредственное отображение их жизни, знание их поведения может дать некоторые ключи к пониманию наскальных композиций.

Рис. 2. Добыча и похороны медведя. Интерпретация ритуалов, связанных с охотой, убийством и поеданием медведя саамами, предложенная Оссианом Элгстремом. История начинается с верхнего левого и заканчивается у нижнего правого края. Оригинал хранится в музее Норботтен в Лулео. Швеция

Важно отметить, что медведи обладают рядом черт, характерных для человека: они обладают способностью стоять на задних лапах, пользоваться передними лапами, как человек — руками, они всеядны, обладают другими «человекоподобными» привычками, их экскременты похожи на человеческие, они строят «дом» (берлогу). В мифах разных народов говорится об их умении различать человеческую речь [Janhunen 2003; Black 1998; Bieder 2005, 21, 76; Honko et al. 1993, 71; Nelson 1983, 175].

В среде охотников-рыболовов-собирателей такое уважительное отношение к медведю, по-видимому, постепенно исчезало по мере распространения земледелия и животноводства. В условиях нового хозяйства медведь все более приобретал черты разрушительной силы, угрозы домашнему скоту и урожаю в полях, он стал восприниматься не как предок, достойный уважения, а как животное, подлежащее уничтожению [Bieder 2005, 70–72].

Медведь в этноисторических источниках

Ритуалы и культы, связанные с образом медведя у этнографически зафиксированных популяций охотников, рыболовов, собирателей и оленеводов, а также, изредка, земледельцев, имеют немало общих черт, что позволяет некоторым исследователям говорить об их общем древнем происхождении [Germonpré and Hämäläinen 2007; Hallowell 1926; Hultkrantz 1991, 9–11; Pentikäinen 2007; Sarmela 2006; Zolotarev 1939].

Вариации в устных преданиях, культах и ритуалах [Edsman 1994, 70; Fjellström 1981 (1755); Paproth 1976] являются, таким образом, результатом развития подобного рода представлений в границах циркумполярного региона. Таким образом, в этноисторических источниках могут проявляться следы доисторических социальных отношений, различных религиозных практик и культов, относящихся к древнему, доисторическому периоду. В этих культах основным является представление о том, что все существа,

объекты и природные явления наделены душой (или духами) [Bieder 2005; Harvey 2005; Nelson 1983, 14–32; Shirokogoroff 1935; Yamada 1997]. Таким образом, все окружающее человека, будь то люди, животные, растения, природные явления и т. д., воспринимается как обладающее самосознанием, личной идентичностью, автономией и волей сущности. В этой системе культов медведь в не меньшей степени, чем человек, может понимать свое окружение, общаться с другими животными и людьми, а охотник, в свою очередь, может обращаться к медведю, общаться с ним во время охоты.

Охота на медведя обставлена сложным набором ритуалов, которые можно понять лишь в соотношении с главными принципами культовых практик отдельных групп людей [Hallowell 1926, 53; Black 1998]. Эти культовые практики, судя по этноисторическим источникам, обнаруживают большое разнообразие, что связано с различиями в уровне культурно-исторического развития, в социальной и природной среде [Hoppal 1997, 199; Ingold 1986, 256–60; Yamada 1997, 324].

В рассматриваемом контексте важнейшую роль в качестве посредника между людьми и животными играет фигура шамана. Важной чертой, объединяющей практики шаманизма, является требование относиться к одушевленным силам природы с осторожностью, уважением и надлежащим образом [Harvey 2005; Vitebsky 1995]. Пренебрежение существующими практиками общения с природой может привести к негативным результатам.

Роль и значение медведя для населения циркумполярного региона неоднократно становились предметом исследования разных авторов [Bäckman 2000; Bäckman and Hultkrantz 1985; Edsman 1994; Hallowell 1926; Honko 1993; Karjalainen 1927; Leem et al. 1767; Nelson 1983; Rheen 1983 (1897), 43–6; Sarmela 2006; Schefferus 1956 (1673); Zvelebil 2008, 48]. Хозяйственно-бытовой уклад этого населения был различен: одни из них были кочевниками-животноводами, другие жили

в прибрежных рыбацких поселениях, где держали овец и коров; некоторые практиковали подсечно-огневое земледелие либо были охотниками-рыболовами-собираателями.

В исторических описаниях саамов Фенноскандии начиная с шестнадцатого века описания медвежьих ритуалов постепенно исчезают, хотя саамы сохраняли и практиковали некоторые важные черты своей дохристианской религии вплоть до середины семнадцатого века [Schefferus 1956 (1673)], а у части населения они сохранились вплоть до двадцатого столетия. У некоторых народов Сибири церемонии и ритуалы, связанные с образом медведя, практикуются и в настоящее время [Honko et al. 1993; Jordan 2003, 115–23; Siikala and Ulyashev 2011], в то время как у других значение медведя сохранилось лишь в мифах, легендах, фольклоре [Edsman 1994]. Вместе с тем есть народы, у которых ритуалы, связанные с медведем, отсутствуют. Вариации внутри групп саамского и финского населения можно рассматривать как результат параллельного развития, как бы две отдельные ветви групповой самоидентификации [Edsman 1994, 120].

Особое отношение к медведю также существовало у других групп населения Скандинавии, хотя, по мнению Толли [Tolley 2006, 94], они были, скорее, проявлением любопытства, чем свидетельством религиозного поклонения. Существовала связь между медведем и воином, при этом сила и буйный нрав медведя считались желательными для воина признаками. Однако Толли [Tolley 2006, 103; 2009] лишь указывает на существование неких запретов, связанных с медведями, не отмечая следов каких-либо ритуалов, подобных обско-угорским или финским народам. Эрдсман [Edsman 1994, 170] отмечал, что в Германии предпочитали убивать медведя весной, что медвежий праздник становился церемонией, отмечающей начало нового времени года, обрядом обновления растительности.

Историко-этнографические материалы свидетельствуют о том, что культы и ритуалы, связанные с медведем, были когда-то

широко распространены и повсеместно практиковались в северном полушарии, имея ряд региональных различий.

Охота, душа, реинкарнация

Наделение живых существ и некоторых природных явлений душой — универсальное явление. В некоторых мифологических сюжетах говорится о том, что животное имеет душу лишь в состоянии бодрствования, в то время как душа покидает тело спящего животного. Если в момент убийства медведя душа «отсутствовала» — это препятствовало реинкарнации животного. По мнению Сармела, саамские *podí* (шаманы) должны были уметь «ловить» душу медведя, овладевая его характеристиками [Sarmela 2006]. Как и у других народов циркумполярного региона, шаманы играли центральную роль как в охоте на медведя, так и в последующих ритуалах, распределении и употреблении в пищу мяса животного. Нужно отметить, что мы не можем установить, только ли шаманы совершали особые ритуалы по отношению к медведю [Hultkrantz 1991, 10]. Судя по наскальным рисункам в Алте, в охоте участвовали антропоморфные персонажи, роль которых не сводилась к убийству медведя. Так, на двух наскальных изображениях, датированных 4700–4200 лет до н. э. (рис. 3, 7) одна из антропоморфных фигур не воору-

Рис. 3. Охота у входа в берлогу.
Фрагмент композиции Оле Педерсен 1А,
Алта, Северная Норвегия
(Фото: К. Хельског)

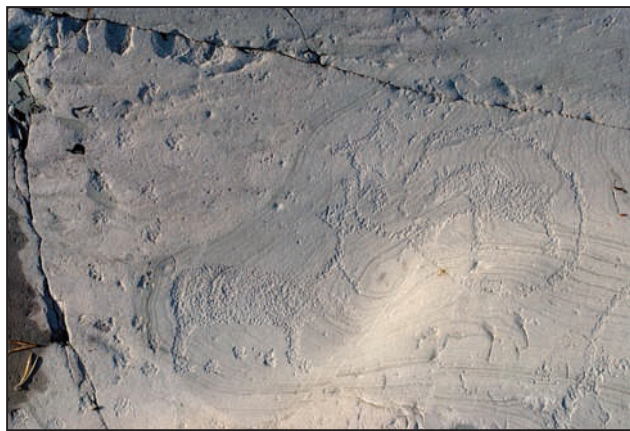

Рис. 7. Элемент из центральной части, где человек убивает копьём медведя в берлоге (Рисунок в перспективе: Эрнст Хогтун; фото: К. Хельског)

жена. Невооруженные фигуры можно интерпретировать как наблюдателей, следящих, чтобы охота велась по установленным правилам.

В рамках одной культурной группы могли существовать вариации отношения к медведю, например, различия в положении черепа и костей скелета при захоронении [Grøn 2005] у эвенков. Такого рода отличия являются важным маркером местной идентичности. Представления о реинкарнации были основной причиной, по которой а) медведей хоронили особым образом; б) черепа вывешивали на священных деревьях, а кости закапывали под их корнями; в) хоронили весь скелет, располагая кости в относительно правильной анатомической последовательности; г) запрещали ломать кости скелета [Edsman 1994; Jordan 2003; Storå 1971, 112–15].

Чаще всего охота на медведя ассоциировалась с пробуждением медведя в его берлоге в конце зимы – начале весны [Karjalainen 1927, 196–7; Nelson 1983, 175–7; Norlander-Unsgaard 1985], когда медведь был наиболее незащищен. Это случалось раз в году. В другое время года охота на медведя была опасным мероприятием. Поскольку ситуация повторялась ежегодно, медведь стал главным символом перехода от зимы (холода, темноты) к лету (теплу, свету) и, наоборот, от лета к зиме [Bäckman 1983, 38]. Весна, та-

ким образом, наступала с началом рыболовного и охотничьего сезонов, совпадавших с пробуждением медведей [Sarmela 2006]. Аналогично у микмаков Восточной Канады зима начиналась, когда медведи залегали в спячку [Le Clerge 16, цит. по: Hornborg 2008, 20]. В саамских поверьях образ медведя выступал центральной силой, дающий жизнь флоре, фауне и человеку [Norlander-Unsgaard 1985]. Культурное животное ежегодно умерщвлялось с тем, чтобы возродиться. Если же убийство медведя совершалось без соответствующих ритуальных практик, общего праздника и публичных обрядов возрождения, возникала угроза существовавшей культуре [Sarmela 2006]. Соблюдение обрядов и ритуалов было призвано поддерживать существующий тесный порядок взаимоотношений между людьми, животными, их духами и силами.

Медведи и идентичность

Учитывая, что ритуальные практики, бытовавшие в среде финно-угорского населения и обских угров, укрепляли социальные и религиозные отношения [Mebius 1968, 161], медведь-родоначальник служил укреплению групповой идентичности, так же как, например, лось, северный олень или бобр [Jordan 2003, 100–102]. Так, Ю. Пентикайнен отмечает: «В ходе моих экспедиций я заметил, что тотемные медвежьи культы соотносились не со всей этнической группой, а только с отдельными родами, группами, состоявшими из нескольких сот человек» [Pentikäinen 2007, 14]. Видимо, каждый из родов имеет свою версию медвежьего культа в рамках единой базовой идеологической/космологической модели северного полушария. Небольшие вариации имели значение для групповой идентичности небольших групп. На материалах Сибири подобные вариации наблюдаются также в некоторых аспектах материальной культуры, языка, идеологии, ритуальных практик. Родовые территории, очевидно, связаны с поддержанием групповой идентичности на микроуровне [Grøn 2005, 20].

Сравнивая свои этнографические наблюдения с доисторическими образами, Пентикайнен предполагает, что немногочисленность изображений медведя в наскальных рисунках может обозначать либо его особую сакральную роль, либо то, что медвежий культ характерен для небольших групп населения. Родовая связь с медведем означала, что, возможно, человеческим потомкам медведя добыть его легче, чем представителям других родов [Edsman 1994, 80–83]. «У народов Арктики существует миф, объясняющий, как сам медведь дал людям право убивать себя и установил, как следует проводить ритуалы, обеспечивающие его реинкарнацию, то есть право, предоставленное тотемным предком» [Sarmela 2006].

По мнению Сармела, ни олонечские, ни виенские карелы в Восточной Фенноскандии, по-видимому, не охотились на медведя. Это может означать, что в какой-то период времени убийство медведя и употребление в пищу его мяса стало табу. Контраст между частотой упоминания лося в поэзии Карелии и бедностью фольклора на тему охоты на оленя и лося в Финляндии дал основания М. Сармела предположить, что древние хеме или финны имели в качестве тотемного животного медведя, а карелы — лося [Sarmela 2006, 22]. Это перекликается с предположением Матти Кууси [Matti Kuusi's 1963], что присутствие скульптурных изображений лося и медведя указывает на существование двух крупных кланов в доисторической Финляндии, один из которых соотносился с медведем, а другой — с лосем. В наскальном искусстве Фенноскандии существуют некоторые различия в изображениях медведей, хотя до сих пор неясно, указывает ли это на различия групповой принадлежности и/или на различия в сюжетах и историях.

Гендерные роли и идентичность

Охота, убийство, свежевание и разделывание туши медведя — прерогатива мужчин [Edsman 1994; Honko et al. 1993; Nelson 1983, 176]. В некоторых мифологических источниках упоминается, что медведи обла-

дали способностью к трансформации медведя в человека и наоборот, а также об их способностях к перемене пола [Bieder 2005; Kailo 2008]. Многочисленные фольклорные сюжеты о брачных союзах между медведем и женщиной, а также множество наскальных изображений беременных медведиц или медведиц с детенышами свидетельствуют о том, что женская роль в медвежьих культах занимала значительное место.

Хэллоуэлл [Hallowell 1926], описывавший в основном мужчин-охотников, упоминает, тем не менее, о существовавшем среди сибирских аборигенов ритуальном трансвестизме, связанном с праздниками добычи медведя. Также в литературе известны описания шаманов, принимающих поочередно образ медведя, мужчины и женщины [Balzer 1996; Bogoras 1975; Kailo 2008]. Изучение трансформаций и гендерных ролей, связанных с медведями и шаманизмом, позволило Бальцер [Balzer 1996] утверждать, что гендерно ориентированный символизм играл более значимую роль, чем это признавалось ранее по сибирским материалам. В этом смысле брак между женщиной и медведем служит выражением идеи плодородия и возрождения, придавая женскому началу важнейшую роль в системе сакральных представлений [Kailo 2008, 261].

Трансформация человека в медведя могла быть связана с шаманизмом, а фигура, сочетающая в себе черты медведя-мужчины-женщины (рис. 4), — служить иллюстрацией такой трансформации, что позволяет предположить существование шаманизма уже 6000 лет назад.

Изображения на бубнах как аналогия

Широкое распространение бубнов в циркумполярных регионах (и не только) указывает на давнюю историю этого инструмента, связанного с ритуальными практиками населения Арктики. Некоторые наскальные изображения свидетельствуют о том, что округлые ударные инструменты существовали около 4000 л. н., однако конкретных археологических свидетельств этому нет.

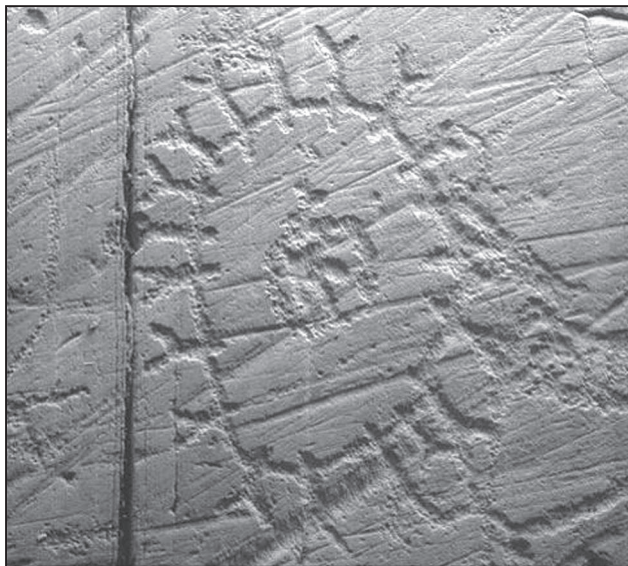

Рис. 4. Фигура медведя-мужчины-женщины внутри круга в окружении человекоподобных фигур из группы рисунков в районе Кафьорд в Алте (Фото: К. Хельског)

Самые древние из известных саамских бубнов относятся к X–XI векам н. э. [Kjellström and Rydving 1988, 4; Zachrisson 1991, 83–9], однако, вполне вероятно, они использовались и гораздо раньше. Фигуры, изображенные на мембранах, вырезанные на ободу бубна или подвешенные к ободу, сопоставимы с наскальными рисунками: и те, и другие представляли собой знаки и символы, связанные с общением с иными, чем человек, существами. Указание Рина о том, что очень важно было спросить совета у бубна через фигурки на мембране до начала охоты на медведя и что человек с бубном принимал участие и в самой охоте [Rheen 1983 (1897), 43–4], указывает на наличие разных вариантов этого ритуала. Когда медведя убивали, некоторые охотники делали отметки на ободу [Friis 1871]; в других случаях отметки в виде жестяных полосок нашивались на головной убор охотников, убивших медведя. Убить медведя было чрезвычайно почетно [Schefferus 1956 (1673), 255, 262], и все охотники пели благодарственную песню после того, как он был убит [Bäckman and Hultkrantz 1978, 83]. Пение, по-видимому, было важной частью ритуалов после убийства животного [Edsman 1994; Honko et al. 1993],

что довольно трудно установить по доисторическим источникам, таким как наскальные рисунки.

В целом фигуры на бубнах воспринимаются как разные мифологические персонажи из религии саамов, при этом на их интерпретацию часто влияет теологический опыт толкователя. Оба этих аспекта необходимо пристально рассматривать и учитывать [Bäckman 1975, 38–42; Rydving 1991, 35]. У бубнов бывает два разных типа ободов. Фигурки по-разному делят пространство мембраны, а на некоторых явное деление, по-видимому, вовсе отсутствует. В каждой из этих групп существует множество вариаций. По сути, как и в композициях петроглифов, нет двух идентичных бубнов с точки зрения фигур и их положения на мембране, тем не менее, определенные фигуры имеют фиксированное положение. Например, на них олени загоны располагаются в нижней части центра, медведи — преимущественно слева, а Пейве, богиня Солнца — в центре [Manker 1950]. Однако в целом бубны, как правило, индивидуальны, и отсутствие общей схемы делает довольно затруднительной интерпретацию их как инструментов, отражающих единую систему религиозных культов [Bäckman 1975, 57]. Композиции наскальных рисунков того же периода отличаются такой же индивидуальностью и отражают, скорее, идентичность отдельных групп, ритуальные практики и сюжеты, чем различные системы культов.

Медведи в раннем доисторическом периоде в Фенноскандии

Самые ранние поселения в Северной Фенноскандии были обнаружены на побережье и относятся приблизительно к IX тысячелетию до н. э. Единственным свидетельством существования анималистических культов в это время являются полноразмерные изображения, выбитые на поверхности скал вдоль побережья Крайнего Севера Норвегии (рис. 5). Среди этих рисунков встречаются и изображения медведей [Gjessing 1936; Simonsen 1958]. Имеющиеся изображения

не удалось привязать к конкретным мезолитическим поселениям, а их датировка основывается на высотном отношении к древнему уровню моря [Gjerde 2010; Gjessing 1936; Hesjedal 1994b]. Свидетельства, относящиеся к последующим периодам позднего мезолита и конца каменного века, были найдены в районах побережья и фьордов в Северной Норвегии, на севере России, Швеции и Финляндии, а также на внутренних территориях [Baudou 1995; Helskog 1978; Halinen 2005; Helskog 1984; Lobanova 2009; Olsen 1994; Repouf 1989; Саватеев, Верещагин 1978; Шумкин 2007; Simonsen 1961]. Внутренние территории Фенноскандии были менее доступны, чем побережье и фьорды, и, вероятно, в силу этого являлись более «изолированными». Возможно, именно в таких местах традиции сохранялись дольше всего. Будет справедливым предположить, что контакты между населением разных поселений были связаны с общественными собраниями и ритуалами, свадьбами, совместным промыслом и товарным обменом [Hood 1988].

Кости медведя

Находки костей медведя либо полностью отсутствуют, либо встречаются редко в контексте бытовых отходов наряду с костями других животных. Медведь никак не мог являться основой пищевого рациона древнего населения, однако, учитывая большое число медведей в лесах, они могли составлять важную его часть. Небольшое количество костей, найденных на поселенческих памятниках мезолита, неолита и периода раннего металла в Карелии и на Кольском полуострове в западной части России [Саватеев, Верещагин 1978; Lobanova 2009], свидетельствует об охоте на медведя и употреблении его мяса в пищу. В то же время костный материал, обнаруженный в захоронениях мезолитического могильника Олений остров [Lindqvist 1994], указывает на его ритуальное значение. Начиная с конца позднего каменного века (2200 лет до н. э.) и начала раннего периода металла (1700 лет до н. э.) отдельные кости медведя находили

при раскопках жилищ и хозяйственных ям на северном побережье Кольского полуострова [Гурина 1997; Helskog et al., в печати]. Но такие находки редки и немногочисленны. В более поздние периоды присутствие костей медведя в захоронениях железного века в южной части Фенноскандии, особенно в течение римского времени и периодов миграций 200–600 гг. н. э., указывает на то, что эти животные играли роль в культурах, связанных со смертью [Hagen 1976, 83].

Среди ранних групп саамского населения во внутренних районах Северной Швеции и Норвегии существуют особые захоронения медведей, датирующиеся 300–1600 гг. н. э. [Grydeland 2001; Myrstad 1996; Zachrisson and Iregren 1974], а также захоронение внутри строения 4 из Грудскатана, дати-

Рис. 5. Вырезанные фигуры животных (в полную величину), Лейкнес, Северная Норвегия (Фото: К. Хельског)

рующееся 1000±45 л. н., в саамском жилище [Broadbent 2010, 180–84] на побережье Ботнического залива — они служат отражением сохранения культов и ритуалов, имеющих архаические корни. Однако в целом имеющийся археологический материал остается довольно скудным и разрозненным.

Символические изображения и амулеты

В мезолитическом могильнике Олений остров в Онежском озере в Карелии были обнаружены 128 медвежьих клыков, найденных в 47 из 170 захоронений, некоторые из клыков, явно служивших ожерельями, указывают на их особое место в системе представлений о загробной жизни [Гурина 1956]. Начиная с позднего каменного века — эпохи раннего металла немногочисленные символические артефакты (в том числе изображения медведя) обнаружены на северном побережье Кольского полуострова [Гурина 1997] и на крайнем северо-востоке Норвегии [Simonsen 1961; Simonsen and Odner 1963]. Интересна находка янтарной подвески в форме медведя — она была найдена под водой перед группой наскальных рисунков в Астувансалми (Финляндия). Эта подвеска датируется поздним каменным веком [Lahelma 2008a, рис. 10] и представляет собой одну из редких археологических находок, связанных с наскальными изображениями.

Известны находки наверший топоров в форме медведя в Финляндии. Две головки медведя, найденные в Хельсингланде и Лемнесете в Центральной и Северной Швеции, датируются переходным периодом от позднего каменного века к раннему периоду металла [Baudou 1977, 91]. Предполагается, что они отражают постепенное проникновение культа медведя из Восточной Фенноскандии в позднем каменном веке и раннем периоде металла [Lindqvist 1994, 245]. Медвежьи кости, как и связанные с культом медведя амулеты, встречающиеся в захоронениях позднего железного века (800–1200 гг. н. э.), ассоциируются с оседлым земледельческим

населением. Так, находки амулетов из органических материалов в мужских погребениях и металлических амулетов — в женских позволяют говорить, что население юго-запада Финляндии имело некие представления о защитной магии [Kivikoski 1961]. Женские подвески логично ассоциировать с плодовитостью, сексуальностью, особыми сакральными отношениями между женщиной и медведем.

По всей видимости, амулеты, связанные с медведем, присутствовали в Фенноскандии начиная с эпохи позднего мезолита. Однако небольшое число таких находок затрудняет поиск четких хронологических и территориальных границ их бытования.

Наскальное искусство

Основными источниками, позволяющими говорить о распространении медвежьих культов в древности, служат наскальные изображения. Петроглифы встречаются во всех основных регионах Фенноскандии [Gjerde 2010; Goldhahn 2006; Hagen 1976]. В известных сюжетах преобладают такие животные, как лось, северный олень, в меньшей степени — медведь. Помимо этого, встречаются изображения мелких животных и птиц, антропоморфов, лодок и геометрических фигур. Самые ранние изображения датируются IX тысячелетием до н. э.

Большая часть известных изображений медведя локализована на западе Северной Фенноскандии, в прибрежных районах Северной Норвегии [Lindqvist 1994, 31, рис. 2.4]. Древнейшие изображения (как правило, полноразмерные) могут быть датированы раннемезолитическим временем (например, наскальное изображение в провинции Нордланд, рис. 5). Изображения медведей, датируемые ранним и средним мезолитом, характерны только для Западной Скандинавии.

В последующее время наибольшее распространение получили более мелкие изображения. В циркумполярной зоне известны 105 изображений медведей в Алте и 17 изображений на других памятниках Норвегии.

В Финляндии известно порядка 120 рисунков, выполненных красной охрой (из них три — медведи), при том, что не встречено ни одного выбитого изображения. В Северной Швеции распространены как выбитые, так и рисованные композиции, в сюжетах доминирует образ лося; изображения собак, волков и медведей — единичны. В Северной Норвегии встречена максимальная для всей Фенноскандии концентрация изображений медведя. Для Кольского полуострова наиболее типичное изображение — лось и белуха, также известны три изображения медведей [Kolpakov 2008; Kolpakov et al. 2008]. В восточной части Онежского озера наиболее часто изображаемым животным является лебедь, вторым по частоте — лось. Изображений медведя всего восемь.

Перечисленные выше различия указывают на некоторую вариативность использования медвежьего образа в сюжетах. Однако при весьма небольшом количестве извест-

ных петроглифов их соотношение может радикально измениться, как в случае с открытием петроглифов в Алте в 70-е годы XX века.

Композиции

Изображения медведей в наскальных рисунках Алты представляют особую ценность, поскольку в них центральную роль композиции занимают медведи. Сами по себе детали сюжетов узнаваемы, но понимание их значения далеко не однозначно. Однако иногда, по моему мнению, возможно реконструировать тот или иной сюжет. Так, на одной из самых известных композиций в Алте медведь помещен между «весенней» и «осенней» берлогами, в то же время он расположен между небом, землей и подземным миром. Медведи на этих композициях появляются из трещин в скале и уходят в них же. Среди недавно обнаруженных

Рис. 6. Крупная композиция с медведем в Бергбуктен I, Алта
(Фото: К. Хельског)

композиций — сцена, в которой цепочка следов медведя идет от сцены охоты к круглой скальной выбоине, похожей на вход в пещеру (рис. 6), как если бы душа убитого медведя впадала в спячку. На этой композиции нет невооруженных людей, связанных со сценой охоты, хотя невооруженные люди присутствуют поблизости, есть изображения человека, поднимающего шест с головой лося. В целом в композиции много событий, которые можно воспринимать как нечто существовавшее: медведи и их следы, охота, движение в пространстве от весны к осени (рис. 7).

В другой композиции медведь в берлоге лежит на брюхе головой к выходу, как будто он готов выйти из берлоги весной [Helskog and Nøgtun 2004]. Напротив выхода здесь также присутствуют невооруженный человек и собака. Если присмотреться пристально к поверхности скалы, то видно, что берлога, фигуры людей и смотрящий на них медведь изображены в пределах темного поверхностного образования в форме головы медведя. Такое позиционирование не могло быть случайным.

В двух случаях в композициях присутствуют невооруженные антропоморфные фигуры с широко расставленными нога-

ми и руками. В одном случае руки согнуты внутрь над плечами. В другом — они вытянуты в стороны. Почему невооруженный персонаж принимает участие в убийстве опасного животного? Когда медведь выходит из спячки, он голоден, «слаб» и, возможно, дезориентирован — его либо протыкают копьем, когда он пытается выбраться, либо бьют топором по голове. Из этнографии известно, что шаман мог принимать участие в охоте с целью обеспечить реинкарнацию зверя [Friis 1871; Sarmela 2006]. Таким образом, безоружный человек может восприниматься как совершающий обряд, с целью обеспечить не только реинкарнацию медведя, но и пробуждение природы весной.

Медвежьи следы связаны с трещинами и углублениями, некоторые из которых наполняются водой, и то, что в одном случае вертикальная цепочка следов заканчивается в середине склона в пределах современного уровня высокой воды, указывает на то, что медведи представляли собой существа/силы, способные путешествовать и под водой. Иллюстрацией этого служит изображение длинноногого животного, стоящего перед палтусом, захватившим крючок на леске, идущей от лодки с двумя фигурками людей (рис. 8).

Рис. 8. Медведь, общающийся с палтусом, пойманным двумя людьми в лодке с головой лося. Вверху слева изображен небольшой лось и амулет (Фото: А. Икагик)

Рис. 9. Композиция Оле Педерсен 1А, где медвежьи следы соединяют все части поверхности (Калька: К. Хельског)

На другой композиции, которая спускается вниз по склону на запад-северо-запад, цепочки медвежьих следов соединяют крупные части композиции (рис. 9). В верхней средней части представлена группа человекоподобных фигур, бросающих копья в берлогу. Линии медвежьих следов из берлоги уходят наверх, поперек панно и вниз по поверхности. Одна линия пересекает необычно крупного медведя, продолжается до верхней границы, где изображены только фигуры медведя и следы, и небольшой олений загон, внутри которого изображены олень и несколько фигур, похожих на медведя или оленя [Helskog 2011]. Одна из горизонтальных цепочек следов от берлоги ведет к углублению, которое заполняется водой, в то время как другая уходит вниз по спине горбатого кита и дальше вниз мимо, по-видимому, ныряющих китов. Сразу за этой цепочкой новая группа следов выходит из трещины и ведет к одному из двух медведей, стоящих на спине горбатого кита.

Следы другого медведя показывают, что он пришел с противоположного направления. Под китом изображен другой медведь, меньшего размера, впереди два медведя и человекоподобная фигура, обращенные лицом к киту, и сзади еще один медведь. Композиция представляется сюжетом, в котором медведи бродят по мирам: из высшего мира в низший и обратно. Следует также отметить, что, за исключением одного лося над большим медведем, все остальные изображения лося находятся в самой нижней части композиции. Аналогичное распределение наблюдается и на других группах петроглифов в этом районе. Одним из возможных объяснений может быть то, что лоси имеют особую связь с нижним миром [Helskog 2010].

В местечке Кафьорд, в Алте, были обнаружены шесть композиций с медведями, следами и берлогами. Длина изображений медведей составляет 15–20 см. Самая сложная композиция в Кафьорде II была описана

и интерпретирована как сюжет, в котором медведь перемещался между разными временами года и мирами вселенной [Helskog 1999, 2010], при этом местоположение берега играет активную роль. Позже поблизости была обнаружена еще одна композиция с медведями. Это берлога и следы, которые, по-видимому, являются частью другого сюжета. Некоторые участки скальной поверхности отсутствуют; какие-то части довольно сильно разрушены, а некоторые смещены как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. Таким образом, некоторые фигуры плохо видны, неполны и искажены (рис. 10). При этом после «выравнивания» скальных поверхностей и «восполнения» недостающих частей создается впечатление, что разорванные цепочки следов представляют собой еще один пример перемещений медведей. В этом случае присутствуют три «параллельные» группы следов, которые, по-видимому, берут начало на еще не расчищенной и не изученной поверхности. Профиль этой конкретной части

скальной поверхности имеет слегка V-образную форму с изображениями медведей, берлоги, антропоморфов с увенчанными головами лося шестами. Положение медведя внутри берлоги говорит о том, что это весна или осень.

Линия следов связывает медведя внутри берлоги с медведями слева, которые смотрят в противоположную сторону от берлоги, как если бы они ушли.

Справа представлена композиция из человекоподобных фигур, стоящих лицом друг к другу, при этом каждый из них поднимает над головой большой шест с головой лося. В композиции две с половиной пары, часть третьей либо не закончена, либо полностью стерлась. В парах головы лосей справа образуют внутреннюю линейную структуру, в отличие от фигур слева, при этом человекоподобные фигуры справа меньше, чем две фигуры слева. Возможно, это указание на гендерные различия, например, фигуры меньшего размера — женские, более крупные — мужские.

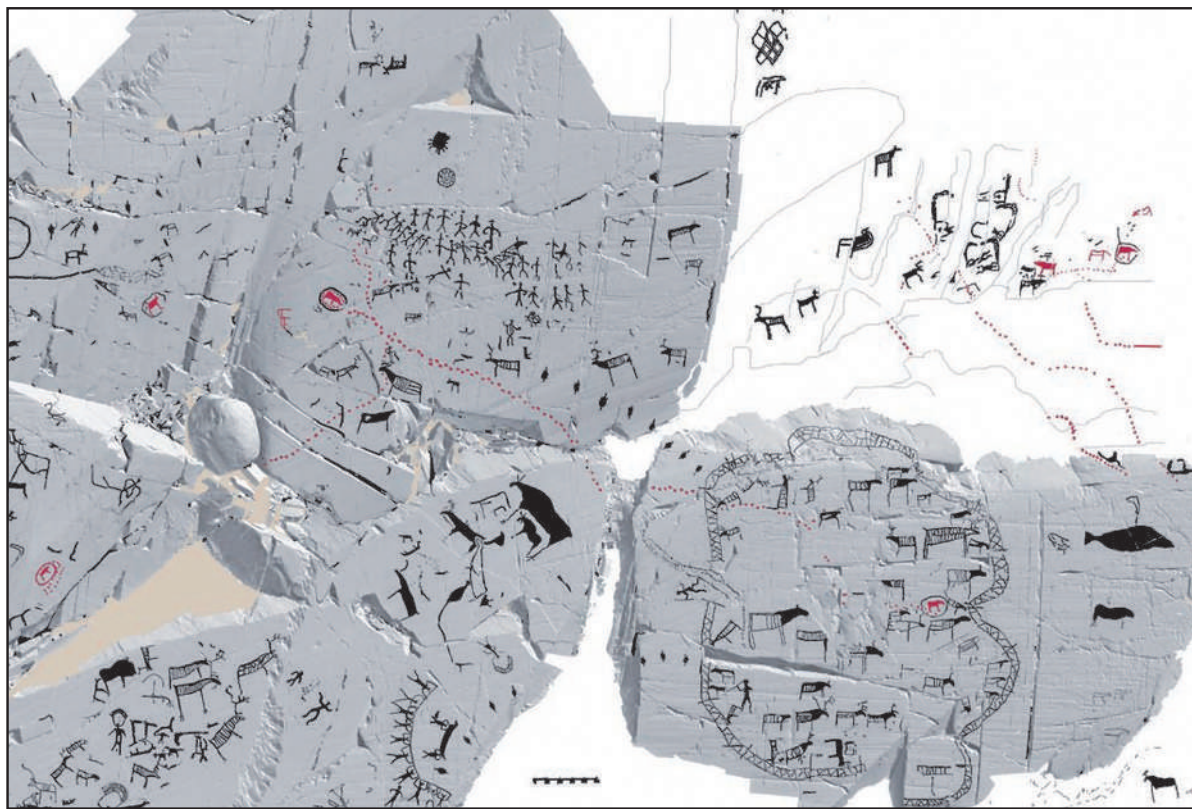

Рис. 10. Кафьорд II в Алте
(Сканировано METIMUR; калька К. Хельског)

В другой композиции два медведя смотрят в разные стороны, каждый расположен в конце вертикальной цепочки следов, соединяющихся в длинную линию, плавно уходящую вниз (рис. 11). Они проходят небольшой круг, который может обозначать берлогу, а затем продолжают в направлении охотников с луками и стрелами, копья, лося, геометрической фигуры и медведя сзади и слева. Группа следов выходит из берлоги, проходит трещину и продолжается вплоть до фигуры человека с большими и хорошо прорисованными снегоступами. Чуть выше на поверхности другая группа следов соединяется с трещиной и, на другом конце, маленький медведь, по-видимому, стоит в лодке с головой лося на носу. Чуть дальше еще одна группа следов появляется из трещины и доходит до медведя, стоящего внутри берлоги, как будто он только что пришел и готовится залечь. Все эти композиции располагаются в высотном диапазоне 140 см, что должно было соответствовать перепаду между средним и высоким подъемом воды.

Кроме того, здесь присутствуют два гораздо более крупных медведя, оба из которых расположены на нижней части композиции. Нижний рисунок — это изображение беременной медведицы 55 см длиной, рычащей вслед крупному убегающему оленю.

Композиция многозначна — голова принадлежит медведю, тело человекоподобно, у него есть как пенис, так и вульва, и две торчащие груди. Фигуру окружают 19 антропоморфных фигурок (рис. 4).

В неолите медведи чаще предстают как одиночные изображения, хотя содержание композиции остается таким же сложным, как и раньше. Иногда здесь присутствуют другие фигуры — олень и лось (рис. 12). В двух случаях медведей убивают копьями; один раз присутствует внутренний орган, такой как леер к сердцу или желудку. В одном случае изображена самка с детенышем, медведь с оленьими рогами, соединяющий в себе черты обоих животных (рис. 13).

Несмотря на меньшее число изображений, к медведю по-прежнему относятся с почтением. Изображенные статично медведи

Рис. 11. Участок композиции Кафьорд II.
Медведи и следы окрашены по-разному для лучшего восприятия
(Сканирование METIMUR; калька К. Хельског)

Рис. 12. Одиночное крупное изображение медведя в Кафьорд Ш (Фото: К. Хельског)

Рис. 13. Одиночное изображение самки с детенышем, медведя с оленьими рогами (Фото: К. Хельског)

выглядят интегрированными с другими фигурами. Так, к северу от Алты, на небольшом валуне на острове Сорой, были найдены изображения пяти медведей, которые могут быть частью композиций, с лосями, лодкой, антропоморфами [Hesjedal 1993]. За пределами Алты, в Северной Норвегии, в изображениях, датированных периодом V–III тыс. лет до н. э., медведи встречаются довольно редко.

Северо-Запад России

Наибольшее сходство с Алтой наблюдается в композициях известных на Северо-Западе России. На востоке Кольского полуострова выбитые изображения встречаются на двух скоплениях: в Чальмны-Варрэ [Gurina 2005; Shumkin 1990] на реке Поной и на небольших островах Канозера. Животные на композициях реки Поной — это лоси и олени. Так же и на Канозере лось и олень составляют большинство из 1 200 рисунков. Были обнаружены лишь три медведя, один из них стоит в конце цепочки следов, а другой пронзен копьем (рис. 14) [Gjerde 2010; Kolpakov 2008; Kolpakov et al. 2008; Shumkin 1990]. Дальше к югу, в Карелии, петроглифы концентрируются в двух местностях: в устье реки Выг в юго-западной части Белого моря и на восточном побережье Онежского озера. Некоторые из медведей ассоциируются с фигурами людей в лодках с головой лося на носу, которые охотятся на белух с гарпу-

нами. Например, пять медведей стоят рядом со сценой с белухой (с детенышем справа?) с шестью гарпунами в ее теле, каждый из которых привязан к линю от шести разных по размеру и количеству людей в них лодок (рис. 15). Это выглядит так, как если бы они все были частью одной сцены. Белуха изображена в середине небольшого углубления, куда стекает вода из небольшого дождевого водоема, вода, которая может закрывать белуху и лодки, копыта и медведей [Gjerde 2010; Саватеев 1970, 239, fig. 48] (рис. 15). Может показаться, что медведи вместе с охотниками ждут, когда кит будет добыт. Возможно, медведи собирались в нижнем течении реки или в ее устье для ловли лосося, либо они могли подбирать отходы от разделки туш.

На одной из панелей Новой Залавруги изображен медведь, забравшийся на верхушку дерева с семью или восемью стрелами в теле. Под ним стоит большой охотник на снегоступах или коротких лыжах [Саватеев 1970, 200, рис. 35] (рис. 16).

Северная Норвегия

Среди приблизительно 1 500 рисунков в Намфорсене, на севере Швеции, встречаются лишь несколько изображений медведей на фоне доминирования лося [Hallström 1960; Lindqvist 1994, таблица 9.5]. Одиночные рисованные изображения медведей во Флатруете и, возможно, Фангсьоне, дальше к югу, могут быть моложе.

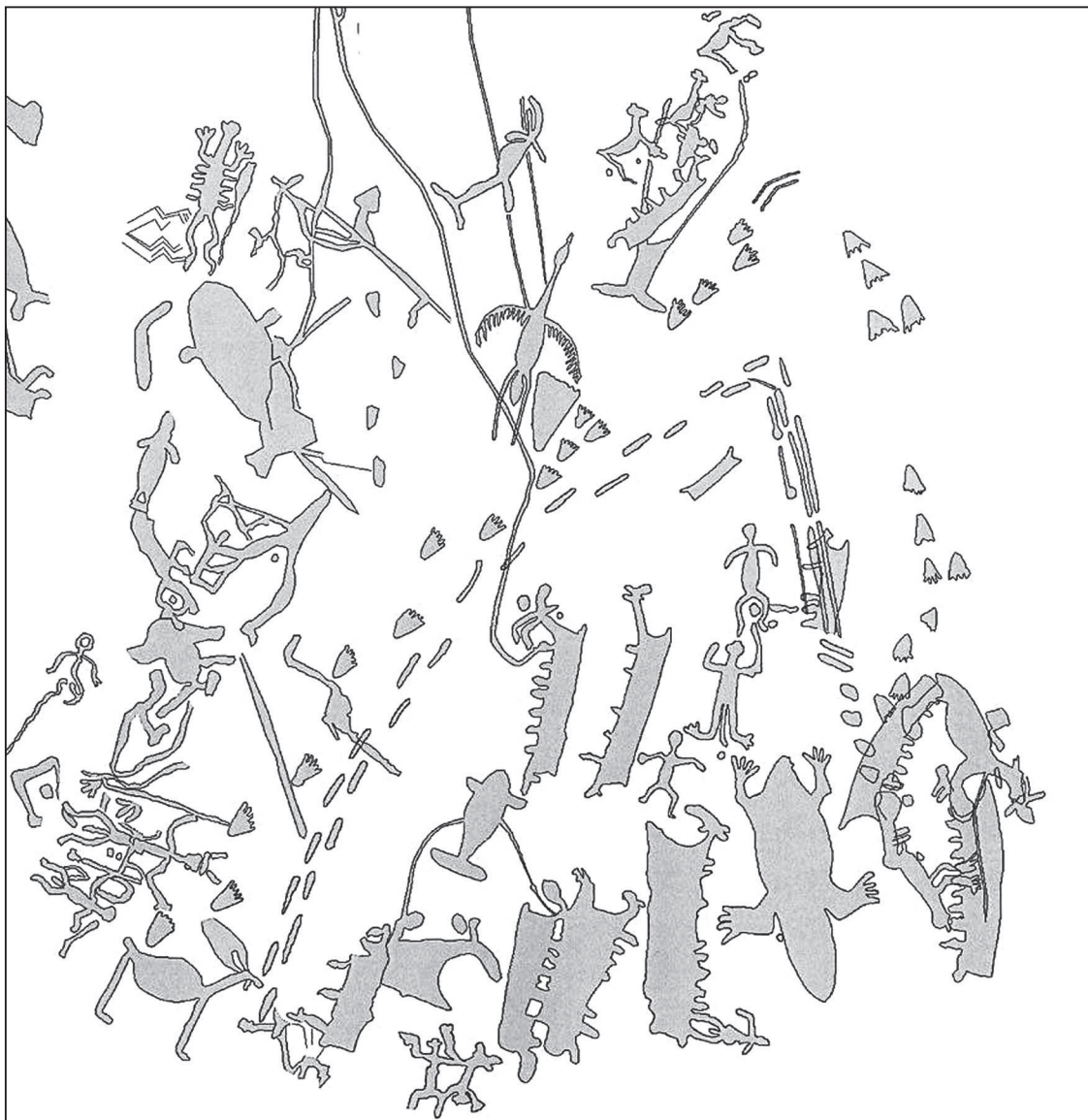

Рис. 14. Большая композиция из скопления Каменный 7, Канозеро [Колпаков и Шумкин 2012], <http://kae.rekvizit.ru/kan/kanintr.htm>

Финляндия

В Финляндии, на востоке и юго-востоке, как уже отмечалось ранее, было обнаружено приблизительно 120 рисованных наскальных изображений. Большинство из них находятся в Южной Финляндии, доминирующим животным является лось. Изображения медведей были встречены всего в трех случаях [Kivikäs 2009; Lahelma 2008b, 27, 195–9].

Обсуждение и заключение

Очевидно, что известные из этнографии ритуальные практики, связанные с медведем, претерпели множество изменений

с глубокой древности. Однако изображения медведей в различных композициях служат подтверждением того, что с ними было связано множество ритуалов начиная с древности и заканчивая этнографической современностью. Изменения в наскальных изображениях, происходящие от мезолита до железного века, маркируют эволюцию культов. Вариации в сюжетах могут отражать своего рода границы и различия в культах. Вера в то, что люди, животные, природные объекты, явления и особенности ландшафта были или могли быть одухотворенными, что у них есть душа и они взаимодействуют друг с другом и людьми, по-ви-

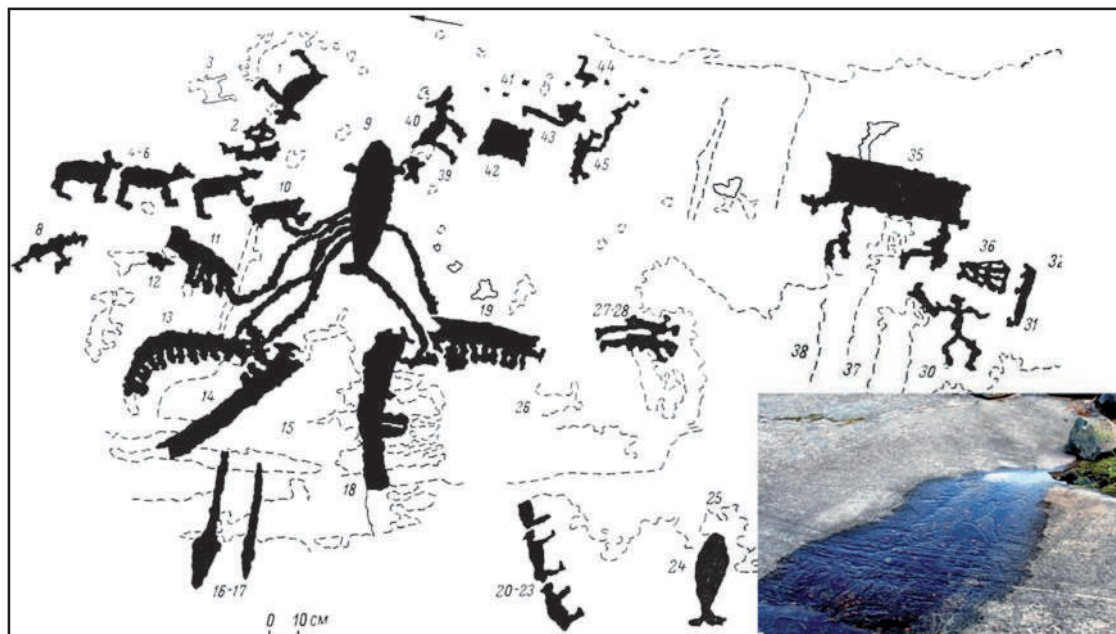

Рис. 15. Новая Залавруга [Savatejev 1970, рис. 48]
(Фото: К. Хельског)

димому, отражена в наскальных рисунках. Духи и божественные силы, вероятно, имели гендерную принадлежность. Изображения медведей, по-видимому, представляют как самцов, так и самок, в то время как, судя по морфологии изображений оленей и лосей, большая часть из них самки. Некоторые изображения животных могли быть связаны с родовыми тотемами, духами-покровителями, духами-помощниками или божественными силами, и свидетельствуют об особом положении животного.

На самом деле, можно утверждать, что нет двух идентичных по размеру, форме, цвету и содержанию фигур композиций, и, таким образом, все содержание коммуникации также разное. Однако если сделать допущение на индивидуальные художественные различия как маркеры идентичности, создается впечатление, что многие фигуры и композиции похожи. Если сравнить только типы наблюдаемых животных, сходство, безусловно, увеличивается. Выгравированные изображения медведей отличаются от фигур оленей и лосей, в них никогда не добавляются линии, разделяющие тело. Все тела представляют собой единое целое, независимо от степени детализации

изображения. Это относится ко всем выгравированным изображениям медведей, за исключением одного, у которого есть так называемый линь, идущий от пасти к округлой фигуре, что часто интерпретируется как сердце или желудок внутри тела. Изображения медведей могут быть обозначены контуром или полностью проработаны, некоторые необычно крупные, многие вписаны в контекст с другими фигурами, другие же представляют собой одиночных животных. Самое большое число и наибольшие вариации были обнаружены в Алте на крайнем севере Норвегии, как в отношении отдельных фигур, так и композиций. Некоторые из композиций очевидны, в то время как в некоторых случаях неясно, какие из фигур взаимосвязаны. В отношении идеи изображения медведей либо в момент их убийства, либо когда они, по-видимому, заняты каким-то действием, существует сходство между Северной Норвегией, Кольским полуостровом и Карелией. Безусловно, размер и форма изображений были значимыми параметрами, при этом неясно, были ли более крупные медведи более важны, чем меньшие по размеру изображения, даже при их размещении на одной скальной по-

верхности или в составе одной композиции. В то же время следует подчеркнуть, что медведи связаны не только с другими медведями, но и с остальными фигурами. Иногда медведи изображены как одиночные фигуры, но чаще всего они изображаются вместе с другими животными, людьми и геометрическими фигурами, и даже с лодками.

Изображения с медведями, переходящими от берлоги к берлоге, представляют период от ранней весны до позднего лета, символизируют пробуждение и возрождение природы весной, угасание природы осенью. Если медведи ассоциировались с возрождением, вполне вероятно, что женские особи, как дарители новой жизни, могли играть более высокую роль в соответствующих ритуалах, культах и сюжетах (по срав-

нению с мужскими). Если добавить к этому тот факт, что в изображениях лося и оленя, по-видимому, больший акцент делается на женских, чем мужских особях, самки животных, которые обеспечивают появление нового поколения, занимали более важное место, чем самцы в ритуалах и культах, отраженных в наскальном искусстве.

В целом — судя по петроглифам, символическим изображениям и костным останкам — на медведей охотились и их ритуализировали. Хотя есть все основания полагать, что медведь всегда был животным, которого опасались, где бы они ни жили, можно также утверждать, что существовали некоторые вариации в том, как на них охотились и убивали, а также в их ритуальном и культовом значении. Различия в свидетельствах, частично

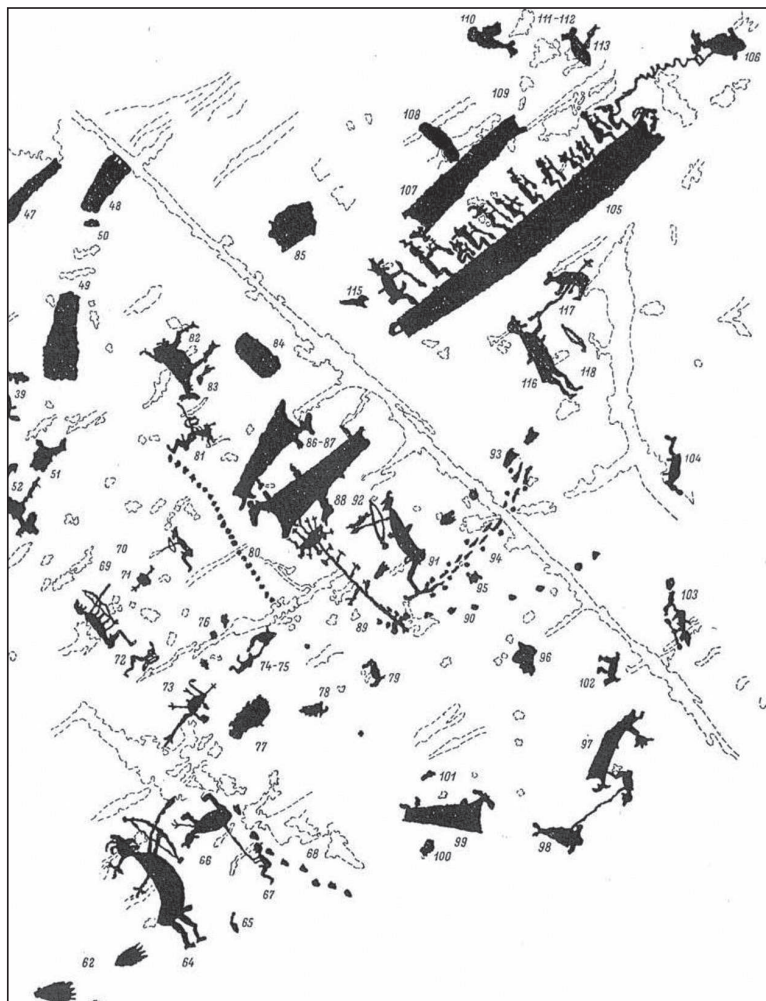

Рис. 16. Новая Залавруга [Savatejev 1970, рис. 35]

вызванные тем, где и как проводились исследования, сохранностью материалов, в большей степени поддерживают идею о наличии местных идентичностей в рамках общей системы культов, чем о существовании единой жесткой модели в среде охотников-рыболовов-собираателей Северной Фенноскандии.

Литература

- Васильев, Б. А. Медвежий праздник / Б. А. Васильев // Советская этнография. — 1948. — №4. — С. 78-104.
- Гурина, Н. Н. Оленеостровский могильник, вступительная статья В. И. Равдоникаса / Н. Н. Гурина. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
- Гурина, Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. — СПб.: Центр Петербургского востоковедения, 1997.
- Жульников, А. М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов / А. М. Жульников. — Петрозаводск: Карельский государственный краеведческий музей, 2006.
- Равдоникас, В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря / В. И. Равдоникас. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1936.
- Саватеев, Ю. А. Залавруга: археологические памятники низовья реки Выг / Ю. А. Саватеев. — Т. 1: Петроглифы. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1970.
- Саватеев, Ю. А. Охотничье-промысловые животные и каменный инвентарь населения Карелии и южной части Кольского полуострова эпохи неолита и раннего металла / Сборник Мезолитические памятники Карелии / Ю. А. Саватеев, Н. Верещагин. — Петрозаводск: Изд-во Академии наук СССР, 1978. — С. 181-215.
- Шумкин, В. Ю. Кольская археологическая экспедиция / В. Ю. Шумкин. — СПб.: Изд-во Института истории материальной культуры, 2007. — <http://kae.rekvizit.ru>
- Asplund, H. (2005). *The Bear and the Female: Bear-Tooth Pendants in Late Iron Age Finland*. *Suomalaisen Tiedekatemia Toimituksia*. Sarja Humaniora 336, pp. 13-30.
- Bäckman, L. (1975). *Sájvoa: Föreställningar om Hjälp- och Skydds- väsen i Heliga Fjäll Bland Samerna*. (Stockholm Studies in Comparative Religion, p. 13.) Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Bäckman, L. (1983). *Förfäderskult: en Studie i Samernas Förhållande Til Sine Avlidna, in LASTA SáDS Áigecála*. ed. Helander E. Umeå: Samiska Forskarsamfundet, pp. 11-48.
- Bäckman, L. (2000). *Björnen i Samisk Tradition, in Samisk Etnobiologi: Människor, Djur och Väster i Norr*. eds. Svanberg I. & Túnonen H. Falun: Nya Doxa, pp. 216-226.
- Bäckman, L. & Hultkrantz Å. (eds.) (1978). *Studies in Lapp Shamanism*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Bäckman, L. & Hultkrantz Å. (eds.) (1985). *Saami Pre-Christian Religion: Studies on the Oldest Traces of Religion Among the Saamis*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Bakka, E. (1988). *Helleristningane på Hammer i Beitstad, Steinkjer, Nord-Trøndelag: Granskingar i 1977 og 1981*. Trondheim: Universitetet i Trondheim, Vitenskapsmuseet.
- Balzer, M. M. (1996). *Sacred Genders in Siberia: Shamans, Bear Festivals, and Androgyny, in Gender Reversals and Gender Cultures: Anthropological and Historical Perspectives*. Ramet S. P. (ed.), London: Routledge, pp. 164-182.
- Baudou, E. (1977). *Den Förhistoriska Fångstkulturen i Väster — Norrland, in Västernorrlands Förhistoria, Baudou E. & Selinge K.-G. (eds.)*. Härnösand: Västernorrlands läns Landsting, pp. 15-152.
- Baudou, E. (1995). *Norrlands Forntid: ett Historiskt Perspektiv*. (Acta Regiae Societatis Skytteanae.) Bjästa: CEWE-förlaget.
- Bieder, R. E. (2005). *Bear*. (Animal.) London: Reaktion Books.
- Bjerck, H. B. (2009). *Colonizing Seascapes: Comparative Perspectives on the Development of Maritime Relations in the Pleistocene / Holocene Transition in North-West Europe, in Mesolithic Horizons*. McCartan S., Schulting R., Warren G. & Woodman P. (eds.). Oxford: Oxbow Books, pp. 16-23.
- Black, L. T. (1998). *Bear in Human Imagination and in Ritual*. *Ursus* 10, pp. 343-347.
- Blankholm, H. P. (2008). *Målsnes 1: An Early Post-Glacial Coastal Site in Northern Norway*. Oxford: Oxbow Books.
- Bogoras, W. (1975). *The Chukchee*. New York (NY): AMS Press.

- Broadbent, N. D. (2010). *Lapps and Labyrinths: Saami Prehistory, Colonization and Cultural Resilience*. Washington (DC): Smithsonian Institution Scholarly Press.
- Coleman, E. B. (2005). *Aboriginal Art, Identity and Appropriation*. (Anthropology and Cultural History in Asia and the Indo-Pacific). Aldershot: Ashgate Publishing.
- Edsman, C. -M. (1994). *Jägaren och Makterna: Samiska och Finska Björnceremonier*. Uppsala: Dialekt och folkminnesarkivet.
- Fjellström, P. (1755) (1981). *Kort Berättelse om Lapparnas Björna-Fänge*. Norrländska Skrifter 5, pp. 1–34.
- Friis, J. A. (1871). *Lappisk Mythologi: Eventyr og Folkesagn. 2 vols*. Christiania: Cammermeyer.
- Germonpré, M. & Hämmäläinen R. (2007). *Fossil Bear Bones in the Belgian Upper Paleolithic: the Possibility of a Protobear-Ceremonialism*. *Arctic Anthropology* 44 (2), pp. 1–30.
- Gimbutas, M. (1956). *The Prehistory of Eastern Europe, part 1: Mesolithic, Neolithic and Copper Age Cultures in Russia and the Baltic Area*. (American School of Prehistoric Research Bulletin 20.) Cambridge (MA): Peabody Museum.
- Gjerde, J. M. (2010). *Rock Art and Landscapes: Studies of Stone Age Rock Art from Northern Fennoscandia*. Tromsø: Institute of Archaeology, University of Tromsø.
- Gjessing, G. (1932). *Arktiske helleristninger i Nord-Norge*. Oslo: H. Aschehoug.
- Goldhahn, J. (2002). *Roaring Rocks: an Audio-Visual Perspective on Hunter-Gatherer Engravings in Northern Sweden and Scandinavia*. *Norwegian Archaeological Review* 35 (1), pp. 29–61.
- Goldhahn, J. (2006). *Hällbildsstudier i Norra Europa: Trender och Tradition under det Nya Milenniet*. (GOTARC Serie C; Arkeologiska Skrifter p. 64.) Göteborg: Göteborgs Universitet, Institutionen för arkeologi.
- Grøn, O. (2005). *A Siberian Perspective on the North European Hamburgian Culture: a Study in Applied Hunter-Gather Ethnoarchaeology*. *Before Farming* 1, pp. 1–30.
- Gurina, N. N. (2005). *The Petroglyphs at Čalmn-Varrè on the Kola Peninsula: Analysis and Analogies*, trans. A. Stalsberg. (Vitark 5; Acta Archaeologica Nidrosiensia.) Trondheim: Tapir Academic Press.
- Hagen, A. (1976). *Bergkunst: Jegerfolkets Helleristninger og Malninger i Norsk Steinalder*. Oslo: Cappelen.
- Halinen, P. (2005). *Prehistoric Hunters of Northernmost Lapland: Settlement Patterns and Subsistence Strategies*. Helsinki: Finnish Antiquarian Society.
- Hallowell, A. I. (1926). *Bear Ceremonialism in the Northern Hemisphere*. *American Anthropologist* 28 (1), pp. 1–175.
- Hallström, G. (1938). *Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age*. Stockholm: Thule.
- Hallström, G. (1960). *Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age: Nämforsen and Other Localities*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Harvey, G. (2005). *Animism: Respecting the Living World*. London: C. Hurst & Company.
- Helskog, E. (1978). *Finnmarksviddas Forhistorie, in Finnmarksvidda: Natur – Kultur*. Oslo: Norges Offentlige Utredninger 18A, pp. 135–144.
- Helskog, K. (1984). *The Younger Stone Age Settlements in Varanger, North Norway: Settlement and Population Size*. *Acta Borealia* 1, pp. 39–70.
- Helskog, K. (1987). *Selective Depictions: a Study of 3000 Years of Rock Carvings from Arctic Norway and Their Relationship to the Sami Drum*, in *Archaeology as Long-Term History*, Hodder I. (ed.). (New Directions in Archaeology.) Cambridge: Cambridge University Press, pp. 17–30.
- Helskog, K. (1988). *Helleristningene i Alta: Spor Etter Ritualer og Dagligliv i Finnmarks Forhistorie*. Alta: K. Helskog; Distributed by Alta Museum.
- Helskog, K. (1999). *The Shore Connection: Cognitive Landscape and Communication with Rock Carvings in Northern Most Europe*. *Norwegian Archaeological Review* 32 (2), pp. 73–94.
- Helskog, K. (2010). *From the Tyranny of the Figures to the Interrelation Ship Between Myths, Rock Art and Their Surfaces, in Seeing and Knowing: Understanding Rock Art with and without Ethnography*. Blundell G., Chippindale C. & Smith B. (eds.) (Rock Art Research Institute Monograph Series). Johannesburg: Wits University Press, pp. 169–187.

- Helskog, K. (2011). *Reindeer Corrals 4700–4200 BC: Myth or Reality?* Quaternary International 238 (1–2), pp. 25–34.
- Helskog, K. & Høgtun E. (2004). *Recording Landscapes in Rock Carvings and the Art of Drawing, in Prehistoric Pictures as Archaeological Source*. eds. Milstreu G. & Pröhl H. (GOTARC Serie C; Arkeologiska Skrifter 50.) Göteborg: Göteborgs Universitet, Institutionen för arkeologi, pp. 23–31.
- Helskog, K., Hood B. & Shumkin V. in prep. *Dwelling Forms and Settlement Patterns on Russia's Kola Peninsula Coast, 2200–1500 cal bc*.
- Hesjedal, A. (1993). *Finnmarks Eldste Helleristninger?* Ottar 194, pp. 25–35.
- Hesjedal, A. (1994a). *Helleristninger Som Tegn og Tekst: en Analyse av Veideristningene i Nordland og Troms*. Tromsø: Institutt for samfunnsvitenskap, Universitetet i Tromsø.
- Hesjedal, A. (1994b). *The Hunters' Rock Art in Northern Norway: Problems of Chronology and Interpretation*. Norwegian Archaeological Review 27 (1), pp. 1–14.
- Honko, L., Timonen S., Branch M. & Bosley K. (1993). *The Great Bear: A Thematic Anthology of Oral Poetry in the Finno-Ugrian Languages*. Oxford: Oxford University Press.
- Hood, B. C. (1988). *Sacred Pictures, Sacred Rocks: Ideological and Social Space in the North Norwegian Stone Age*. Norwegian Archaeological Review 21(2), pp. 65–84.
- Hoppal, M. (1997). *Helping Spirits in Siberian Shamanism, in Circumpolar Animism and Shamanism, vol. 3*. eds. Yamada T. & Irimoto T. Hokkaido: Hokkaido University Press, pp. 193–206.
- Hornborg, A.-C. (2008). *Mi'kmaq Landscapes: from Animism to Sacred Ecology*. Aldershot: Ashgate.
- Hultkrantz, Å. (1991). *The Drum in Shamanism: Some Reflections, in The Saami Shaman Drum*. Ahlbäck T. & Bergman J. (eds.) (Scripta Instituti Donneriani Aboensis 14). Stockholm: Almqvist & Wiksell International, pp. 9–27.
- Ingold, T. (1986). *The Appropriation of Nature: Essays on Human Ecology and Social Relations*. (Themes in Social Anthropology.) Manchester: Manchester University Press.
- Janhunen, J. (2003). *Tracing the Bear Myth in Northeast Asia*. Acta Slavica Iaponica 20, pp. 1–24.
- Janik, L. (2010). *The Development and Periodisation of White Sea Rock Carvings*. Acta Archaeologica 81 (1), pp. 83–94.
- Janik, L., Roughley C. & Szczesna K. (2007). *Skiing on the Rocks: the Experiential Art of Fisher-Gatherer-Hunters in Prehistoric Northern Russia*. Cambridge Archaeological Journal 17 (3), pp. 297–310.
- Jordan, P. (2003). *Material Culture and Sacred Landscape: The Anthropology of the Siberian Khamty*. Walnut Creek (CA): AltaMira Press.
- Kailo, K. (2008). *From the Unbearable Bond to the Gift Imaginary: Archaic Bear Ceremonials Revisited, in Wo(men) and Bears: The Gifts of Nature, Culture and Gender Revisited*. ed. Kailo K. Toronto: Inanna Publications, pp. 243–314.
- Karjalainen, K. F. (1927). *Die Religion der Jugra-Völker, vol. 3*. (FF Communications 63.) Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Kivikäs, P. (2009). *Suomen Kalliomaalausten Merkit*. Jyväskylä: Atena.
- Kivikoski, E. (1961). *Finlands Förhistoria*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Kivisalo, N. (2008). *The Late Iron Age Bear-Tooth Pendants in Finland: Symbolic Mediators Between Women, Bears, and Wilderness?* Temenos 44 (2), pp. 263–291.
- Kjellström, R. & Rydving H. (1988). *Den Samiska Trumman*. Stockholm: Nordiska museet.
- Kolpakov, E. M. (2008). *Petroglyphs of Kanozero: Typological Analysis, in Kanozero Petroglyphs: The Kirovsk International Conference on Rock Art*. Kirovsk: Kirovsk Municipality, pp. 64–65.
- Kolpakov, E. M. & Shumkin V. Y. (2012). *Rock Carvings of Kanozero*. Saint Petersburg: St Petersburg State University Faculty of Philology.
- Kolpakov, E. M., Murashkin A. I. & Shumkin V. Y. (2008). *The Rock Carvings of Kanozero*. Fennoscandia Archaeologica 25, 8696.
- Kuusi, M. (1963). *Karhunpeijaiset, in Suomen Kirjallisuus*. I. Keuruu: Otava, pp. 41–51.
- Lahelma, A. (2007). *'On the Back of the Blue Elk': Recent Ethnohistorical Sources and 'Ambiguous' Stone Age Rock Art at Pyhänpää, Central Finland*. Norwegian Archaeological Review 40(2), pp. 113–137.
- Lahelma, A. (2008a). *Communicating with 'Stone Persons': Anthropomorphism, Saami Religion and Finnish Rock Art*. Iskos 15, pp. 121–142.

- Lahelma, A. (2008b). *A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings*. *Iskos* 15, pp. 6–76.
- Leem, K., Gunnerus J. E. & Jessen E. J. (1767). *Knud Leems Beskrivelse over Finmarkens Lapper: Deres Tungemaal, Levemaade og Forrige Afgudsdyrkelse*. Copenhagen: Trykt udi det Kongel. Wæysenhuses Bogtrykkerie af Salikath G.G.
- Lindqvist, C. (1994). *Fångstfolkets Bilder: en Studie av de Nordfennoskandiska Kustanknutna Jägarhällristningarna*. Stockholm: Institute of Archaeology, University of Stockholm.
- Lobanova, N. V. (2009). *Processes of Adaptation in Culture of the Neolithic Population of Karelia, in Adaptation of Culture of the Karelia Population to the Features of the Local Natural Environment Mesolithic: Medieval Period*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre, pp. 44–68.
- Manker, E. M. (1950). *Die Lappische Zaubertrommel — Eine Ethnologische Monographie, vol. II: Die Trommel als Urkunde Geistigen Lebens*. Stockholm: Gebers.
- Mebius, H. (1968). *Värro: Studier i Samernas Förkristna Offerriter*. Uppsala: Almqvist & Wiksell.
- Mulk, I. -M. & Bayliss-Smith T. (2006). *Rock Art and Sami Sacred Geography in Badjelánnda, Lapponia, Sweden: Sailing Boats, Anthropomorphs and Reindeer*. Umeå: Department of Archaeology and Sami Studies, University of Umeå.
- Myrstad, R. (1996). *Bjørnegraver i Nord-Norge*. Unpublished doctoral thesis, Institutt for samfunnsvitenskap, University of Tromsø.
- Nelson, R. K. (1983). *Make Prayers to the Raven: A Koyukon View of the Northern Forest*. Chicago (IL): The University of Chicago Press.
- Norlander-Unsgaard, S. (1985). *On Gesture and Posture, Movements and Motion in the Saami Bear Ceremonialism, in Saami Pre-Christian Religion: Studies on the Oldest Traces of Religion among the Saamis*. Bäckman L. & Hultkrantz Å. (eds.) (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Comparative Religion 25). Stockholm: Almqvist & Wiksell International, pp. 189–200.
- Olsen, B. (1994). *Bosetning og Samfunn i Finnmarks Forhistorie*. Oslo: Universitetsforlaget.
- Paproth, H. -J. (1976). *Studien über das Bärenzeremoniell, vol. 1: Bärenjagdruten und Bärenfeste bei den tungusischen Völkern*. Uppsala: Religionshistoriska Institutionen.
- Pentikäinen, J. (2007). *Golden King of the Forest: The Lore of the Northern Bear*. Tolley C. (trans.). Helsinki: Etnika.
- Poikalainen, V. (2007). *Onega Petroglyphs*. Kirovsk: Kirovsk Municipality.
- Rankama, T. (2003). *The Colonisation of Northernmost Finnish Lapland and the Inland Areas of Finnmark, in Mesolithic on the Move. Papers Presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm (2000)*, Larsson L., Kindgren H., Knutsson K., Loeffler D. & Åkerlund A. (eds.). Oxford: Oxbow Books, pp. 37–46.
- Renouf, M. A. P. (1989). *Prehistoric Hunter-Fishers of Varanger Fjord, Northeastern Norway: Reconstruction of Settlement and Subsistence during the Younger Stone Age*. (British Archaeological Reports 487). Oxford: BAR.
- Rheen, S. (1897) (1983). *En kortt Relation om Lapparnes Lefwarne och Sedher, wijd-Skiepelse, Sampt i Många Stycken Grofwe Wildfarellssee, in Berattelser om Samerna i 1600-talets Sverige*. Fjellstrom P. (ed.) (Acta Regiæ Societatis Skytteanæ 27). Umeå: Samfundet.
- Rydving, H. (1991). *The Saami Drums and the Religious Encounter in the 17th and 18th Centuries, in The Saami Shaman Drum*. Ahlbäck T. & Bergman J. (eds.) (Scripta Instituti Donneriani Aboensis 14). Stockholm: Almqvist & Wiksell International, pp. 28–51.
- Sandegren, F. & Swenson, J. (1997). *Björnen: Viltet, Ekologin och Människan*. Uppsala: Svenska Jägareförbundet.
- Sarmela, M. (2006). *The Bear in the Finnish Environment: Discontinuity of Cultural Existence*. <http://www.kotikone.fi/matti.sarmela/bear.html>
- Schefferus, J. (1673) (1956). *Lapland*. Manker E. (ed.), Sundin H. (trans.). Uppsala: Gebers. [1674 Oxford edition available at <http://www.kb.se/F1700/Lapland/Lapland.htm>].
- Shirokogoroff, S. M. (1935). *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.
- Shumkin, V. Y. (1990). *The Rock art of Russian Lapland*. *Fennoscandia Archaeologica* 7, pp. 53–67.
- Siikala, A. -L. & Ulyashev O. (2011). *Hidden Rituals and Public Performances: Traditions and*

Belonging among the Post-Soviet Khanty, Komi and Udmurts. (Studia Fennica: Folkloristica.) Helsinki: Finnish Literature Society.

Simonsen, P. (1958). *Arktiske Helleristninger i Nord-Norge, vol. II.* Oslo: Aschehoug.

Simonsen, P. (1961). *Varanger-Funnene, vol. II: Fund og Udgravninger på Fjordens Sydkyst.* (Tromsø Museums Skrifter VII, II.) Tromsø / Oslo: Universitetsforlaget.

Simonsen, P. (1979). *Veidemenn på Nordkalotten, vol. 3: Yngre steinalder og overgang til metall tid.* (Stensilserie B. Historie 17.) Tromsø: Institutt for Samfunnsvitenskap, Universitetet i Tromsø.

Simonsen, P. & Odner K. (1963). *Varanger-Funnene, vol. III: Fund og Udgravninger i Pasvikdalen og ved den Østlige Fjordstrand.* (Tromsø Museums Skrifter VII, III.) Tromsø / Oslo: Universitetsforlaget.

Skandfer, M., Grydeland S. E., Henriksen S., Nilsen R. A. & Valen C. R. (2010). *Tønsnes Havn, Tromsø Kommune, Troms: Rapport fra arkeologiske Utgravninger i 2008 og 2009.* Tromsø: Universitetet i Tromsø.

Sognnes, K. (1981). *Helleristningsundersøkelser i Trøndelag 1979 og 1980.* Trondheim: Universitetet i Trondheim.

Storå, N. (1971). *Burial Customs of the Skolt Lapps.* Grapes C. (trans.). Helsinki: Academia Scientarum Fennica.

Tansem, K. (1999). *Fra Komsakultur til Eldre Steinalder i Finnmark.* (Stensilserie 54.) Tromsø: Institutt for arkeologi, Universitetet i Tromsø.

Tolley, C. (2006). *The Bear in Germanic Legend, in Karhun Kannoilla: In the Footsteps of the Bear.* Tolley, C. (ed.). Pori: School of Cultural Production and Landscape studies, University of Turku.

Tolley, C. (2009). *Shamanism in Norse Myth and Magic, vol. 1.* Helsinki: Academia Scientarum Fennica.

Ukkonen, P. (2004). *Early in the North: Utilization of Animal Resources in Northern Finland during Prehistory.* (Iskos 13.) Helsinki: The Finnish Antiquarian Society.

Vitebsky, P. (1995). *The Shaman.* Boston (MA): Little, Brown.

Welinder, S. (2009). *Sveriges Historia: 13 000 f. Kr. — 600 e. Kr.* Stockholm: Norstedts.

Wylie, A. (2002). *Thinking from Things.* Essays in the Philosophy of Archaeology. Berkeley (CA): University of California Press.

Yamada, T. (1997). *An Anthropology of Animism and Shamanism, in Circumpolar Animism and Shamanism.* Yamada T. & Iromoto T. (eds.). Hokkaido: Hokkaido University Press, pp. 315–327.

Zachrisson, I. (1991). *The Saami Shaman Drums: Some Reflexions from an Archaeological Perspective, in The Saami Shaman Drum.* Ahlbäck T. & Bergman J. (eds.) (Scripta Instituti Donneriani Aboensis 14.) Stockholm: Almqvist & Wiksell International, pp. 80–95.

Zachrisson, I. & Iregren E. (1974). *Lappish Bear Graves in Northern Sweden: an Archaeological and Osteological Study.* Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitetsakademien.

Zolotarev, A. M. (1939). *The Bear Festival of the Olcha.* American Anthropologist 39(1), pp. 113–130.

Zvelebil, M. (2008). *Innovating Hunter-Gatherers: The Mesolithic in the Baltic, in Mesolithic Europe.* Bailey G. & Spikins P. (eds.) .Cambridge: Cambridge University Press, pp. 18–59.

Р. Дж. Лозей, Б. Осипов, Р. Сивакумаран

Кафедра антропологии университета

Альберты, Эдмонтон, Канада

e-mail: robert.losey@ualberta.ca

Т. Номоконова

Кафедра антропологии Британской

Колумбии, Ванкувер, Канада

e-mail: tatiana.nomokonova@gmail.com

ВЫЧИСЛЕНИЕ МАССЫ ТЕЛА СОБАК И ВОЛКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРАНИО-МАНДИБУЛЯРНЫХ РАЗМЕРОВ

Аннотация. Проведена оценка ранее выведенных формул регрессии для определения массы тела собак и волков на основании кранио-мандибулярных размеров с использованием современных экземпляров с известной массой тела на момент смерти. Некоторые из этих уравнений были подтверждены, при этом некоторые из них имели значительную среднеквадратичную погрешность, что может приводить к получению ненадежных результатов оценки массы тела. Были получены новые системы уравнений для определения массы тела собак и волков с использованием наших баз данных, включая систему уравнений, полученную путем объединения биометрических данных собаки и волка в одну популяцию. Полученные уравнения регрессии позволяют определить массу тела на основании серии краниальных и мандибулярных размеров с относительно малой погрешностью. Это подтверждается путем применения формул на примере двух археологических образцов псовых из Прибайкалья, Восточная Сибирь.

Ключевые слова: масса тела, собаки, волки, кранио- и мандибулярные размеры, Восточная Сибирь.

Введение

В последнее время археологи задают все более сложные вопросы относительно взаимоотношений между людьми и домашними животными. Такие вопросы касаются не только происхождения и распространения одомашненных животных, но также и различных форм влияния, оказываемого людьми на жизненный цикл проживающих рядом с ними животных, а также влияния последних на формирование общественных связей и образа жизни людей. Чтобы ответить на эти вопросы, разрабатываются новые, более совершенные методики, целью многих из которых является более полное документирование истории жизни животных и их основных физических харак-

теристик. Эти подходы к изучению останков животных частично заимствованы из остеологии человека, накапливающей в своем арсенале все более совершенные методы исследования. Такие методы могут дать информацию о размерах и форме человеческого тела, особенностях питания, истории болезней и травм и привычной деятельности, при этом многие из этих методик совершенствовались десятилетиями. Однако следует отметить, что лишь немногие зооархеологи используют эти методы при исследовании фаунистических останков, а для некоторых интересующих нас видов, включая собак и волков, методы изучения биологических циклов остаются недостаточно развитыми и основываются на очень незначительных базах данных.

К базовому набору данных, необходимых для интерпретации биологического цикла животного, включая древних псовых, относится определение размеров и массы его тела [Damuth and MacFadden 1990]. Такие оценочные значения могут быть использованы для более полного представления об общем внешнем виде индивида, его метаболических потребностей, способности переносить тяжести или тянуть груз, продуктивности в качестве источника пищи и даже силе укуса [с.ф., Ellis et al. 2008]. Более того, при наличии подобных данных для нескольких экземпляров можно получить ответы на уровне популяции, например, о вариациях в размерах тела в рамках одного региона или стоянки. В свою очередь, эти выводы могут пролить дополнительный свет на деятельность человека, связанную с такими животными, включая практику селекционного разведения, стратегии добычи пропитания, а также совместного участия человека и животного в повседневной деятельности, например, охоты или транспортировки грузов. Наличие достоверных оценочных данных о массе тела древних останков собак, безусловно, поможет повысить качество наших построений.

Наиболее распространенным подходом при реконструкции размеров тела археологических останков собак служат высота в холке [Harcourt, 1974; Von den Driessh and Boessneck, 1974] и масса тела. Не отрицая полезности оценки высоты в холке для проведения различных исследований, в данной работе мы уделим основное внимание определению массы тела. Насколько нам известно, при вычислении массы тела собак археологи основываются исключительно на двух группах уравнений регрессии. К первой относятся уравнения, предложенные в работе Э. Винг [Wing 1978], основанные на данных только по восьми собакам, с массой тела от 5,4 до 25,9 кг. Вторая, предложенная профессором Ван Валькенбург [Van Valkenburgh 1990], основана на более обобщенном подходе к оценке размеров тела для семейства хищников по базе, включавшей в себя по одной мужской и одной женской особи

от 72 разных видов, при этом в этой базе отсутствовали собаки, и было представлено только два волка. В работе Винг представлены уравнения для высоты тела нижней челюсти, длины нижнечелюстного премолярного ряда, в то время как уравнения Ван Валькенбург рассчитаны для длины черепа, длины от затылочного гребня до глазниц и длины нижнечелюстного первого моляра. Ни первое, ни второе исследование не дают возможности оценить массу тела по размерам черепа собак с использованием фактических метрических данных.

Размеры костей конечностей, в частности сечения трубчатых костей и суставных поверхностей, часто считаются более надежными параметрами для определения массы тела млекопитающих, чем размеры черепа [Andersson 2004; Christiansen 1999a; Christiansen 1999b; Christiansen 2002; Damuth and MacFadden 1990; Egi 2001; Ruff et al. 1989], поскольку на размер этих элементов скелета оказывает влияние их роль в поддержании весовой нагрузки. Тем не менее, существует очевидная потребность в разработке надежных способов оценки массы тела собак на основании кранио-мандибулярных размеров, поскольку большинство попыток морфологической идентификации археологических и ископаемых останков псовых основываются исключительно на этих элементах [при этом см. Pioneer-Capitan et al. 2011]. Более того, во многих случаях останки собак состоят только из элементов черепа или нижней челюсти, отличающихся относительной прочностью и, как правило, хорошо сохраняются при постседиментационной фрагментации.

Соответственно, в данной работе основное внимание будет уделено определению массы тела собак и волков на основании кранио-мандибулярных размеров. Для начала мы приведем обзор существующих методов оценки массы тела псовых с использованием биометрических данных для множества современных собачьих и волчьих скелетов из Северной Америки с известной массой тела на момент смерти. Во-вторых, мы используем наш набор данных для построе-

ния системы новых уравнений регрессии для вычисления массы тела собак и волков. Эти уравнения основаны на гораздо более обширных массивах данных для псовых, чем те, что были использованы в предшествующих работах, а также охватывают представителей псовых с большим диапазоном размеров тела. Оба этих фактора призваны повысить надежность получаемых результатов оценки массы тела.

Материалы

Современные материалы и сбор данных

Современные коллекции скелетных материалов собак, использованные в данной работе, представлены 36 особями, включая 22 особи инуитских ездовых собак с острова Эллесмер, Нунавут, Канада; одну домашнюю собаку из Эдмонта, Канада; три собаки неустановленной породы из Британской Колумбии, Канада; и восемь собак смешанной породы из приюта для животных во Флориде, США. Семь из восьми флоридских собак были теми же особями, которых использовала проф. Винг [Wing 1978] в своей работе; восьмой образец, использованный Винг, не подлежал перевозке. В целом выборка состоит из 24 мужских особей, 11 женских и одной особи неопределенного пола. В пределах этой выборки было 30 взрослых животных, три молодых и три новорожденных. Масса тела этих особей варьировалась от 1,9 до 49,0 кг.

Коллекция современных скелетных материалов волков включает в себя: 108 особей, все — дикие, жившие на свободе животные из Канады, включая 34 особи из Северо-Западных территорий, 28 — с острова Ванкувер, Британская Колумбия, 22 — из Альберты, 17 — из Нунавута, три — из Онтарио, и по одной — из Юкона, Саскачевана, Квебека и материковой Британской Колумбии. Выборка состояла из 61 мужской, 46 женских и 1 особи неизвестной половой принадлежности; 91 взрослой особи и 17 молодых. Масса тела этих особей варьировалась от 9,2 до 50,8 кг. Следует отметить, что в отношении волков с острова Ванкувер были выявля-

ны генетические следы недавнего скрещивания с собаками [Muñon-Fuentes et al. 2010].

Необходимо сделать некоторые замечания в отношении использования скелетных данных и формул для волков. Наши образцы были собраны на большей части территории Канады, включая три обширных региона страны, в которых проживают разные подвиды волков, отличающиеся некоторыми морфологическими особенностями [Nowak 1995]. Хотя это может указывать на то, что образцы, представленные в нашей выборке, могут отражать существенную долю морфологической вариативности, остается неясным, отражает ли этот спектр особенности подвидов, присутствующих в других регионах, включая более южные регионы Северной Америки и Евразии. Иными словами, формулы, основанные на этих данных, наиболее точно отражают ситуацию для волков Северной Америки, при этом их достоверность для особей за пределами этого региона неизвестна. Мы планируем провести дополнительный анализ в отношении волков из других регионов за пределами Канады.

Краниальные и мандибулярные размеры (рис. 1), использованные в настоящей работе, первоначально предназначались для проведения многофакторного анализа, преимущественно в целях идентификации археологических образцов псовых неизвестной таксономии [см. Losey et al. 2011, 2013]. Измерения включали в себя множественные промеры, описанные А. фон ден Дриш [Von den Driesch 1976; далее ФДД, при этом ФДДк означает краниальные, а ФДДм — мандибулярные измерения] для псовых, включая 16 краниальных промеров (номера 1, 2, 3, 7–9, 13а, 15–18, 20 (длина и ширина), 29, 30, 34, 35) и 19 на нижней челюсти (номера 1–14, 17–20; промер 13 включает в себя длину и ширину). Было добавлено три дополнительных краниальных размера, все они были взяты из работы Мори [Morey 1992, 187; P3, OI, и IM2]. Все измерения были сделаны обычным штангенциркулем, за исключением длины черепа (ФДДк 1–3), для которых часто требовался раздвижной штангенциркуль. Все биометрические данные для собак

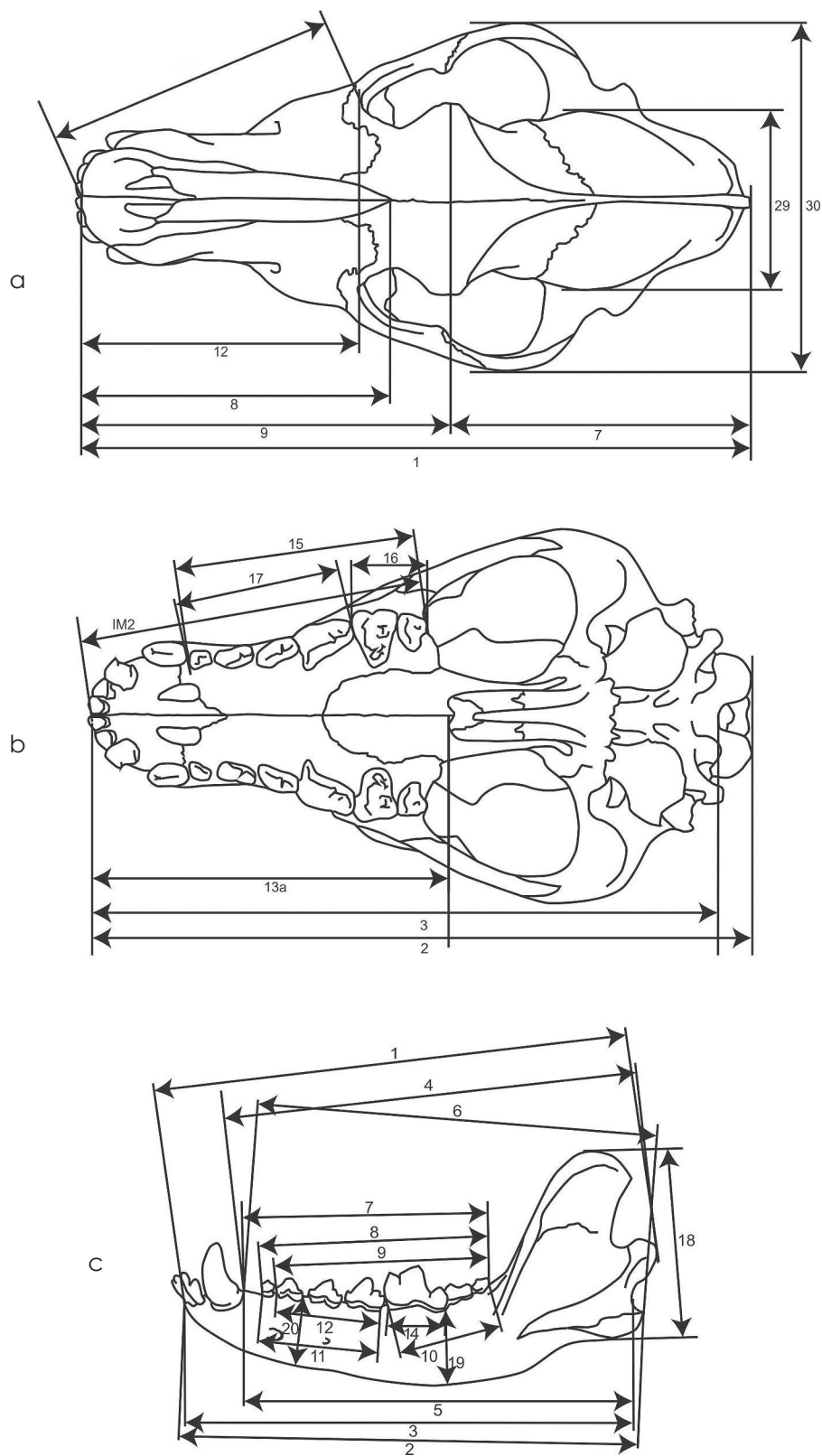

Рис. 1. Краниальные и мандибулярные размеры псовых, использованные в данной работе. Видоизмененные иллюстрации на основании работ Von den Driesch (1976) и Morey (1992); в обеих работах содержатся письменные описания выбранных размеров. Обращаем внимание, что замеры зубов не представлены на этих рисунках (краниальные размеры 18 и 20 и мандибулярный размер 13 ФДД, и P3 по Мори; мандибулярный размер 17 ФДД также не представлен.
 а) вид черепа сверху; б) вид черепа снизу; в) вид челюсти сбоку

и волков были впоследствии проанализированы с использованием пакета программ для обработки статистических данных в социологии SPSS версии 14 (IBM Corp., 2006).

Оценка существующих методов определения массы тела

Для оценки достоверности ранее выведенных уравнений определения массы тела псовых мы провели следующие тесты. Уравнения Ван Валькенбург [Valkenburgh 1990] для длины черепа и нижнечелюстного первого моляра были применены к собранным нами метрическим данным для волков и собак. У нас не было возможности проверить уравнение Ван Валькенбург для длины от затылочного гребня до глазниц, поскольку мы не производили такого замера в ходе сбора данных — такой промер не включен в перечень А. фон ден Дриш [Von den Driesch 1976], являющийся стандартным руководством для анализа метрических данных псовых в археологии. Для двух уравнений регрессии, которые мы смогли протестировать, достоверность определения массы тела оценивалась путем расчета процентной погрешности прогноза (ППП) для отдельных образцов и среднего значения такой процентной погрешности для всей выборки. ППП рассчитывалась как:

$$\text{ППП} = \frac{\text{фактическая масса тела} - \text{прогнозная масса тела}}{\text{прогнозная масса тела}} \cdot 100.$$

Для оценки достоверности уравнений Винг [Wing 1978] потребовалось ввести несколько дополнительных факторов. Во-первых, Винг рекомендовала с осторожностью использовать два из ее уравнений, а именно уравнения для длины нижнечелюстного премолярного и молярного ряда. В частности, она указывала на то, что скученность зубных рядов может внести погрешность в результаты вычисления массы тела по ее формуле. Тем не менее, она пришла к выводу, что размеры чрезвычайно хорошо коррелировали с массой тела в ее выборке,

по обеим регрессиям был получен линейный коэффициент корреляции R (данные о значениях R² и ППП отсутствуют) более 0.930. К числу других проблем, касающихся этих измерений (и других, основывающихся на околозубных точках), не учтенных в ее работе, относятся предсмертная утрата зубов или гиподонтия, при этом в обоих случаях выполнение измерений будет затруднено. Несмотря на все эти ограничения, мы протестировали два уравнения Винг для нижнечелюстного зубного ряда на наших данных с использованием вышеописанного метода.

Во-вторых, предпочтительная формула Винг для вычисления массы тела основана на высоте нижней челюсти, измеряемой по срединной точке первого моляра, т. е. размере, не включенном в перечень фон ден Дриш [Von den Driesch 1976]. В большинстве исследований археологических останков псовых, включая наше, этот размер не учитывается, таким образом, он не тестировался и в данной работе. Не менее важным является тот факт, что замер высоты тела нижней челюсти производится от дорсального края альвеолы первого моляра (как правило, на лабиальной поверхности в срединной точке альвеолы [см. Clutton-Brock and Hammond 1994]). Эти области могут быть подвержены резорбции альвеолярного отростка у собак зрелого возраста, а также в случае заболевания или травмы зубов [Lobprise 2007]. Такая потеря костной ткани, очевидно, внесет погрешность в расчет массы тела. Значительно более распространенным измерением высоты тела нижней челюсти является замер ФДД 19, производимый непосредственно за первым моляром (позади него), этот участок также может быть до некоторой степени подвержен резорбции кости по тем же самым причинам.

Общее уравнение регрессии Ван Валькенбург для длины черепа (ФДДк2) для расчета массы тела хищников дало хорошие результаты для наших образцов по волкам, с процентной погрешностью прогноза всего 11,39 % (табл. 1). Эта погрешность практически совпадает с результатом нашего наиболее точного уравнения для волков. При ис-

Оценка ранее существующих формул по уравнениям регрессий для определения массы тел собак и волков на основе измерений черепа и нижней челюсти. Уравнения взяты из Van Valkenburgh (1990) и Wing (1978). PPE — это процент предсказуемой погрешности

Уравнения регрессий	Кол-во замеров	Группа	PPE
Van Valkenburgh длина черепа (VDDc2)	94	Волк	11.39
Van Valkenburgh длина черепа (VDDc2)	36	Собака	18.41
Van Valkenburgh длина M1 нижней челюсти (VDDm13)	104	Волк	66.84
Van Valkenburgh длина M1 нижней челюсти (VDDm13)	27	Собака	56.94
Wing длина ряда премоляров нижней челюсти (VDDm11)	14	Собака	43.39
Wing длина ряда моляров нижней челюсти (VDDm10)	24	Собака	63.04
AAR 21028	SAM-2	ЯНАО, ЗС	Шерстистый мамонт
AAR 21029	SAM-1	ЯНАО, ЗС	Шерстистый мамонт
AAR 24505	UV-2	р. Войкар	Шерстистый мамонт
AAR 24506	North UV-2	р. Войкар	Шерстистый мамонт
AAR 24507	UT6	р. Войкар	Шерстистый мамонт

пользовании этого уравнения для расчета массы тела собак по нашим материалам погрешность была, как правило, больше, значение ППП для этих образцов составляло 18,41 %. Хотя несколько уравнений для размеров черепа собак, рассчитанных нами для настоящего исследования, и дают погрешность прогноза массы тела меньше, чем для уравнения Ван Валькенбург (см. ниже), эта погрешность все же остается в допустимых пределах для других широко используемых методов вычисления массы тела [см. Damuth and MacFadden 1990]. Иными словами, это уравнение, по-видимому, дает достаточно достоверный прогноз массы тела как для волков, так и для собак. Уравнение Ван Валькенбург [Van Valkenburgh 1990] для длины нижнечелюстного моляра (ФДДм13) показало неудовлетворительные результаты на наших материалах как для волков с ППП 66,84 %, так и собак — ППП 56,94 % (табл. 1). Таких результатов вполне можно было ожидать, учитывая широкую таксономическую структуру базы данных Ван Валькенбург и тот факт, что длина зуба не увеличивается на протяжении жизненного цикла животного; у собак кальцинация коронки ниж-

нечелюстного первого моляра происходит во внутриутробном периоде [Williams and Evans 1978]. Принимая во внимание неудовлетворительность результата при применении уравнения длины моляра, мы не рекомендуем использовать его для вычисления массы тела собак и волков.

Уравнения Винг [Wing 1978] для длины нижнечелюстного премолярного (ВДДм 11) и молярного (ВДДм 10) рядов также показали большую среднюю погрешность на наших образцах для собак, значения ППП для этих двух уравнений составили 43,39 % и 63,04 % соответственно (табл. 1). Таким образом, мы присоединяемся к предостережению Винг в отношении использования этого уравнения. Как уже отмечалось ранее, у нас не было возможности рассчитать погрешность уравнения Винг для высоты тела нижней челюсти на наших материалах. Тем не менее, следует отметить, что уравнение, выведенное нами для высоты тела нижней челюсти (ФДДм19), показало относительно небольшие значения ППП — 20,83 % (см. Табл. 2). Поскольку этот замер высоты тела нижней челюсти аналогичен замерам Винг, ее формула, возможно, дала бы ана-

Таблица 2

Статистические данные по линейным уравнениям регрессий между измерениями по черепу и нижней челюсти собак и массы тела. VDD — это по Von den Driesch (1976), и Morey — это по Morey (1992)

Измерения	Кол-во замеров	R	R2	% PE	% SEE	Коэффициент	Постоянная
<i>Череп</i>							
VDDc1	36	0.964	0.929	14.80	18.57	3.140	-5.883
VDDc2	36	0.970	0.941	13.60	17.03	3.169	-5.867
VDDc3	34	0.973	0.947	13.21	16.61	3.152	-5.744
VDDc7	36	0.960	0.921	15.10	20.02	3.496	-5.601
VDDc8	36	0.929	0.864	20.46	27.10	2.604	-3.844
VDDc9	36	0.933	0.871	20.15	26.25	3.094	-5.014
VDDc13a	36	0.967	0.934	13.79	18.11	3.192	-5.026
VDDc15	32	0.897	0.805	16.73	22.65	4.039	-6.036
VDDc16	34	0.644	0.415	29.81	49.36	2.354	-1.599
VDDc17	31	0.677	0.459	26.79	41.24	2.414	-2.758
VDDc18 длина	33	0.836	0.699	22.60	33.86	4.445	-4.382
VDDc18 ширина	31	0.892	0.795	16.94	28.00	3.180	-1.951
VDDc20 длина	33	0.784	0.615	25.60	38.81	5.179	-4.402
VDDc20 ширина	33	0.849	0.721	22.91	32.22	3.538	-2.902
VDDc29	27	0.604	0.365	34.52	62.39	5.672	-8.466
VDDc30	27	0.955	0.913	13.92	19.66	3.312	-5.458
VDDc34	27	0.948	0.899	14.85	21.29	4.382	-6.791
Morey OI	36	0.948	0.899	17.86	22.97	2.578	-3.636
IM2	34	0.719	0.710	21.15	32.04	2.988	-4.615
P3 длина	32	0.843	0.711	19.59	27.98	3.952	-3.028
<i>Нижняя челюсть</i>							
VDDm1	27	0.977	0.955	10.64	13.69	3.046	-5.259
VDDm2	27	0.981	0.962	9.30	12.43	2.877	-4.903
VDDm3	27	0.978	0.957	9.89	13.39	3.058	-5.218
VDDm4	26	0.965	0.932	9.61	13.92	2.474	-3.835
VDDm5	26	0.967	0.934	9.62	13.60	2.431	-3.688
VDDm6	26	0.954	0.911	10.88	16.06	2.398	-3.672
VDDm7	24	0.875	0.766	11.55	16.69	3.041	-4.437
VDDm8	15	0.864	0.746	11.55	18.63	3.794	-5.790
VDDm9	22	0.814	0.663	14.16	21.09	2.808	-3.801
VDDm10	24	0.713	0.508	17.04	25.06	4.265	-5.248
VDDm12	18	0.919	0.845	9.20	14.38	3.161	-3.579
VDDm13 длина	21	0.691	0.477	17.60	25.94	4.063	-4.114
VDDm13 ширина	21	0.776	0.602	15.52	22.30	2.611	-1.143
VDDm14	21	0.611	0.374	18.86	28.71	3.048	-2.664
VDDm15 длина	21	0.606	0.367	19.74	28.89	2.564	-1.057
VDDm15 ширина	21	p>0.05					

Измерения	Кол-во замеров	R	R ²	% PE	% SEE	Коэффициент	Постоянная
VDDm17	23	0.843	0.710	24.46	40.97	3.226	-2.173
VDDm18	23	0.976	0.952	11.27	14.98	2.352	-2.826
VDDm19	23	0.908	0.825	20.83	30.57	3.086	-3.036
VDDm20	23	0.851	0.725	24.59	39.77	3.116	-2.819

логичное значение погрешности прогноза. Тем не менее, мы обнаружили несколько размеров нижней челюсти собак, более соизмеримых с массой тела, чем высота тела; мы предлагаем использовать эти уравнения для вычисления массы тела по нижней челюсти собак, поскольку их погрешность в нескольких случаях была более чем на 50 % ниже, чем для уравнений, основанных на высоте тела нижней челюсти.

Новые уравнения регрессии для вычисления массы тела

Для оценки соотносимости собранных нами кранио-мандибулярных размеров с массой тела биометрические данные были вначале логарифмически преобразованы, что сделало их более удобными для интерпретации и статистической обработки. Хотя логарифмическое преобразование данных и не всегда необходимо или желательно [см. Smith 1984], такая обработка данных широко применяется при аллометрическом пересчете, и такой же подход был принят в нашей работе. После этого все краниальные и мандибулярные размеры оценивались индивидуально по массе тела с использованием инструмента «оценочной кривой» в SPSS, при этом вначале группы данных по собакам и волкам обрабатывались отдельно. Наконец (как поясняется ниже), две группы объединялись в одну группу *Canis spp.*, и краниальные и мандибулярные размеры повторно тестировались по известным значениям массы тела с использованием вышеописанной методики. Для каждого размера костей/зубов и уравнения массы тела значения R и R², ППП и процентная среднеква-

дратическая погрешность оценки (% СПО) были также рассчитаны, а уже эти значения использовались для оценки прогнозной достоверности уравнений. В целом линейные кривые дали наилучшие результаты независимо от рассматриваемой группы (собаки, волки или *Canis spp.*), результаты для каждого размера и тестируемой группы представлены в Табл. 2–4.

Для собачьих черепов девять разных размеров в выборке имели значения R² выше 0,850 (табл. 2) и % СПО 27,1 или менее. Для волчьих черепов наиболее хорошо коррелируемый размер (ФДДк2) имел значение R² 0,728, а три других размера в группе волков опускались чуть ниже этого уровня, при этом все четыре полученных в результате уравнения регрессии имели % СПО 16,51 или ниже (табл. 3). Для собак хорошая корреляция наблюдалась для нескольких разных значений общей длины (ФДДк 1–3) и размеров длины клюва мозолистого тела (ФДДк 13а и ОI по Мори), а также длины мозгового черепа (ФДДк 7), ширины неба (ФДДк 34) и ширины у скуловых дуг (ФДДк 30; рис. 2). Краниальные зубные размеры (ФДДк 18 и 20 длина и ширина, и длина Р3 по Мори), а также длина зубных рядов (ФДДк 15Ц, 17) не так хорошо коррелировали с массой тела по нашей собачьей выборке, со значениями R² 0,799 или ниже. Для волков наилучшая корреляция наблюдалась по краниальной длине (ФДДк 1–3) и ширине у скуловых дуг (ФДДк 30; табл. 3).

Для собак некоторые мандибулярные размеры лучше соотносились с массой тела, чем любые из краниальных размеров (табл. 2), со значениями ППП и % СПО 11,27

Таблица 3

Статистические данные по линейным уравнениям регрессий между измерениями по черепу и нижней челюсти волков и массы тела. VDD — это по Von den Driesch (1976), и Morey — это по Morey (1992)

Измерения	Ко-во замеров	R	R2	% PE	% SEE	Коэффициент	Постоянная
<i>Череп</i>							
VDDc1	106	0.827	0.684	11.49	16.51	3.017	-5.683
VDDc2	94	0.853	0.728	11.72	15.78	3.349	-6.374
VDDc3	73	0.848	0.719	11.81	16.30	3.369	-6.335
VDDc7	103	0.833	0.694	11.09	16.00	2.602	-3.816
VDDc8	108	0.686	0.471	14.23	21.67	2.251	-3.174
VDDc9	107	0.662	0.439	15.29	22.39	2.626	-4.131
VDDc13a	106	0.813	0.660	12.62	17.09	3.258	-5.241
VDDc15	106	0.611	0.374	14.66	20.63	2.455	-3.175
VDDc16	106	0.305	0.093	16.79	23.87	1.268	-0.153
VDDc17	104	0.483	0.233	15.51	21.87	1.190	-0.599
VDDc18 длина	106	0.548	0.300	14.85	20.69	2.138	-1.424
VDDc18 ширина	85	p>0.05					
VDDc20 длина	107	0.329	0.108	17.09	24.97	1.305	-0.042
VDDc20 ширина	106	0.334	0.112	17.48	25.04	1.071	+0.157
VDDc29	103	0.414	0.171	16.68	27.67	3.241	-4.315
VDDc30	104	0.848	0.719	11.32	15.47	2.547	-3.851
VDDc34	107	0.702	0.492	14.05	21.28	2.938	-4.024
Morey OI	108	0.773	0.598	13.14	18.64	2.769	-4.115
IM2	106	0.444	0.197	16.91	23.57	0.233	1.075
P3 длина	105	0.406	0.165	15.35	22.03	1.255	-0.570
<i>Нижняя челюсть</i>							
VDDm1	103	0.799	0.639	12.68	17.71	2.945	-5.104
VDDm2	102	0.796	0.633	11.72	15.78	2.821	-4.832
VDDm3	103	0.791	0.626	13.00	18.06	3.090	-5.379
VDDm4	106	0.789	0.623	12.63	18.04	2.812	-4.633
VDDm5	106	0.790	0.624	12.78	17.99	3.032	-5.057
VDDm6	104	0.796	0.634	12.62	17.85	2.737	-4.484
VDDm7	100	0.696	0.485	13.08	17.51	2.920	-4.316
VDDm8	100	0.617	0.318	14.25	19.20	2.807	-4.014
VDDm9	101	0.641	0.410	13.74	18.73	2.855	-4.020
VDDm10	101	0.345	0.119	15.93	22.73	1.503	-0.949
VDDm11	102	0.598	0.358	14.35	19.67	2.277	-2.352
VDDm12	105	0.624	0.389	13.93	19.09	2.208	-2.099
VDDm13 длина	104	0.351	0.123	15.95	23.29	1.265	-0.279
VDDm13 ширина	103	0.492	0.242	14.67	21.68	1.416	+0.066
VDDm14	105	0.474	0.224	14.85	21.76	1.823	-1.084
VDDm15 длина	105	0.201	0.040	17.34	24.48	0.676	+0.831

Измерения	Кол-во замеров	R	R2	% PE	% SEE	Коэффициент	Постоянная
VDDm15 ширина	105	p>0.05					
VDDm17	105	0.490	0.240	14.43	22.83	1.426	-0.073
VDDm18	107	0.868	0.753	10.32	14.28	1.961	-2.100
VDDm19	106	0.661	0.437	13.63	19.27	1.644	-0.880
VDDm20	105	0.565	0.320	14.02	20.24	1.447	-0.463

и 16,06 или ниже соответственно. К ним относятся несколько мандибулярных размеров по длине (ФДДм 1, 4, 5, 6), а также высоте вертикальной ветви (ФДДм 18). Высота тела нижней челюсти (ФДДм 19) показала шестой по величине погрешности результат среди протестированных мандибулярных размеров (% СПО 30,87 %). При этом очевидно, что высота тела нижней челюсти у собак хуже коррелирует с массой тела, чем различные размеры по длине, и этот размер следует использовать лишь в тех случаях, когда получить точные значения таких размеров не удастся. Три мандибулярных размера для волков хорошо соотносились с массой тела для нашей выборки, включая два измерения по длине (ФДДм 1,2) и высоте вертикальной ветви (ФДДм 18; табл. 3 и рис. 2). Так же как и для собачьей выборки, уравнения регрессии для мандибулярных размеров у волков дают несколько меньшие значения ППП и % СПО, чем уравнения для краниальных размеров.

Объединенная база данных по волкам и собакам (*Canis spp.*) также дала серию уравнений регрессии для краниальных и мандибулярных размеров с относительно низкими значениями ППП и % СПО (табл. 4). Эти формулы регрессии могут быть наиболее пригодны для вычисления массы тела очень древних собак [Germonpré et al. 2009, 2012; Ovodov et al. 2011] или в тех случаях, когда есть подозрение на гибрид волка и собаки [напр. Walker and Frison 1982], так как в обоих случаях можно ожидать промежуточных пропорций тела между волками и более ранними не-гибридными

ми собаками. Применение этих формул для изучения образцов псовых часто дает результаты массы тела, которые можно считать промежуточными между результатами, получаемыми на основании использования уравнений для волков и собак. Это происходит потому, что некоторые размеры черепа и нижней челюсти собак часто меньше, чем аналогичные размеры у волков с аналогичной массой тела.

Например, в нашей выборке черепа собак короче по отношению к массе всего тела в сравнении с волками (см. Рис. 2). Линии регрессии для объединенных групп в этом случае перекрывают набор данных по волкам и собакам. При этом, поскольку наша база данных *Canis spp.* содержит гораздо больше наборов данных для волков, чем для собак, полученные в результате значения массы тела смещаются в сторону формы тела волков (значения массы часто ближе к величинам, полученным с использованием формул для волков, чем для собак). Очевидно, что такие формулы следует применять с осторожностью.

Наконец, важно отметить, что в обе наши базы данных по псовым мы намеренно включили множество молодых особей, частично для того, чтобы иметь возможность определять массу тела с использованием скелетных элементов от молодых собак и волков в археологических материалах. Наборы данных по молодым особям во всех случаях «фиксировали» наши линии регрессии, поскольку эти особи обладали самой маленькой массой тела и самыми короткими размерами элементов скелета. Удаление молодых

Таблица 4

Статистические данные по линейным уравнениям регрессий между измерениями по черепу и нижней челюсти *Canis spp.* (объединенные данные по собакам и волкам) и массы тела. VDD — это по Von den Driesch (1976), и Morey — это по Morey (1992)

Измерения	Кол-во замеров	R	R ²	% PE	% SEE	Коэффициент	Постоянная
<i>Череп</i>							
VDDc1	143	0.923	0.852	13.50	11.40	2.704	-4.919
VDDc2	130	0.935	0.874	13.15	11.56	2.849	-5.177
VDDc3	107	0.933	0.871	13.41	11.60	2.837	-5.075
VDDc7	139	0.930	0.864	12.93	11.30	2.998	-4.629
VDDc8	144	0.870	0.772	16.39	23.72	2.275	-3.216
VDDc9	143	0.863	0.745	17.67	25.36	2.444	-3.723
VDDc13a	142	0.925	0.856	14.04	12.65	2.869	-4.416
VDDc15	138	0.778	0.605	16.92	23.59	2.379	-3.017
VDDc16	139	0.702	0.492	19.72	29.34	2.528	-1.852
VDDc17	135	0.684	0.468	18.29	27.65	1.687	-1.502
VDDc18 длина	139	0.747	0.558	19.10	27.49	2.269	-1.596
VDDc18 ширина	109	0.494	0.244	16.28	23.63	1.218	+0.164
VDDc20 длина	134	0.468	0.219	18.47	26.70	1.144	+0.160
VDDc20 ширина	133	0.493	0.243	18.20	26.33	1.297	-0.138
VDDc29	130	0.564	0.318	34.34	37.63	2.751	-3.418
VDDc30	131	0.915	0.837	12.29	16.92	2.918	-4.639
VDDc34	134	0.846	0.716	15.23	22.66	3.804	-5.677
Morey OI	144	0.902	0.814	15.18	12.82	2.280	-3.101
IM2	140	0.426	0.181	21.94	39.55	0.389	+0.715
P3 I длина	137	0.700	0.489	17.30	26.12	2.101	-0.957
<i>Нижняя челюсть</i>							
VDDm1	137	0.930	0.864	13.08	12.46	2.840	-4.859
VDDm2	136	0.929	0.863	13.14	12.67	2.710	-4.570
VDDm3	137	0.925	0.855	13.56	12.81	2.815	-4.750
VDDm4	139	0.911	0.830	13.42	12.38	2.607	-4.174
VDDm5	139	0.908	0.825	13.68	12.55	2.586	-4.075
VDDm6	137	0.908	0.825	13.84	12.43	2.484	-3.917
VDDm7	130	0.825	0.681	15.50	20.49	2.600	-3.658
VDDm8	121	0.800	0.641	16.09	21.94	2.695	-3.782
VDDm9	129	0.780	0.608	16.46	22.95	2.444	-3.206
VDDm11	123	0.795	0.633	15.90	22.30	2.487	-2.707
VDDm12	129	0.827	0.685	34.76	20.37	2.590	-2.726
VDDm13 длина	132	0.711	0.505	19.01	29.19	2.218	-1.659
VDDm13 ширина	131	0.775	0.600	17.29	25.95	2.373	-0.944
VDDm14	133	0.724	0.524	34.14	28.45	2.113	-1.495
VDDm15 длина	126	0.416	0.173	18.20	25.67	1.008	+0.475

Измерения	Кол-во замеров	R	R2	% PE	% SEE	Коэффициент	Постоянная
VDDm15 ширина	126	0.378	0.143	17.74	26.19	0.939	+0.663
VDDm17	135	0.811	0.658	33.72	29.30	2.588	-1.412
VDDm18	137	0.948	0.899	11.46	10.86	2.301	-2.738
VDDm19	137	0.878	0.771	15.28	23.34	2.406	-2.020
VDDm20	135	0.830	0.692	17.84	27.39	2.538	-2.000
VDDm20	105	0.565	0.320	14.02	20.24	1.447	-0.463

особей из баз данных, очевидно, дало бы уравнения регрессии с большими значениями % СПО. Иными словами, в этом случае наблюдалась бы большая вариативность значений массы тела (которая, безусловно, обычно растет с возрастом, но также различается под влиянием других факторов, таких как сезонность) по отношению к вариативности длины элементов, которые, как правило, окончательно формируются к зрелому возрасту.

Чтобы применить уравнения регрессии, приведенные в Табл. 2–4, к древним образцам, необходимо, во-первых, произвести замеры образцов с фиксацией результатов в миллиметрах. Во-вторых, выбирается формула регрессии, предпочтительно с наименьшими значениями ППП и % СПО, которая может быть использована в данном случае для получения единичного вычисления массы. Как вариант можно использовать систему уравнений регрессии на одном образце и затем зафиксировать диапазон значений массы тела. Независимо от выбранного подхода рассматриваемый размер должен быть подвергнут \log_{10} преобразованию, а затем умножен на коэффициент, а константа вычтена из полученного результата. Обращенный логарифм этого результата дает вычисленное значение массы тела особи в килограммах.

Например, для вычисления массы тела позднемезолитического волка со стоянки Локомотив [Losey et al. 2011] под Иркутском, Россия, мы использовали уравнение регрессии ФДДм 18 для мандибулярных

размеров волков. Необработанное значение для этого размера на нижней челюсти волка составляло 80,62 мм, оно было внесено в таблицу Microsoft Excel и затем \log_{10} преобразовано с использованием функции «=log10(80,62)» — полученный результат составил 1,9064. Это число затем умножается на постоянную величину 1,961, после чего величина 2,1000 вычитается из этого результата, что дает значение 1,6385. Затем был получен обращенный логарифм этого результата с использованием функции Excel «=10^1,6385», что дает величину массы тела 43,50 кг. В более формализованном виде это уравнение имеет следующую форму, где y — зависимая переменная (вес), α — константа, β — коэффициент регрессии, и x — размер элемента:

$$\text{Log}(y) = \alpha + \beta \log(x).$$

Следует отметить, что этот волк был самцом [Losey et al. 2011], и рассчитанная масса тела для этой особи близка к средним значениям для самцов волков из таежных областей Сибири [Heptner et al. 1974].

В отношении костных останков с раннемезолитического памятника Усть-Хайта (также из Прибайкалья), ранее идентифицированных как, возможно, принадлежавших собаке [Losey et al. 2013], мы приняли более широкий подход и рассчитывали массу тела по нескольким размерам, используя уравнения регрессии, составленные по базам данных для волков, собак и *Canis spp.* Разброс результатов с использованием разных

уравнений составил от 15,4 до 19,4 кг, при среднем значении 17,9 кг. Следует отметить, что возраст особи со стоянки Усть-Хайта составлял всего 5–8 месяцев на момент смерти, и, таким образом, она еще не достигла размеров тела взрослого животного. Исследования современных собак показывают, что у них наблюдается быстрый прирост массы тела примерно в первые три месяца, в дальнейшем темп увеличения массы тела заметно замедляется, при этом многие породы достигают веса зрелой особи приблизительно к одному году [Allard et al. 1988; Hawthorne et al. 2004; Helmink et al. 2000; Tangerud et al. 2007; Voorhout et al. 1994]; хотя, конечно, как собаки, так и волки могут демонстрировать рост массы тела и после достижения зрелого возраста [с.ф., Mech 2006]. Если бы эта особь дожила до зрелого возраста (~1 года), вполне вероятно, что она бы весила несколько больше, чем тот вес, который был получен на основании вычислений. Во взрослом состоянии эта особь, вполне вероятно, могла иметь массу тела, аналогичную самым

крупным собакам с территории Прибайкалья [Losey et al. 2011, 2013], что также соответствует низшим значениям размерного диапазона современных сибирских волков [Heptner et al. 1974]. Если бы профиль роста этой особи более соответствовал волкам, которые достигают взрослого размера чуть позднее, чем собаки, — к 12–14 месяцам [Kreeger 2003], ее масса тела, вероятно, была бы чуть больше к возрасту одного года.

Выводы

Наше исследование показало, что некоторые из использовавшихся ранее формул регрессии для вычисления массы тела собак и волков дают неплохие результаты, в то время как другие показали неудовлетворительный результат при тестировании на материалах псовых с известной массой тела. Вновь выведенные формулы, представленные выше, позволяют производить вычисление массы тела собак и волков с использованием более широкого набора краниальных

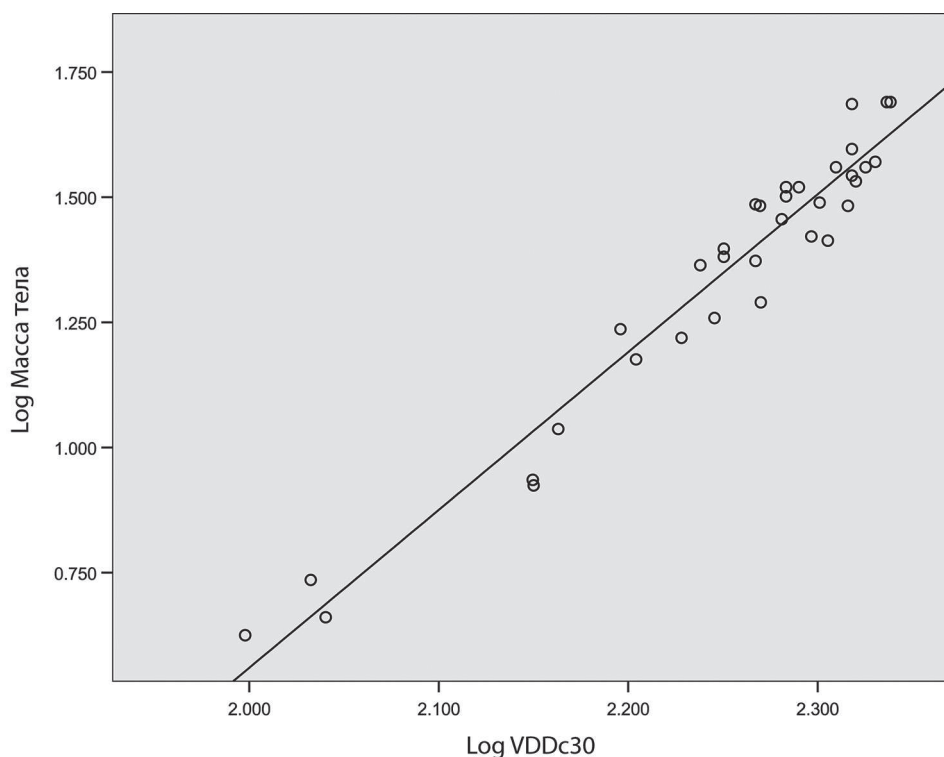
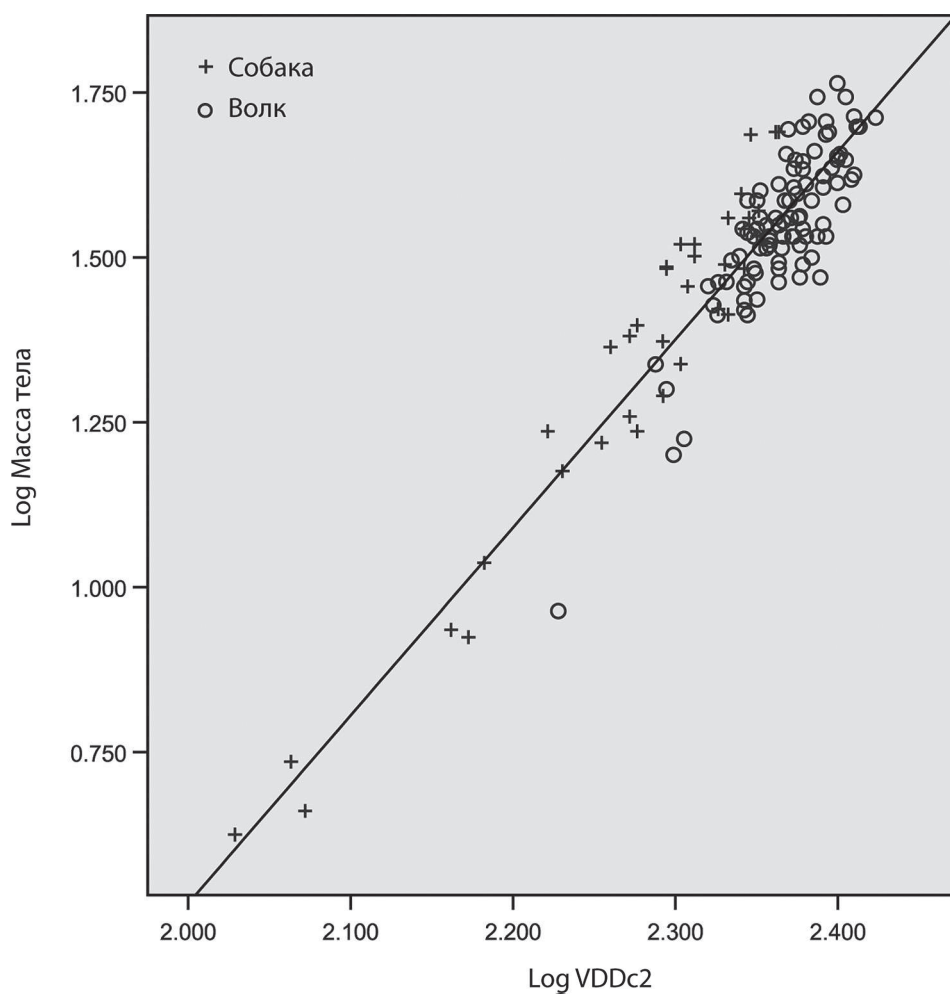
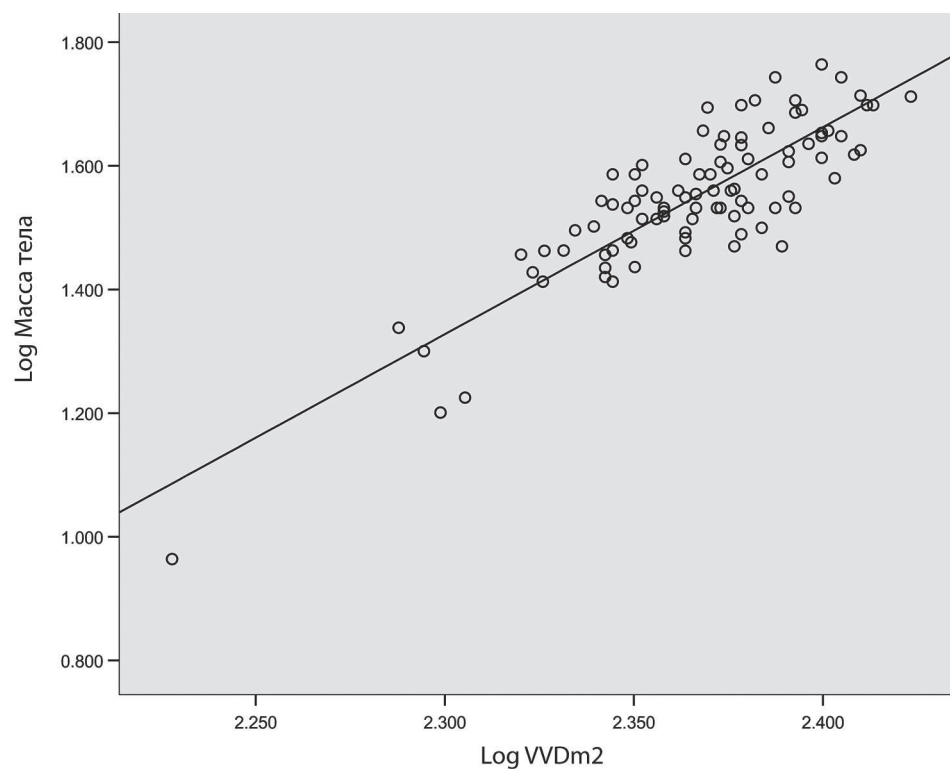

Рис. 2. Отношение между \log_{10} массы тела собаки и \log_{10} краниального размера 30 ФДД [Von den Driesch 1976] 2. Отношение между \log_{10} массы тела для *Canis spp.* (смешанной базы волков и собак) и краниального размера 2 ФДД [Von den Driesch 1976] с указанием наборов данных для собак и волков. Статистика для линий регрессии представлена в таблицах 3, 4 и 5

Продолжение Рис. 2

и мандибулярных размеров, чем это было возможно ранее. Эти методы вычисления массы тела отличаются достаточно низкой погрешностью, однако их следует применять с осторожностью при исследовании псовых, размеры которых могут выходить за пределы средних размеров животных, послуживших материалом для данного исследования.

Несмотря на полезность и информативность выведенных нами формул регрессии и предлагаемых ими расширенных возможностей вычисления массы тела, они также указывают на необходимость дальнейшей доработки различных методов, применяемых для изучения древних собак и волков.

Во-первых, существует необходимость разработки методов определения массы тела собак и волков по элементам конечностей.

Во-вторых, отсутствие надежных методов (надежно протестированных и основанных на больших и представительных сравнительных базах данных) для установления пола собачьих останков, помимо простого присутствия или отсутствия приаповой кости, также представляет собой проблему, поскольку самцы собак, как правило, имеют большую массу тела, чем самки, особенно это касается крупных пород, а в некоторых породах самцы могут почти вдвое превосходить самок по массе тела [Frynta et al. 2012].

В-третьих, также необходимы более достоверные способы установления возраста взрослых особей, поскольку прорезывание зубов и сращение элементов скелета перестают быть полезны после достижения собакой возраста одного года. Различия в массе тела в группе древних собак могут до некоторой степени иметь отношение к возрасту животного на момент смерти, а не только к их генетическому потенциалу или истории питания.

Наконец, вычисления массы тела дают информацию о потенциальных способностях древних собак, но не могут служить для прямой оценки моделей поведения этих животных. Для этого необходимо тща-

тельное изучение форм и размеров посткраниального скелета, и модели для таких исследований можно найти в литературе по изучению характера активности людей и других животных.

От авторов

Финансовая поддержка этого проекта была предоставлена грантом Европейского совета по научным исследованиям Д-ру Д. Андерсону, Абердинский Университет. Авторы выражают свою особую благодарность Королевскому музею провинции Альберта, Королевскому музею провинции Британская Колумбия, Канадскому музею природы, Музею естественной истории Флориды за предоставление доступа к своим коллекциям. Д-р Элизабет Винг предоставила нам очень полезную информацию для этого проекта, за что мы ей очень благодарны. Три анонимных рецензента предоставили ценные комментарии, позволившие повысить качество данной статьи.

Литература

- Allard R. L., Douglass G. M., Kerr W. W. (1988). *The Effects of Breed and Sex on Dog Growth*. Companion Animal Practice 2: pp. 15–19.
- Andersson K. (2004). *Predicting Carnivoran Body Mass from a Weight-Bearing Joint*. Journal of Zoology 262: pp. 161–172.
- Cahill D. R. and Marks S. C. Jr. (1982). *Chronology and Histology of Exfoliation and Eruption of Mandibular Premolars in Dogs*. Journal of Morphology 171: pp. 213–218.
- Christiansen P. (1999a). *What Size Were Arc-todus Simus and Ursus Spelaeus (Carnivora, Ursidae)?* Annales of Zoologici Fennici 36: pp. 93–102.
- Christiansen P. (1999b.) *Scaling of the Limb Long Bones to Body Mass in Terrestrial Mammals*. Journal of Morphology 239: pp. 167–190.
- Christiansen P. (2002). *Mass Allometry of the Appendicular Skeleton in Terrestrial Mammals*. Journal of Morphology 251: pp. 195–201.
- Clutton-Brock J. and Hammond N. (1994). *Hot Dogs: Comestible Canids in Preclassic Maya*

- Culture at Cuello, Belize*. *Journal of Archaeological Science* 21: pp. 819–826.
- Damuth J. and MacFadden B. J. (eds.) (1990). *Body Size in Mammalian Paleobiology: Estimation and Biological Implications*. Cambridge University Press: New York.
- Druzhkova A. S., Thalmann O., Trifonov V. A., Leonard J. A., Vorobieva N. V., Ovodov N. D., Graphodatsky A. S., Wayne, R. K. (2013). *Ancient DNA Analysis Affirms the Canid from Altai as a Primitive Dog*. *Plos One* 8:e57754. doi:10.1371 / journal.pone.0057754.
- Egi N. (2001). *Body Mass Estimates in Extinct Mammals from Limb Bone Dimensions: the Case of North American Hyaenodontids*. *Palaeontology* 44: pp. 497–528.
- Ellis J. L., Thomason J. J., Kebreab E., France J. (2008). *Calibration of Estimated Biting Forces in Domestic Canids: Comparison of Post-Mortem and in Vivo Measurements*. *Journal of Anatomy* 212: pp. 769–780.
- Evans H. E., and Christensen G. C. (1979). *Miller's Anatomy of the Dog*. W. B. Saunders Co.: Philadelphia.
- Frynta D., Baudys'ova' J., Hradcova' P., Faltusova' K., Kratochvíl L. (2012). *Allometry of Sexual Size Dimorphism in Domestic Dog*. *PLoS ONE* 7(9): e46125. doi:10.1371 / journal.pone.0046125
- Germonpré M., Lázničková-Galetová M., Sablin M. (2012). *Palaeolithic Dog Skulls at the Gravettian Předmostí Site, the Czech Republic*. *Journal of Archaeological Science* 39: pp. 184–202.
- Germonpré M., Sablin M. V., Stevens R. E., Hedges R. E. M., Hofreiter M., Stiller M., Després V. R. (2009). *Fossil Dogs and Wolves from Paleolithic Sites in Belgium, the Ukraine and Russia: Osteometry, Ancient DNA and Stable Isotopes*. *Journal of Archaeological Science*, 36(2), pp. 473–490.
- Harcourt R. A. (1974). *The Dog in Prehistoric and Early Historic Britain*. *Journal of Archaeological Science* 1: pp. 151–175.
- Hawthorne A. J., Booles D., Nugent P. A., Gettinby G., Wilkinson J. (2004). *Body-Weight Changes During Growth in Puppies of Different Breeds*. *Journal of Nutrition* 134 (Suppl.): pp. 2027S–2030S.
- Helmink S. K., Smith G. K., Leighton E. A. (2000). *Breed and Sex Difference in Growth Curves for Two Breeds of Dog Guides*. *Journal of Animal Science* 78: pp. 27–32.
- Heptner V. G., Naumov N. P., Jürgenson P. B., Sludski A. A., Cirkova A. F., Bannikove A. G. (1974). *Band II: Seekühe and Raubtiere*. In *Die Säugetiere der Sowjetunion*, Heptner V. G. and Naumov N. P. (eds.). Gustav Fischer Verlag: Jena.
- Kremenak C. R. Jr. (1967). *Dental Exfoliation and Eruption Chronology in Beagles*. *Journal of Dental Research* 46: pp. 686–693.
- Lobprise H. G. (ed.) (2007). *Blackwell's Five-Minute Veterinary Consult Clinical Companion Small Animal Dentistry*. Blackwell Publishing: Ames.
- Mech L. D. (2006). *Age-Related Body Mass and Reproductive Measurements of Gray Wolves in Minnesota*. *Journal of Mammology* 87: pp. 80–84.
- Morey D. F. (1992). *Size, Shape, and Development in the Evolution of the Domestic Dog*. *Journal of Archaeological Science* 19: pp. 181–204.
- Morgan J. P., Miyabayashi T. (1991). *Dental Radiology: Ageing Change Sin Permanent Teeth of Beagle Dogs*. *Journal of Small Animal Practice* 32: pp. 11–18.
- Muñoz-Fuentes V., Darimont C. T., Paquet P., Leonard J. A. (2010). *The Genetic Legacy of Extirpation and Re-Colonization in Vancouver Island Wolves*. *Conservation Genetics* 11: 547–556, doi: 10.1007 / s10592–009–9974–1.
- Nowak R. M. (1985). *Another Look at Wolf Taxonomy*. In *Ecology and Conservation of Wolves in a Changing World*. Carbyn L. N., Fritts S. H., Seip D. R. (eds.). Canadian Circumpolar Institute: Edmonton, pp. 375–397.
- Ovodov N. D., Crockford S. J., Kuzmin Y. V., Higham T. F., Hodgins G. W., van der Plicht J. (2011). *A 33,000-Year-Old Incipient Dog from the Altai Mountains of Siberia: Evidence of the Earliest Domestication Disrupted by the Last Glacial Maximum*. *Plos One* 6: e22821. doi:10.1371 / journal.pone.0022821.
- Pionnier-Capitan M., Bemilli C., Bodu P., Célérier G., Ferrié J.-G., Fosse P., García M., Vigne J. -D. (2011). *New evidence for Upper Paleolithic Small Domestic Dogs in South-Western*

Europe. *Journal of Archaeological Science* 38: pp. 2123–2140.

Ruff C. B. (1989). *New Approaches to Structural Evolution of Limb Bones in Primates*. *Folia Primatologica* 53: pp. 142–159.

Shebestari L., Taylor G. N., Angus W. (1967). *Dental Eruption Pattern of the Beagle*. *Journal of Dental Research* 46: pp. 276–278.

Sumner-Smith G. (1966). *Observations on the Epiphyseal Fusion of the Canine Appendicular Skeleton*. *Journal of Small Animal Practice* 7. pp. 303–311.

Van Valkenburgh B. (1990). *Skeletal and Dental Predictors of Body Mass in Carnivores*. In *Body Size in Mammalian Paleobiology*, Damuth J. and MacFadden B. J. (eds.). Cambridge University Press: Cambridge. pp. 181–205.

Von den Driesch A. (1976). *A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites*. Harvard University Press: Cambridge, M. A.

Von den Driesch A., and Boessneck J. (1974). *Kritische Anmerkungen zur Widerristhöhenberech-*

nung aus Längenmaßen vor- und Frühgeschichtlicher Tierknochen. *Säugetierkundliche Mitteilungen* 22. pp. 325–348.

Voorhout G., Nap R. C., Hazewinkel H. A. W. (1994). *A Radiographic Study on the Development of the Antebrachium in Great Dane Pups, Raised under Standardized Conditions*. *Veterinary Radiology and Ultrasound* 35. pp. 271–276.

Watson A. G., Evans H. E., de Lahunta A. (1986). *Ossification of the Atlas–Axis Complex in the Dog*. *Anatomical Histological Embryology* 15: pp. 122–138.

Williams R. C., and Evans H. E. (1978). *Prenatal Dental Development in the Dog, Canis Familiaris: Chronology of Tooth Formation and Calcification of Deciduous Teeth*. *Anatomia, Histologia, Embryologia* 7. pp. 152–163.

Wing E. S. (1978). *Use of Dogs for Food: An Adaptation to the Coastal Environment*. In *Prehistoric Coastal Adaptations*, Stark B. L. and Voorhies B. (eds.). Academic Press: New York. pp. 29–35.

МАКРОУРОВНЕВОЕ ПРЕДИКТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РАННИХ ПОСЛЕЛЕДНИКОВЫХ СТОЯНОК НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ЗАСЕЛЕНИЯ В ВАРАНГЕРЕ, НОРВЕГИЯ

Аннотация. В связи с проектом *SciencePub*¹, выполнявшимся в рамках Международного Полярного Года (2007–2008), с целью изучения адаптации человека к быстро меняющимся и крупномасштабным изменениям климата в период перехода от плейстоцена к голоцену на полуострове Варангер в Арктической части Северной Норвегии, было чрезвычайно важно расширить как количество стоянок, так и географическую и топографическую репрезентативность с целью получения более полного понимания вариативности культурного материала и экономической и социальной организации периода начального заселения (около 10000–8000 некал. до н. вр.) Вследствие этого, нашей основной целью стало улучшение возможностей выявления новых раннеголоценовых местонахождений и их контекстных разновидностей [Blankholm, в печати]². Вначале была проведена классическая разведка на выбранных площадях в 2007 г., в результате были обнаружены 27 новых стоянок с каменным инвентарем и 33 одиночные структуры, такие как следы жилищ, ветрозащитные сооружения и очаги. При этом, учитывая очень большую географическую площадь исследований (871 кв. км), было принято решение о продолжении использования предиктивного моделирования на основе ГИС. Ниже приводится отчет о том, как нами была получена предиктивная модель прибрежных стоянок раннего периода заселения посредством использования метода предиктивного моделирования Гроссето [GPMM; Deravignone et al. 2013; Deravignone et al. in press, Deravignone 2006; Deravignone and Macchi 2006] в 2009 г. и успешного тестирования результатов в поле в 2010 г., в результате чего наш список пополнился еще 54 новыми стоянками всего за шесть дней [см. также Blankholm, в печати].

Ключевые слова: адаптация, полуостров Варангер, начальное заселение, стоянки, предиктивное моделирование.

Регион исследования

Регион исследования включал в себя полуостров Варангер, прилегающую долину реки

Тана и Тана-фьорд в округе Финнмарк, охватывая, таким образом, крайний северо-восток каледонского горного хребта (рис. 1, 2). Рельеф местности в целом слегка волнообразный, его высота над современным уровнем моря редко достигает 600–800 м. [Blankholm, в печати]. Северное побережье между Вардё и Гамвиком имеет несколько глубоко врезающихся в берег фьордов, бухт и заливов, перемежающихся отвесными прибрежными скалами. Участок от Вардё до Эккероя характеризуется серией широких песчаных заливов, разделенных скалистыми выступами.

¹ Климат Арктики и изменения окружающей среды и их влияние на стратегии адаптации человека: Проект «От науки к общественному пониманию (SciencePub)» был запущен в 2007 г. и финансировался Норвежским исследовательским советом на протяжении 2007–2010 гг.

² Настоящая статья представляет собой сокращенный и слегка переработанный вариант статьи П. Х. Бланкхолма, готовящейся к печати.

Линия побережья самого Варангер-фьорда от Эккероя и дальше к востоку от Грасбаккена в целом более прямая и менее скалистая и крутая, чем северное побережье, но также изрезана большим количеством заливов и выступов [Blankholm, в печати].

Поздне- и послеледниковая изо- и эвстазия оказали серьезное, сложное влияние на относительные уровни моря и изменение линии побережья и морского ландшафта [e.g., Moller 1987; Moller and Holmeslett 2002; Romundset 2010; Sanjaume and Tolgensbak 2009]. Достаточно будет сказать, что самая высокая сохранившаяся точка древней береговой линии (ML) между Гамвиком и Берлевогом находится на высоте около 50 м над уровнем моря, поднимается до около 70 м около Силтефьорда и до около 80 м от Вардэ до Варангерботна [Blankholm, в печати].

В раннем послеледниковом периоде ископаемые на сегодня пляжи, заливы, полуострова, острова и перешейки стали очагами начального заселения. Именно такие стоянки ранних охотников-рыболовов-собирателей были основной целью предиктивного анализа [Blankholm, в печати].

Предиктивная модель

Все 27 стоянок, обнаруженных в ходе разведки 2007 г., были найдены в хорошо известных, типичных топографических рельефах, т. е. на ископаемых пляжах и перешейках, островах, полуостровах, выступах или в заливах и бухтах, или в любой из возможных их комбинаций с хорошими природными гаванями [Blankholm, в печати]. Чтобы получить надежную выборку для вероятностной предиктивной модели, было необходимо также провести критическую оценку и отбор из большого числа ранее опубликованных или зафиксированных в ходе предшествующих полевых работ стоянок [e.g., Voe and Nummedal 1936; Grydeland 2002; 2005; Hesjedal et al. 1996; Hesjedal et al. 2009; Kleppe 2010; Nummedal 1927; 1929; Odner 1966; Schanche 1988; Woodman 1993]. Для отбора использовались следующие критерии:

а) стоянки должны были быть хотя бы частично раскопаны или исследованы шурфовкой,

б) стоянки должны были располагаться на высоте выше современного уровня моря, соответствующего возрасту около 8 000 до н. э., или старше, и/или

с) стоянки должны были содержать диагностический материал в виде черешковых наконечников и/или топоров на отщепках [Blankholm, в печати]. В результате для начального прогноза было отобрано 27 стоянок (рис. 2).

Как говорилось ранее, географическая территория исследования была весьма значительной (871 кв. км). Кроме того, местность чрезвычайно сложна для проведения изысканий и полевых работ в связи с очень дорогой логистикой [Blankholm, в печати]. Таким образом, в этом случае первостепенной задачей было сокращение территории охвата, а не повышение достоверности модели [vide Kvamme 1990; 2006].

Учитывая рельеф местности, а также, с целью предоставления исследователям из других частей Арктики, в которых карты часто отличаются очень низким разрешением, полезный, как мы надеялись, инструмент, было принято решение использовать макроуровневый подход. Следовательно, было принято решение использовать сетку с квадратом 100 м, топографические карты масштаба 1:50 000 и геологические карты 1:250 000. Часто используемые переменные, такие как близость источников пресной воды, склон и угол уклона [e.g., Kvamme 1990; Gaffney and Stancic 1991; Dalla Bona 1994a, 1994b; Julsrud 2010; Deravignone et al. in press], быстро показали свою бесполезность в качестве предиктора. Например, в пределах исследуемой территории пресная вода присутствует повсеместно в достаточных количествах и в пределах досягаемости, а стоянки, как правило, располагаются на склонах с углом уклона менее 15°, но это характерно также для обширных территорий полуострова Варангер [Blankholm, в печати]. С другой стороны, поскольку ранние стоянки почти всегда находили на послед-

никовых морских отложениях (ископаемых пляжах), типы отложений 41 и 42, по данным Норвежского геологического комитета (для краткости Geo41 и Geo42), имеют значение. Первые состоят из сплошных, мелкозернистых морских и фьордовых отложений; вторые — это сплошные отложения прибрежной полосы, сформированные дей-

ствием волн и/или течений в литоральной зоне [Norges Geologiske Undersokelse 2011]. И те, и другие обозначены на цифровых картах масштаба 1:50 000 и 1:250 000, но их использование связано с некоторыми проблемами [напр., Blankholm, в печати]. Кроме того, была добавлена еще одна переменная, называемая «Перешейки и острова». Это

Рис. 1. Карта Норвегии с указанием региона исследования

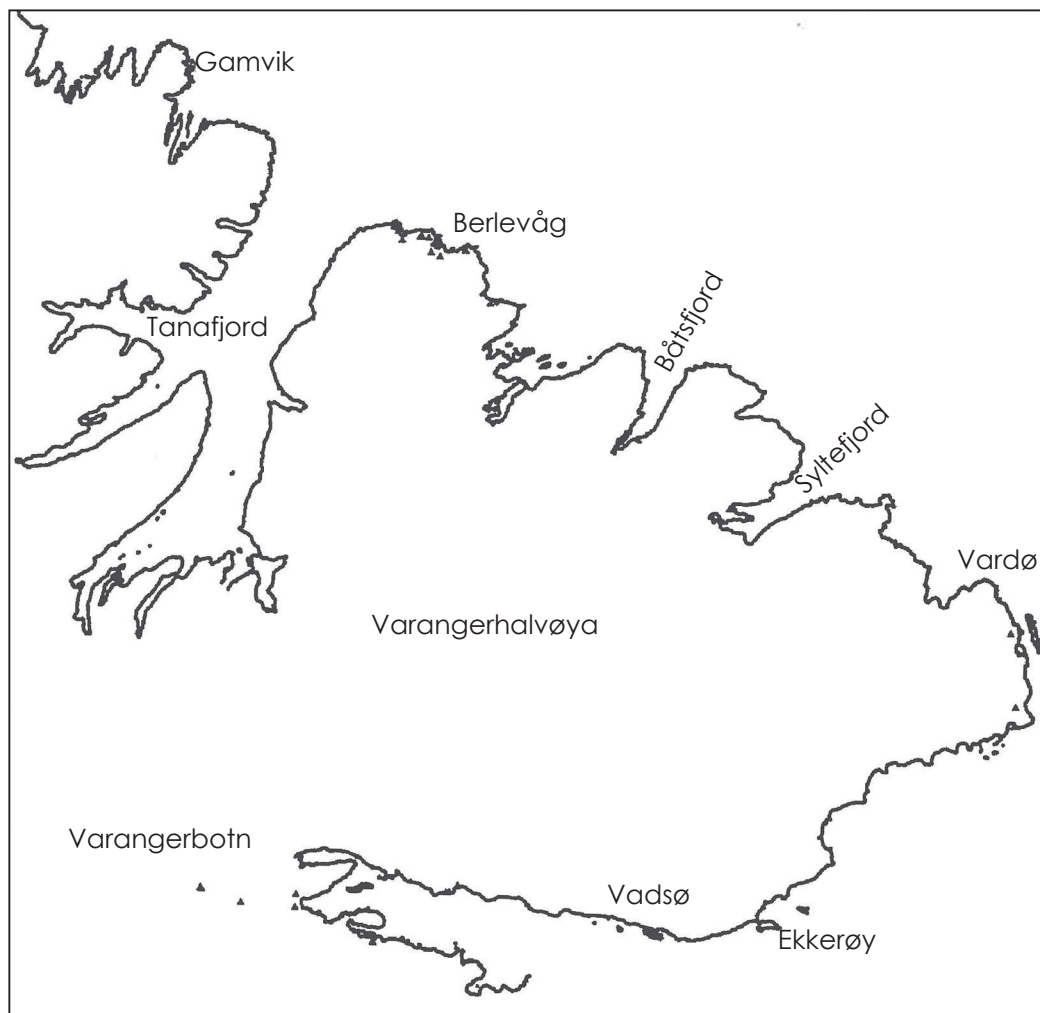

Рис. 2. Распределение стоянок, использованных в построении предиктивной модели

составная переменная для мест с особенно большой плотностью ископаемых перешейков, островов, отмелей и полуостровов — что, как уже ранее отмечалось, относится к привлекательным топографическим характеристикам на этапе раннего заселения [Blankholm, в печати].

Прогноз

Первые результаты GPMМ анализа (2009 г.) показали, что вероятность случайного обнаружения стоянки в пределах прогнозной территории, полученной на основании анализа, составляла, в лучшем случае, 48 % и 52 % (рис. 4). При этом использование уровня ML в качестве верхнего предела нахождения прибрежных стоянок

и базовой линии для расчетов территории позволило сократить прогнозную площадь до 641 кв. км, или 74 % (от общей площади 871 кв. км), и оставить 230 кв. км (или 26 %) для последующего изучения. Достоверность [Kvamme 2006] составила 37 %. Данный результат полностью соответствует нашему желанию сократить площадь охвата за счет точности [более подробно см. Blankholm, в печати].

Изыскания

Всего на прогнозной площади ниже уровня сохранившейся древней береговой линии было выбрано девять участков для разведки. Это были Хаммингберг/Скьявика, Скаллевик-Комагвазр, Карлеботн, Берлеваг, Силте-

Рис. 3. Ископаемые пляжи
в Силтефьорде, п-ов Варангер
(Фото: П. Х. Бланкхолм, 2010)

фьорд (Итре-ог индре Силтевикб Итре Силтефьорд), Нордфьорд/Ботсфьорд и Гамвик (рис. 5). Фактическая разведка была проведена на общей площади 21 кв. км (9,1 % прогнозной площади). Более того, небольшой участок к западу от Вардё, исследованный группой CRM округа Финнмарк, был включен в оценку (рис. 5) [Blankholm, в печати]. Учитывая наличие кривых смещения береговой линии для региона [e.g., Moller 1987; Moller and Holmeslett 2002; Romundset 2010; Sanjaume and Tolgensbakk 2009], разведка состояла в обходе территории ископаемых пляжей, в диапазоне между контуром высоты около 8000 до н. э. и уровнем ML для каждого участка [Blankholm, в печати].

Результаты

Поскольку ни одна из вновь обнаруженных в ходе последних полевых изысканий стоянок не была раскопана, а также при отсутствии ^{14}C датировок, к ниже приведенным результатам следует относиться с осторожностью. При этом, после шести дней обследования выбранных участков группой в составе всего 2–3 человек, результаты оказались весьма показательными и перспективными. В целом было обнаружено пятьдесят четыре новых местонахождения в дополнение

к пяти, обнаруженным группой CRM округа Финнмарк (см. выше) [Blankholm, в печати]. Это дает в целом 59 стоянок (рис. 6), что означает 200 % увеличение количества стоянок, 218 %, если учитывать пять стоянок в западу от Вардё [Blankholm, в печати]. Вероятность составляет 52 %, а уменьшение площади (прогнозная площадь (230 кв. км) по отношению к общей площади ниже ML (871 кв. км) — 74 %. Хотя теоретическая достоверность предиктивной модели относительно низка, это все же считается положительным результатом [Blankholm, в печати]. Временные рамки для разных групп местонахождений в пределах тестовых площадей можно оценивать по высоте над уровнем моря [Moller and Holmeslett 2002; Sanjaume and Tolgensbakk 2009; Romundset 2010]. Они могут быть представлены следующим образом:

Скьявика: около 8 300–8 800 кал. до н. э. / 9150–9500 не кал. до н. вр., Скалбукта / Комагнес: 10100–11700 кал. до н. э. / 10300–11800 не кал. до н. вр., Карлеботн: 7700–8300 кал. до н. э. / 8700–9100 не кал. до н. вр., Берлеваг: 9850–11400 кал. до н. э. / 10150–11500 не кал. до н. вр., Итре Силтевик: 8 700–10 950 кал. до н. э. / 9400–11000 не кал. до н. вр., Итре Силтефьорд: 8400–11250 кал. до н. э. / 9200–11300 не кал. до н. вр., Ботсфьорд / Нордфьорд: 10750–11900 кал. до н. э. / 10600–12000 не кал. до н. вр.

На сегодняшний день невозможно получить надежные даты по уровню моря для участка Гамвик / Элвеваг, но все местонахождения на этой территории относятся, по мнению экспертов, скорее всего, к пребореальному периоду. Временные рамки для местонахождений Смелроп около Вардё составляют 8300–9300 кал. до н. э. / 9 100–9800 не кал. до н. вр. [Blankholm, в печати].

Несмотря на тот факт, что датировка по одному лишь уровню моря дает, в лучшем случае, очень грубое приближение, вышеприведенные данные указывают, что местонахождения относятся в целом к раннему послеледниковому периоду. Более подробное обсуждение значения этих результатов для культурно-исторического анализа будет

изложено в работе [Blankholm, в печати]. Тем не менее, стало «хорошей практикой» основывать новые прогнозы на результатах предыдущих попыток [Zubrow 2003; Deravignone et al., in press]. Следовательно, было проведено предварительное тестирование с использованием всех новых местонахождений по результатам работ 2009 и 2010 гг. Оно показало для некоторых переменных и установок, по прогнозу 2009 г., вероятность около 68 %, достоверность — 76 % и уменьшение территории на 54 %, что в сегодняшнем контексте можно считать весьма удовлетворительным промежуточным результатом, при этом в дальнейшей работе мы планируем добавить новые переменные [Blankholm, в печати].

Выводы

Поскольку основной целью данной работы было выявление новых стоянок каменного века, относящихся к начальным этапам заселения, нахождение 59 новых местонахождений (54 посредством GPM и последующей разведки на местности, и 5, обнаруженных группой CRM округа Финнмарк) можно считать весьма положительным результатом, что придает оптимизма в отношении использования макроуровневого подхода, специально разработанного для регионов, цифровые карты которых имеют небольшое разрешение. При этом нам еще есть над чем работать. Например, изыскания 2010 г. дали более полное понимание характеристик

Рис. 4. Предиктивная модель с отмеченными прогнозными площадями (темно-серый)

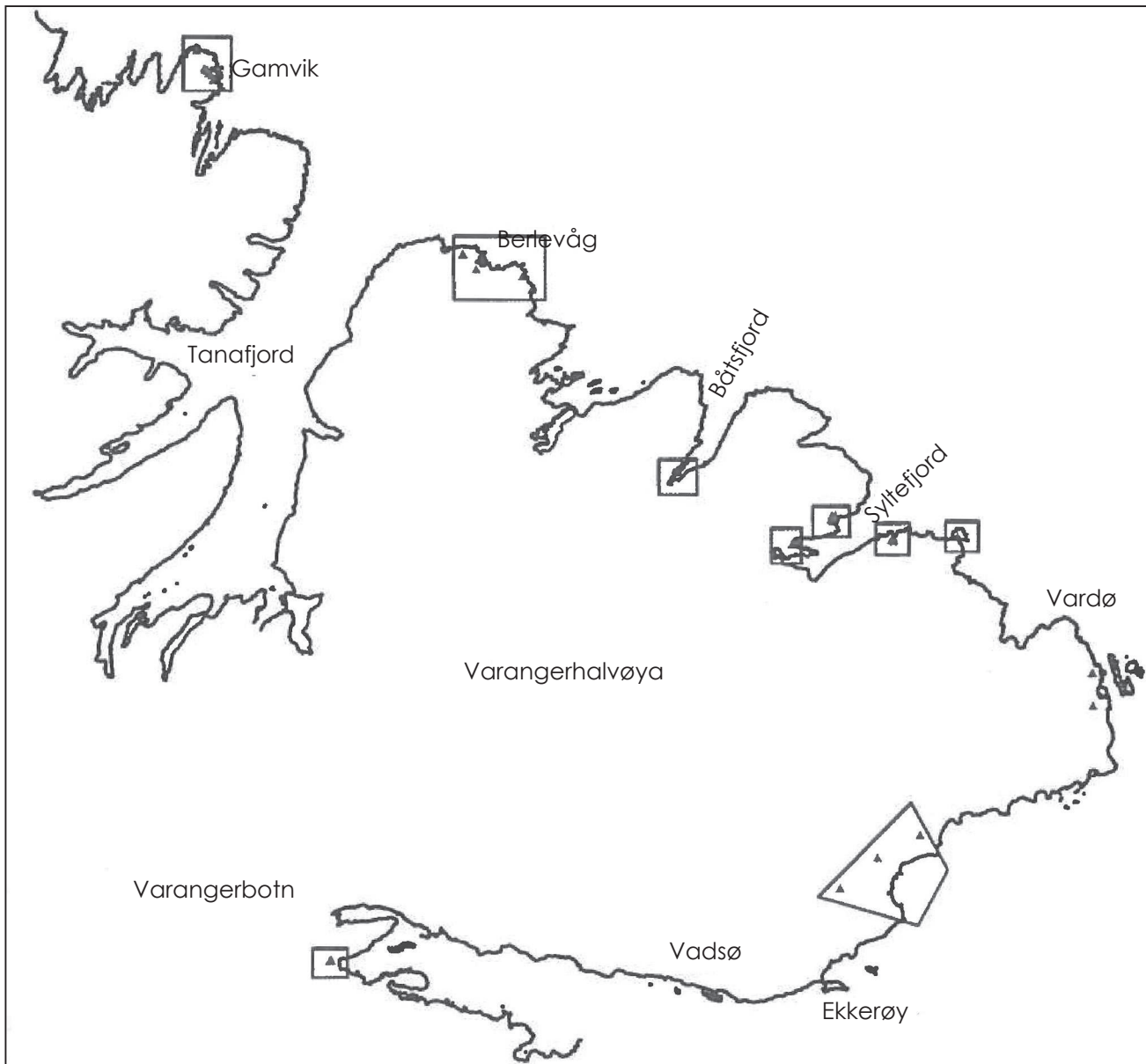

Рис. 5. Выбранные тестовые участки 2010 г.

местности как для ранее, так и для вновь обнаруженных местонахождений, в частности, об их индивидуальном положении на Geo41 и Geo42, соответственно. В настоящий момент мы планируем использовать эту информацию совместно с вновь полученными переменными, такими как ракушечная и известняковая коренная порода для составления прогнозов по стоянкам с хорошей сохранностью органики. Мы надеемся вернуться к этой работе в ближайшем будущем.

Литература

Blankholm H. P. in press, *Macro-Level Predictive Modeling of Early Stone Age Pioneer Settlement Locations in Varanger, Northern Norway*. Blankholm H. P. (ed.). *The early settlement of Northern Europe. Economy, settlement, and society*.

Boe J., Nummedal A. (1936). *Le Finnmarkien: Les origines de la Civilisation dans l'extreme-nord de l'Europe*, Institutt for Sammenliknende Kulturforskning, s. B, Skrifter XXXII. Aschehaug & Co, Oslo.

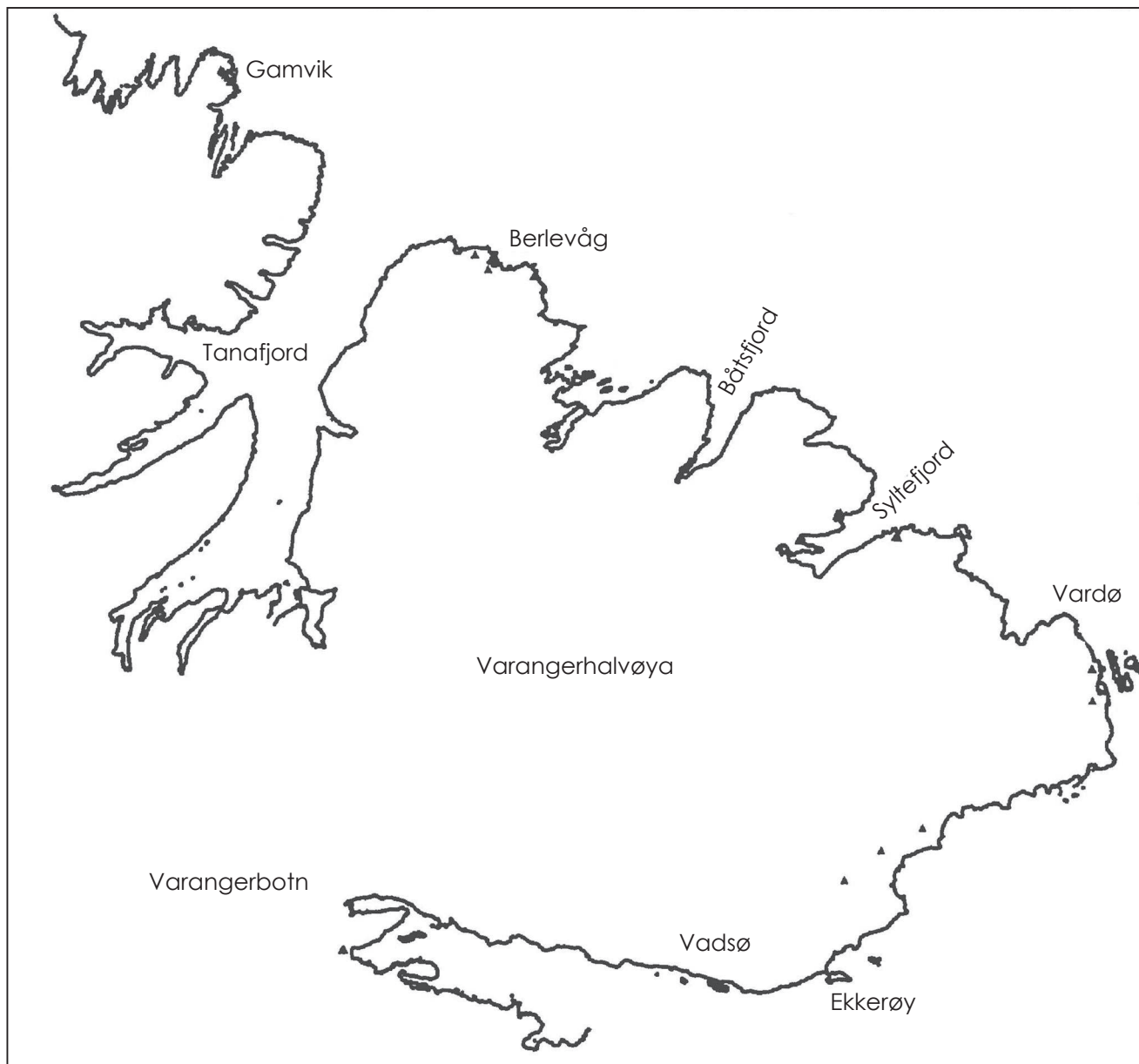

Рис. 6. Новые местонахождения и участки, найденные в 2010 г.

Dalla Bona L. (1994a). *Methodological Considerations, Cultural Heritage Resource Predictive Modeling Project, vol. 3*. Report prepared for the Ontario Ministry of Natural Resources, Centre for Archaeological Resource Prediction, Lakehead University, Thunder Bay.

Dalla Bona L. 1994b, *A Predictive Model of Prehistoric Activity Location for Thunder bay District, Ontario*. Cultural Heritage resource Predictive Modeling Project, Vol. 4. Report Prepared for the Ontario Ministry of Natural Resources, Centre for Archaeological Resource Prediction, Lakehead University, Thunder Bay.

Deravignone L. (2006). *Implementation of Artificial Neural Networks on an Archaeological GIS Environment*. Deravignone L., Macchi G. (eds.). From GIS to Artificial Neural Networks: ten years of studies on fortified villages in Central Italy, *Archaeologie and Computer 2005, Workshop 10*, Vienna.

Deravignone L., Macchi G. (2006) *Artificial Neural Networks in Archaeology*. *Archeologia e Calcolatori*, 17. pp. 121-136.

Deravignone L., Blankholm H. P., Kleppe J. I. (2013) *Grosseto Predictive Modeling Manual for ArcGIS Ver. 9.2*. Available for free on

- at haps: // www.researchgate.net / publication / 258283865_Grosseto_Predictive_Modeling_manual_for_ArcGIS Deravignone L., Blankholm H. P., Pizziolo G. in press, Predictive Modeling and Artificial Neural Networks (ANN): From Model to Survey, in Barcelo J., Bogdanovic I. (eds.). Mathematics and Archaeology, CRC Press, Taylor and Francis Group.
- Gaffney V. (1991). *GIS Approaches to Regional Analysis: A Case Study of Theisland of Hvar*. Ljubljana.
- Grydeland S. E. (2002). *Nye perspektiver pd eldre steinalder i Finnmark*. En studie fra indre Varanger, Viking 2000, pp. 10–50.
- Grydeland S. E. (2005). *The Pioneers of Finnmark. From the Earliest Coastal Settlements to the En counter with the Inland People of Northern Finland*. Knutsson H., Pioneer Settlements and Colonization Processes in the Barents Region, Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology, 1, Vuollerim 6000 sir.
- Henriksen S., Valen C. R. (2013). *Skfiervika og Fjellvika: Rapport fra de Arkeologiske Undersokelsene 2009 og 2010*. Hammerfest kommune, Tromsura, 43.
- Hesjedal A., Damm C., Olsen B., Storli I. (1996) *Arkeologi psi Slettnes. Dokumentasjon av 11.000 sirs bosetning*. Tromso Museums Skrifter, XXVI, Gjovik Trykkeri.
- Hesjedal A., Ramstad M., Niemi A., Nordby C. (2009). *Undersokelsene psi Melkoya: Melkoyaprojektet, kulturhistoriske registreringer og utgravinger 2001 og 2002*. Tromsura, Kulturvitenskap. Tromso University Museum.
- Julsrud L. J. (2010) *Steder d were i Varanger. Utvikling av en prediktiv lokasjonsmodell For kystbosetning i Finnmarks eldre steinalder*. MA-thesis. Institute of Archaeology, University of Tromso.
- Kleppe J. I. (2010). *Klubbbvik 1. Tidlig bosetning og klima i Varangerfiorden i lys av nye undersokelser mer Mortensnes*. Nesseby kommune, Varanger Arbok 2010, pp. 71–78.
- Kvamme K. L. (1990). *The fundamental principles and practice of predictive archaeological modeling*. Mathematics and Information Science in Archaeology, 3, pp. 257–295.
- Kvamme K. L. (2006) *There and Back Again: Revisiting Archaeological Locational Modeling*. Mehrer M. W., Westcott K. L. (eds.). GIS and Archaeological Site Locational Modeling, Boca Raton, CRC Press, Taylor and Francis Group.
- Moller J. (1987). *Shoreline Relations and Prehistoric Settlement in Northern Norway*. Norsk Geografisk Tidsskrift, 41.
- Moller J., Holmeslet B. (2002). *Program Sea Level Change Ver. 3.51*. University of Tromso. http://geologiskolen.uit.no/lokal/Geologiskolen/start_lokal.htm (retrieved May 4, 2011).
- Norges Geologiske Undersokelse (2011), <http://www.ngu.no>, (retrieved May 4, 2011).
- Nummedal A. (1927). *Stenalderfunnene i Alta*. Norsk Geologisk Tidsskrift, 9, 1, pp. 43–47.
- Nummedal A. (1929). *Stone Age Finds in Finnmark, Institutt for sammenliknende Kulturforskning*. Serie B, Skrifter XIII, H. Aschehaug & Co, Oslo.
- Odner K. (1966). *Komsakulturen i Nesseby og Sor-Varanger, Tromso Museums Skrifter XII*.
- Romundset A. (2010). *Relative Sea Level, Deglaciation and Tsunami History Deduced from Isolated Basins: Coastal Finnmark and mid-Hardanger*. Norway. Ph. D. thesis. Institute of Geology, University of Tromso.
- Sanjaume E., Tolgensbakk J. (2009). *Beach Ridges from the Varanger Peninsula (Arctic Norwegian coast): Characteristics and significance*, *Geomorphology*, 104, pp. 82–92.
- Schanche K. (1988). *Mortensnes — en Boplass I Varanger*. En studie av samfunn og materiell kultur gjen-nom 10.000 ar, Magister thesis, University of Tromso.
- Woodman P. J. (1993). *The Komsa Culture. A Re-Examination of Its Position in the Stone Age of Finnmark*, *Acta Archaeologica*, 63, pp. 57–76.
- Zubrow E. B. (2003). *The Archaeologist, the Neural Network, and the Random Pattern: Problems in Spatial and Cultural Cognition*. Forte M., Williams P. R. (eds.), *The Reconstruction of Archaeological landscapes through Digital Technologies*, Italy — United States Workshop, BAR S1151, Oxford.

П. Ю. Павлов

Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра
Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия
e-mail: ppavlov120@gmail.com

НАЧАЛО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

Аннотация. В 90-е годы двадцатого века и первые годы двадцать первого были впервые открыты памятники начальной и ранней поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы — стоянки Мамонтова Курья, Гарчи 1 и Заозерье, а также проведены масштабные раскопки стоянки Бызовая. Изучение структуры культурных слоев этих стоянок, анализ фауны и флоры позволили получить значительный объем ранее неизвестной информации об образе жизни и хозяйстве древнейшего населения региона. Цель статьи — дать основные сведения о памятниках начальной и ранней поры верхнего палеолита региона и определить их место в культурно-хронологической схеме развития палеолитической культуры Евразии. В результате автор приходит к выводам о том, что определяющей чертой каменного инвентаря памятников начальных этапов верхнего палеолита региона является сочетание в гомогенных индустриях двух технико-морфологических групп изделий — верхнепалеолитической и мустьерской. Аналогии позволяют предположить связь среднепалеолитических индустрий восточного микока и комплексов начальной и ранней поры верхнего палеолита Русской равнины, относящихся к селетоидному технокомплексу (пути развития).

Ключевые слова: стоянки, хронология, ранняя пора верхнего палеолита, каменный инвентарь, мустьерская и верхнепалеолитические техники.

Введение

Важным результатом изучения палеолита Восточной Европы в 90-х гг. прошлого столетия и в первые годы текущего века явилось открытие на северо-востоке континента новых памятников начальной и ранней поры верхнего палеолита — стоянок Мамонтова Курья, Гарчи I и Заозерье¹. На стоянках Гарчи и Заозерье насыщенные культурные слои сохранились практически

¹ Под северо-востоком Европы в статье понимается территория, ограниченная 58–68° с. ш. и 50–60° в. д. и включающая северо-восточную часть Русской равнины (восточную часть бассейна Северной Двины, бассейн Мезени, бассейн Печоры и бассейн верхней Камы) и Урал (западные предгорья северной части Среднего, Северного, Приполярного и Полярного Урала).

in situ. Их исследования доставили большие коллекции каменного инвентаря, каждая из которых насчитывает по несколько тысяч каменных предметов, костяные изделия и украшения. Изучение структуры культурных слоев этих стоянок, анализ фауны и флоры позволили получить значительный объем ранее неизвестной информации об образе жизни и хозяйстве древнейшего населения региона. В этот же период были проведены широкомасштабные раскопки стоянки ранней поры верхнего палеолита Бызовая, значительно изменившие прежние представления о культурной характеристике и типе этого памятника.

Цель настоящего обзора дать основные сведения о памятниках начальной и ранней поры верхнего палеолита региона и определить их место в культурно-хронологической

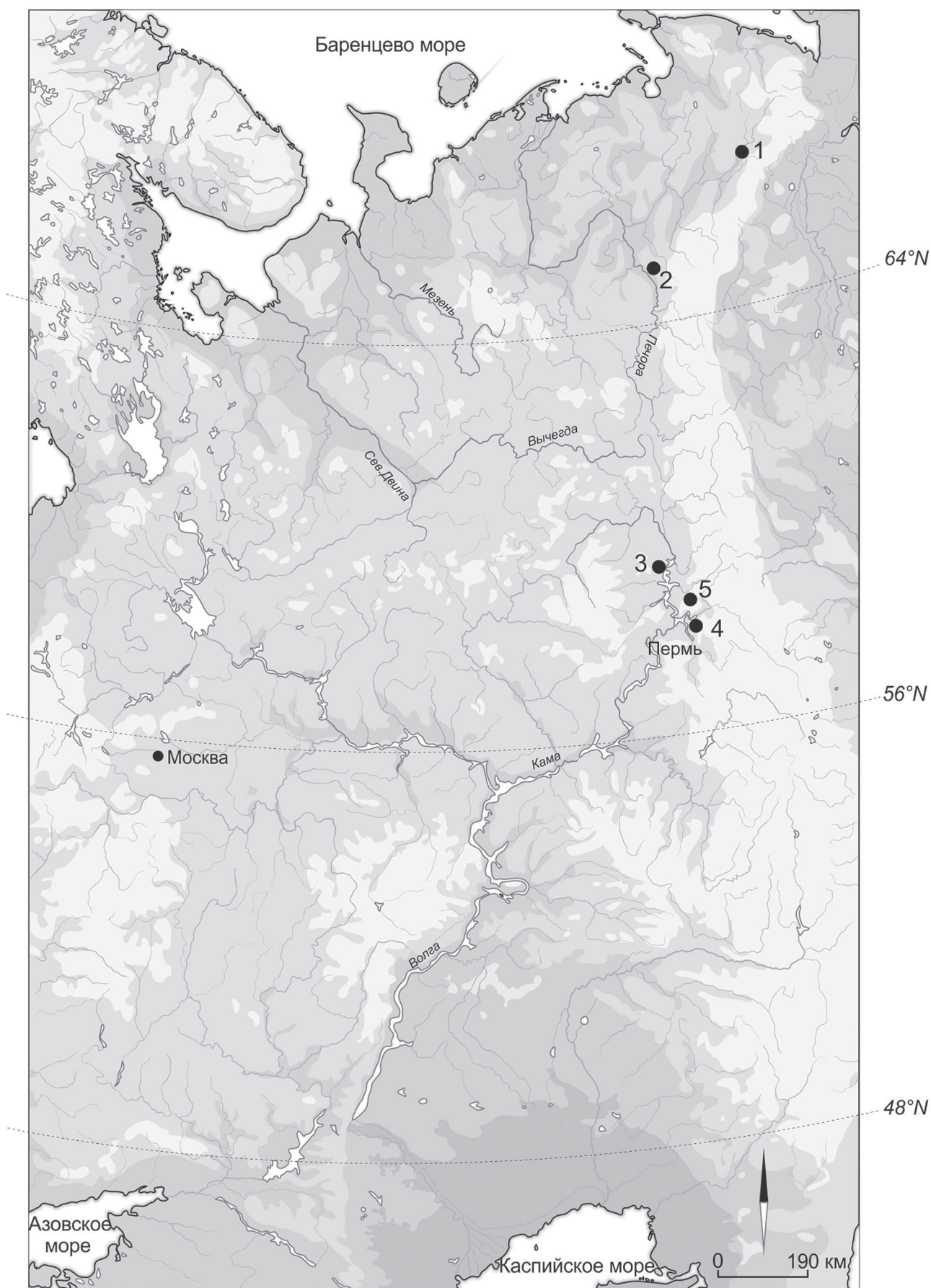

Рис. 1. Карта памятников начальных этапов верхнего палеолита на северо-востоке Европы.
1 — Мамонтовья Курья; 2 — Бызовая; 3 — Гарчи I; 4 — Заозерье; 5 — грот Близнецова

схеме развития палеолитической культуры Евразии. В статье по необходимости кратко рассмотрены материалы всех известных в настоящее время палеолитических памятников, расположенных на северо-востоке Европы, имеющих возраст от 38 000 до 28 000 лет.

Памятники начальной и ранней поры верхнего палеолита северо-востока Европы

К началу верхнего палеолита в рассматриваемом регионе относятся пять памятников — Мамонтовая Курья, Бызовая, Гарчи I (верхний слой), Заозерье и, вероятно, грот Близнецова (рис. 1).

Стоянка *Мамонтовая Курья* расположена в бассейне Печоры на $66^{\circ} 34'$ с. ш. и $62^{\circ} 25'$ в. д.

Возраст памятника определен по серии (7) радиоуглеродных дат и составляет 34 000–38 000 лет. Памятник является древнейшим свидетельством освоения человеком арктических широт Евразии [Pavlov, Indrelid, Svendsen 2001].

Культурный слой на памятнике отсутствует. Находки переотложены и залегают в аллювиальных отложениях.

В составе фауны абсолютно преобладают кости мамонта. Остатки северного оленя, лошади и волка представлены единичными костями.

Небольшая коллекция состоит из пяти каменных предметов, в том числе фрагмента двояковыпуклого бифаса (рис. 2, 1), и орнаментированного бивня мамонта. Культурную принадлежность памятника по имеющемуся материалу установить невозможно. Хронологические аналогии прослеживаются по наиболее выразительной находке — орнаментированному бивню [Svendsen, Pavlov 2003]. Орнамент составлен из рядов парных насечек, расположенных под углом друг к другу. Насечки нанесены перпендикулярно и под углом к поверхности и в профиле имеют V-образную форму. Подобные орнаменты известны на древнейших памятниках верхнего палеолита Европы [D'Errico et al. 2003].

Состав фауны и топографическое положение стоянки Мамонтовая Курья характерны для естественных скоплений остатков крупных млекопитающих — «кладбищ мамонтов».

Стоянка *Заозерье* расположена в бассейне верхней Камы на $58^{\circ} 09'$ с. ш. и $56^{\circ} 59'$ в. д.

Культурный слой стоянки Заозерье залегает в покровных отложениях III террасы р. Чусовая и приурочен к средней части погребенной почвы, перекрытой лессовидным суглинком мощностью от 2,5 до 3,5 м. Для культурного слоя памятника получены следующие радиоуглеродные (AMS) даты: $33\ 150 \pm 410$ BP (Poz-5075); $33\ 450 \pm 420$ BP (Poz-5076); $33\ 720 + 310/ - 280$ BP (GrA-28191); $35\ 140 + 390/ - 310$ BP (GrA-28187) [Pavlov, Roesbroeks, Svendsen 2004].

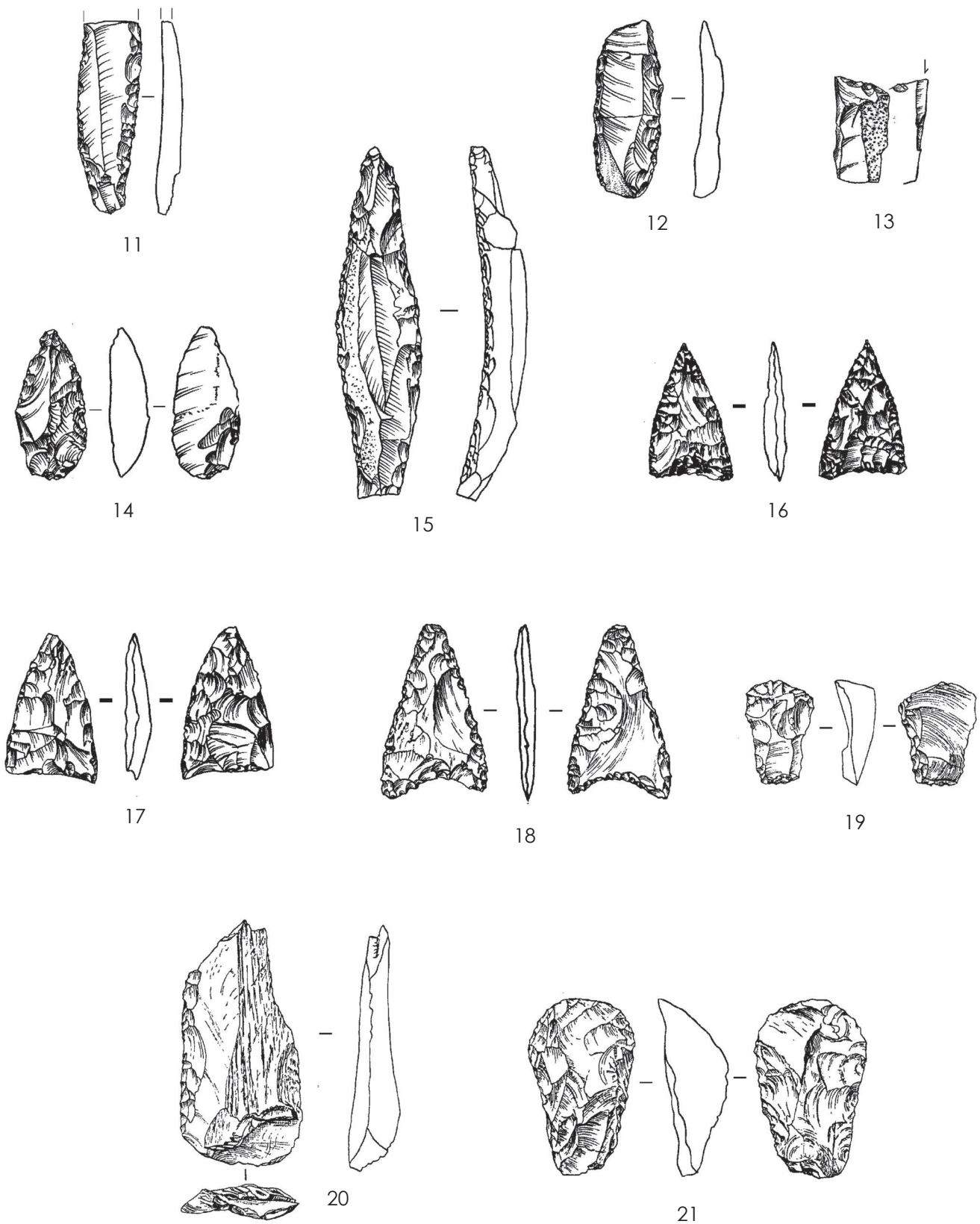
В составе фауны абсолютно доминирует лошадь. Найдены также кости зайца, носорога и северного оленя. В культурном слое памятника выявлены три скопления, которые интерпретированы как остатки кратковременных стоянок небольших коллективов охотников [Павлов 2004].

Коллекция каменного и костяного инвентаря насчитывает около 2 000 предметов. Технику первичного расщепления характеризуют призматические нуклеусы. Среди сколов систематического расщепления доминируют пластины и пластинки с параллельной огранкой. В орудийном наборе отчетливо выделяются две технико-морфологические группы изделий. Первая состоит из орудий на призматических пластинах верхнепалеолитических типов. Это острия (рис. 2, 9, 15), резцы на сломе и боковые с ретушированной площадкой (рис. 2, 10, 13); пластины с разнообразной краевой и крутой чешуйчатой ретушью, напоминающей ориньякскую (рис. 2, 11–12). Ко второй группе относятся изделия мустьерской морфологии. Они представлены небольшими плоско-выпуклыми бифасами овальной формы (рис. 2, 2, 4), обушковым двусторонне обработанным ножом близким типам Kielmesser (рис. 2, 3), скреблами и скребками на отщепах с вентральной подтеской и (или) редукцией ударного бугорка заготовки (рис. 2, 5–8, 14).

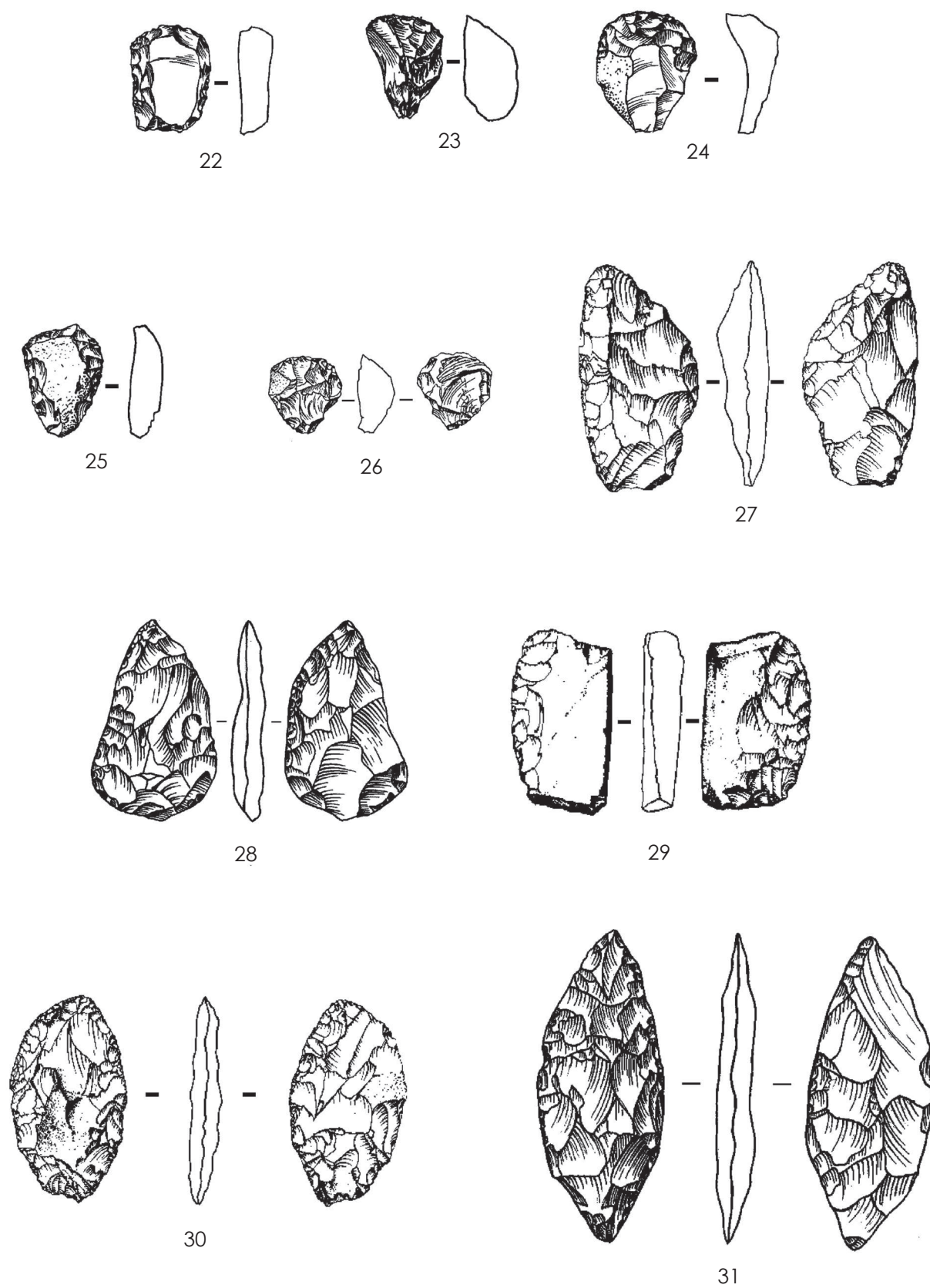

Рис. 2. Каменный инвентарь памятников начальной и ранней поры верхнего палеолита северо-востока Европы.

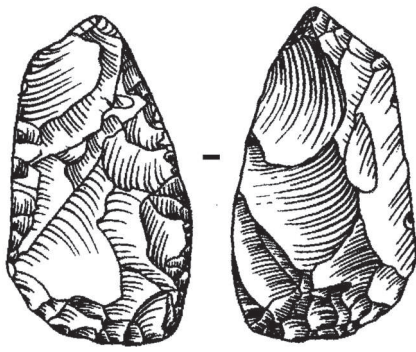
1 — Мамонтовая Курья; 2–10 — Заозерье

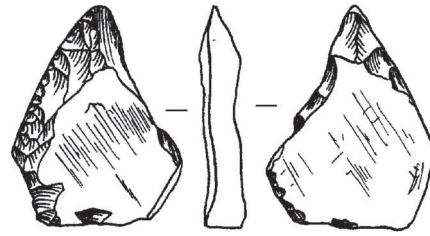
Продолжение Рис. 2
11–15 — Заозерье; 16–21 — Гарчи I (верхний слой)

Продолжение Рис. 2
22–26 — Гарчи I (верхний слой); 27–31 — Бызовая

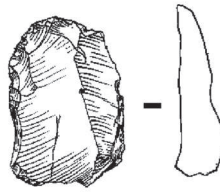
32

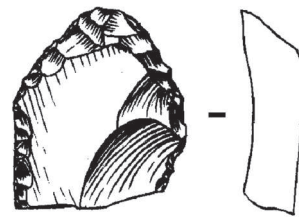
33

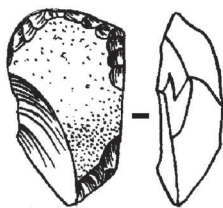
34

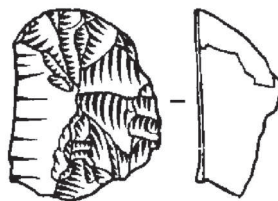
35

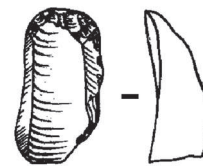
36

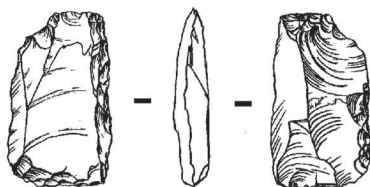
37

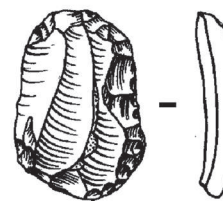
38

39

40

41

Продолжение Рис. 2
32-41 — Бызовая

Среди костяных орудий и изделий из рога представлены проколки и заготовка рогового наконечника.

Украшения, найденные в культурном слое памятника, относятся к архаичной группе [Абрамова, Синицын 2002]. Это подвески овальной формы с двумя сверленными отверстиями, изготовленные из раковин *Unio*, и бусы округлой формы, изготовленные из ископаемых морских лилий с одним просверленным отверстием [Павлов 2004].

В целом стоянка Заозерье по характеристикам каменного и костяного инвентаря и типам украшений имеет общие черты с индустриями стоянок начальной и ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы.

К ранней поре верхнего палеолита относится верхний слой стоянки Гарчи I [Павлов, Макаров 1998]. Для памятника имеется одна радиоуглеродная (AMS) дата — $28\,750 \pm 795$ BP (TUa-941) [Pavlov, Indrelid 2000].

Культурный слой стоянки залегает в покровных отложениях III террасы р. Кама и приурочен к погребенной почве, которая, по мнению Ю. Н. Грибченко, имеет характерные морфотипические признаки брянской почвы центральных районов Русской равнины [Gribchenko 2006].

Фаунистические остатки принадлежат лошади (преобладает), северному оленю и мамонту.

На площади памятника выявлено два скопления культурных остатков, которые интерпретируются как остатки наземных жилых конструкций [Павлов, Макаров 1998]. Коллекция каменного инвентаря насчитывает около 6 тыс. предметов.

Технология первичного раскалывания представлена плоскими нуклеусами. В коллекции стоянки отмечен также специфический прием контрударного расщепления небольших кремневых галек.

Для орудийного инвентаря верхнего слоя стоянки Гарчи I характерен ограниченный набор категорий изделий. Более половины орудий составляют треугольные двусторонне обработанные наконечники и скребки. Наконечники представлены типичными

для костенковско-стрелецкой культуры формами со слабой выемкой в основании и оттянутым углом базы (рис. 2, 16–18). Большая часть скребков изготовлена на коротких треугольных отщепах и имеет вентральную подтеску (рис. 2, 19, 24, 26). Единичны кареноидные (рис. 2, 23) и двойные скребки с ретушью по продольным краям (рис. 2, 22), а также скребки с выделенным шипом на краю лезвия. Среди резцов типологически выражены только трансверсальные резцы, большинство изделий с резцовым сколом аморфны. В инвентаре представлены стамески с высоким выемчатым лезвием, изготовленные на пластинчатых заготовках. Имеются кремневые плитки с краевой двусторонней ретушью. Острия представлены только одним изделием — удлинненным острием (?) с основанием, обработанным скребковой ретушью. Изделия мустьерской морфологии немногочисленны и представлены продольными прямыми (рис. 2, 20) и выпуклыми скреблами, иногда с плоско-выпуклой обработкой лезвий.

Судя по особенностям распространения культурного слоя и составу каменного инвентаря, он представляет собой неоднократно посещавшуюся охотничью стоянку с полным производственным циклом изготовления каменных орудий.

Памятник относится к костенковско-стрелецкой культуре ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы.

Стоянка *Бызовая* — одна из самых северных памятников ранней поры верхнего палеолита в Европе, расположена на средней Печоре на $65^{\circ} 01'$ с. ш. и $57^{\circ} 25'$ в. д. [Канивец 1976]. Возраст памятника определен по большой серии (24) радиоуглеродных дат и составляет около 29 000 лет [Павлов 2002].

Культурный слой на стоянке переотложен и приурочен к слою галечника, залегающего в основании покровных отложений II террасы р. Печора.

Среди фаунистических остатков абсолютное большинство (97,7 %) принадлежит мамонту. Остатки других видов животных (северный олень, лошадь, волк, бурый медведь, овцебык) единичны.

Коллекция каменного инвентаря насчитывает 278 предметов. Техника первичного раскалывания характеризуется нуклеусами объемного (рис. 2, 34) и плоскостного расщепления. В орудийном наборе отчетливо выделяются две технико-морфологические группы — мустьерская и верхнепалеолитическая. Мустьерская группа представлена плоско-выпуклыми бифасами, в том числе обушковыми сегментовидными ножами типа Kielmesser (рис. 2, 27–28, 32) и разнообразными скреблами (рис. 2, 29).

Верхнепалеолитическая группа представлена концевыми скребками на пластинчатых заготовках (рис. 2, 35, 39) кареноидными и стрельчатыми скребками (рис. 3, 36, 38), долотовидными орудиями (рис. 2, 40), остриями (рис. 2, 33), тонкими листовидными двусторонне обработанными наконечниками (рис. 2, 30–31).

На стоянке найдено несколько предметов, изготовленных из рога северного оленя, в том числе мотыга типа Лингби.

По базовым характеристикам структуры комплекса каменного инвентаря (сочетанию верхнепалеолитической и мустьерской групп) стоянка Бызовая имеет сходство с более ранней стоянкой Заозерье, а по некоторым типам каменных орудий с практически одновозрастной стоянкой Гарчи I.

Ряд особенностей в составе коллекций каменного инвентаря и фауны, а также в топографическом положении Бызовой позволяет поставить вопрос об особом типе этого памятника [Павлов 2002]. Прежде всего обращает внимание необычно высокий процент орудий в инвентаре стоянки — более 40 %. Этот показатель соответствует количественному соотношению категорий каменного инвентаря, характерному для временных охотничьих лагерей [Kozlovski 1980]. В то же время в орудийном наборе памятника практически отсутствуют предметы охотничьего вооружения и преобладают орудия, предназначенные для утилизации туш животных, — скребки, ножи, скребла, отщепы с ретушью и следами использования (более 80 % от всех орудий). Также не характерно для охотничьих лагерей и значительное ко-

личество (более 4 тыс.) преимущественно целых костей животных, найденных на исследованной менее чем на одну пятую площади стоянке. В составе фауны абсолютно доминируют кости мамонта (97,6 % от определенных костей).

Обращает на себя внимание топографическое положение памятника. Стоянка располагалась на крутой излучине Печоры в устьевой части короткого и широкого лога. Такое топографическое положение чрезвычайно характерно для естественных захоронений остатков крупных млекопитающих [Чубур 1998].

Таким образом, состав каменного инвентаря, видовой и скелетный состав фауны и топографическое положение стоянки позволяют с большой долей уверенности предположить, что она представляет особый тип памятника — кратковременную стоянку, связанную с природным кладбищем мамонтов. Вероятно, мы имеем дело со стоянкой, располагавшейся в непосредственной близости от кладбища, которое использовалось древним населением в качестве источника сырья и, вероятно, пищевых ресурсов.

К ранней поре верхнего палеолита в регионе относится, вероятно, и грот Блинецов [Щербакова 2001]. Коллекция памятника (около 300 экз.) характеризуется преобладанием приемов объемного расщепления. Найдены скребки высокой формы, изготовленные на массивных обломках кремня, и концевые скребки на пластинах. Культурная принадлежность памятника неясна.

Обсуждение

Данные, полученные в результате исследований стоянок начала верхнего палеолита на северо-востоке европейского континента, позволяют высказать ряд предположений об их культурно-хронологической позиции в палеолите Евразии.

Хронология стоянок укладывается в рамки второй половины среднего валдая (38–28 000 лет). Древнейшими памятниками верхнего палеолита на Севере являются сто-

янки Мамонтова Курья (38–34 000 лет) и Заозерье (35–33 000 лет).

Крайне малочисленная коллекция стоянки Мамонтова Курья не позволяет высказать какие-либо суждения об ее культурной принадлежности.

Достаточно представительная коллекция каменного инвентаря стоянки Заозерье позволяет охарактеризовать основные особенности ее индустрии и высказать предположения о позиции этого памятника в культурно-хронологической систематике верхнего палеолита Евразии.

Радиоуглеродный возраст и особенности каменного и костяного инвентаря, а также типы украшений стоянки Заозерье позволяют уверенно отнести ее индустрию к начальной поре верхнего палеолита, что уже было сделано рядом исследователей [Sinitsyn 2004]. Памятники начальной поры верхнего палеолита достаточно редки и известны в настоящее время только на северо-востоке, в центре и на юго-западе Русской равнины, а также в Западной (Алтай) и в Восточной Сибири.

В центре Русской равнины к памятникам начальных этапов верхнего палеолита относятся стоянки древней хронологической группы (38–32 000 лет) костенковско-борщевского района на верхнем Дону. Надежно датированными и наиболее представительными являются коллекции стоянок Костенки XVII, слой II, Костенки XIV, слой IVb и Костенки XII, слой III [Аникович 1997].

Для каменного инвентаря одного из древнейших памятников верхнего палеолита Восточной Европы — стоянки второго слоя Костенки XVII, датированного по ^{14}C 36 400 + 1700 – 1400 (GrN 12596) [Синицын, Праслов 1997], характерна призматическая техника раскалывания. Изделия с вторичной обработкой состоят из концевых скребков на пластинах с неретушированными краями, представлены отдельные удлиненные скребки высокой формы. Основную часть коллекции составляют боковые косоретушные резцы. Есть долотовидные изделия и острия. Представлены микропластины и пластины с притупленной спинкой. Каменный ин-

вентарь второго слоя Костенок XVII совершенно лишен каких-либо архаичных черт и по технико-морфологическим и типологическим характеристикам относится к ориньякоидному технокомплексу [Аникович 1991]. Некоторые существенные элементы этого технокомплекса, прежде всего, развитое объемное расщепление, направленное на производство крупных пластин, характерны и для каменного инвентаря стоянки Заозерье. Этим, видимо, объясняется определенное сходство их каменного инвентаря, имеющее, по мнению автора, технологический характер. Типологический облик индустрий различен, и их объединение в какую-либо культурную группировку невозможно.

Для небольшой коллекции каменного инвентаря IVb слоя стоянки Костенки XIV (возраст по ^{14}C 37–32 000 лет) также характерна пластинчатая техника первичного расщепления с применением нуклеусов объемного, плоского, торцового и радиального расщепления [Синицын 2002]. Типологический состав определяется сочетанием скребков, двугранных резцов, долотовидных орудий и двусторонне обработанных изделий овальной и подтреугольной формы. Характерные для Заозерья типы изделий также отсутствуют, за исключением овальных бифасов, которые все же имеют иную морфологию. Следует заметить, что коллекция IVb слоя стоянки Костенки XIV сравнительно немногочисленна, и поэтому нельзя исключить, что впоследствии, с пополнением коллекции, черты сходства этого памятника со стоянкой Заозерье могут усилиться.

Костенки XVII, слой II, Костенки XIV, слой IVb и стоянку Заозерье объединяет еще одна очень важная черта — наличие украшений в их коллекциях.

По технике изготовления наиболее близки украшениям стоянки Заозерье изделия из второго слоя Костенок XVII. Для изготовления подвесок и бус применялось одностороннее коническое сверление. В Костенках XVII широко представлены подвески, изготовленные из белемнитов, уплощенных галек, ископаемых раковин, корал-

лов и клыков песца [Палеолит Костенковско-Борщевского района 1982]. Для стоянки Заозерье характерно изготовление подвесок из раковин *Unio*, кости и ископаемых морских лилий. В Костенках XVII для изготовления украшений использовались только естественные формы, тогда как на стоянке Заозерье подвескам и бусам специально придавалась овальная или округлая форма. Эта технология предполагает более сложный процесс изготовления украшений, состоявший из двух операций — подготовки заготовки специальной формы, а затем изготовления самого изделия. Типы украшений также различны. Все подвески на стоянке Костенки XVII имеют одно отверстие, в то время как для стоянки Заозерье, наряду с бусинами, имеющими одно сверленное отверстие, характерны также подвески с двумя отверстиями, расположенными в ряд. Подобные изделия на памятниках начальной и ранней поры верхнего палеолита европейского континента неизвестны.

Использование в качестве украшений ископаемых раковин *Columbellidae* с пробитыми отверстиями отмечено для IVb слоя стоянки Костенки XIV [Синицын 2002].

С древнейшими памятниками костенковско-стрелецкой культуры (Костенки XII, слой III и Костенки I, слой V) прослеживается значительно меньшее сходство. Оно выражается только в наличии в их коллекциях плоско-выпуклых бифасов мустьерской морфологии. Техничко-типологический состав коллекций резко различен.

Таким образом, каменный инвентарь стоянки Заозерье не имеет прямых аналогов среди одновозрастных памятников центра Русской равнины.

Памятники ранних этапов верхнего палеолита известны на юге Западной Сибири, на Алтае и в Восточной Сибири. Детально опубликованы такие опорные памятники, как Денисова пещера [Деревянко и др. 2003], Кара-Бом [Деревянко, Шуньков 2004], Усть-Каракол [Деревянко 2001], Макарово IV, Толбага, Варварина Гора и Санный Мыс [Goebel 2004], возраст которых определяется в 42–28 000 лет. Каменный инвен-

тарь этих стоянок в значительной степени сохраняет черты, характерные для предшествующих им хронологически мустьерских памятников. Техника первичного раскалывания базируется на леваллуазских нуклеусах. Основная категория орудий — ретушированные пластины, скребки на пластинах, остроконечники, скребла. В технике вторичной обработки полностью отсутствует плоско-выпуклая ретушь и вентральная подтеска, хотя бифасиальная техника представлена. Большое сходство прослеживается в украшениях. В 11-м слое Денисовой пещеры, датированном ранней порой верхнего палеолита (29 000 лет), собрана представительная коллекция бус и подвесок [Деревянко и др. 2003]. Они изготовлены из кости, камня и ископаемых раковин. Характерной чертой всей группы является одно сверленное отверстие. Для украшений, наряду с естественными формами, использовались и специальные заготовки округлой формы. В целом по структуре комплексов и типологии орудийного набора сибирские памятники ранних этапов верхнего палеолита значительно отличаются от стоянки Заозерье.

По мнению автора, имеются основания для выделения индустрии стоянки Заозерье в особый культурный тип начальной поры верхнего палеолита Евразии. Коллекция стоянки пока недостаточна для его детальной технико-типологической характеристики. Вероятно, что *fossil directeur* для этого культурного типа является острие на пластине с дугообразно отретушированным или затупленным краем. Можно отметить также, что основной особенностью каменного инвентаря памятника является сочетание в нем черт как ориньякоидного, так и селетоидного технокомплексов (путей развития). Подобное сочетание известно в комплексах ранней поры верхнего палеолита Русской равнины, возрастом около 30 000 лет (городцовская культура, стоянка Мира) [Степанчук 2005], однако впервые отмечается для индустрии, датирующейся хронологическим интервалом в 35–33 000 лет. Каменный и костяной инвентарь, типы украшений памятника, несмотря на ряд значительных отличий,

имеют черты сходства с памятниками начальной и ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы.

На северо-востоке Европы определенное сходство с заозерской индустрией имеет коллекция значительно более поздней стоянки Бызовая [Павлов 2004]. Прежде всего оно проявляется в одинаковой структуре комплексов каменного инвентаря, состоящих из двух технико-морфологических групп изделий — мустьерской и верхнепалеолитической. Мустьерский компонент представлен изделиями с плоско-выпуклой ретушью — ножами типа Kielmesser и скреблами. Верхнепалеолитическая группа состоит из орудий на пластинах и пластинчатых заготовках — скребков, резцов и острий. Близость между памятниками прослеживается в стратегии эксплуатации сырьевых ресурсов. На обеих стоянках отмечено широкое использование кремня из коренных месторождений, расположенных на довольно значительном расстоянии (до 60 км на стоянке Бызовая).

К концу ранней поры верхнего палеолита (29–28 000 лет) в регионе относятся два памятника Гарчи I (верхний слой) и Бызовая.

Стоянка Гарчи I, без сомнения, относится к костенковско-стрелецкой культуре. Значительная коллекция каменного инвентаря (свыше 5 тыс. экз.) позволяет определить позицию стоянки в системе периодизации культуры, разработанной М. В. Аниковичем [Аникович 1991]. По его мнению, индустрия стоянки Гарчи I относится к среднему этапу существования культуры и типологически наиболее близка к V слою Костенок I, что соответствует хронологии памятников [Аникович 1991]. Присоединяясь в целом к этому мнению, все же необходимо отметить ряд важных особенностей коллекции стоянки Гарчи I, не укладывающихся полностью в типологическую характеристику среднего этапа костенковско-стрелецкой культуры.

В технологии первичной обработки стоянки Гарчи I, наряду с типичным для культуры плоскостным расщеплением, выделен особый прием получения стандартизированных заготовок — контрударное расщепление округлых кремневых галек, совер-

шенно неизвестный на других стоянках культуры. Эта специфика, впрочем, может объясняться особенностями сырьевой базы стоянки.

Типология орудийного набора стоянки Гарчи I демонстрирует сочетание типов, характерных для всех трех хронологических этапов костенковско-стрелецкой культуры. С памятниками раннего этапа (Костенки XII, слой III) ее сближает наличие таких редких форм, как массивные стамески с поперечным выемчатым лезвием, острия с основанием, обработанным скребковой ретушью, и кремневые плитки с прямым лезвием, обработанным двусторонней ретушью. С памятниками среднего этапа (Костенки I, слой V) стоянку Гарчи сближают некоторые типы наконечников и присутствие в их коллекциях трансверсальных резцов. С памятниками позднейшего этапа (Сунгирь) — миндалевидные и вытянутой треугольной формы с прямым основанием наконечники, небольшие округлые скребки. Таким образом, комплекс верхнего слоя стоянки Гарчи I включает типы орудий, характерные для всего периода существования костенковско-стрелецкой культуры. Преобладающими являются типы изделий, характерные для среднего и финального этапа ее существования.

Существенно отличает Гарчи от памятников костенковской группы присутствие «ориньякских» форм в инвентаре — кареноидных скребков, двойных скребков с ретушью по продольным краям и коротких скребков с шипом на углу лезвия. Эти же формы представлены в коллекции стоянок Сунгирь и Бызовая.

Каменный инвентарь печорской стоянки ранней поры верхнего палеолита — стоянки Бызовая — отличается значительным своеобразием, как по составу коллекции, так и по ее типологическим характеристикам.

Техника первичного раскалывания характеризуется нуклеусами объемного и плоского расщепления. В орудийном наборе отчетливо выделяются две технико-морфологические группы изделий — мустьерская и верхнепалеолитическая. Мустьерская группа представлена плоско-выпуклыми

бифасами, в том числе обушковыми ножами типа Kielmesser и разнообразными скреблами, в том числе классическими типа Кина. Для мустьерских форм Бызовой наиболее близкие аналогии обнаруживаются среди памятников старосельской фации крымской микокской традиции (Староселье, Кабази II и др.) [Чабай 2004]. Аналогичны сегментовидные ножи с обушком, асимметричные подтреугольные бифасы, подтрапещевидные техлезвийные скребла.

Верхнепалеолитическая группа представлена концевыми скребками на пластинчатых заготовках, кареноидными и стрельчатыми скребками, угловыми резцами на пластинах, крупными долотовидными орудиями, остриями, тонкими листовидными двусторонне обработанными наконечниками.

Как уже было отмечено, по базовым характеристикам структуры комплекса каменного инвентаря — сочетанию в нем двух технико-морфологических групп изделий — мустьерской и верхнепалеолитической, стоянка Бызовая имеет сходство с более ранней стоянкой Заозерье. В то же время некоторые типы орудий Бызовой находят аналогии в инвентаре костенковско-стрелецкой культуры. Это кремневые плитки с двусторонней ретушью, двуконечное плоско-выпуклое острие и крупные ножи полудунной формы с выпуклым двусторонне обработанным лезвием. Прослеживается сходство и с памятниками позднего этапа костенковско-стрелецкой культуры, особенно со стоянкой Сунгирь. Близки сунгирским скребки на коротких пластинчатых заготовках с прямым лезвием. Аналогии прослеживаются и в изделиях из рога северного оленя, представленных на обеих стоянках мотыгами типа Лингби [Бадер 1978]. В каменном инвентаре стоянки Бызовая имеются и типичные «ориньякские» формы — кареноидные и стрельчатые скребки, крупные долотовидные орудия. По присутствию «ориньякских» форм в сочетании с типами, характерными для костенковско-стрелецкой культуры, инвентарь Бызовой схож с индустрией стоянки Гарчи I. Однако, несмотря на отмеченное сходство, относить Бызовую к числу памят-

ников костенковско-стрелецкой культуры неправомерно, так как в ее инвентаре отсутствуют такие определяющие для нее типы изделий, как треугольные двусторонне обработанные наконечники и подтреугольные скребки с вентральной ретушью.

В целом индустрия стоянки Бызовая уникальна и может быть выделена в отдельный культурный тип, но все же, учитывая специфический тип памятника, этот вывод нуждается в дополнительном обосновании.

Небольшая коллекция грота Близнецова не позволяет определить ее культурную принадлежность.

Заключение

Памятники начальной и ранней поры верхнего палеолита, найденные на северо-востоке Европы — Мамонтова Курья, Заозерье, Бызовая, Гарчи I (верхний слой) и, вероятно, грот Близнецова, — датируются второй половиной среднего валдая (38–28 000 лет). В регионе представлены как известные восточноевропейские культуры этого времени — костенковско-стрелецкая (Гарчи I, верхний слой), так и новый, заозерский, культурный тип. С заозерским культурным типом может быть связана индустрия значительно более поздней стоянки Бызовая.

По технико-типологическим параметрам структуры комплексов каменного инвентаря стоянки начала верхнего палеолита северо-востока Европы можно отнести к селетоидному и «гибридному» селетоидно-ориньякоидному технокомплексу (пути развития). Селетоидный технокомплекс в относительно «чистом» виде представлен индустрией стоянки Гарчи I. В индустриях стоянок Заозерье и Бызовая присутствуют черты как селетоидного, так и ориньякоидного технокомплексов (путей развития). Определяющей чертой каменного инвентаря памятников начальных этапов верхнего палеолита региона является сочетание в гомогенных индустриях двух технико-морфологических групп изделий — верхнепалеолитической и мустьерской.

Верхнепалеолитические формы включают орудия, изготовленные на призматических пластинах, — скребки, резцы, острия, а также тонкие листовидные и подтреугольные бифасы. Мустьерские формы представлены во всех случаях плоско-выпуклыми бифасиальными скребками и ножами, близкими типам *Kiellmesser* и имеют прямые аналогии в среднепалеолитических комплексах восточного микока юга Русской равнины, Северного Кавказа и Крыма. Эти выразительные аналогии позволяют предположить связь среднепалеолитических индустрий восточного микока и комплексов начальной и ранней поры верхнего палеолита Русской равнины, относящихся к селетоидному технокомплексу (пути развития). Гипотеза об участии мустьерских индустрий восточного микока в генезисе культур верхнего палеолита и об автохтонном возникновении верхнего палеолита на территории Восточной Европы неоднократно высказывались исследователями верхнего палеолита этого региона [Аникович, Рогачев 1984; Аникович 2006; Коен, Степанчук 2001; Vishnyatski, Nehoroshev 2004]. Материалы стоянок северо-востока Европы, по мнению автора, являются дополнительным аргументом в пользу этого предположения.

Данные изучения палеолитических стоянок начальных этапов верхнего палеолита свидетельствуют, что северо-восток Европы в верхнем палеолите заселялся теми первобытными коллективами, система жизнеобеспечения которых была основана на неспециализированной охоте на крупных стадных копытных и характеризовалась высокой мобильностью населения. Эта особенность образа жизни древних мигрантов являлась решающим фактором процесса первоначального заселения северо-востока Европы, в том числе и заполярных районов европейского континента. Отражением специфического приема адаптации древнего населения к природно-климатическим условиям севера региона является наличие в бассейне Печоры особого типа палеолитических стоянок на природных захоронениях остатков крупных млекопитающих — «клад-

бищах мамонтов», не известных за пределами субарктической зоны Евразии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (П-21) и гранта фонда The Wenner Gren Foundation, ICRG41 «Colonization of the Northern World» (2002–2006 гг.)

Литература

Абрамова, З. А. Искусство в контексте проблемы периодизации верхнего палеолита Костенок / З. А. Абрамова, А. А. Синицын / Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: 2002. — С. 167–177.

Аникович, М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма / М. В. Аникович, А. Н. Рогачев // Археология СССР. — Палеолит СССР. — М.: Наука, 1984. — С. 162–271.

Аникович, М. В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы / М. В. Аникович / Автореф. дисс. доктора ист. наук. — СПб.: 1991. — 40 с.

Аникович, М. В. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы / М. В. Аникович / Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. — М.: Наука, 1997. — С. 143–155.

Аникович, М. В. Новые данные о становлении верхнего палеолита на территории Восточной Европы / М. В. Аникович // Современные проблемы археологии России. — Т. 1. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. — С. 97–99.

Бадер, О. Н. Сунгирь — верхнепалеолитическая стоянка / О. Н. Бадер. — М.: Наука, 1978. — 254 с.

Деревянко, А. П. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2004. — № 3 (19). — С. 3–31.

Деревянко, А. П. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян и др. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. — 448 с.

Канивец, В. И. Палеолит крайнего северо-востока Европы / В. И. Канивец. — М.: Наука, 1976. — 94 с.

Коев, В. Ю. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе: проблемы таксономии и хроностратиграфии / В. Ю. Коев, В. М. Степанчук // *Vita Antiqua*. — Киев: 2001. — № 3–4. — С. 78–107.

Павлов, П. Ю. Гарчи I — памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы / П. Ю. Павлов, Э. Ю. Макаров // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. — Сыктывкар: МАЕСВ, 1998. — Вып. 15. — С. 4–17.

Павлов, П. Ю. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: северо-восток Европы в эпоху палеолита / П. Ю. Павлов // Северный археологический конгресс 9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. Доклады. — Екатеринбург — Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. — С. 199.

Павлов, П. Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье) / П. Ю. Павлов. — Научные доклады. — Сыктывкар: Коми научный центр УрО Российской академии наук, 2004. — Вып. 467. — 36 с.

Рогачев, А. Н. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону / А. Н. Рогачев, В. Е. Кудряшов и др. — Л.: Наука, 1982. — 283 с.

Синицын, А. А. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы / А. А. Синицын, Н. Д. Праслов. — СПб.: 1997. — 141 с.

Синицын, А. А. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина Гора) (раскопки 1998–2001 гг.) / А. А. Синицын // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. — СПб.: 2002. — С. 219–236.

Степанчук, В. Н. Вопросы перехода к верхнему палеолиту в свете новых данных по Крыму и югу Восточно-Европейской рав-

нины / В. Н. Степанчук // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. — СПб.: 2005. — Вып. 3. — С. 197–233.

Чабай, В. П. Средний палеолит Крыма / В. П. Чабай. — Симферополь: Шлях, 2004. — 321 с.

Чубур, А. А. Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в ошашковское время / А. А. Чубур // Восточный Граветт. — М.: Научный мир, 1998. — С. 309–329.

Щербакова, Т. И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Близнецова на фоне палеолитических индустрий Урала / Т. И. Щербакова // Проблемы первобытной культуры. — Уфа: Гилем, 2001. — С. 156–169.

D'Errico, F., Julien, M., Liolios, D., Vanhaeren, M., Baffier, D. (2003). *Many Aools in Our Arguments. Bone Tool Manufacture and use in the Châtelperronian and Aurignacien Levels of the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure*. Zilhão, J. and d'Errico, F. (eds.): *The Chronology of the Aurignacian and the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. *Trabalhos de Archaeologia*. Lisboa. pp. 247–272.

Goebel, T. (2004). *The Early Upper Palaeolithic of Siberia*. Brantingham P. J., Kuhn S. L., Kerry K. W. (eds.). *The Early Upper Palaeolithic beyond Western Europe*. Berkeley: University of California Press, pp. 162–195.

Gribchenko, Yu. N. (2006). *Lithology and Stratigraphy of Loess-Soil Series and Cultural Layers of Late Paleolithic Campsites in Eastern Europe*. *Quaternary International* pp. 152–153, pp. 153–163.

Kozłowski, J. K. (1980). *Technological and Typological Differentiation of Lithic Assemblages in the Upper Palaeolithic: an Interpretation Attempt*. *Unconventional Archeology*, Wrocław-Warszawa, Zakład Narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, pp. 33–56.

Pavlov, P., Indrelić, S. (2000). *Human Occupation in Northeastern Europe During the Period 35 000–18 000*. Roebroeks W. et al. (eds.) *Hunters of the Golden Age. The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30 000–20 000 BP*. Leiden: Leiden University, p. 167.

Pavlov, P., Indrelid, S., Svendsen, J. -I. (2001). *Human Presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago*. Nature. p. 413, pp. 64–67.

Pavlov, P., Roebroeks, W., Svendsen, J. -I. (2004). *The Pleistocene Colonization of Northeastern Europe: A Report on Recent Research*. Journal of Human Evolution. Vol. 47, № 1–2, pp. 3–17.

Sinitsyn A. (2003). *The Most Ancient Sites of Kostenki in the Context of the Initial Upper Palaeolithic of Northern Eurasia*. In: Zilhao, J. & D'Errico, F. (eds.). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Trabalhos de Arqueologia. 33. Lisboa. pp. 89–108.

Svendsen J. -I., Pavlov P. (2003). *Mamontovaya Kurya — An Enigmatic, Nearly 40,000 Years Old Palaeo-Lithic Site in the Russian Arctic*. Zilhao, J. & D'Errico, F. (eds.). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Trabalhos de Arqueologia. 33. Lisboa. pp. 109–122.

Vishnyatski L., Nehoroshev P. (2004). *The Beginning of the Upper Palaeolithic on the Russian Plain*. Brantingham P. J., Kuhn S. L., Kerry K. W. (eds.). *The Early Upper Palaeolithic beyond Western Europe*. Berkeley: University of California Press, pp. 80–96.

СВИДЕТЕЛЬСТВА РАННЕГО РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В АРКТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ЕВРАЗИИ: НОВЫЕ НАХОДКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. До последнего времени считалось, что человек начал осваивать арктические области планеты лишь на рубеже голоцена. В последние 20 лет появились новые источники, в их числе как стоянки, датированные временем около 30 000 л. н., так и останки представителей мамонтовой фауны, погибших в результате охоты на них человека. Находка человеческих останков в районе Усть-Ишима, датированная временем 45 000 л. н., дает возможность проследить путь человеческих коллективов на Север.

В заключении автор останавливается на сложном вопросе о том, когда же анатомически современные люди впервые оказались на просторах Арктики. По его мнению, свидетельства расселения человека в Арктике, в том числе наиболее ранние, рассматриваемые в настоящей работе, связаны с расселением анатомически современных людей. Вне зависимости от их физического облика, наиболее важным в данном случае является их способность выживать в условиях природной среды плейстоценовой Арктики и широко расселиться в пределах региона в начальной фазе MIS 3, не позднее 45 000 л. н. или несколько ранее.

Ключевые слова: мамонтовая фауна, тундро-степной биом, плейстоцен, следы пребывания человека, анатомически современный человек.

Введение

Свидетельства расселения человека в Арктике в pre-LGM чрезвычайно редки (рис. 1). Фактически они стали известны лишь в последние 20 лет в связи с открытием стоянок Мамонтовая Курья [Pavlov et al. 2001] в Европейской Арктике и, соответственно, Янской стоянки в Сибирской Арктике [Pitulko et al. 2004].

До этого считалось, что человек начал осваивать арктическую область земного шара лишь на рубеже голоцена, и эти представления связывались с находками на стоянке Берелех [Vereshchagin 1974], которая, с момента ее открытия в 1971 г. [Верещагин, Мочанов 1972], на протяжении десятилетий оставалась древнейшим свидетельством расселения человека к северу от полярного круга. Ее возраст, уточненный в последнее время, составляет около 12 000 ¹⁴C л. н. [Pitulko 2011]

и существенно уступает возрасту как Янской стоянки [Pitulko et al. 2004; Pitulko et al. 2013], так и возрасту местонахождения Мамонтовая Курья [Pavlov et al. 2001].

Так или иначе, эти материалы с момента их обнаружения позволяли уверенно говорить о присутствии человека в некоторых районах евразийской Арктики, по крайней мере, на заключительном этапе MIS 3, около 30 000 л. н.

Природные условия межледниковья в евразийской Арктике были неоднородны во времени и пространстве, существенно различаясь даже в пределах того или иного хроносреза MIS 3 [см., например: Andreev et al. 2003; Hubberten et al. 2004; Kienast et al. 2011; Lozhkin, Anderson 2011; Sher et al. 2005]. Однако в целом они были благоприятны для развития популяций крупных травоядных позднего плейстоцена на всем протяжении MIS 3, а в ряде областей — прежде

всего, в восточной Сибирской Арктике — оставались приемлемы и в эпоху последнего оледенения, включая самые холодные и сухие периоды максимума похолодания [Astakhov 2014]. Популяциями мамонтов в различных областях региона были освоены, вслед за растительными сообществами, и территории, освобожденные в результате дегляциации областей, ранее (MIS 4) занятых ледником в европейской Арктике и на севере Западной Сибири [Svendsen et al. 2004]. В восточной Сибирской Арктике аналогичные синхронные образования отсутствовали.

Своеобразный тундро-степной биом, сформировавшийся в Северной Евразии на раннем этапе MIS 3, получил название «мамонтной степи». Для популяций мамонтов характерны определенные колебания численности, реконструированные на основании статистики радиоуглеродных датировок [Сулержицкий 1995; Sulerzhitsky, Romanenko 1999; Kuzmin, Orlova 2004; Lorenzen et al. 2011; Markova et al. 2010; Nikolskiy et al. 2011]. Тем не менее, на протяжении всей стадии 3, т. е. примерно от 55 000 до 24 000 л. н., они были вполне благополучны и составляли, наряду с популяциями других крупных травоядных, практически неисчерпаемый пищевой ресурс. В определенном смысле, они служили своего рода субстратом для расселения человека, следы пребывания которого в доледниковую эпоху известны теперь как в Европейской, так и в Сибирской Арктике. Круг этих древностей заметно расширился в последнее время как в количественном, так и в качественном отношении (рис. 1). В ряде случаев такие свидетельства связаны со следами прошлой охотничьей деятельности человека [Pitulko et al. 2014a; Pitulko et al. 2016], опознанной на костных остатках плейстоценовой фауны, найденных вне связи с наборами артефактов, однако данное обстоятельство не влияет на степень доказательности подобных находок.

Север Западной Сибири

Север Западной Сибири, ее арктические

районы, является, наряду с областями крайнего Северо-Востока России (Западная Чукотка и Чукотский п-ов), территорией евразийской Арктики, где доголоценовые следы пребывания человека отсутствуют. В то же время реконструируемые для региона природные условия позднего плейстоцена, датированные находки мамонтовой фауны и свидетельства пребывания человека на сопредельных территориях допускают мысль о том, что рано или поздно здесь будут открыты свидетельства присутствия людей верхнего палеолита.

Так, например, в арктической и субарктической области Западной Сибири хорошо представлены датированные остатки мамонтов, включая находки мумифицированных трупов этих животных, относящихся к MIS 3 (рис. 2). Их возраст лежит в пределах ~42–30 тыс. л. н. [см., например: Astakhov, Nazarov 2010]. Подобные находки имеются на п-вах Ямал и Гыдан, т. е. остатки этих зверей, пусть и немногочисленные по тафономическим причинам, представлены в пределах всего региона. Известны и более молодые находки, относящиеся к различным этапам MIS 2, распределенные в пространстве столь же широко, а в плане хронологии достигающие рубежа голоцена (Юрибейский мамонт). Одна из самых молодых датировок ($13,650 \pm 170$, ГИН 8241) получена по бедренной кости мамонта с о. Шокальского [Сулержицкий, Романенко 1997].

Радиоуглеродные датировки, полученные для группы находок мамонтовой фауны из местонахождения в Горках и собранных Н. В. Федоровой на р. Войкар в 1990-х годах, дают примерно ту же картину. Как представляется, на основании данных, приведенных В. И. Астаховым [Астахов, Назаров 2010], Я. В. Кузьминым и Л. А. Орловой [Kuzmin, Orlova 2004], и наших собственных (табл. 1) можно уверенно говорить о стабильном существовании в регионе популяций мамонтовой фауны на протяжении MIS 3 и 2, возможно, с заметным сокращением в пик похолодания. Иными словами, динамика местной популяции мамонтов в главных

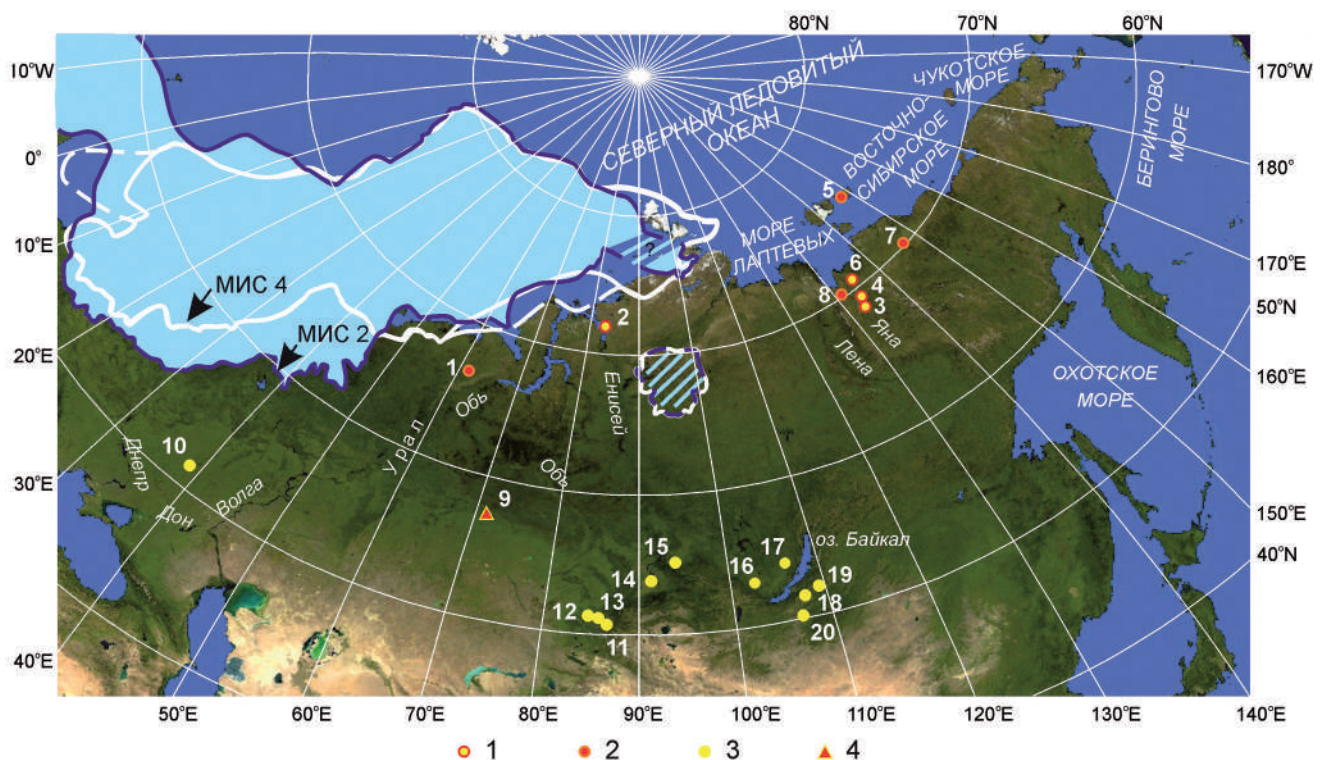

Рис. 1. Положение объектов, свидетельства из которых указывают на расселение человека в Арктике около 45 000 л. н. (1); археологические памятники, местонахождения и объекты Российской Арктики, чей возраст превышает 30 000 л. н. (2); местонахождения и стоянки верхнего палеолита Северной Евразии, возраст которых превышает 40 000 лет (3); напрямую датированные ископаемые костные остатки анатомически современного человека, относящиеся к тому же времени (4).

Номера на карте: 1 — местонахождение Мамонтовая Курья [Pavlov et al. 2001]; 2 — местонахождение Сопочная Карга [Pitulko et al. 2016]; 3 — местонахождение BT-1885 [Pitulko et al. 2014a; Pitulko et al. 2016]; 4 — местонахождение Кючюс [Питулько и др. 2015]; 5 — о. Новая Сибирь / West [Питулько и др. 2015]; 6 — Янская стоянка, пункт Верхний [Питулько и др. 2015]; 7 — р. Аллаиха, пункт AL044-2005 [Питулько и др. 2015]; 8 — местонахождение Омолой, низовья р. Омолой [Питулько и др. 2015]; 9 — Усть-Ишим [Fu et al. 2014]; 10 — Костенки [Anikovich et al. 2007]; 11 — стоянка Кара-Бом [Derevianko 1998; Derevianko, Shunkov 2004]; 12 — Денисова пещера [Derevianko 1998; Derevianko, Shunkov 2004]; 13 — пещера Окладникова [Derevianko 1998; Derevianko, Shunkov 2004]; 14 — Двуглазка [Лисицын 2000]; 15 — Усть-Ижуйль [Chlachula et al. 2003]; 16 — Большой Нарын [Sato et al. 2008]; 17 — Макарово [Goebel, Aksekov 1995]; 18 — Каменка [Лбова 2000; Лбова 2006]; 19 — Хотык [Лбова 2000; Лбова 2006]; 20 — Подзвонкая [Ташак 2005]. Номера местонаждений (1–8) соответствуют нумерации в Таблице 4

чертах весьма близка изменениям, наблюдаемым в истории таймырской и восточно-сибирской арктических популяциях этих животных [Сулержицкий 1995; Nikolskiy et al. 2011].

Эти изменения ожидаемо соответствуют природным условиям, реконструированным для позднего плейстоцена Северного Приуралья. Реконструкция, предложенная в работе Свендсона и его соавторов [Svendsen et al. 2014], предполагает наличие условий, достаточно комфортных для расселения человека, начиная с ~40 тыс. л. н., за исключением, очевидно, периода похолодания по-

следнего ледникового максимума 25–20 тыс. л. н. Однако сухие холодные условия сохранялись по обеим сторонам Уральского хребта и позднее, вплоть до ~14 тыс. л. н. Эти условия, однако, не препятствовали существованию в Северном Приуралье населения позднего и финального палеолита, памятники которого в местной археологической летописи достаточно многочисленны и датированы 19 тыс. л. н. и моложе [Павлов 2008].

В ходе дегляциации областей Баренцево-морского и Карского шельфа от ледника освободились колоссальные пространства.

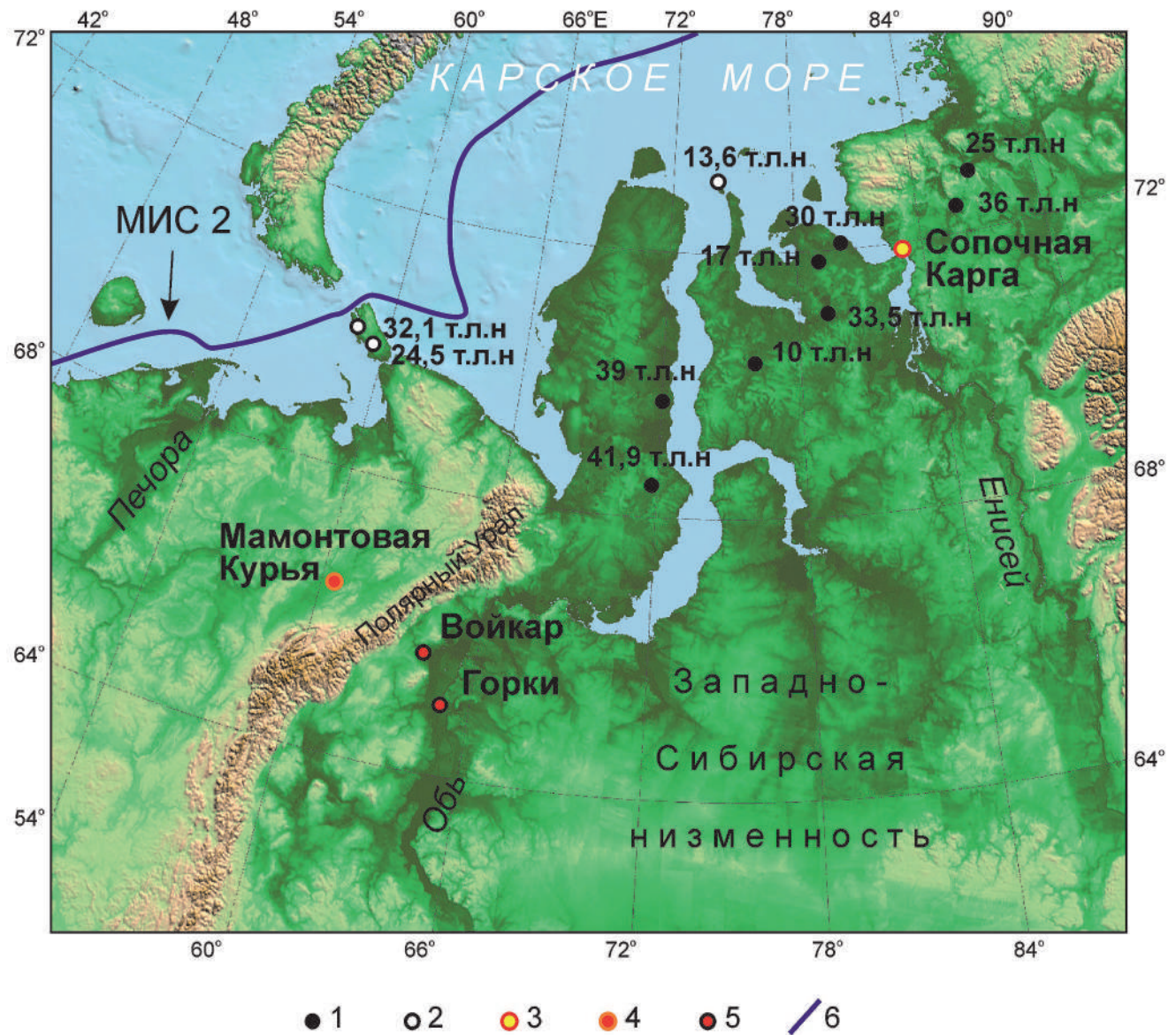

Рис. 2. Положение датированных находок остатков мамонтов в арктической и субарктической области Западной Сибири и близлежащей территории.

- 1 — трупы мамонтов и их ^{14}C возраст; 2 — костные остатки мамонтов и их ^{14}C возраст;
 3 — местонахождение трупа мамонта со следами антропогенного воздействия с возрастом древнее 40 000 лет;
 4 — археологическое местонахождение с костными остатками мамонтов с возрастом древнее 30 000 лет;
 5 — местонахождения представителей мамонтовой фауны на территории ЯНАО с возрастом 45 000–15 000 лет; 6 — положения кромки ледника в МИС 2 около 20 000 л. н.
 [приведено по: Astakhov, Nazarov 2010; Hubberten et al. 2004; Svendsen et al. 2004; Svendsen et al. 2010]

К концу MIS 3 они оказались заселены фауной крупных травоядных. Так, имеются новые датировки мамонтов европейской Арктики и Субарктики [Markova et al. 2013], происходящие, в том числе, с о-ва Вайгач — 32 150 +210/-160 (GrA-42211) и 24 550 ± 120 (GrA-42209). В контексте этих находок весьма любопытно, что на о-ве Вайгач Г. В. Ивановым на рубеже 1990-х годов были сделаны

находки каменных орудий, морфология которых оказалась необычной для комплексов поздних отделов каменного века [Иванов 1993]. Среди них, в частности, были хорошо представлены мелкие долотовидные формы, обычные для археологических объектов, связанных с обработкой бивней мамонтов и производством изделий из них [см., например: Pitulko et al. 2013]. Весьма интерес-

Таблица 1

Радиоуглеродные датировки представителей мамонтовой фауны из местонахождений на территории ЯНАО (получены АМС ^{14}C методом в центре изотопных исследований Университета Аархус, Дания)

Лаб. номер	Образец	Местонахождение	Вид	^{14}C возраст
AAR 21022	GORKY-4	ЯНАО, ЗС, р. Обь. Пос. Горки	Бизон	32 550 ± 400
AAR 21023	GORKY-7	ЯНАО, ЗС, р. Обь. Пос. Горки	Волк	> 45 000
AAR 21024	GOR-6	ЯНАО, ЗС, р. Обь. Пос. Горки	Шерстистый носорог	29 750 ± 300
AAR 21025	GOR-5	ЯНАО, ЗС, Обь. Пос. Горки	Шерстистый мамонт	26 390 ± 210
AAR 21026	PIT-08	ЯНАО, ЗС, р. Обь	Шерстистый мамонт	28 250 ± 250
AAR 21027	URIB-1	ЯНАО, ЗС, п-ов Ямал, р. Юрибей	Бизон	39 250 ± 900
AAR 21028	SAM-2	ЯНАО, ЗС	Шерстистый мамонт	22 780 ± 140
AAR 21029	SAM-1	ЯНАО, ЗС	Шерстистый мамонт	38 600 ± 900
AAR 24505	UV-2	р. Войкар	Шерстистый мамонт	18 620 ± 60
AAR 24506	North UV-2	р. Войкар	Шерстистый мамонт	15 110 ± 58
AAR 24507	UT6	р. Войкар	Шерстистый мамонт	29 694 ± 132

но, что находки Г. В. Иванова [Иванов 1993] происходят из северо-западной части острова, где были встречены костные остатки мамонтов, датировки которых опубликованы А. К. Марковой с соавторами [Markova et al. 2013]. Безусловно, данное наблюдение не является попыткой установить какую-либо связь между первыми и вторыми, однако дает повод задуматься о ее возможном наличии.

Эта возможность не выглядит излишне гипотетической, поскольку в регионе имеются достаточно древние свидетельства присутствия человека в арктической области. Так, например, П. Ю. Павловым [Павлов 2008] в Северном Приуралье в бассейне р. Печора открыто местонахождение Мамонтовая Курья, предполагаемый возраст которой составляет ~40 тыс. л. н. [Pavlov et al. 2001; Svendsen et al. 2010; Svendsen et al. 2014]. Как представляется, за счет некоторой

манипуляции данными он изначально оказался несколько переоценен [Питулько и др. 2011]. Разрез, в основании которого вскрыт горизонт русловых осадков, вмещающих каменные артефакты, костные остатки плейстоценовых зверей и небольшой бивень мамонта с насечками, неплохо датирован OSL и радиоуглеродным методом.

Однако на основании радиоуглеродных датировок возраст горизонта с находками должен быть корректно определен как «не моложе 27 000 л. н.», т. е. он может составить и 40 тыс. л. н., на основании средне-взвешенных значений для датировок фауны из того же горизонта [Svendsen et al. 2014], или может соответствовать возрасту бивня с насечками (~36 000 л. н.), но при условии, что (а) датированные костные остатки непременно связаны с деятельностью человека и (б) нанесение насечек на бивень состоялось вскоре после обретения бивня людьми при

тех или иных обстоятельствах. Использование исследователями [Pavlov et al. 2001; Svendsen et al. 2010] OSL-датировок в качестве основания для удреждения возраста этих находок до 40 тыс. лет не прибавляет ничего в плане достоверности. Безупречная последовательность OSL-датировок выполняет в этой ситуации только контрольную функцию, подтверждая отсутствие в разрезе инверсий. Таким образом, археологические материалы Мамонтовой Курьи принадлежат второй половине MIS 3. Их возраст определяется до некоторой степени гадательно, но, в любом случае, находится в интервале 40–27 тыс. л. н.

Важным фактом является появление в западносибирской археологической летописи прямых доказательств раннего расселения в пределах региона анатомически современных людей на заключительной стадии раннего этапа MIS 3, о чем позволяет судить находка из местонахождения Усть-Ишим на 57° с. ш. [Fu et al. 2014]. Возраст секвенированного по образцу из фрагмента бедренной кости генома анатомически современного человека составил ~45 000 л. н. Несмотря на отсутствие археологического контекста, данный факт недвусмысленно говорит о продвижении групп анатомически современных людей в северном направлении уже на раннем этапе MIS 3.

Легко видеть, что обсуждение материалов из смежного региона европейской Арктики занимает в этом разделе заметное место. Материалы из западносибирской Арктики, действительно, носят лишь провизорный характер. Однако будучи рассмотрены в широком палеогеографическом и археологическом контексте, они дают возможность сделать обоснованный вывод о перспективах поисков в пределах региона следов расселения человека, которые имели бы доголоценовый возраст. Правомочность таких ожиданий обоснована как единообразием палеогеографических изменений, связанных с циклами развития Баренцево-Карского ледниковых покровов [см., например: Astakhov 2014; Svendsen et al. 2014], так и заметной насыщенностью карты местонахож-

дениями датированных костных остатков мамонтов, присутствие которых в биогеоценозе позднего плейстоцена Северной Евразии было, по-видимому, ключевым фактором для освоения этих территорий человеком.

Арктическая область Средней Сибири (п-ов Таймыр)

На п-ове Таймыр мамонты обитали на протяжении длительного времени [Сулержицкий 1995; MacPhee et al. 2002; Mol et al. 2006]. Реконструированные колебания их относительной численности [Сулержицкий 1995] во многом подобны изменениям численности популяции мамонтов региона Новосибирских о-вов и севера Яно-Индигирской низменности. Замеченные совпадения допускают вывод о едином типе пространственно-временной динамики населения мамонтов Сибирской Арктики, управляемой внешним климатическим фактором [Nikolskiy et al. 2011].

Фактически местная (таймырская) популяция мамонтов прекратила свое существование лишь в начале голоцена [Сулержицкий 1995; Сулержицкий, Романенко 1997]. На основании результатов массового ¹⁴C датирования костных остатков мамонтов [Сулержицкий 1995; MacPhee et al. 2002] можно утверждать, что в эпоху MIS 3 на п-ве Таймыр существовала вполне благополучная, стабильная популяция мамонтов. Общая направленность природных изменений в периоды, подобные MIS 3, закономерным образом приводила к формированию в северных районах участков с рефугиумными условиями, благодаря которым могли сохраняться и развиваться в дальнейшем популяции плейстоценовой мегафауны [Lister, Stuart 2008; Stewart et al. 2010]. Такие популяции, занимающие ограниченное пространство, не могли не служить «приманкой» для людского населения Северной Евразии. В конечном итоге, данная стратегия на рубеже голоцена оказалась для большинства крупных видов плейстоценовых зверей фатальной [Pitulko, Nikolskiy 2012], хотя в эпоху MIS 3 соседство с человеком, по крайней

мере в Сибирской Арктике, в целом существенного влияния на численность таких популяций не оказало [Nikolskiy et al. 2011].

На крайнем западе Сибирской Арктики, на п-ове Таймыр, никаких следов пребывания человека ранее чем в середине голоцена не выявлено, несмотря на наличие здесь великолепной базы пищевых ресурсов на протяжении всех предшествовавших тысячелетий, включая MIS 3. В результате системных поисков памятников археологии каменного века на п-ове Таймыр были открыты десятки археологических объектов. Несмотря на то, что были выявлены некоторые признаки, допускающие предположение о заселении этой территории около 14 000–13 000 л. н. [Хлобыстин 1998], древнейший достоверный след пребывания человека на п-ове Таймыр, стоянка Тагенар VI, был датирован только 6020 ± 100 ^{14}C л. н. (LE 998).

П-ов Таймыр является одной из территорий Российской Арктики, где находки трупов мамонтов не являются большой редкостью [Vereschagin, Tikhonov 1999; Lister, Bahn 2007]. В большинстве своем они принадлежат MIS 3, хотя среди них встречаются и более молодые экземпляры, относящиеся, в том числе, к LGM [Mol et al. 2003; Mol et al. 2006].

Очередная находка такого рода была сделана на восточном берегу Енисейского залива в 1,8 км к северу от метеорологической станции Сопочная Карга, под $71^{\circ} 54'$ с. ш. (рис. 1). Остатки трупа мамонта *Mammuthus primigenius* [Blumenbach 1799] были обнаружены в береговом обрыве многолетне-мерзлых отложений, постепенно разрушаемом термоэрозией и волноприбойной деятельностью. Раскопки были проведены осенью 2012 г. [Maschenko et al. 2014]. Остатки мамонта из Сопочной Карги (далее — Сопкаргинского мамонта) были доставлены в Санкт-Петербург в блоке мерзлого грунта и затем археологически изучены.

Данная находка является, в строгом смысле, не столько мумифицированным трупом мамонта, сколько сохранившимся с исключительной полнотой его скелетом с небольшим количеством мягких тканей, среди

которых представлены остатки жирового горба и пенис [Maschenko et al. 2014; Pitulko et al. 2016]. Полнота скелетных элементов существенно превосходит недавние аналогичные находки на Таймыре — кастыстахский мамонт [Kirillova et al. 2012] и мамонт Жаркова [Mol et al. 2001]. Большое количество жира, сохранившееся в области холки, свидетельствует, что мамонт находился в хорошей физической форме, кормные условия были удовлетворительными, а гибель произошла, вероятно, осенью или в начале зимы. Его интересной физической особенностью является отсутствие одного из бивней (левого), что не помешало животному выжить и достичь половой зрелости. Индивидуальный биологический возраст животного, по заключению А. Н. Тихонова, составляет примерно 15 лет [Pitulko et al. 2016].

Береговой обрыв восточного берега Енисейского залива в месте находки туши мамонта имеет высоту 12 м от водной поверхности (рис. 3). Нижняя часть склона до высоты 5,2 м н. у. р. прикрыта осыпью. В интервале 5,2–7,1 м н. у. р. аллювиальные осадки представлены закономерно сменяющимися по вертикали отложениями фаций руслового и пойменного аллювия.

В разрезе представлены следующие основные структурные элементы, существенные для понимания возраста находки трупа мамонта (рис. 3). Русловой аллювий (слой 1) видимой мощностью 2,7 м (интервал 5,2–7,9 м н. у. р.) представлен косослоистыми мелко-, среднезернистыми песками с гравием и мелкой галькой. В песках встречаются крупные обломки древесины. Осадки пойменного аллювия представлены двумя слоями: нижний (слой 2) мощностью 0,4 м (интервал 7,9–8,3 м н. у. р.) представляет собой горизонтально-слоистые тонко-мелкозернистые пески и алевриты, выше которых залегает слой 3 мощностью 0,7 м (интервал 8,3–9 м н. у. р.), сложенный горизонтально-слоистыми алевритами с прослоями перемытого растительного детрита. Слой 4 мощностью 1,1 м (интервал 9–10,1 м н. у. р.) представлен торфом буро-коричневого цвета в нижней части более плотным, в верх-

ней — более рыхлым с примесью алеврита и песчаного алеврита. Выше залегает слой 5 мощностью 0,9 м (интервал 10,1–11 м н. у. р.) таберальных отложений, представленных песчаным алевритом. Завершает разрез покровный слой 6 мощностью 1 м, сложенный песчаным алевритом с тонкими прослойками торфа.

Отложения находятся в многолетнемерзлом состоянии, включают в себя генерацию мощных повторно-жильных льдов и генерацию псевдоморфоз по повторно-жильным льдам. Жилы льда горизонтальной мощностью 3–4 м сингенетичны слоям 2–4 и эпигенетичны слою 1, они образуют решетку с полигонами 5–6 м. Псевдоморфозы по ПЖЛ внедряются в слой 4 и 3, заполнены песчаным алевритом, в верхней части имеют ширину 1,5–2 м и образуют полигоны шириной 2–2,5 м. Сходные датированные последовательности отложений описаны по обнажениям восточного берега Енисейского залива неоднократно [см., например: Стрелецкая и др. 2009].

Из разреза получено несколько радиоуглеродных датировок в интервале ~45 000–

18 000 ¹⁴С л. н., залегающих последовательно (рис. 3). Датированы оба уровня отложений торфяников, соответственно верхний — 18200+2600/-2200 ¹⁴С л. н. (ЛЕ 9823) и 36000 ± 2500 ¹⁴С л. н. (ЛЕ 9822), нижний, из которого дополнительно получена датировка по небольшому окатанному обломку плавникового дерева (ветка ивы), чей возраст логичным образом оказался древнее возраста вмещающих торфяных отложений и составил 47600 +10200/-4400 ¹⁴С л. н. (ЛЕ 9821). На основании этих датировок возраст туши мамонта может быть оценен древнее ~40 000 ¹⁴С л. н. Реальный ¹⁴С возраст остатков мамонта, измеренный по образцу коллагена из фрагмента берцовой кости составил 44 570 +950/-700 ¹⁴С л. н. (GrA 57723) и находится в полном согласии с вышележащими датировками (рис. 3, табл. 2). Весьма существенно, что дополнительные датировки, полученные по различным субстанциям тела мамонта, близки приведенному значению [Pitulko et al. 2016]. Данная находка трупа мамонта является одной из относительно редких *in situ* находок такого рода, принадлежащих к ранним фазам MIS 3.

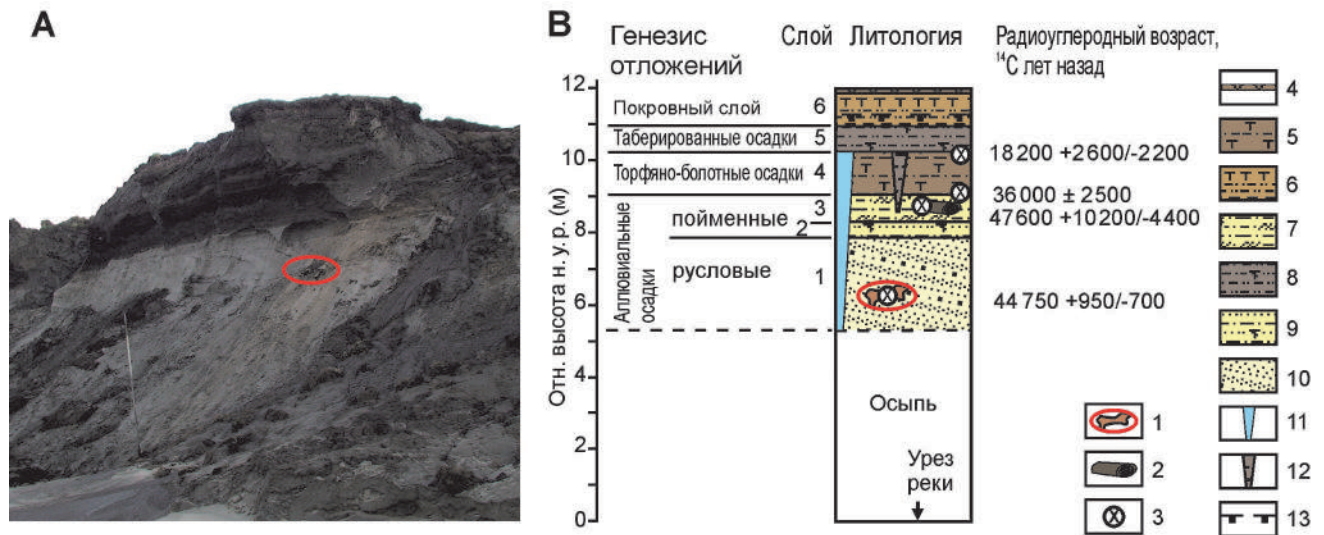

Рис. 3. Геологические условия места находки сопкаргинского мамонта: береговой обрыв левого берега р. Енисей в месте находки (А) и криолитологический разрез места находки (В).

1 — местоположение *in situ* сопкаргинского мамонта; 2 — древесина; 3 — ¹⁴С датировки;

4 — почвенно-растительный покров; 5 — торф; 6 — песчаный алеврит в прослойках торфа; 7 — алеврит с прослойками растительного детрита; 8 — песчаный алеврит; 9 — горизонтально переслаивающиеся пески и алевриты; 10 — перекрестно слоистые пески с мелкими гальками; 11 — повторно-жильный лед; 12 — псевдоморфоза; 13 — граница сезонно-талого слоя

Таблица 2

Результаты радиоуглеродного датирования остатков мамонта из Сопочной Карги [по: Maschenko et al. 2014; Pitulko et al. 2016]. Датировки GAMS (Университет Джорджия, США) и GrA (Университет Гронинген, Нидерланды) измерены АМС ^{14}C методом, прочие (ЛЕ) — жидкостно-сцинтилляционным методом (Радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Лабораторный номер образца	Датированный материал	Радиоуглеродный возраст, ^{14}C лет назад $\pm 1\sigma$	Положение в разрезе, сверху вниз
ЛЕ-9823	Торф	18 200 \pm 2 600/-2 200	Слой 4, верхний контакт
ЛЕ-9822	Торф	36 000 \pm 2 500	Слой 4, нижний контакт
ЛЕ-9821	Фрагмент ветки ивы	47 600 \pm 10 200/-4 400	Слой 3, нижний контакт
GAMS-12565	Коллаген кости, левая подвздошная кость	37 830 \pm 160	Слой 1, верхняя часть
GAMS-12566	Мышечная ткань	43 350 \pm 240	Слой 1, верхняя часть
GAMS-12567	Шерсть	41 100 \pm 190	Слой 1, верхняя часть
GrA-57723	Коллаген кости, берцовая кость	44 570 \pm 950/-700	Слой 1, верхняя часть

Туша мамонта залегала *in situ* в косо-слоистых мелко-, среднезернистых песках русловой фации аллювия (слой 1) с редко встречающимися мелкими галечками, в 1,5 м ниже кровли этого слоя (рис. 4, а). Труп мамонта лежал на правом боку. Голова с правым бивнем находилась наиболее глубоко в толще отложений, а продольная ось тела была направлена под небольшим углом к береговому обрыву.

Тафономия остатков мамонта, открытых в Сопочной Карге [Pitulko et al. 2016], и сохранность материала свидетельствуют, что остатки мамонта оказались захоронены вскоре после гибели в условиях прирусловой отмели, в потоке со слабой несущей способностью, причем левая (верхняя по положению в разрезе) сторона тела какое-то время оставалась, возможно, экспонированной над поверхностью воды. Поверхность правого бивня имеет хаотичные следы, оставленные твердыми частицами вмещающих осадков, которые могли появиться в результате кратковременного волочения туши слабым течением или, скорее, сообщения ей колебательных движений на месте. Необходимо подчеркнуть, что никаких свидетельств, указывающих на существенное посмертное механическое воздействие на костные остатки мамонта природными процессами, не име-

ется, за исключением описанной посмертной деформации стоп, возникающей в результате разложения связок и мягких тканей и уплотнения осадка, и незначительной деформации ребер, возникшей по той же причине.

При осмотре костей мамонта из Сопочной Карги в Зоологическом музее в Санкт-Петербурге, на них был выявлен ряд необычных повреждений, имеющих антропогенное происхождение. По крайней мере, часть из них являются перимортальными и могли быть получены животным исключительно в результате контакта с человеком. Они представлены на левой скуловой кости, левой лопатке, пятом левом и втором правом ребре, хотя последнее может быть и постмортальным. Несомненные постмортальные повреждения отмечены на кончике правого бивня (рис. 4, ж) и нижней челюсти, у которой с левой стороны обломлен венечный отросток.

Левая скуловая кость мамонта в момент раскопок занимала свое положение *in situ* в краниальном скелете, но отделилась при извлечении черепа мамонта из отложений после завершения расчистки. На ее внутренней поверхности обнаружилось небольшое округлое отверстие, заполненное частицами осадка. Кость равномерно патинирована

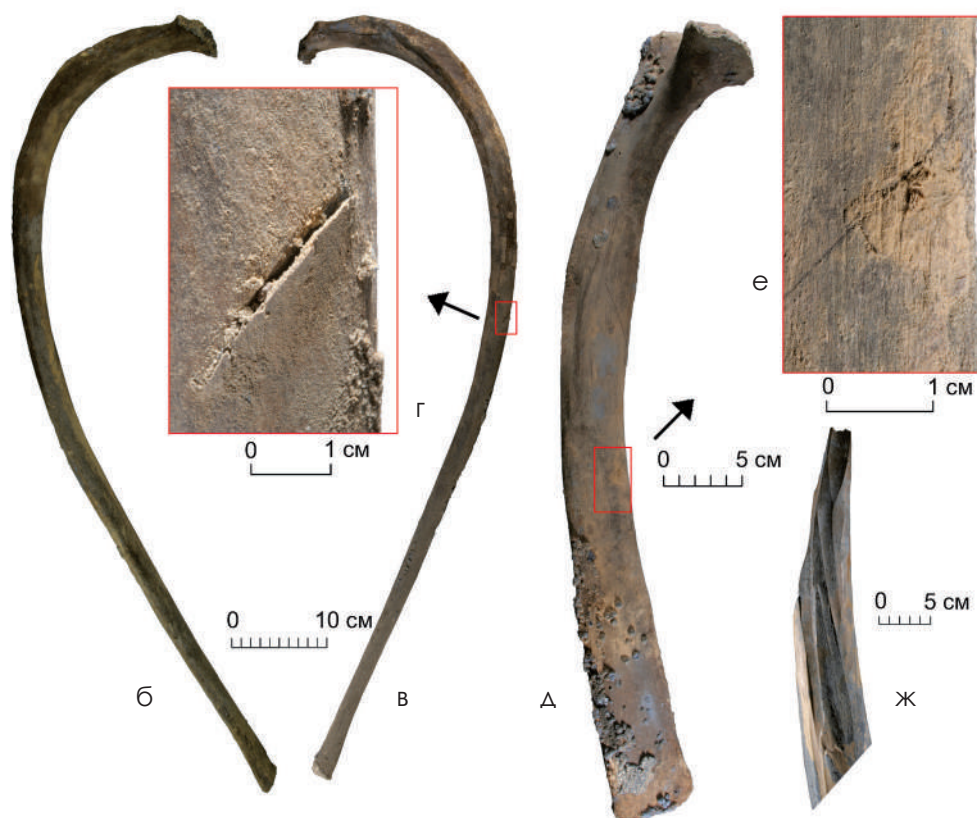

Рис. 4. Раскопки сопкаргинского мамонта (а) и свидетельства травматического воздействия орудий древнего человека, наблюдаемые на костных остатках животного: на пятом левом ребре (б, в – вид ребра спереди и сзади, г – крупный план участка с рассечением), на втором правом ребре (д – общий вид, е – участок с повреждением), обработанный кончик бивня (ж)

и не имеет следов свежих повреждений. Эта необычная патология была изучена средствами компьютерной томографии [Pitulko et al. 2016].

По форме пробоины можно предположить, что орудие, проникшее в кость, имело несколько уплощенные симметричные очертания (в сечении на уровне входного отверстия — короткая ось 3,4 мм, длинная — 5,1 мм) и было довольно острым (высота равнобедренного треугольника при ширине основания 5,1 мм составляет 3,42 мм). Следовательно, угол заострения составляет 73,4°. Острия, изготовленные из массивной кости (например, из стенок длинных костей того же мамонта) могут иметь уплощенно-симметричные очертания, но, скорее всего, они будут значительно более острыми. Известно [Nikolskiy, Pitulko 2013; Pitulko et al. 2013], что в подавляющем большинстве случаев орудия из кости или бивня имеют коническое окончание в боевом конце, симметричное, с большой степенью заострения (~30–40°). Однако велик шанс того, что прохождение через вышележащие кости вызвало бы повреждение орудия, чего не произошло, поскольку орудие смогло проникнуть достаточно глубоко в кость, сохранив очертания острия.

Представляется, что, в данном случае, вероятнее использование крупного массивного каменного острия с линзовидным поперечным сечением, что типично для таких орудий. Они устойчивы к повреждениям. На твердость материала орудия косвенно указывает и большой объем разрушений костей краниальной области, уничтоженных при нанесении удара (при этом острие сохранило свои боевые свойства и оказалось способно пробить поверхность скуловой кости и внедриться в нее на 3,5 мм). Удар, очевидно, был очень сильный и был нанесен животному сзади слева, в направлении сверху вниз. Такое возможно только в том случае, когда животное лежит на земле.

Само по себе повреждение является, вероятно, следствием промаха при нанесении сзади удара в основание хобота, случившегося, возможно, вследствие конвульсивного

движения головы или оборонительных движений хоботом, из-за чего не было возможности нанести удар во фронтальной плоскости и добить животное. Подобный метод донныне практикуется африканскими охотниками и описан этнографически в качестве специфического «удара милосердия», наносимого с целью добить животное путем рассечения важных артерий, вызывающих смертельное кровотечение [Кулик 1971]. Весьма интересно, что в нескольких других случаях на обломках черепных костей мамонтов были замечены следы ударов, локализованные вблизи назального отверстия [Pitulko et al. 2014b].

Необходимость добить раненое животное на охоте возникает в случае, если ему нанесены достаточные повреждения. Следы таких повреждений имеются на скелетных элементах грудной области мамонта во множестве. Среди них — поврежденные ребра и левая лопатка.

Наиболее примечательно повреждение на пятом левом ребре, возникшее в результате рассекающего удара, нанесенного спереди и несколько сверху, по нисходящей траектории (рис. 4, б–г). На снимке с увеличением отчетливо видны заполняющие рассечение хорошо окатанные частицы песка. Удар пришелся по касательной, но был достаточно сильным для того, чтобы пробить шкуру и мышцы и повредить кость. Подобный, но менее сильный удар пришелся во второе правое переднее ребро и также оставил повреждение на кости (рис. 4, д, е). Подобные повреждения являются типичным результатом воздействия на тело животного в результате нанесения колото-резаных ран в процессе охоты и встречаются в коллекциях из восточносибирских памятников, например, из Янской стоянки [Pitulko et al. 2016], стоянки Озеро Никита [Pitulko, Pavlova, Basilaun 2016].

Мамонт из Сопочной Карги получил также как минимум три попадания в левую лопатку. Два из них, судя по локализации выбоин у дистального (верхнего по положению в скелете) края лопатки справа от гребня, были нанесены орудием, пробившим шкуру

и мышцы по нисходящей траектории, двигаясь сбоку-сверху [Pitulko et al. 2016]. Так же как и в случае с ребрами, это, очевидно, следы воздействия, оставленные относительно легкими метательными копьями. Гораздо более мощный удар оставил повреждение на гребне левой лопатки. Можно предполагать, что он был нанесен копьем фактически строго по прямой спереди. В результате удара были пробиты шкура и мышцы плеча, а гребень лопатки был пробит практически насквозь.

Таким образом, имеющиеся свидетельства не оставляют сомнений в том, что мамонт из Сопочной Карги погиб в результате встречи с человеком. Этот факт был бы интересен даже сам по себе, однако в данном случае он указывает, в том числе, на несомненный факт расселения человека в Арктике 44 570 ± 950/-700 ¹⁴C л. н. (GrA 57723), в начальные этапы MIS 3 и свидетельствует о заселении Таймырской области в геологическую эпоху, для которой подобные свидетельства в арктическом регионе вообще единичны.

Документальные свидетельства охоты на мамонтов, даже в гораздо более поздние эпохи, являются большой редкостью и известны в немногих памятниках палеолита — в Костенках [Praslov 2000], Луговском [Зенин и др. 2006], на стоянке Озеро Никита [Pitulko, Pavlova, Basilyan 2016], Манис [Waters et al. 2011]. В Янской стоянке они наиболее многочисленны и выразительны [Nikolskiy, Pitulko 2013], что дало возможность провести топологическое исследование повреждений и получить представление о возможной стратегии и тактике охоты на этих животных. Скорее всего, эта практика была похожа на метод «копейного дождя», широко известный в этнографии африканских охотников-собираателей [см., например: Livingstone 1974; Cloudsley-Thompson 1967; Turnbull 1983]. Мишенью в таком случае является грудной отдел в целом, что позволяет поразить на выбор различные жизненно важные органы (легкие, сердце, крупные кровеносные сосуды и нервные сплетения) и вызвать опасное кровотечение и/или за-

трудненное дыхание или же просто ограничить подвижность животного многочисленными ранениями, ни одно из которых по отдельности не обязательно является фатальным. Повреждения, наблюдаемые на костях мамонта из Сопочной Карги, наглядно убеждают в существенной древности подобной стратегии и тактики охоты на этих животных.

Помимо перимортальных, костные остатки мамонта из Сопочной Карги имеют и постмортальные повреждения, которые можно связывать с антропогенным воздействием. Среди них необходимо отметить, прежде всего, сломанную ветвь нижней челюсти. Эта кость весьма прочна и, даже найденная отдельно от скелета мамонта в гораздо более жестких тафономических условиях, часто сохраняет целостность. Однако в геoarхеологических объектах, сформированных при участии человека, нижние челюсти мамонтов повреждены (т. е. у них отсутствует один или оба венечных отростка) или разбиты. На материалах Янского комплекса [Nikolskiy, Pitulko 2013] показано, что одним из обязательно используемых продуктов охоты на мамонтов был язык, представлявший собой, возможно, ритуальную пищу и/или лакомство. Эти действия документируются на Янской стоянке находками подъязычных костей вне связи с находками черепных костей и/или нижних челюстей мамонтов. Кости подъязычного аппарата найдены при раскопках мамонта из Сопочной Карги, однако следует заметить, что извлечение языка, по-видимому, не всегда сопровождалось их изъятием. Так, на Янском кладбище мамонтов встречаются отдельные подъязычные кости, найденные в местах скопления черепов и нижних челюстей мамонтов.

Единственный бивень мамонта из Сопочной Карги (правый) имеет следы обработки человеком. Сам по себе этот факт не удивителен, но можно было бы ожидать, что они были бы сосредоточены вблизи альвеолярной области, отражая попытку отделения внешней части бивня рубящими ударами и сломом, что является обычной практикой.

Напротив, они локализованы на кончике бивня, с которого снято несколько сравнительно тонких щепок (рис. 4, ж), в основном с внутренней стороны и с боков, т. е. на поверхностях, наиболее удобных при положении бивня в альвеоле. В качестве площадки использовался кончик бивня, в реальности довольно тупой, на котором имеются естественные неровности, образующиеся в ходе роста нового годового конуса.

Фасетки, образованные несколькими последовательными снятиями, перекрывают друг друга. В определенном смысле, их пространственная организация напоминает расположение негативов пластинчатых снятий на фронте ядрища, при этом часть фронта была удалена ныряющим сколом. Эти следы не могут быть результатом никакого естественного процесса или тафономии. Межфасеточные ребра не имеют следов сглаживания, а остаточная толщина бивня на оконечности обработанной части настолько мала (~3 мм), что он не мог бы сохраниться в таком виде, если бы повреждение было прижизненным и животное продолжало свою жизнедеятельность еще какое-то время после того, как такое повреждение было получено.

Можно предположить, что целью такой операции являлось получение тонких длинных щепок бивня, имеющих острый край и пригодных в качестве разделочных орудий в местности, где каменное сырье надлежащего качества не всегда доступно. Данная ситуация, как ни странно, вполне обычна в ряде крупных областей Севера Сибири. Так, при многолетних раскопках Волчьей Гривы за все годы работ коллекция каменных изделий едва превысила 40 ед., при том, что при раскопках обнаружены тысячи костей мамонтов [Зенин 2002], крайне немногочисленны находки каменных изделий и/или отходов их производства в ряду восточносибирских арктических памятников — в Берелехе [Pitulko 2011], Аччагый-Аллаихе [Питулько 2011], Урез-22 [Питулько, Павлова 2014]. Они могут быть представлены единично, как, например, в пункте Озеро Никита [Pitulko, Pavlova, Basiyan 2016], или полно-

стью отсутствовать при несомненном былом антропогенном вкладе в формирование костяк [Питулько и др. 2013]. В частности, каменное сырье, пригодное для изготовления орудий, полностью отсутствует в современной эстуарной области Енисея.

Кончик бивня имеет относительно более толстый слой цемента, который достаточно прочен и образует острый режущий край при отделении отщепа, который далее может быть использован в качестве режущего инструмента и/или скребла. Подобные предметы встречаются, хотя и не часто, на стоянках каменного века Сибирской Арктики [Pitulko 2013], причем именно в тех районах, где крупные отдельности каменного сырья для крупных режущих орудий являются большой редкостью. В любом случае, это единственное разумное предположение, с помощью которого можно объяснить наличие участка бивня, модифицированного в таком стиле.

Таким образом, в результате раскопок туши мамонта вблизи полярной станции Сопочная Карга близ устья Енисея и изучения обстоятельств его смерти выявлен несомненный факт эпизода расселения человека в Арктике 44 570 ± 950/-700 ¹⁴C л. н. (GrA 57723). Животное было убито охотниками, расселившимися далеко к северу от полярного круга в начальные этапы MIS 3. На данный момент это одно из древнейших свидетельств такого рода не только на п-ве Таймыр, но и в Арктике в целом.

Восточная Сибирская Арктика

В 1884 г. Российской Академией наук и Русским Географическим обществом была направлена экспедиция для исследования побережья Северного Ледовитого океана в Восточной Сибири в окрестности рек Лены и Яны и Новосибирских островов, лежащих к северу от этих мест, а также далее на восток вплоть до р. Колымы. Ее работы были проведены в 1884–1886 гг. Возглавил экспедицию доктор (врач) А. А. Бунге, а в качестве геолога был приглашен барон Э. В. Толль, ставший впоследствии одним

из самых знаменитых русских полярных исследователей рубежа XIX–XX столетий [Bunge, Toll 1887]. В обязанности Толля входили, в том числе, разведочные работы в левобережье р. Яны на ее левом притоке р. Быгантай (для выяснения условий залегания трупа носорога, описанного ранее Л. И. Шренком) и далее от устья р. Быгантай вниз по течению р. Яны.

В ходе этих работ в 1885 г. Э. В. Толлем были описаны скопления черепов плейстоценовых бизонов на р. Баки (левый приток р. Яны ниже устья р. Быгантай) и на небольшом безымянном ручье вниз по течению от р. Баки, ныне известный под названием Юниген. Обнажение в момент посещения его Э. В. Толлем было хорошо вскрыто. Из него было получено полтора десятка черепов бизона. На месте работ установили бронзовую табличку с названием экспедиции и датой. Попытки установить точное местоположение этого скопления остатков бизонов в ходе археологических работ на Яне, проведенных в 2001–2011 гг. [Pitulko et al. 2013], оказались безуспешны.

В 2009 или 2010 г. местными жителями была найдена табличка, оставленная Э. В. Толлем (ныне хранится в музее пос. Верхоянск). Место находок Э. В. Толля, таким образом, оказалось идентифицировано с помощью «машины времени». Его координаты N 68° 55' 05.2", E 134° 28' 46.2".

Впоследствии на этом ручье, где встречаются костные остатки плейстоценовой фауны, местными жителями для поисков бивней мамонтов были организованы масштабные размывы мерзлых отложений,

в которых была вскрыта значительная концентрация костей позднеплейстоценовой фауны. Среди этих костей, помимо костных остатков мамонта, шерстистого носорога и бизона, оказались немногочисленные кости других видов животных, в том числе северного оленя, благородного оленя и волка. Находки фауны происходят из верхней части толщи многолетнемерзлых отложений, заполняющих понижения скального цоколя на высоте около 50 м над уровнем реки.

До сих пор не удалось организовать профессиональное археологическое и геологическое изучение данного объекта, однако известно, что здесь в изобилии имеются кости шерстистого носорога и бизона, в существенно меньшей степени — других видов. Остатки мамонтов немногочисленны. В 2013–2014 гг. удалось изучить часть коллекции фаунистических остатков и организовать их датирование. Местонахождение получило название стоянка Бунге-Толля/1885 [Pitulko et al. 2014a].

Результаты радиоуглеродного датирования (табл. 3) указывают на то, что в размывах, сделанных местными жителями в поисках бивней мамонтов, вскрыта, вероятно, верхняя часть отложений III террасы р. Яны. Датировки получены по коллагену кости, большинство из них древнее 40 тыс. л. н., в двух случаях возраст измерен с асимметричным отклонением.

При осмотре коллекции с археологической точки зрения удалось заметить, что некоторые кости имеют признаки, которые можно рассматривать как свидетельство их модификации человеком. Таковы лопатка

Таблица 3

Радиоуглеродные датировки стоянки Бунге-Толля/1885. Образец GrA-57022 измерен методом АМС ¹⁴С (Университет Гронинген, Нидерланды), прочие (ЛЕ) — жидкостно-сцинтилляционным методом (Радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Образец	Датированный материал	Некалиброванный ¹⁴ С возраст
ЛЕ 9888	Бизон, плечевая кость	36 300 ± 640
ЛЕ 9889	Шерстистый носорог, ребро	40 500 ± 1 600
GrA 57022	Волк, плечевая кость	44 650 +950 /-700
ЛЕ 9887	Шерстистый мамонт, тазовая кость	47 600 +2 600/-2000

носорога, у которой отбит гребень и удалена часть поверхности по краям, и специфический фрагмент вскрытой в нижней части нижней челюсти северного оленя (середина зубного ряда). По опыту археозоологических наблюдений, данный тип повреждений чрезвычайно характерен для костей северного оленя из археологических стоянок, и никогда не встречается в природе [Питулько и др. 2013].

Наиболее интересной находкой в плане археологии является левая плечевая кость

взрослого некрупного плейстоценового волка (рис. 5). Ее ^{14}C возраст (44650 +950 /-700, GrA 57022) определен индивидуально, для чего был выпилен фрагмент диафиза. Даже на полевой фотографии хорошо заметна какая-то костная патология в верхней трети поверхности внешней стороны кости в ее проксимальной области (рис. 5, а–в). На этом участке не имеется никаких точек крепления мышц или питательных отверстий, таким образом, можно предполагать травматическое происхождение патологии,

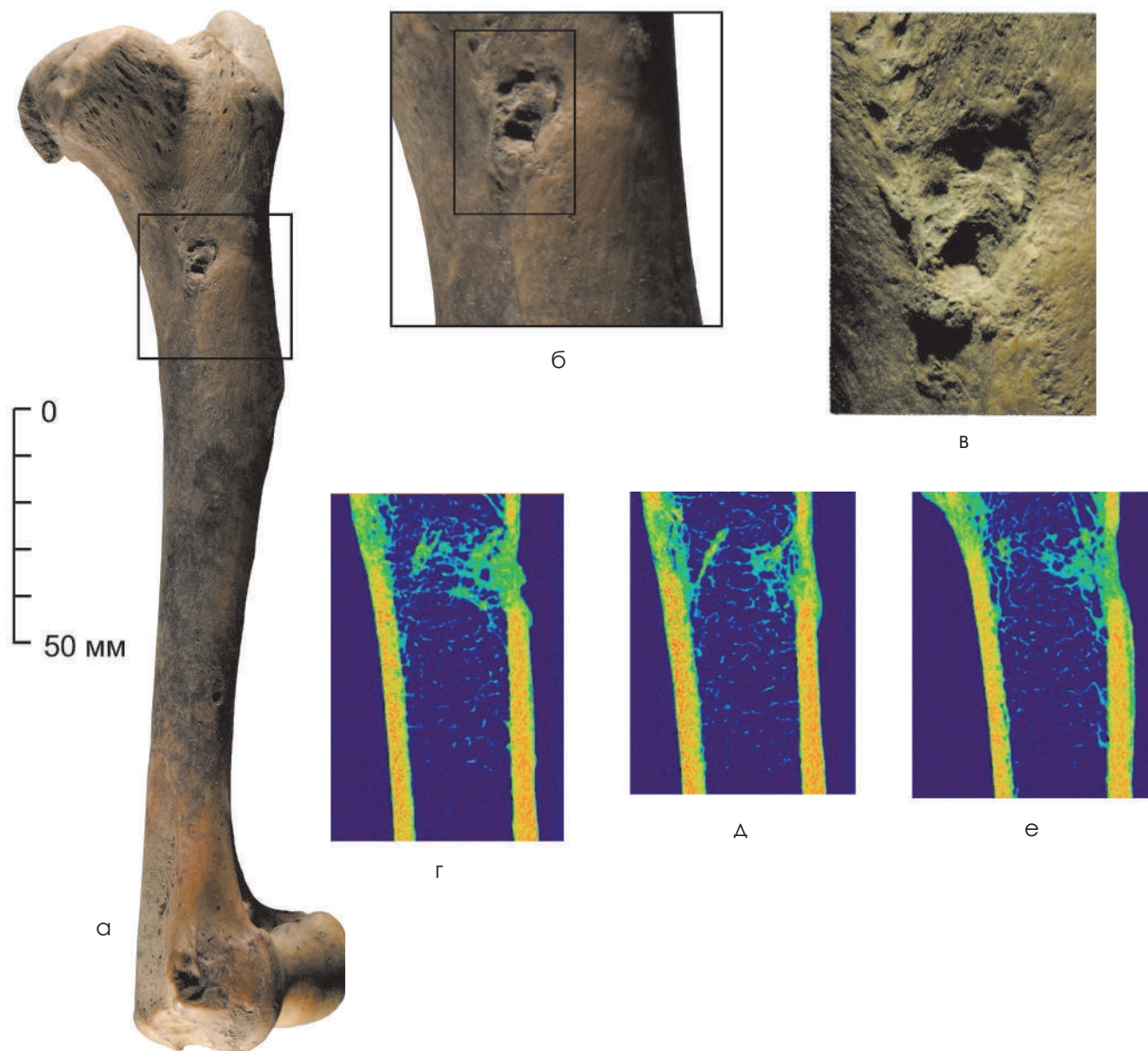

Рис. 5. Правая плечевая кость плейстоценового волка со стоянки Бунге-Толля/1885: общий вид (а), крупный план участка кости с патологией (б), регенерация кости на месте пробоины (в), (г–е) томографические срезы на разной глубине, хорошо видны фрагменты кортикального слоя кости, внедренные в пробоину вследствие проникающего ранения острым предметом

Таблица 4

Краткий контекст датированных новооткрытых памятников, местонахождений и объектов Российской Арктики, возраст которых превышает 30 000 л. н., с добавлением ранее известных пунктов. Номер местонахождения (1–8) соответствует нумерации на карте (рис. 1).
 Условные обозначения: К — коллаген; КОН — стратиграфический контекст; ТЕХ — технология производства, н/д — нет данных. Источники: 1 — Питулько и др. (2015); 2 — Pavlov et al. (2001); 3 — Pitulko et al. (2014); 4 — Pitulko et al. (2015); 5 — Pitulko et al. (2016)

Местонахождение	Датированный материал и условия находки	Индекс	Датировка ¹⁴ С л. н.	Наличие коллагена	Культурный контекст	Комментарий	Цит.
Европейская Арктика Мамонтовая Курья, р. Печора	Единичные каменные артефакты и кости плейстоценовой фауны, включая бивень мамонта с зарубками, залегающие в пачке руслового аллювия небольшого потока в основании разреза речной террасы	Серийные датировки фауны их культуросодержащего горизонта и по разрезу, датировка бивня с насечками Т-11403	36 630 +1 310/-1 130 ³		Артефакты архайчного облика, ассоциируемого со среднепалеолитической индустрией	Корректное определение возраста объекта — не моложе 27 000 л. н., т. е. имеющиеся датировки обеспечивают интервал от 40 000 до 27 000 л. н. [подробнее см. Питулько и др. 2011]	2
Среднесибирская Арктика Местонахождение Сопочная Карга, восточный берег Енисейского залива, устье Енисея	Скелетное залегание мамонта с многократными прижизненными и пост-мортальными повреждениями на костях	Геологический возраст остатков мамонта in situ контролируется датами по разрезу. GrA 57723 (+еще три датировки с близкими значениями)	44 570 +950/-700		Нет, однако описанные следы охотничьего воздействия на кости мамонта несомненны и означают присутствие человека, датированное указанным радиоуглеродным возрастом	Присутствие человека около 45 тыс. л. н.	5
Восточная Сибирская Арктика Местонахождение ВТ-1885, р. Яна	Плечевая кость волка с пробоиной, оставленной острым орудием, и следами заживления раны	GrA-57022	44 650 +950/-700	К	Н/д	Присутствие человека около 45 тыс. л. н.	3, 5
Местонахождение Кичюс, р. Яна	Метаподий бизона с зарубкой, из скопления окатанных каменных артефактов на бечевнике	LE-10053	41 400 +/- 1 700	К	Отщеповая индустрия архайчного облика, основанная на расщеплении галек	Вероятный возраст комплекса около 40 тыс. л. н.	1

Местонахождение	Датированный материал и условия находки	Индекс	Датировка ¹⁴ C л. н.	Наличие коллагена	Культурный контекст	Комментарий	Цит.
о. Новая Сибирь/West	Фрагмент нуклеуса из бивня мамонта	ГИН-11248	36 600 ± 500	К	Технология получения длинных стержней, идентичная янской	Данная технология может быть реализована только на добытом («свежем») бивне и неиспользованном ископаемом, таким образом, находка отмечает присутствие человека около 37–36 тыс. л. н.	1, 4
Янская стоянка, пункт Верхний, р. Яна	Рукотворные отщепы бивня мамонта, сборы на бечевнике и пляже, в области распространения находок каменного материала, фауна разнообразна, находки включают в себя стандартизированные обломки костей северного оленя и зайца, типичные для антропотенных комплексов	Beta-348306 Beta-362935	> 43 500 > 43 500	Кон	Обработка бивня, архаичная индустрия, близкая найденной в пункте Ключос	Верхний палеолит, MIS 3, с использованием несовременного эпизоду сырья, истинный возраст, на основании стратиграфии и дополнительных дат, в интервале 40 000–35 000 л. н.	1
р. Аллаиха, т. н. AL044-2005	Челюсть зайца из скопления костей зайца с отщепом горного хрусталя	AAR-18750	36 500 ± 350	К	Н/д	Присутствие человека около 37–36 тыс. л. н.	1
Местонахождение Омолдой, низовой р. Омолой	Стружка бивня мамонта в ассоциации с отщепами и скреблом на отщепе аргиллитовой гальки, на площадке в верхней части обнажения, в котором вскрываются отложения каргинского (MIS 3) возраста	Beta-309153	32 070 ± 210	К	Отщеповая индустрия архаичного облика	Эпизод обитания, возможно, соответствует радиоуглеродному возрасту стружки бивня	1

вызванной воздействием, направленным почти под прямым углом к оси плечевой кости. Симметричное повреждение на обратной поверхности кости отсутствует, что исключает появление патологии вследствие повреждения кости в результате глубокого укуса.

Для выяснения характера отмеченного повреждения двумя методами было проведено рентгеновское исследование образца на стандартном оборудовании и, затем, средствами компьютерной томографии. На основании этих исследований Р. Н. Полозовым [Pitulko et al. 2014a; Pitulko et al. 2016] установлено следующее.

В проксимальной трети плечевой кости животного в зоне перехода метафиза в диафиз (метадиафизарная зона) имеется нарушение целостности кортикальной пластинки округлой формы с пористой структурой на ограниченном участке размерами 12x8 мм. Отсутствуют нарушения костной формы (деформации) и избыток костной ткани, которые встречаются на месте сросшихся типичных переломов со смещением отломков. Таким образом, данное повреждение может являться признаком перелом-дефекта на ограниченном участке кости.

На рентгенограммах в двух проекциях в проксимальной трети плечевой кости животного в зоне перехода метафиза в диафиз (метадиафизарная зона) отмечаются невыраженные изменения структуры кортикальной пластинки на ограниченном участке. Имеется зона склероза, границы ее приблизительно треугольной формы. Зона склероза распространяется на всю ширину кости. На томограмме (рис. 5, г-е) имеются признаки нарушения структуры кортикальных пластинок. Некоторые кортикальные пластинки оказались вдавлены во внутреннюю область кости.

Внутри кости структура костной ткани изменена. На ограниченном участке имеется несколько участков неравномерного уплотнения костной ткани (склероза) неправильной формы, распространяющееся до противоположной кортикальной пластинки,

изменения которой менее выражены. Представляется возможным заключить, что перечисленные признаки указывают на хорошую естественную регенерацию костной ткани животного на месте нетипичного перелом-дефекта. Можно предположить колото-рубленный механизм повреждения кости каким-либо немассивным острым ранящим предметом, в результате нанесенного с большой силой удара, пробившего кость на глубину около 10 мм. Повреждение кости ранящим предметом несквозное. Форма острия предмета, на основании 3D-реконструкции по результатам проведенного томографического исследования охарактеризована как сильно заостренная коническая с уплощением. Посттравматические изменения в костях современного животного, подобные наблюдаемым на образце из стоянки Бунге-Толля/1885, происходят ориентировочно через 6 месяцев и более после получения травмы.

Колото-рубленая рана в правой плечевой кости волка, нанесенная острым предметом с большой силой, могла быть получена животным только в результате контакта с человеком. Реконструированная форма орудия позволяет предположить, что это было достаточно острое изделие, скорее всего — наконечник из кости или бивня мамонта. Таким образом, находка из стоянки Бунге-Толля/1885 является прямым свидетельством расселения человека на Севере Сибири задолго до времени появления Янской стоянки, около 45 тыс. л. н. В какой мере прочие костные остатки из местонахождения Бунге-Толля/1885 связаны с деятельностью человека, сказать невозможно и как долго они накапливались, однако в любом случае весь комплекс находок может быть датирован не моложе 36 тыс. л. н.

В последние годы на севере Яно-Инди-гирской низменности выявлен ряд археологических объектов, возраст которых со значительной долей уверенности можно оценивать древнее 30 000 л. н. (рис. 1, табл. 4). В ряде случаев он, скорее всего, превышает 40 тыс. л. н. Таковы пункт Верхний Янского комплекса стоянок, местонахождения Ключус и Аллаиха 044 [Питулько и др. 2015]. Для них

характерен, с одной стороны, архаичный облик каменной индустрии, а с другой — использование бивней мамонта, в том числе с применением технологии получения длинных стержней [Pitulko et al. 2015]. Эти объекты находятся в начальной стадии изучения, по этой причине их культурная характеристика и тафономия находок не всегда понятны, однако все указанные пункты содержат несомненный сигнал, свидетельствующий о присутствии 42–32 тыс. л. н. в восточной Сибирской Арктике постоянного населения. Наиболее ранние прямые свидетельства пребывания человека на этой территории (стоянка Бунге-Толль/1885) относятся к ~45 000 л. н. и отмечают, вместе со свидетельствами охоты человека на мамонта из Сопочной Карги, древнейший из известных этапов расселения человека в евразийской Арктике.

Заключение

На Севере Сибири свидетельства расселения человека столь глубокого возраста ранее не были известны. Они редки в Сибири в целом, археологические стоянки подобного возраста имеются далеко на юге, в Байкальской области и на Алтае (рис. 1). Однако их список может оказаться существенно расширен уже в ближайшие годы благодаря косвенным данным, заключающимся в костных остатках плейстоценовых животных, даже найденных вне археологических контекстов, но служивших объектами охоты. Имеются основания ожидать появления новых свидетельств расселения людей верхнего палеолита в том числе и на Севере Западной Сибири.

В различных регионах Арктики, и в Европейской, и в Сибирской, ими оставлены определенные следы деятельности, известные сейчас в различном объеме на Мамонтовой Курье [Pavlov et al. 2001], Сопочной Карге на восточном побережье Енисейского залива (западный Таймыр) и в нескольких пунктах на Яно-Индибирской низменности [Питулько и др. 2015; Pitulko et al. 2016]. Наиболее древними достоверными свидетельствами присутствия человека в высоких

широтах уже на раннем этапе MIS 3 являются сопкаргинский мамонт, убитый людьми около 45 000 л. н., и волк из стоянки Бунге-Толль/1885, получивший ранение в то же время, но проживший достаточно долго для того, чтобы эта рана зажила. При осмыслении этих фактов автоматически возникает вопрос — а кем, собственно, были эти люди?

Данные, на основании которых можно было бы предметно рассуждать об облике людей, населявших Арктику в начале MIS 3, отсутствуют. Очарование древних датировок и архаичная морфология единичных каменных орудий привели исследователей Мамонтовой Курьи [Pavlov et al. 2001; Slimak et al. 2012] к предположению о присутствии около 40 тыс. л. н. в Печорском Заполярье неандертальцев. Данный вывод был воспринят в обществе критически [см., например: Вишняцкий, Питулько 2012; Zwyns et al. 2012], поскольку хорошо известно, что для последнего межледниковья (MIS 3) прямые физические следы пребывания неандертальцев, т. е. их костные остатки, к северу от 55° с. ш. отсутствуют, несмотря на наличие благоприятных для них экологических ниш [см., например: Nielsen et al. 2016]. Архаичная морфология каменных индустрий, в свою очередь, отражает прежде всего функцию тех объектов, из которых они происходят. Последнее совершенно очевидно, например, на материалах Янской стоянки [Pitulko et al. 2013; Pitulko et al. 2015], где архаичная индустрия отщепового характера связана прежде всего с обработкой бивней мамонтов и разделкой этих животных. Отметим попутно, что отщеповая индустрия не хуже, не лучше и не архаичнее пластинчатой, она просто другая и появляется тогда, когда есть условия для ее возникновения, т. е. когда совпадают потребность и возможность, а результат удовлетворяет пользователя.

Таким образом, вопрос о расселении неандертальцев в северные и, тем более, в арктические районы остается открытым, за отсутствием реальных свидетельств этого. Их ближайшие достоверные остатки известны в тысячах километров к югу, в Денисовой пещере на Алтае. Отсутствие костных остатков

неандертальцев в тех районах, где они могли бы быть найдены (с точки зрения исследователей) часто оправдывают тафономическими причинами [Nielsen et al. 2016], однако пример Денисовой пещеры надежно убеждает в том, что там, где они действительно жили, их остатки рано или поздно находят, пусть и в небольшом количестве [Derevianko 2011].

Достоверно известно, что на заключительном этапе ранней фазы MIS 3 в Северной Евразии появляются группировки людей современного вида, недифференцированные на западно- и восточно-евразийскую популяцию. Это событие документируется в Западной Сибири усть-ишимской находкой [Fu et al. 2014], чей возраст составляет $41\,400 \pm 1300$ ^{14}C л. н. (OxA-25516). Археологические данные, приведенные в настоящем обзоре, позволяют думать, что их широкое расселение на севере Евразии началось, видимо, несколько раньше и было стремительным. Находки из местонахождений ВТ-1885, Аллаиха 044, Кючюс и, возможно, пункта Верхний Янской стоянки, как представляется, говорят о наличии постоянного населения на северо-востоке континента уже на раннем этапе его освоения, в том числе в субарктических и арктических районах.

Данное заключение приводит нас к фундаментальным вопросам, из которых важнейшим является личное принципиальное решение исследователя о том, разделяет ли он мультирегиональную точку зрения на происхождение людей современного вида [см.: Derevianko 2011] или же остается в рамках моноцентристской парадигмы [см.: Stringer 2014]. Как та, так и другая имеют свои плюсы, минусы и сторонников, придерживающихся широкой палитры взглядов [см. обзор в: Derevianko 2011; Reyes-Centeno 2016; Richter et al. 2012; Stringer 2014 и др.].

Сторонники геологически недавнего появления людей современного вида в Евразии в результате миграции из Африки разделяют, с различными модификациями, взгляды Оппенгеймера [Oppenheimer 2004]. В этой модели, основанной на изучении истории митохондриального генома анатомически

современных людей (далее АМН), не предполагается наличия в Сибири такого населения ранее чем 30 000–20 000 л. н. Но это всего лишь модель, и, согласно одной из таких моделей, существовавшей до открытия памятников возрастом около 28 000 л. н., заселение Арктики не могло состояться ранее 14 000–13 000 л. н. Как было выяснено впоследствии, данная модель отражала всего лишь объем имевшихся сведений, тогда как современная доказательная база расширяет представления о расселении человека, темпах и начале этого процесса далеко за пределы MIS 2. Самый беглый взгляд на проблему незамедлительно приводит нас к вопросу о том, когда же анатомически современные люди впервые оказались на просторах Евразии, сформулированный Оппенгеймером как «раньше или позже извержения вулкана Тоба», т. е. до или после 70 тыс. л. н. [Oppenheimer 2012].

В принципиальном отношении даже короткая хронология миграции, примерно совпадающей с началом MIS 3 (около 55 тыс. л. н.), создает определенные возможности для расселения в пределах евразийского континента, но с необходимостью достичь в относительно короткие сроки, в том числе его северных и восточных пределов, на что указывают факты, имеющиеся в археологической и антропологической летописи. Можно ожидать, что этот процесс, согласно имеющимся данным, мог бы занять около 10 000 лет. Это не такой короткий срок, однако на основании новых находок, преимущественно из юго-восточной Азии [Reyes-Centeno 2016; Lui et al. 2015], можно думать, что имели место какие-то успешные миграции из африканской колыбели в Евразию, предшествовавшие извержению Тоба. Если это так, то вся картина расселения анатомически современных людей на нашем континенте будет со временем пересмотрена.

В настоящий момент летопись ископаемых антропологических находок, на основании которых можно было бы оценивать процесс расселения человека по просторам северной области Евразии, крайне фрагментарна. Для АМН ^{14}C возраст имеющихся

известных находок, за редким исключением [Fu et al. 2014], не превосходит 25 000 лет. Для Европы время расселения АМН оценивается, по совокупности данных, не ранее 50 000 л. н. [Hublin 2012]. Однако в Восточной Азии в целом известен ряд датированных по U-series и 14С находок АМН (число которых возрастает в последнее время), чей возраст существенно превышает 50 000 лет [Demeter et al. 2012; Lui et al. 2010; Lui et al. 2015; Shen et al. 2013]. Находка из Усть-Ишима [Fu et al. 2014] является географически наиболее близким к устью Енисея районом (т. е. к местонахождению Сопочная Карга), из которого известны ископаемые человеческие остатки, относящиеся к АМН, возраст которых также весьма близок сопкаргинским и янским находкам. Автор склонен полагать, что свидетельства расселения человека в Арктике, в том числе наиболее ранние, рассматриваемые в настоящей работе, связаны с расселением анатомически современных людей. Вне зависимости от их физического облика, наиболее важным в данном случае является их способность выживать в условиях природной среды плейстоценовой Арктики и широко расселиться в пределах региона в начальной фазе MIS 3, не позднее 45 000 л. н. или несколько ранее.

Благодарности

Автор признателен за помощь в подготовке материала к публикации П. И. Иванову (фотография), Е. Ю. Павловой (иллюстрации), проф. Э. Виллерслеу (E. Willerslev, Geogenetics Center, Copenhagen University, Denmark) и сотрудникам радиоуглеродных лабораторий в Санкт-Петербурге и Аархусе. Данное исследование поддержано Российским Научным Фондом (грант 16-18-10265 RNF).

Литература

Верещагин, Н. К. Самые северные в мире следы верхнего палеолита / Н. К. Верещагин, А. Ю. Мочанов // Советская археология. — М.: 1972. — № 3. — С. 332–336.

Вишняцкий, Л. Б. Сусилуола, Бызовая и вопрос о северной границе неандертальского ареала в Европе / Л. Б. Вишняцкий, В. В. Питулько // Записки ИИМК РАН. — 2012. — № 7. — С. 7–15.

Зенин, В. Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком / В. Н. Зенин // Археология, антропология и этнография Евразии. — 2002. — № 4. — С. 22–44.

Зенин, В. Н. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское / В. Н. Зенин, С. В. Лещинский, К. В. Золотарев и др. // Археология, антропология и этнография Евразии. — 2006. — № 1. — С. 41–53.

Иванов, Г. В. Находки каменных орудий на островах Европейской Арктики / Г. В. Иванов / Г. Н. Грачева. Ad Polu (сборник работ памяти Л. П. Хлобыстина). — СПб.: Фарн, 1993. — С. 47–54.

Кулик, С. Ф. Сафари. Путешествия в Восточной, Центральной и Южной Африке / С. Ф. Кулик. — М.: Мысль, 1971. — 336 с.

Лбова, Л. В. Палеолит Северной зоны Западного Забайкалья / Л. В. Лбова. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. — 240 с.

Лбова, Л. В. Исследования палеолита Забайкалья (обзор открытий, идей и концепций) / Л. В. Лбова / А. П. Деревянко, Т. И. Нохрина (ред.). Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. — С. 105–114.

Лисицын, Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья / Н. Ф. Лисицын. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. — 232 с.

Павлов, П. Ю. Палеолит Северо-Востока Европы: новые данные / П. Ю. Павлов // Археология, антропология и этнография Евразии. — 2008. — № 1. — С. 33–45.

Питулько, В. В. Археологическая составляющая Берелехского комплекса / В. В. Питулько // Записки ИИМК РАН. — 2011. — № 6. — С. 85–103.

Питулько, В. В. Датирование массовых скоплений остатков мамонтов в арктической Евразии / В. В. Питулько, П. А. Никольский,

А. Э. Базилян, Е. Ю. Павлова / О. П. Корсакова, В. В. Колька (ред.). Материалы VII Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода: «Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». 12–17 сентября 2011 г., г. Апатиты. — Апатиты: Изд-во Геологического института Кольского научного центра РАН, 2011. — Т. 2. — С. 146–149.

Питулько, В. В. Массовые скопления костных остатков мамонтов с признаками деятельности древнего человека (р. Илин-Сылах, север Яно-Индибирской низменности) / В. В. Питулько, А. Э. Базилян, Е. Ю. Павлова // Записки ИИМК РАН. — 2013. — № 8. — С. 34–52.

Питулько, В. В. Тафономия, пространственное распространение, состав и сезонность фаунистических остатков из раскопок Жоховской стоянки, о-ва Де Лонга, Восточно-Сибирская Арктика (сезоны 2000–2005 гг. с добавлением материала 1989 и 1990 гг.) / В. В. Питулько, В. В. Иванова, А. К. Каспаров, Е. Ю. Павлова // Археологические вести. — 2013. — № 19. — С. 26–74.

Питулько, В. В. Местонахождения Урез-22 и Озеро Никита: новые свидетельства расселения человека в Сибирской Арктике в финальном плейстоцене / В. В. Питулько, Е. Ю. Павлов // Записки ИИМК РАН. — 2014. — Вып. 10. — С. 7–34.

Питулько, В. В. Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене: новые материалы к археологической карте / В. В. Питулько, Е. Ю. Павлова, П. А. Никольский и др.; Н. М. Чаиркина (отв. ред.) / IV Северный археологический конгресс: доклады. Ханты-Мансийск. 19–23 октября 2015 г. — Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Изд-во Института истории и археологии УрО РАН, 2015. — С. 152–176.

Стрелецкая, И. Д. Четвертичные отложения, подземные льды и динамика берегов Западного Таймыра / И. Д. Стрелецкая, А. А. Васильев, Е. А. Гусев, М. З. Каневский и др. / Х. Кассенс, А. П. Лисицын, Й. Тиде, Е. И. Полякова, Л. А. Тимохов, И. Е. Фролов (ред.). Система моря Лаптевых и прилегаю-

щих морей Арктики: современное состояние и история развития. — М.: Изд-во МГУ, 2009. — С. 357–372.

Сулержицкий, Л. Д. Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов (*Mammuthus primigenius*) Сибири и севера Восточной Европы / Л. Д. Сулержицкий // Труды ЗИН. — 1995. — Т. 263. — С. 163–183.

Сулержицкий, Л. Д. Возраст и расселение «мамонтной» фауны азиатского Заполярья / Л. Д. Сулержицкий, Ф. А. Романенко // Криосфера Земли. — 1997. — № 4. — С. 12–19.

Ташак, В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты / В. И. Ташак. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. — 130 с.

Хлобыстин, Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья / Л. П. Хлобыстин. — СПб.: Дм. Буланин, 1998. — 344 с.

Andreev A. A., Tarasov P. E., Siegert C., Ebel T., Klimanov V. A., Bobrov A. A., Melles M., Derevyagin A. Y., Hubberten H. -W. (2003). *Vegetation and Climate Changes on the Northern Taymyr, Russia during the Upper Pleistocene and Holocene Reconstructed from Pollen Records*. *Boreas* 32, pp. 484–505

Anikovitch M. V., Sinitsyn A. A., Hoffecker J. F., Holliday V. T., Popov V. V., Lisitsyn S. N., Forman S. L., Levkovskaya G. M., Pospelova G. A., Kuz'mina I. E., Burova N. D., Goldberg P., Macphail R. I., Giaccio B., Praslov N. D. (2007). *Early Upper Paleolithic in Eastern Europe and Implications for the Dispersal of Modern Humans*. *Science*. Vol. 315. pp. 223–226.

Astakhov V. (2014). *The postglacial Pleistocene of the northern Russian mainland*. *Quaternary Science Reviews*. Vol. 92. pp. 388–408.

Astakhov V., Nazarov D. (2010). *Correlation of Upper Pleistocene Sediments in Northern West Siberia*. *Quaternary Science Reviews*. Vol. 29. pp. 3615–3629.

Bunge A. Toll, E. (1887). *Berichte Über die von den Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften Ausgerüstete Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande*. St. Petersburg, p. 473.

Chlachula J., Drozdov N. I., Ovodov N. D. (2003). *Last Interglacial Peopling of Siberia: the Middle Palaeolithic site Ust'-Izhul', the Upper Yenisei Area*. *Boreas*. Vol. 32. pp. 506–520.

Cloudsley-Thompson J. L. (1967). *Animal Twilight*. London: Whitefriars Press, p. 204.

Demeter F., Shackelford L. L., Bacon A. M., Durringer P., Westaway K., Sayavongkhamdy T., Braga J., Sichanthongtip P., Khamdalavong P., Ponche J.-L., Wang H., Lundstrom C., Patole-Edoumba E., Karpoff A. M. (2012). *Anatomically Modern Human in Southeast Asia (Laos) by 46 ka*. PNAS. Vol. 109. pp. 14375–14380.

Derevianko A. P. (1998). *The Paleolithic of Siberia*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, p. 406.

Derevianko A. P. (2011). *The Origin of Anatomically Modern Humans and Their Behavior in Africa and Eurasia*. Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Eurasia. # 3. pp. 2–31.

Derevianko A. P., Shunkov M. V. (2004). *Formation of the Upper Palaeolithic Traditions in Gorny Altai*. Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Eurasia. # 3. pp. 12–40.

Fu Q., Li H., Moorjani P., Jay F., Slepchenko S. M., Bondarev A. A., Johnson P. L. F., Aximu-Petri A., Prüfer K., de Filippo C., Meyer M., Zwyns N., Salazar-García D. C., Kuzmin Y. V., Keates S. G., Kosintsev P. A., Razhev D. I., Richards M. P., Peristov N. V., Lachmann, M., Douka K., Higham T. F. G., Slatkin M., Hublin J. -J., Reich D., Kelso J., Viola B., Pääbo S. (2014). *Genome Sequence of a 45,000-Year-Old Modern Human from Western Siberia*. Nature. Vol. 514. pp. 445–450.

Goebel T., Aksenov M. (1995). *Accelerator Radiocarbon Dating of the Initial Upper Palaeolithic in Southeast Siberia*. Antiquity. Vol. 69. pp. 349–357.

Hubberten H.-W., Andreev A., Astakhov V., Demidov I., Dowdeswell J., Henriksen M., Hjort C., Houmark-Nielsen M., Jakobsson M., Kuzmina S., Larsen E., Lunkka J. P., Lyså A., Mangerud J., Möller P., Saarnisto M., Schirmermeister L., Sher A., Siegert C., Siegert M., Svendsen J. I. (2004). *The Periglacial Climate and Environment in Northern Eurasia during the Last Glaciation*. Quaternary Science Reviews. Vol. 23. pp. 1333–1357.

Hublin J. -J. (2012). *The Earliest Modern Human Colonization of Europe*. PNAS. Vol. 109. pp. 13471–13472.

Kienast F., Wetterich S., Kuzmina S., Schirmermeister L., Andreev A. A., Tarasov P., Nazarova L., Kossler A., Frolova L., Kunitsky V. V. (2011). *Paleontological Records Indicate the Occurrence of Open Woodlands in a Dry Inland Climate at the Present-day Arctic Coast in Western Beringia during the Last Interglacial*. Quaternary Science Reviews. Vol. 30. pp. 2134–2159.

Kirillova I. K., Shidlovskiy F. K., Titov V. V. (2012). *Kastykhtakh Mammoth from Taimyr (Russia)*. Quaternary International. Vol. 276–277. pp. 269–277.

Kuzmin Y. V., Orlova L. A. (2004). *Radiocarbon Chronology and Environment of Woolly Mammoth (Mammuthus primigenius blum.) in Northern Asia: Results and Perspectives*. Earth Science Reviews. Vol. 68. pp. 133–169.

Lister A., Bahn P. (2007). *Mammoths. Giants of the Ice Age*. University of California Press: Berkeley and Los Angeles, p. 199.

Lister A. M., Stuart A. J. (2008). *The Impact of Climate Change on Large Mammal Distribution and Extinction: Evidence from the Last Glacial / Interglacial transition*. Comptes Rendus Geoscience. Vol. 340. pp. 615–620.

Liu W., Jin C. -Z., Zhang Y. -Q., Cai Y. -J., Xing S., Wu X. -J., Cheng H., Edwards R. L., Pan W. -S., Qin D. G., An Z. -S., Trinkaus E., Wu X. -Z. (2010). *Human Remains from Zhirendong, South China, and Modern Human Emergence in East Asia*. PNAS. Vol. 107. pp. 19201–19206.

Liu W., Martínón-Torres M., Cai Y., Xing S., Tong H., Pei S., Sier M. J., Wu X., Edwards R. L., Cheng H., Li Y., Yang X., de Castro J. M. B., Wu X. (2015). *The Earliest Unequivocally Modern Humans in Southern China*. Nature. Vol. 526. pp. 696–699.

Livingstone D. (1974). *David Livingstone South African Papers, (1849–1853)*. Van Riebeeck Society publications Second series 5. Cape Town: Van Riebeeck Society, p. 298.

Lorenzen E. D., Noguers-Bravo D., Orlando L., Weinstock J., Binladen J., Marske K. A., Ugan A., Borregaard M. K., Gilbert M. T. P., Nielsen R., Ho S. Y. W., Goebel T., Graf K. E., Byers D., Stenderup J. T., Rasmussen M., Campos P. F., Leonard J. A., Koepfli K. -P., Froese D., Zazula G., Stafford Jr. T. W., Aaris-Sørensen K., Batra P., Haywood A. M., Singarayer J. S.,

- Valdes P. J., Boeskorov G., Burns J. A., Davydov S. P., Haile J., Jenkins D. L., Kosintsev P., Kuznetsova T., Lai X., Martin L. D., McDonald H. G., Mol D., Meldgaard M., Munch K., Stephan E., Sablin M., Sommer R. S., Sipko T., Scott E., Suchard M. A., Tikhonov A., Willerslev R., Wayne R. K., Cooper A., Hofreiter M., Sher A., Shapiro B., Rahbek C., Willerslev E. (2011). *Species-Specific Responses of Late Quaternary Megafauna to Climate and Humans*. *Nature*. Vol. 479. pp. 359–365.
- Lozhkin A. V., Anderson P. M. (2011). *Forest or No Forest: Implications of the Vegetation Record for Climatic Stability in Western Beringia during Oxygen Isotope Stage 3*. *Quaternary Science Reviews*. Vol. 30. pp. 2160–2181.
- MacPhee R. D. E., Tikhonov A. N., Mol D., Maliave C. D., Van der Plicht H., Greenwood A. D., Flemming C., Agenbroad L. (2002). *Radiocarbon Chronologies and Extinction Dynamics of the Late Quaternary Mammalian Megafauna of the Taimyr Peninsula, Russian Federation*. *Journal of Archaeological Science*. Vol. 29. pp. 1017–1042.
- Markova A. K., Puzachenko A. Y., van Kolfschoten T. (2010). *The North Eurasian Mammal Assemblages during the End of MIS 3 (Brianskian–Late Karginian–Denekamp Interstadial)*. *Quaternary International*. Vol. 212. pp. 149–158.
- Markova A. K., Puzachenko A. Y., van Kolfschoten T., van der Plicht J., Ponomarev D. V. (2013). *New Data on Changes in the European Distribution of the Mammoth and the Woolly Rhinoceros during the Second Half of the Late Pleistocene and the Early Holocene*. *Quaternary International*. Vol. 292. pp. 4–14.
- Maschenko E., Tikhonov A., Serdyuk N., Tarasenko K., Cherkinsky A., Gorbunov S., van der Plicht J. (2014). *The Partial Carcass of the Mammoth “Zhenya” (Mammuthus primigenius) from Western Taymyr Peninsula, Russia: Preliminary Analysis and Results*. Abstract Book of the VI-th International Conference on Mammoths and their Relatives. Scientific Annals of the School of Geology, Aristotle University of Thessaloniki, Greece. Special Volume 102. pp. 121–122.
- Mol D., Tikhonov A., van der Plicht J., Bolshiyakov D. (2003). *Discoveries of Woolly Mammoth, Mammuthus Primigenius, and Some Other Pleistocene Mammals on the Taimyr Peninsula*. *Russian Journal of Theriology*. Vol. 2 pp. 77–95.
- Mol D., Tikhonov A. N., Plicht van der J., Kahlke R. D., Debrune R., Geel van B., Reenen van G., Pals J. P., Marliave de C., Reumer J. W. F. (2006). *Results of the CERPOLEX / Mammuthus Expeditions on the Taimyr Peninsula, Arctic Siberia, Russian Federation*. *Quaternary International*. Vol. 142–143. pp. 186–202.
- Nielsen T. K., Benito B. M., Svenning J. -C., Sandel B., McKerracher L., Riede F., Kjærgaard P. C. (2016). *Investigating Neanderthal Dispersal above 55° N in Europe during the Last Interglacial Complex*. *Quaternary International*. Accepted ms. — doi.org / 10.1016 / j.quaint.2015.10.039
- Nikolskiy P., Pitulko V. (2013). *Evidence from the Yana Palaeolithic Site, Arctic Siberia, Yields Clues to the Riddle of Mammoth Hunting*. *Journal of Archaeological Science*. Vol. 40. pp. 4189–4197.
- Nikolskiy P. A., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V. (2011). *Last Straw Versus Blitzkrieg Overkill: Climate-Driven Changes in the Arctic Siberia Mammoth Population and the Late Pleistocene Extinction Problem*. *Quaternary Science Reviews*. Vol. 30. pp. 2309–2328.
- Oppenheimer S. (2004). *Out of Eden. The Peopling of the World*. London: Robinson, p. 464.
- Oppenheimer S. (2012). *A Single Southern Exit of Modern Humans from Africa: Before or after Toba?* *Quaternary International*. Vol. 258. pp. 88–99.
- Pavlov P., Svendsen J. I., Indrelid S. (2001). *Human Presence in the European Arctic nearly 40,000 Years Ago*. *Nature*. Vol. 413. pp. 64–67.
- Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Basilyan A. E. (2016). *Mass Accumulations of Mammoth (Mammuthus ‘Graveyards’) with Indications of Past Human Activity in the Northern Yana-Indighirka Lowland, Arctic Siberia*. *Quaternary International*. Vol. 406. pp. 202–217.
- Pitulko V. V. (2013). *The Zhokhov Island Site and Ancient Habitation in the Arctic*. Vancouver: Archaeology Press, Simon Fraser University, p. 202.
- Pitulko V. V. (2011). *The Berelekh Quest: A Review of Forty Years of Research in the Mammoth Graveyard in Northeast Siberia*. *Geoarchaeology*. Vol. 26. pp. 5–32.

Pitulko V. V., Nikolskiy P. A., Basilyan A. E., Pavlova E. Y. (2013). *Human Habitation in the Arctic Western Beringia Prior the LGM*. In Graf K. E., Ketron C. V., Waters M. R. (eds). *Paleoamerican Odyssey*. College Station: CSFA, Dept. of Anthropology, Texas A&M University, pp. 13–44.

Pitulko V. V., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A. (2015). *Mammoth Ivory Technologies in the Upper Palaeolithic Arctic Siberia: a Case Study Based on the Materials from Yana RHS site*. *World Archaeology*. Vol. 47. pp. 333–389.

Pitulko V., Tikhonov A., Kuper K., Polozov R. (2014a). *Human-Inflicted Lesion on a 45,000-year-old Pleistocene Wolf Humerus from the Yana River, Arctic Siberia*. Abstract Book of the VI-th International Conference on Mammoths and their Relatives. — *Scientific Annals of the School of Geology, Aristotle University of Thessaloniki, Greece*. Special Volume 102. pp. 156–157.

Pitulko V., Yakshina I., Strauss J., Schirmeister L., Kuznetsova T., Nikolskiy P., Pavlova E. (2014b). *A MIS 3 Kill-Butchery Mammoth site on Buor-Khaya Peninsula, Eastern Laptev Sea, Russian Arctic*. Abstract Book of the VI-th International Conference on Mammoths and their Relatives. — *Scientific Annals of the School of Geology, Aristotle University of Thessaloniki, Greece*. Special Volume 102. pp. 158–159.

Pitulko V. V., Tikhonov A. N., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A., Kuper K. E., Polozov R. N. (2016). *Early Human Presence in the Arctic: Evidence from 45,000-year-old Mammoth Remains*. *Science*. Vol. 351. pp. 260–263.

Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Girya E. Y., Basilyan A. E., Tumskoy V. E., Koulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Y., Anisimov, M. A. (2004). *The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation*. *Science*. Vol. 303. pp. 52–56.

Praslov N. (2000). *Outils de chasse du Paléolithique de Kostenki*. *Anthropologie et Préhistoire*. N 111. p. 37.

Reyes-Centeno H. (2016). *Out of Africa and into Asia: Fossil and genetic evidence on modern human origins and dispersals*. *Quaternary International*. In Press. Corrected proof. doi:10.1016/j.quaint.2015.11.063

Richter J., Hauck T., Vogelsang R., Widlok T., Le Tensorer J.-M., Schmid P. (2012). “Con-

textual Areas” of Early Homo Sapiens and Their Significance for Human Dispersal from Africa into Eurasia between 200 ka and 70 ka. *Quaternary International*. Vol. 274. pp. 5–24.

Sato T., Khenzykhenova F., Yoshida K., Kunikita D., Suzuki K., Lipnina E., Medvedev G., Kato H. (2008). *Vertebrate Fossils Excavated from the Bol'shoj Naryn Site, East Siberia*. *Quaternary International*. Vol. 179. pp. 101–107.

Shen G., Wu X., Wang Q., Tu H., Feng Y-x., Zhao J-x. (2013). *Mass Spectrometric U-series dating of Huanglong Cave in Hubei Province, Central China: Evidence for Early Presence of Modern Humans in Eastern Asia*. *Journal of Human Evolution*. Vol. 65. pp. 162–167.

Sher A. V., Kuzmina S. A., Kuznetsova T. V., Sulerzhitskiy L. D. (2005). *New Insights into the Weichselian Environment and Climate of the East Siberian Arctic, Derived from Fossil Insects, Plants, and Mammals*. *Quaternary Science Reviews*. Vol. 24. pp. 533–569.

Stewart J. R., Lister A. M., Barnes I., Dalén L. (2010). *Refugia Revisited: Individualistic Responses of Species in Space and Time*. *Proceedings Royal Society Biology*. Vol. 277. pp. 661–671.

Slimak L., Svendsen J. E., Mangerud J., Plisson H., Heggen H. P., Brugère A., Pavlov P. Y. (2011). *Late Mousterian Persistence near the Arctic Circle*. *Science*. Vol. 332. pp. 841–844.

Stringer C. (2014). *Why We are Not All Multiregionalists Now*. *Trends in Ecology & Evolution*. Vol. 29. No. 5. pp. 248–251.

Svendsen J. I., Alexanderson H., Astakhov V. I., Demidov I., Dowdeswell J. A., Funder S., Gataullin V., Henriksen M., Hjort C., Houmark-Nielsen M., Hubberten H. -W., Ingolfsson O., Jacobsson M., Kjaer K., Larsen E., Lokrantz H., Lunkka J. P., Lyså A., Mangerud J., Matioushkov A., Murray A., Möller P., Niessen F., Nikolskaya O., Polyak L., Saarnisto M., Siegert C., Siegert M. J., Spielhagen R. F., Stein R. (2004). *Late Quaternary Ice Sheet History of Northern Eurasia*. *Quaternary Science Reviews*. Vol. 23. pp. 1229–1271.

Svendsen J. I., Heggen H. P., Hufthammer A. K., Mangerud J., Pavlov P. Y., Roebroeks W. (2010). *Geo-archaeological Investigations of Palaeolithic Sites along the Ural Mountains — on the Northern Presence of Humans during the last Ice Age*.

Quaternary Science Reviews. Vol. 29. pp. 3138–3156.

Svendsen J. I., Krüger L. C., Mangerud J., Astakhov V. I., Paus A., Nazarov D., Murray A. (2014). *Glacial and Vegetation History of the Polar Ural Mountains in Northern Russia during the Last Ice Age, Marine Isotope Stages 5–2*. Quaternary Science Reviews. Vol. 92. pp. 409–428.

Sulerzhitsky L. D., Romanenko F. A. (1999). *The “Twilight” of the Mammoth Fauna in the Asiatic Arctic*. Ambio. Vol. 28. pp. 251–255.

Turnbull C. M. (1983). *The Mbuti Pygmies. Change and Adaptation*. Holt, Rinehart and Winston, New York. p. 161.

Vereshchagin N. K. (1974). *The Mammoth “Cemeteries” of North-East Siberia*. Polar Record. Vol. 17. pp. 3–12.

Vereschagin N., Tikhonov A. (1999). *Exterior of Mammoth*. Cranium. # 16. pp. 2–48

Waters M. R., Stafford, T. W. Jr., McDonald H. G., Gustafson C., Rasmussen M., Cappellini E., Olsen J. V., Szklarczyk D., Jensen L. J., Gilbert T. P., Willerslev E. (2011). *Pre-Clovis Mastodon Hunting 13,800 Years Ago at the Manis Site, Washington*. Science. Vol. 334. pp. 351–353.

Zwyns N., Roebroeks W., McPherron S. P., Jagich A., Hublin J. -J. (2012). *Comment on “Late Mousterian Persistence near the Arctic Circle”*. Science. Vol. 335. pp. 167–b.

В. Я. Шумкин

Институт истории материальной
культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: shumkinv@yandex.ru

МОРСКОЙ ЗВЕРОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА КАК ЭМБРИОНАЛЬНЫЙ ВИД ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА¹

Аннотация. Становление и развитие хозяйственно-культурных типов (ХКТ) древнего населения Северной Фенноскандии, исходя из анализа археологических данных (предметы и объекты материальной и духовной культуры), проходило плавно в основном за счет внутренних ресурсов. Инновации на определенных этапах (появление и изменение керамической технологии, металл) свидетельствуют о заимствованиях их у местных обитателей от населения южных территорий. Длительное эволюционное развитие хозяйственной стратегии специализированной приморской адаптации принесло населению Северной Фенноскандии свои положительные результаты (относительное благополучие в культурном, жизнеобеспечивающем и социальном планах) в эпоху раннего металла (4–2,5 тыс. л. н.). Учитывая такой высокопродуктивный уклад, можно условно отнести охотников на морского зверя к обществам, осваивающим производящее хозяйство, пусть и на эмбриональной фазе его развития.

Ключевые слова: первоначальное заселение, расселение, мезолит, неолит, эпоха раннего металла, адаптация, специализация, морской зверобойный промысел, фаунистические останки, антропологические данные.

Для древних периодов истории человечества археология обладает приоритетным статусом. Среди многих возлагаемых на нее задач изучение возникновения, становления, развития, в определенных пространственно-временных рамках, адаптационных и хозяйственно-культурных стратегий имеет огромное значение. Пониманию истоков и вектора данных процессов может способствовать исследование современных гипотез

¹ Работа выполнена в рамках и при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН: «Историческая память и российская идентичность». Направление: «Уровни и формы коллективных идентичностей (гражданской, этнической, религиозной, регионально-локальной), их место и взаимодействия в формировании национального (российского) самосознания и патриотизма». Проект: «Своеобразие становления и развития регионально-локальной идентичности аборигенного населения Русской Лапландии».

по инициальному заселению и процессам дальнейшего освоения арктических земель северо-запада Европы.

Первые поселенцы проникают в Фенноскандию, на полуостров Сконе южной Швеции, в самом конце плейстоцена – начале голоцена с территории Северо-Германской низменности. Поступательному, сравнительно быстрому продвижению на север, вдоль узкой полоски норвежского побережья способствовали ускоренное освобождение этих участков от ледника под действием уже «греющего» Гольфстрима [Кошечкин 1975; Hald, Aspeli 1997; Larsen, Lysa, Demidov, Funder, Houmark-Nielsen, Kjaer, Murray 1999; Moller 2003] и использование водного (морского) транспорта [Trompau 1987], что косвенно подтверждается очень ранним заселением удаленных островов в незамерзающих водах Северного, Норвежского и Баренцева морей.

Благодаря всем этим факторам северные первопроходцы уже в бореальный период (не позднее 10 000 л. н.) достигли арктического побережья Фенноскандии (рис. 1). Небольшие мезолитические коллективы морских собирателей и рыбаков, попав в экстремальные условия, оказались в изолированном положении, сопровождавшем-

ся стагнацией и даже деградацией материальной культуры [Yesner 1980; Renouf 1984; Woodman 1885; Шумкин 1986а, 1993], но, тем не менее, сохранили древние мировоззренческие традиции, о чем свидетельствуют крупномасштабные, выполненные методом «прошлифовки» линии петроглифы этого времени и, несколько более поздние,

Рис. 1. Схема предполагаемого инициального заселения Северной Фенноскандии в финальном палеолите – мезолите

писаницы с рисованными красной охрой геометрической формы изображениями (рис. 2–3) мезолитических творцов.

Для стоянок это очень малочисленное древнее население (мезолитическая культура комса) выбирало наиболее удобные места, исходя из существующего окружения и условий, руководствуясь основным направлением хозяйственной деятельности (рис. 4), ориентированным в основном на кочевое морское собирательство («дары моря», включая моллюсков и выброшенных на берег штормами рыбу и морских млекопитающих).

Орудийный арсенал был очень ограничен и прост (рис. 5–6), но его изготовление

требовало знания сырьевой базы, оптимальных принципов раскалывания разных пород камня, что достигалось опытом многих предшествующих поколений и основывалось на использовании разных технологических приемов (отщеповый и пластинчатый). Но даже такой набор рабочих инструментов был эффективен и позволял выживать древним сообществам при чрезвычайно обильной морской фауне тех лет в данном рефугиуме [Шумкин 1986, 15–33].

Еще в первой половине XIX века известный исследователь Севера Михаил Рейнеке писал: «Иногда в течение лета выбрасывает на берег (Мотовского залива) до 10 китов, обыкновенно менее, но весьма редко ни одного. Все

Рис. 2. Писаницы Пяйве («Галерея») на полуострове Рыбачий. Высота 20–23 м над уровнем моря. Поздний мезолит (8 тыс. лет от н. д.?)

Рис. 3. Типы рисованных изображений Пяйве («Галерея») на полуострове Рыбачий

Рис. 4. Типичное расположение приморских стоянок раннего мезолита Килдинский пролив Баренцева моря (Мурманский берег). Комплекс стоянок у ручья Гусиный. Высота 27–29 м БС

берега покрыты костями или не истлевшими еще остатками сих животных». До начала XX века приморский участок Кольской земли от Мурманска до полуострова Рыбачий нередко именовали Китовым берегом.

В описании герба города Кола, утвержденного 2 октября 1781 года, говорится: «...Во второй части кит в голубом поле. В знак того, что жители того города в ловле сих рыб упражняются». Наверняка в древности случаи «вымета» на берег морских млекопитающих тоже не были редкостью.

Наступившие благоприятные природно-климатические условия (атлантический оптимум) способствовали более ускоренному развитию местного населения и позволили к началу неолита (около 6,5 тыс. л. н.) заселить практически все регионы Северной Фенноскандии. Последними стали берега Северной Ботнии, побережье Белого моря и центральная часть Кольского полуострова. Постепенно осваиваются новые виды и источники сырья (сланец, шифер), что способствовало совершенствованию техни-

ки обработки и производству новых типов орудий, налаживанию контактов с более южным населением, от которого заимствуются навыки керамического производства (рис. 7). Все более существенными становятся признаки начала активной приморской адаптации (прибрежный зверобойный промысел, основные приемы которого еще тесно связаны с навыками сухопутной охотничьей практики — забоя морских млекопитающих на лежбищах).

Эти изменения оказывали, наряду с природными и социальными факторами, значительное стабилизирующее воздействие на местные популяции. Неолитический период (6,5–4 тыс. л. н.) для населения Северной Фенноскандии характеризуется определенными прогрессивными изменениями во всех областях хозяйственной и культурной жизни, происходившими в основном за счет внутреннего развития общества.

Эпоха раннего металла (4–2,5 тыс. л. н.) — чрезвычайно важный, интересный и во многом определивший последующее развитие

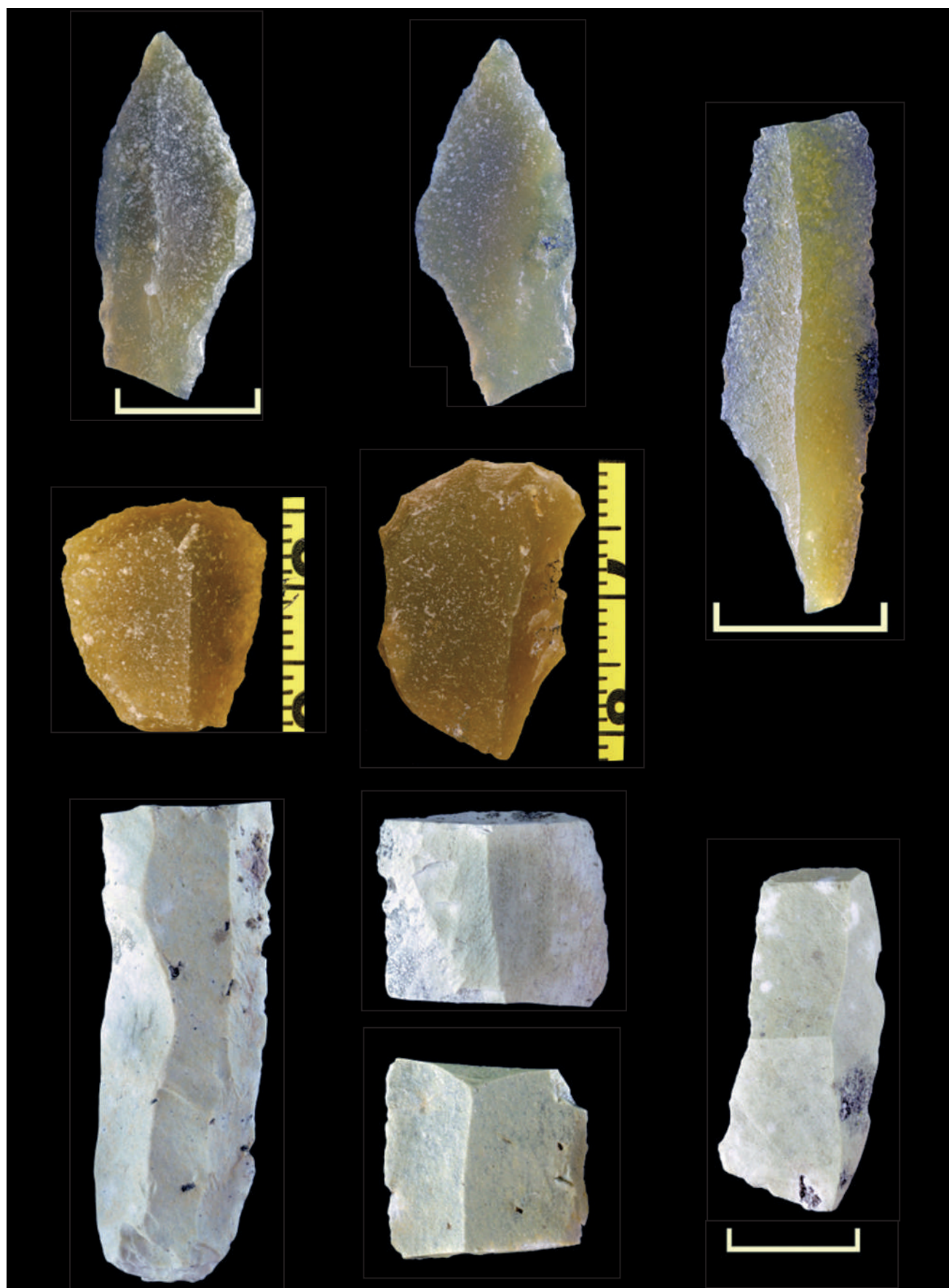

Рис. 5. Каменные артефакты раннего мезолита Кольского полуострова. Стоянка Гусиный 5. Килдинский пролив Баренцева моря (Мурманский берег). Пластинчатая техника. Окремненная порода. Раскопки Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН 2014 г.

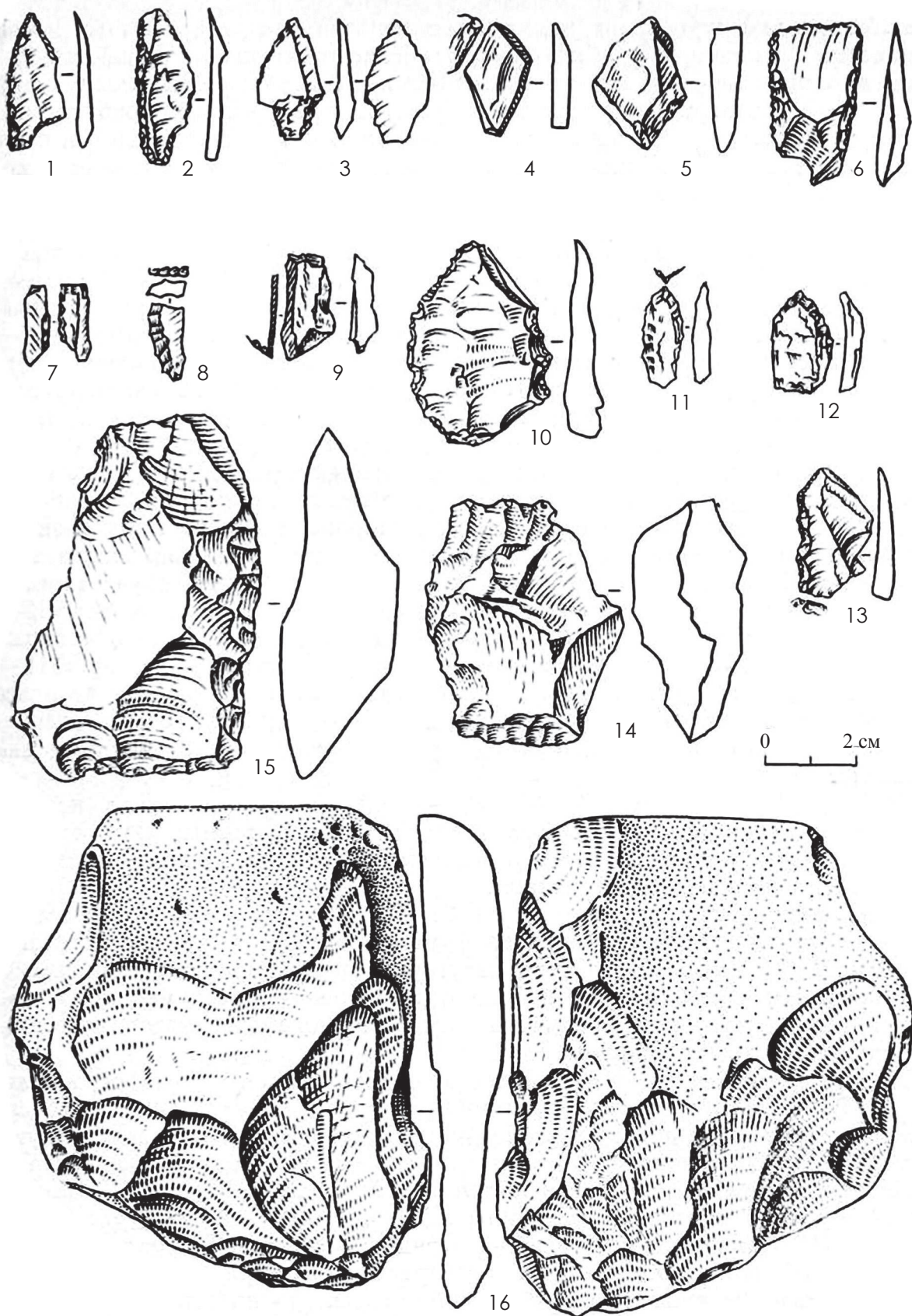

Рис. 6. Типы каменных (кварц, кремль, песчаник, доломит) орудий (техника отщепя) периода мезолита Кольского полуострова

этап истории древнего населения Северной Фенноскандии. Появляются, особенно в приморских районах [Шумкин, Колпаков, Тарасов 2012, 611–622], сотни долговременных поселений с многочисленными углубленными жилищами (рис. 8–11). Выбор мест обитания (кромка морского побережья), фаунистические остатки (морские млекопитающие, в основном тюлени), орудийные комплексы (гарпуны, в том числе поворотные, крупные рыболовные крючки, грузила, якоря) и объекты духовной культуры (сюжеты петроглифов) определенно свидетельствуют о сложившейся специализированной культуре охотников на морского зверя. Учитывая обилие природных ресурсов региона и довольно высокий уровень материальной культуры, можно считать выбранную адаптационную модель очень удачной, на тот момент позволяющей населению устойчиво «процветать» и развиваться в данном арктическом окружении. Необходимость объединения крупных коллективов для ре-

зультативной морской охоты приводит к появлению внушительных по размерам углубленных жилищ. Изобретение специализированных эффективных орудий морского промысла (особенно поворотных гарпунов) резко повлияло на результативность охоты. Некоторые различия приморского и континентального населения (рис. 12), проявляющиеся в специализированной направленности адаптационных стратегий, незначительны на общекультурном уровне [Шумкин 1988, 1991; Shumkin 1990, 1992, 1996, 2000]. Это позволяет считать обитателей разных экологических ниш носителями единой, лапландской археологической культуры, представленной двумя хозяйственно-культурными типами [Левин, Чебоксаров 1955].

Несомненно, с момента первоначального появления человека на арктическом побережье Скандинавии в 10 тыс. до н. э. морские ресурсы играли основную роль в жизнеобеспечении местного населения. Особенно

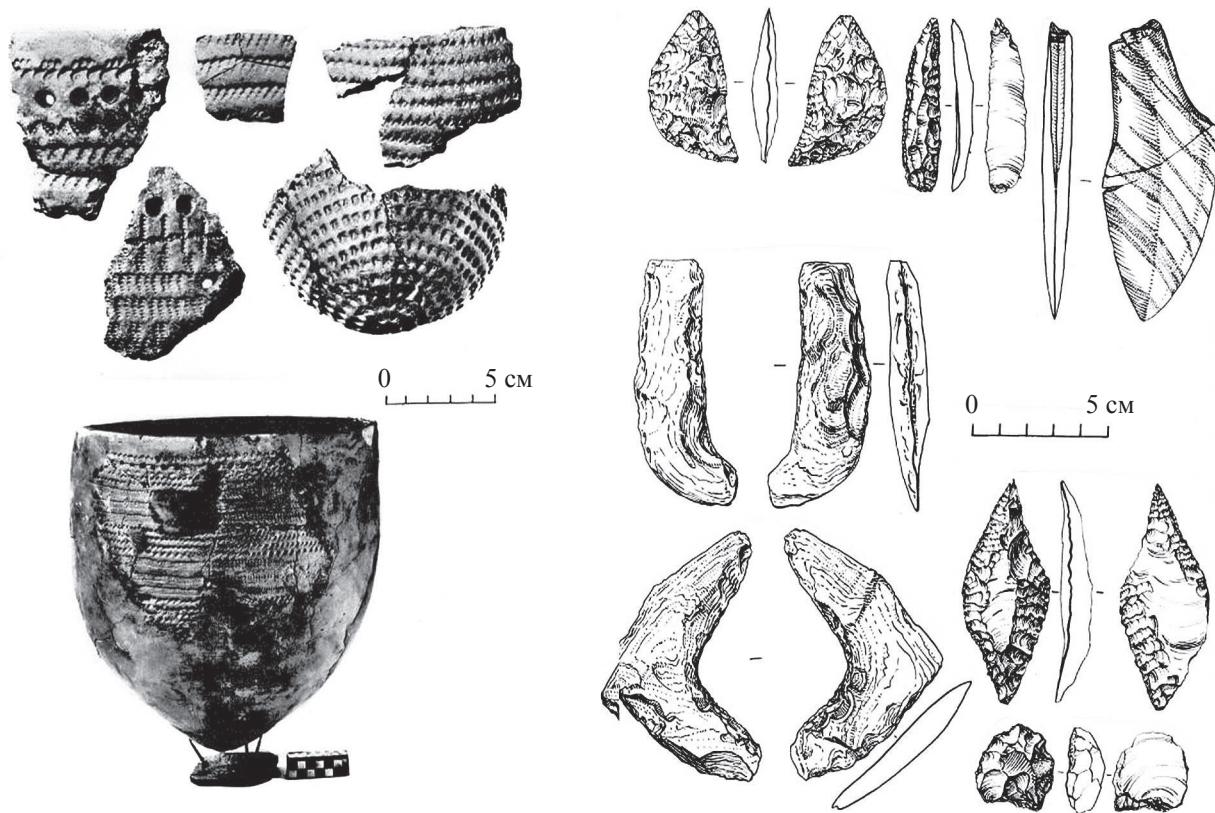

Рис. 7. Керамика типа сярязниями 1 (слева) и некоторые типы каменных орудий (справа) эпохи неолита Кольского полуострова

Рис. 8. Типичное место расположения поселения с долговременными углубленными жилищами охотников на морского зверя эпохи раннего металла (тип грессбаккен). Завалишинская бухта Терiberского залива Баренцева моря (Мурманский берег). Поселение Завалишина 5. Вид с ЮВ

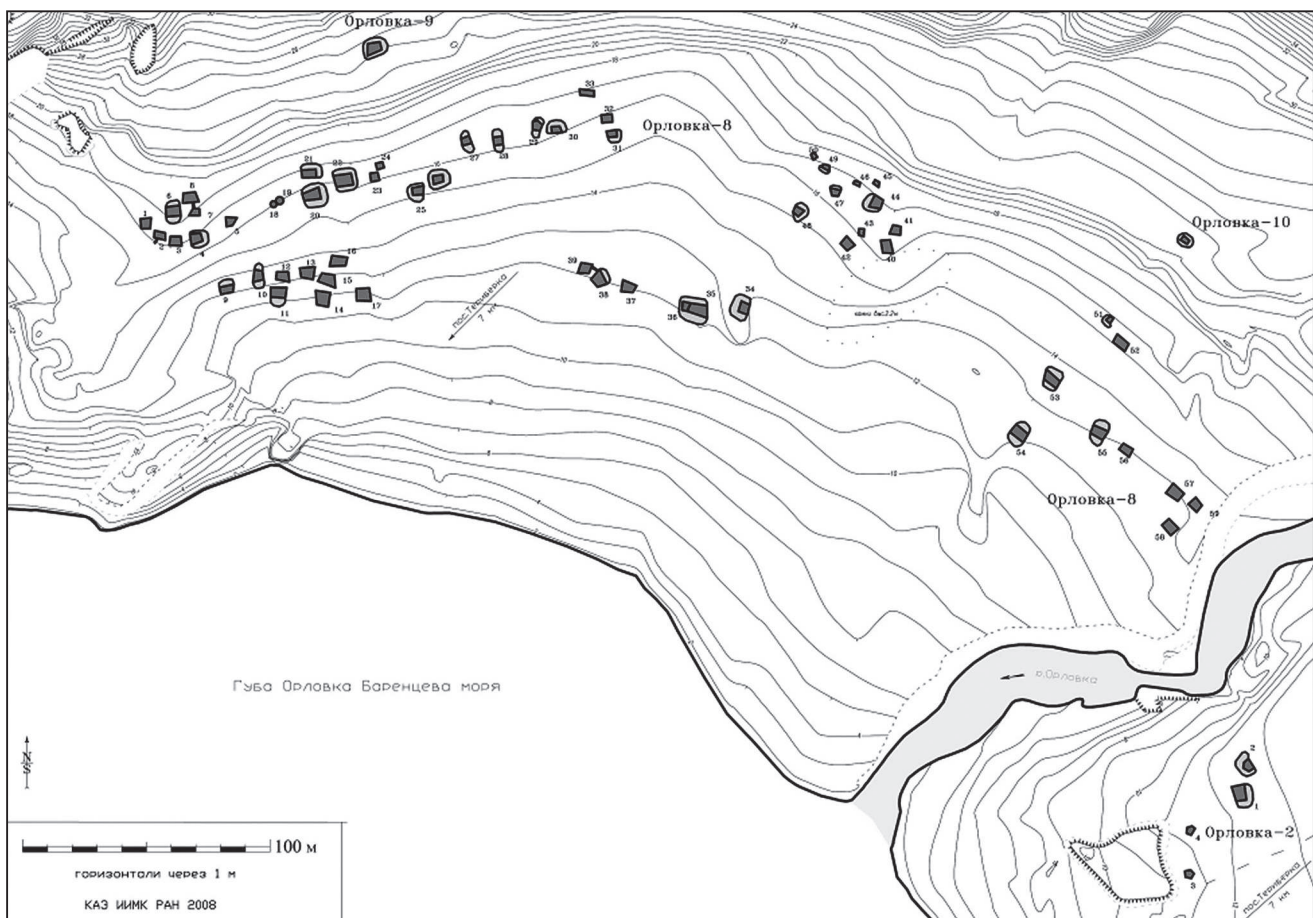

Рис. 9. Расположение жилищ охотников на морского зверя эпохи раннего металла (тип грессбаккен). Орловская бухта Терiberского залива Баренцева моря (Мурманский берег). Поселение Орловка 8. Съемка Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН 2009 г.

Рис. 10. Типичный котлован жилища грессбаккен. Фото 1996 г.

ярко это проявилось в эпоху раннего металла. Источники наших знаний о предмете добычи древних людей можно разделить на три категории. Во-первых, собственно костные остатки на тех немногочисленных археологических памятниках, в которых сохраняется органика. Во-вторых, артефакты, связанные с промыслом и охотой. В основном это костяные гарпуны и рыболовные крючки. В-третьих, наскальные изображения, выбитые или нарисованные краской на скалах (рис. 13, 14, 15).

Самые ранние изображения могут относиться ко времени 8 тыс. л. н., а наиболее ранние специализированные орудия морской охоты датируются, вероятнее всего, не ранее 6 тыс. л. н. По костным остаткам животных на поселениях можно заключить, что главным объектом морского промысла был гренландский тюлень. По общему количеству костей, как и по минимальному количеству особей, его останки, как правило, значительно превосходят всех остальных морских и сухопутных животных. В бли-

жайшем к Мурманску памятнике у поселка Териберка, раскопанному в 2010 г. [Колпаков, Шумкин, Тарасов 2012], минимальное количество особей гренландского тюленя (*Phoca groenlandica*) составляет 41, в то время как морского зайца (*Erignathus barbatus*) — 2, моржа (*Odobenus rosmarus*) — 1, белухи (*Delphinapterus leucas*) — 2 (обработка фаунистических остатков выполнена научными сотрудниками ЗИН РАН Е. А. Петровой и М. В. Саблиным)².

На других памятниках к этому набору добавятся в небольшом количестве кольчатая нерпа (*Phoca hispida*), тюлени обыкновенный (*Phoca vitulina*) и серый (*Phoca grypus*) [Hodgetts 1999; 2010, 46–47; Helsing et al. 2016]. Из видов китообразных представлены морская свинья (*Phocoena phocoena*), белобочий дельфин (*Delphinus delphis*), косатка (*Delphinus orca*), гринда (*Globicephala*)

² Приносим признательность научным сотрудникам ЗИН РАН Е. А. Петровой и М. В. Саблину за проделанную работу.

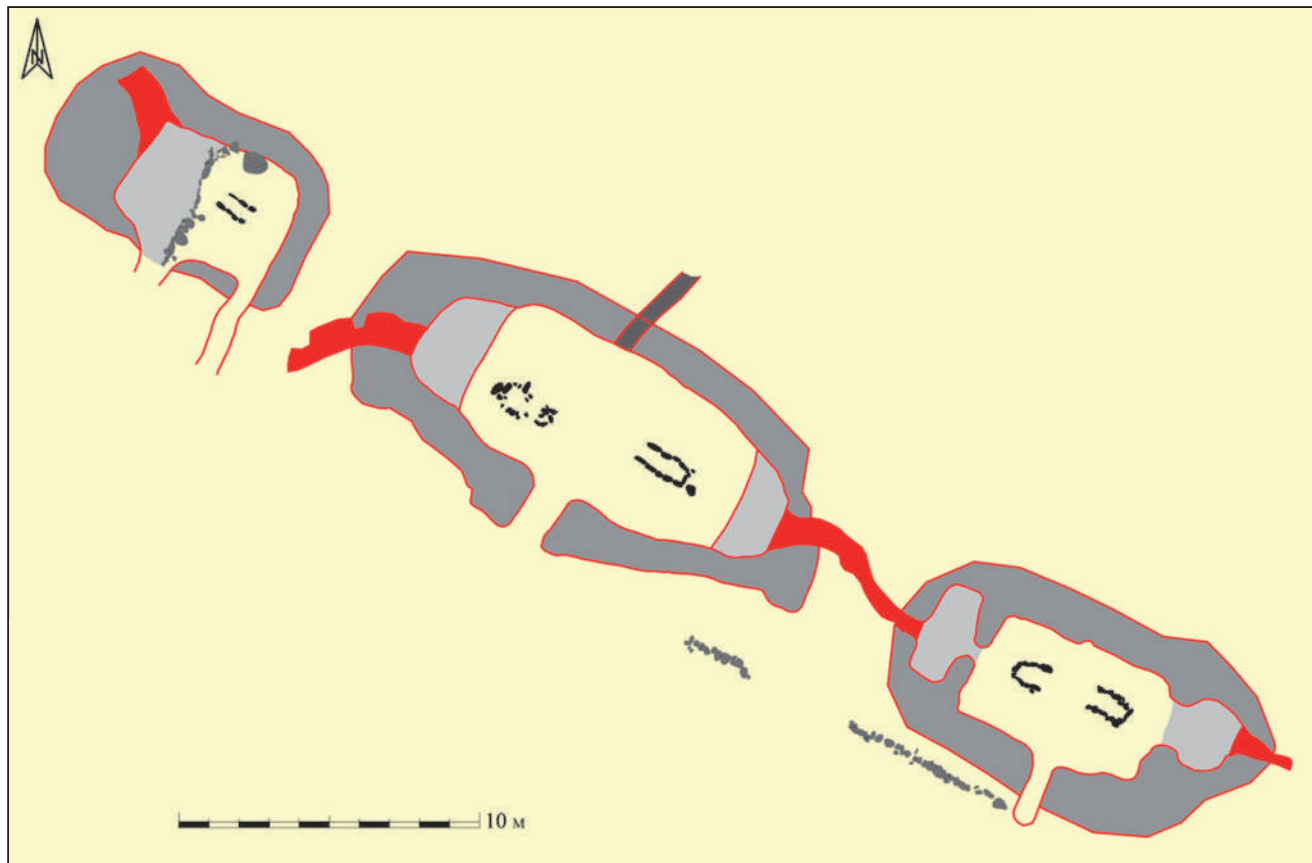

Рис. 11. План соединенных жилищ грессбаккен. Завалишинская бухта Териберского залива Баренцева моря (Мурманский берег). Поселение Завалишина 5. Жилище 8. Раскопки Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН 2010 г.

[Hodgetts 2010, 46–47]. Среди рыбьих костей абсолютное преобладание имеет треска (*Gadus morhua*) и тресковые [Hodgetts 1999; Helsing et al. 2016]. Изредка встречается палтус.

Средства рыболовства в артефактах представлены массивными крючками, вырезанными целиком из кости, и составными из кости с каменным жалом [Шмидт 1930; Гурина 1997; Murashkin et al. 2016].

Остатки сетей не найдены (не сохранились), но имеются каменные грузила из галек с шлифованным желобком для обвязывания.

Среди артефактов добыче тюленей и китообразных соответствуют находки различных типов костяных гарпунов: односторонних, двусторонних, с различным количеством зубцов, поворотных (рис. 16).

Разумеется, если пытаться оценить роль тех или иных видов животных в диете древ-

него человека, то, кроме количества подсчитанных на поселениях особей, необходимо учитывать различия в массе тела и пищевой ценности разных животных. С учетом этих факторов гренландский тюлень (вместе с другими видами тюленей) остается на первом месте, но китообразные могут занимать в питании до 35 % [Hodgetts 1999, 177].

В наскальных изображениях Фенноскандии морские животные и рыбы количественно представлены совершенно иначе. Есть всего несколько изображений тюленей, довольно невыразительных, за исключением двух фигур (рис. 17, 1) в Валле [Gjessing 1932]. Фигур моржей (рис. 17, 2) всего три, все на Бесовых Следках [Равдоникас 1938]. Зато китообразные имеются в большом количестве и разнообразии видов. Изображения усатых китов единичны, но представлены разными видами, насколько об этом можно судить по некоторым деталям фигур. Действитель-

но массовыми являются изображения зубатых китов (рис. 17, 3–5), хотя по памятникам наскального искусства они распределяются весьма неравномерно. Больше всего их на скалах карельской реки Выг (Бесовы Следки), рядом с городом Беломорск [Равдоникас 1938; Савватеев 1970], на кольском Канозере (рис. 18), к северу от поселка Умба [Колпаков, Шумкин 2012], и в Альте [Helskog 2013] в Норвегии. Дать точные видовые определения этим изображениям затруднительно из-за схематичности фигур, но в целом предполагается, что в основном изображали белух [Колпаков 2007, 155–183].

Из письменных источников и этнографических данных известно, что люди не упускали возможность использовать в пищу

выброшенных на берег морских животных. В Альте есть единственное изображение морем «выброшенного» на берег кита, но поедает его не люди, а бурые медведи.

Изображения рыб (рис. 18, 19) по количеству, наверное, не уступают китообразным. Точные соотношения здесь вычислять вряд ли имеет смысл, поскольку многие фигуры слишком схематичны для того, чтобы разделить рыб и китов. Среди изображений рыб наибольшее количество фигур, вероятно, относится к палтусу. По крайней мере, в сценах рыбной ловли часто изображен палтус. Есть отдельные фигуры лососевых и тресковых. Среди рыбьих костей резко преобладают кости трески, а в петроглифах «главной» рыбой оказывается палтус.

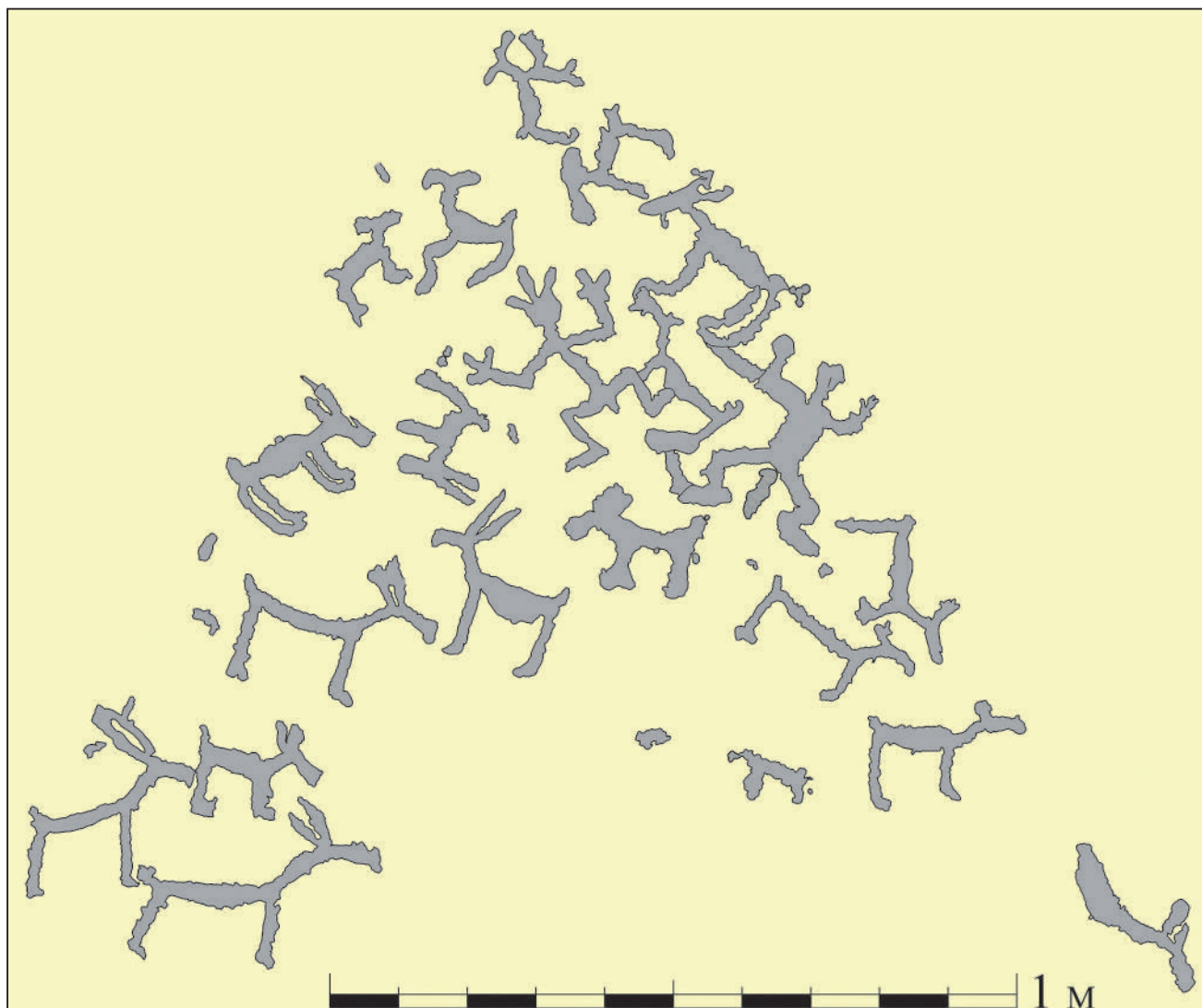

Рис. 12. Поной (Чальмн-Варрэ). Камень 1 (прорисовка Е. М. Колпакова, 2014 г.)

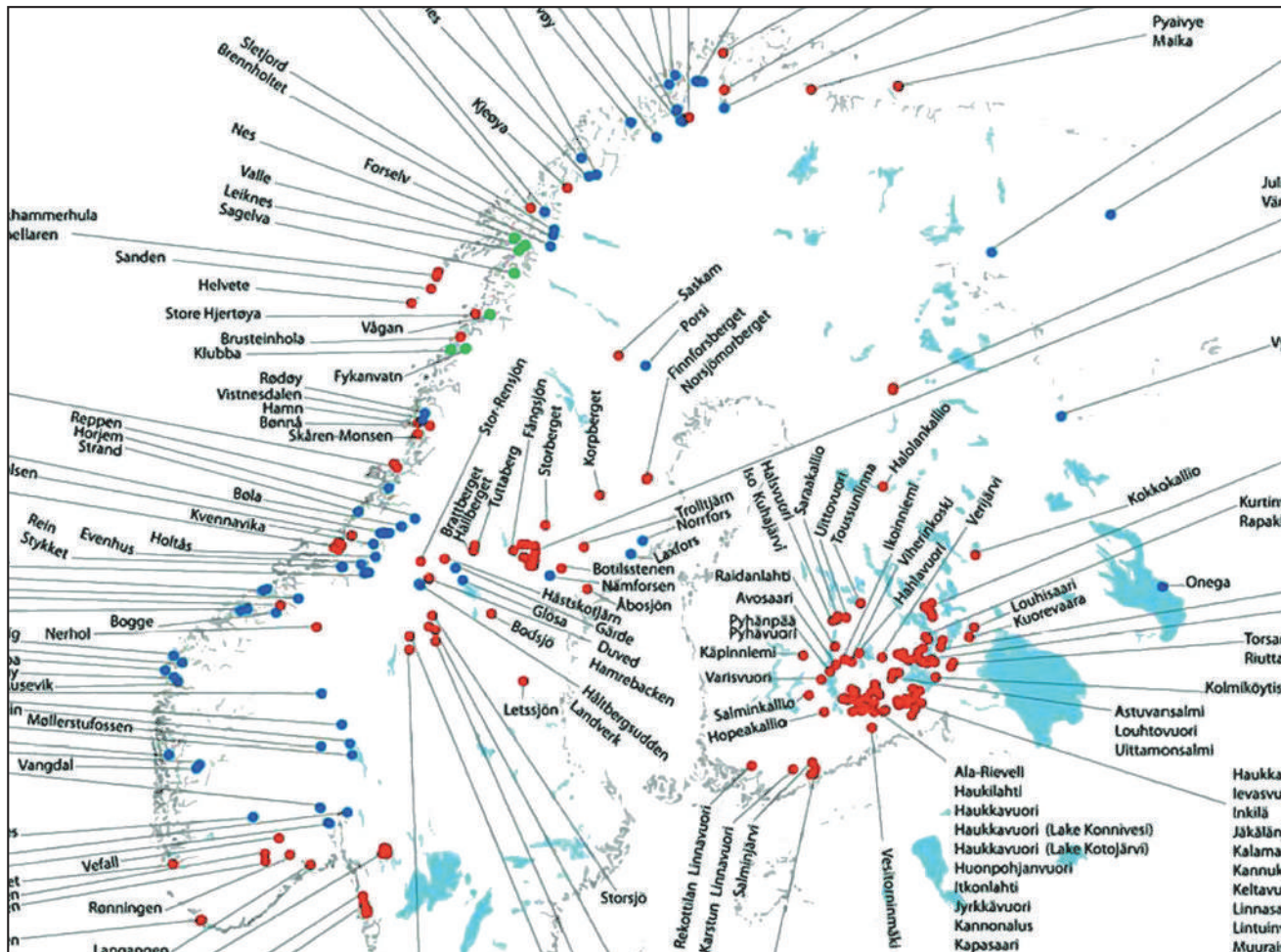

Рис. 13. Расположение памятников наскального искусства Фенноскандии [по: Я. М. Гьерде [Gjerde 2010]
Красные значки — писаницы, синие — петроглифы

Из орудий промысла в наскальном искусстве присутствует лишь несколько изображений гарпунов (рис. 20). Зато выбито около сотни сцен, в которых изображены лодка и лось, соединяющийся с загарпуненным китом (рис. 15, 21). Надежных изображений рыболовных крючков нет, но имеются выбитые рисунки лодок, соединенных линиями с пастью рыбы. Также нет изображений сетей. Некоторые геометрические фигуры с «сетчатым» заполнением связаны не с ихтиоморфами, а в основном с фигурами лосей и оленей.

Таким образом, наблюдается резкое несовпадение между видами морских животных, представленных на петроглифах, и в фаунистических останках из приморских мест постоянного обитания. На поселениях преобладают кости тюленя, а китообразные обычно представлены единичны-

ми особями. В петроглифах можно найти всего несколько мелких фигур, которые определяются как изображения тюленей. Кроме этого, на Канозере, Выге и в Альте немало сцен охоты с лодок с гарпуном и на других животных: лосей, бобров, медведей, птиц.

Конечно, результативности морского промысла, помимо применения специализированных орудий, способствовало и наличие лодок, изображения которых представлены на большинстве крупных наскальных комплексов (рис. 22). Наиболее представительное лодочное «собрание» зафиксировано [Равдоникас 1938; Саватеев 1970] на Выге (551 изображение), в Нэмфоршене — 336 [Hallstrom 1960], на скалах Канозера (рис. 23, 24) их выбито 182 (16% от общего количества всех фигур). Основной тип судна имел прямоугольный профиль, удлинённый

Рис. 14. Канозеро. Группа Каменный 7. Процесс документирования (зарисовка изображений на полиэтиленовую пленку) Я. М. Гьерде (Университет Тромсё, Норвегия)

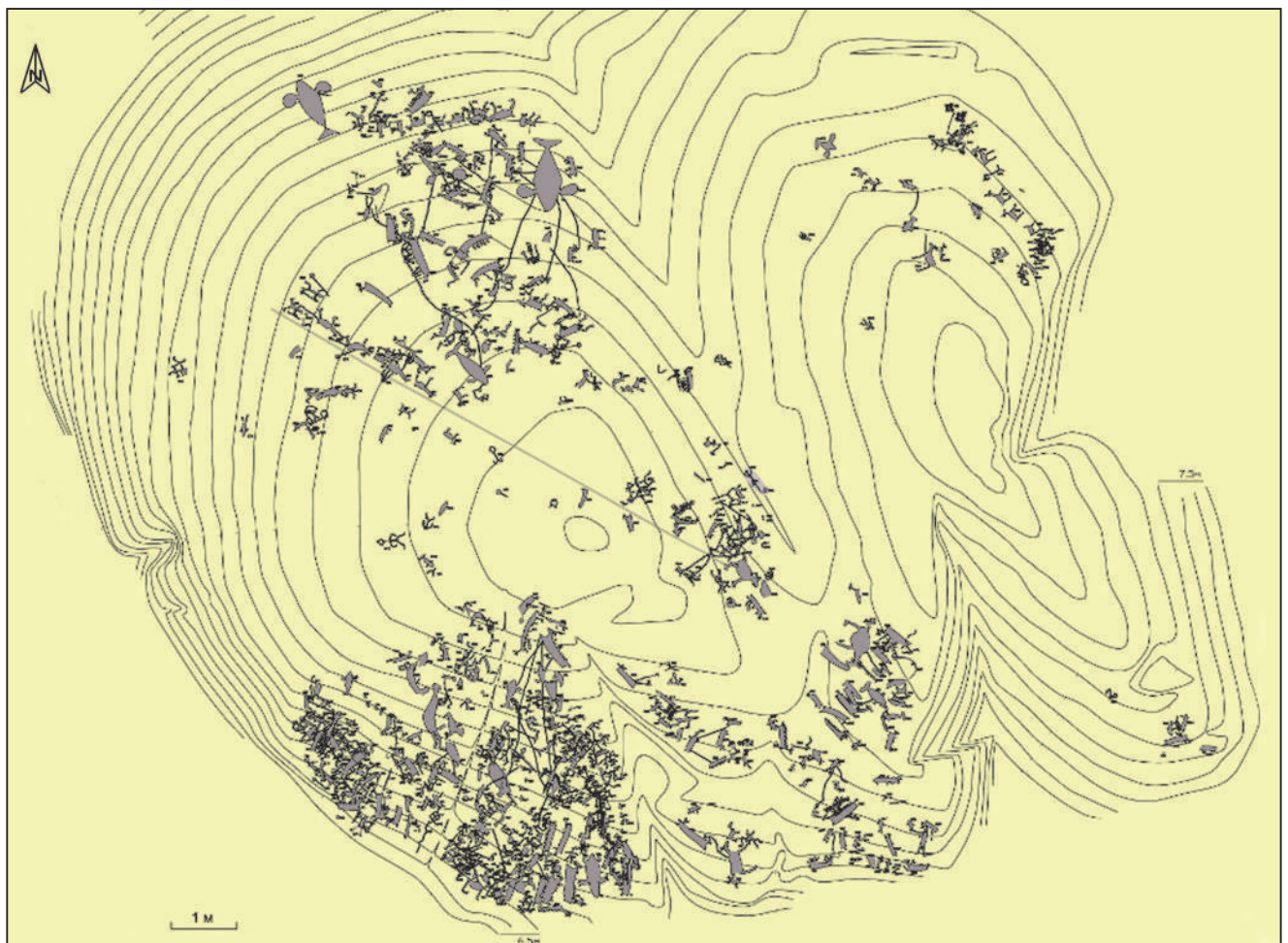

Рис. 15. Канозеро. Группа Каменный 7. Расположение выбивок (прорисовка)

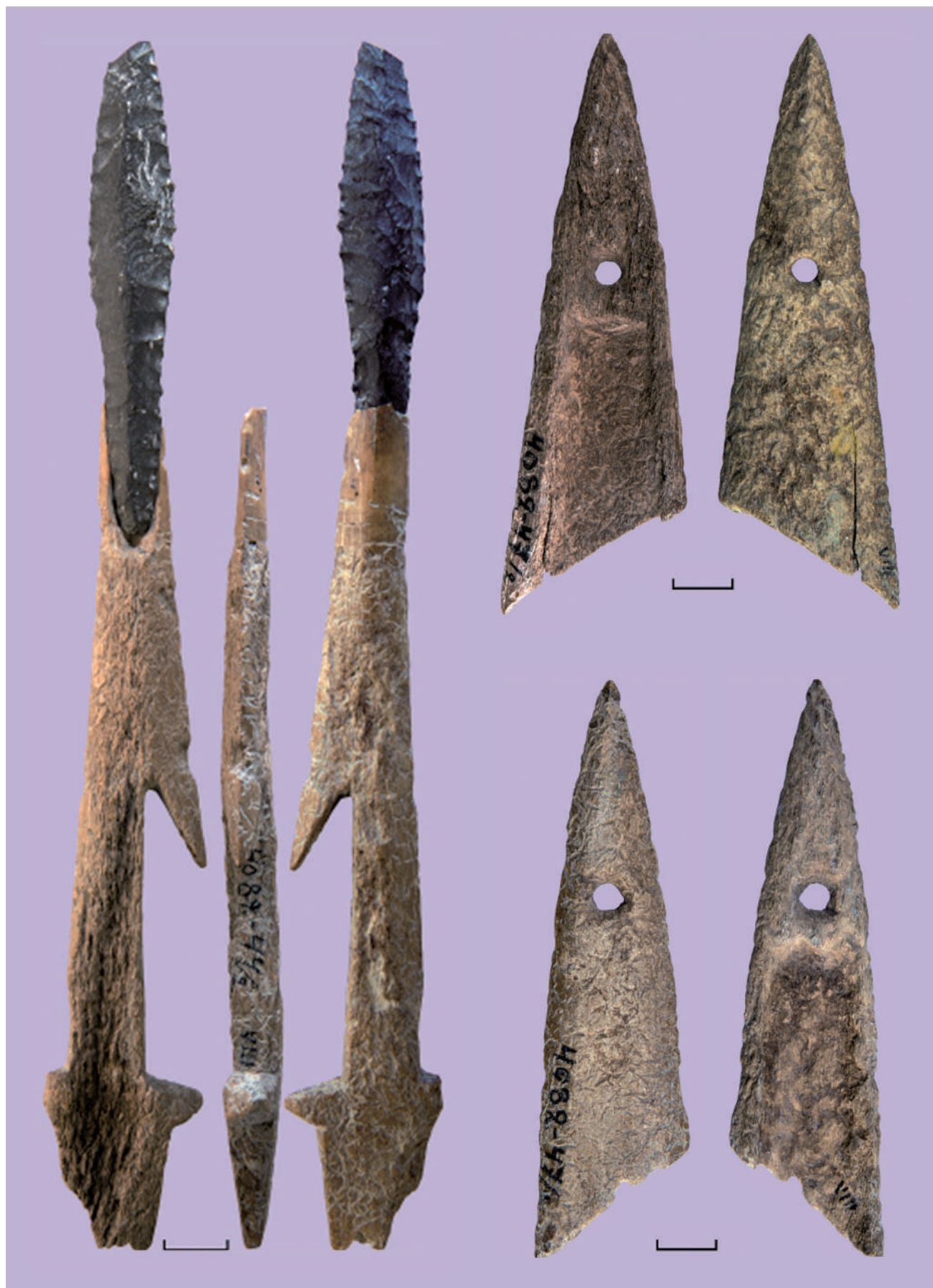

Рис. 16. КОМ. Гарпун с каменным наконечником (слева) и поворотный гарпун (справа).
Раскопки А. В. Шмидта, 1928 г. Погребение VIII

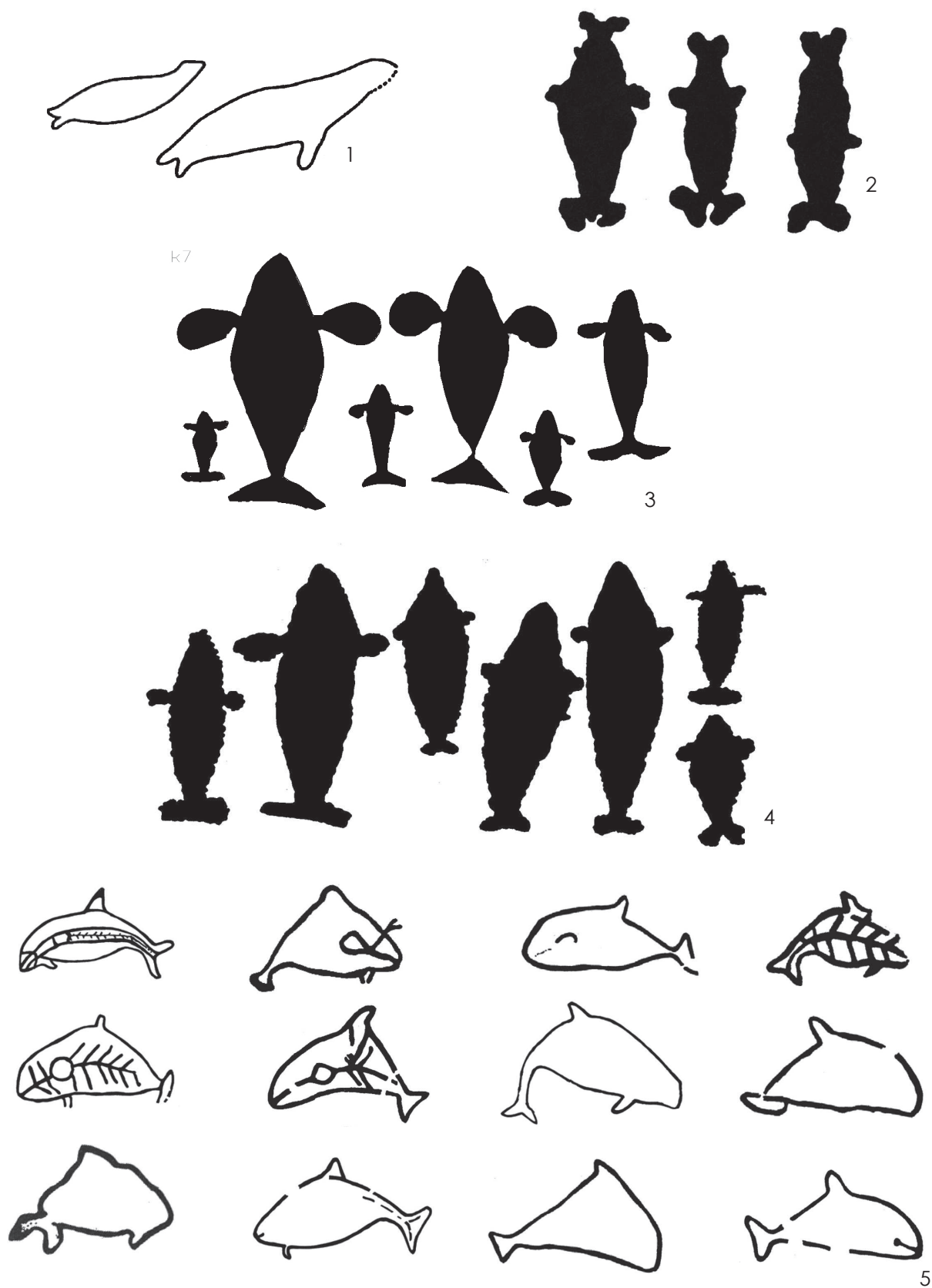

Рис. 17. Основные типы изображений морских млекопитающих (прорисовки), выбитых на скалах Фенноскандии.

1 — тюлени, Валле [по: Gjessing 1932, XXVII]; 2 — моржи, Выг [по: Равдоникас 1938, табл. 28];
 3–5 — китообразные: 3 — Канозеро [по: Колпаков, Шумкин 2012, 302], 4 — Выг [по: Савватеев 1970, рис. 7],
 5 — Хаммер [по: Steberglokken 2008, 98]

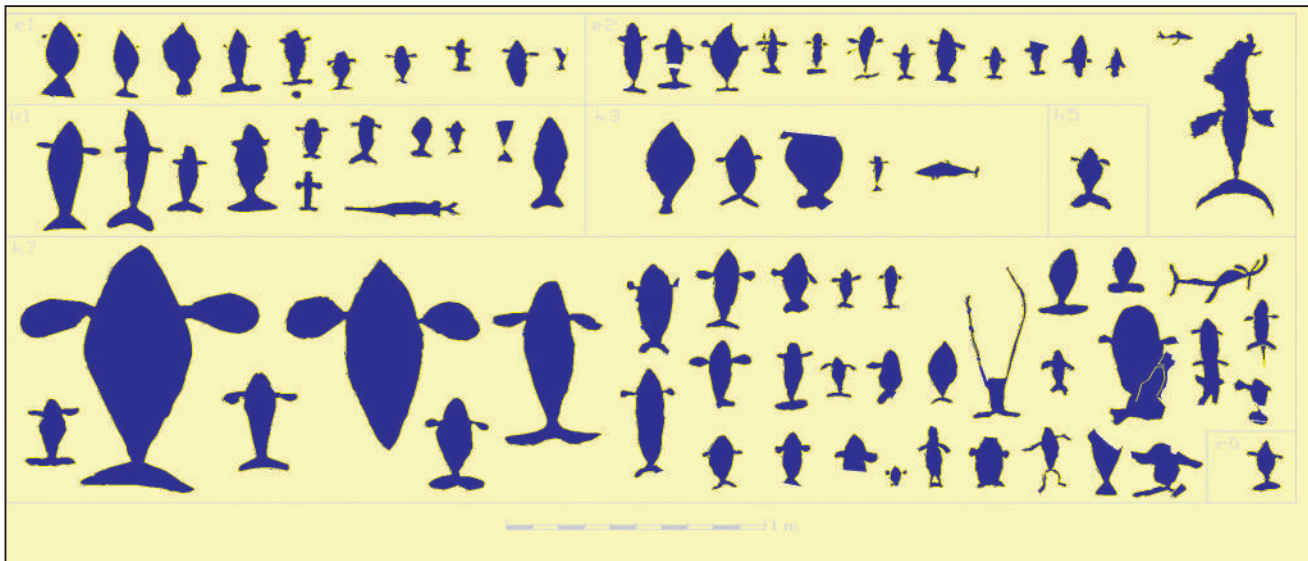

Рис. 18. Изображения морских млекопитающих и рыб на Канозере (прорисовки)

форштевень, увенчанный головой лося, выраженный выступающий вперед киль, выступающий назад киль или прямоугольную нижнюю часть кормы, четко выраженный ахтерштевень, отходящий от кормы наклонно вверх, часто с отростком вниз. Подходящим к таким изображениям типом судна является конструкция, в основе которой лежит широкая килевая доска, на которой крепятся борта, нос и корма. Доска эта вы-

ступает вперед, за пределы носа, и назад, за корму, образуя силуэт, соответствующий изображениям лодок на скалах Северной Фенноскандии.

Специализированная приморская адаптация населения эпохи раннего металла хорошо подтверждается и материалами Кольского Оленеостровского могильника (3,5 тыс. лет от н. дн.), расположенного на небольшом островке в Кольском заливе Барен-

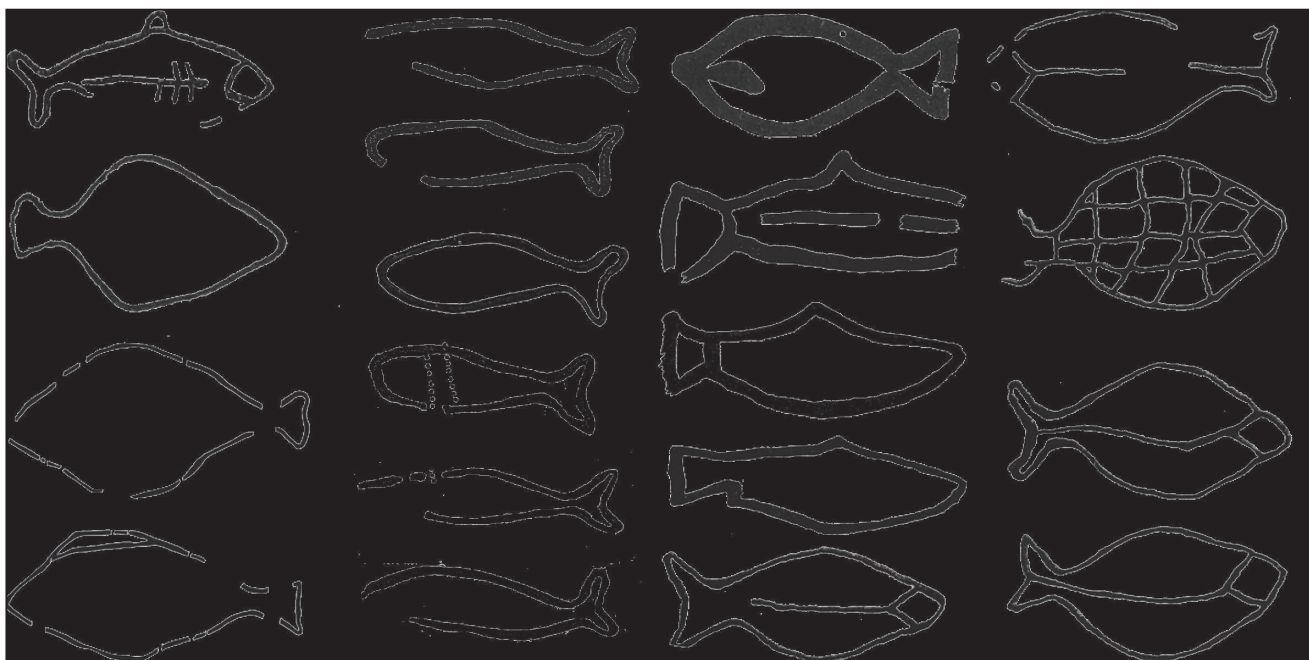

Рис. 19. Основные типы изображений рыб (прорисовки), выбитых на скалах Фенноскандии. Норвегия [по: Steberglokken 2008], Канозеро [по: Колпаков, Шумкин 2012]

Рис. 20. Канозеро. Группа Каменный 7. Гарпунная охота (фото)

цева моря [Шмидт 1930; Шумкин, Колпаков, Мурашкин 2006, 42–52]. Этот некрополь является до сих пор единственным представительным (более 60 захоронений) погребальным памятником данного периода во всей евразийской Арктике. Прекрасная сохранность органики и остеологических останков позволили выяснить, что умерших помещали со всеми погребальными «дарами» (среди которых были костяные кинжалы, наконечники стрел, гарпуны разных типов (рис. 16), рыболовные крючки, украшения) в деревянные лодки — кережки, для постройки которых использовались кораблестроительные технологии: набор корпуса из досок в клинкер, шпангоуты, смоление всего судна (рис. 25).

О преимуществах выбранной приморской стратегии, дававшей в это время относительное благополучие и стабильность в культурном и жизнеобеспечивающем планах, свидетельствует сам возраст (за 60 лет) многих похороненных (рис. 26) соплеменников и их сравнительно хорошее физическое состояние [Хартанович, Боруцкая, Васильев, Шумкин; Хартанович, Моисеев 2012, 128–145].

Вероятно, каждая древняя культура имеет свой «пик развития». Для древнего населения Северной Фенноскандии он пришелся на период эпохи раннего металла, время расцвета духовной и хозяйственной жизни местных сообществ. По данным об индей-

Рис. 21. Канозеро. Группа Каменный 7. Гарпунная охота с лодок (прорисовка)

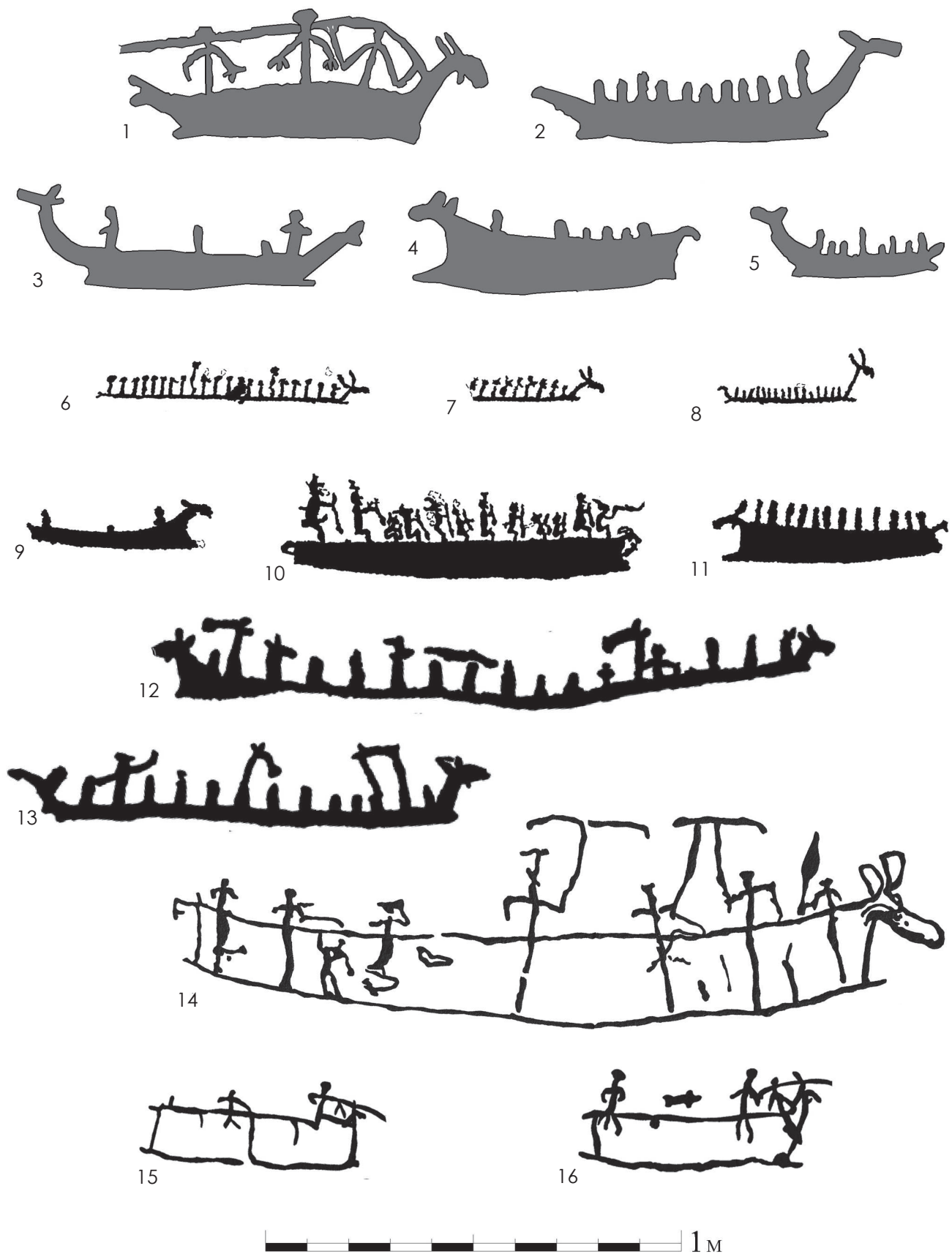

Рис. 22. Примеры изображений лодок, выбитых на скалах Фенноскандии (прорисовки).
 1–5 — Мурманская область, Канозеро [по: Колпаков, Шумкин 2012], 6–8 — Карелия, Онежское озеро
 [по: Равдоникас 1938], 9–11 — Карелия, река Выг [по: Савватеев 1970], 12–13 — Швеция, Нэмфоршен,
 14–16 — Норвегия, Альта

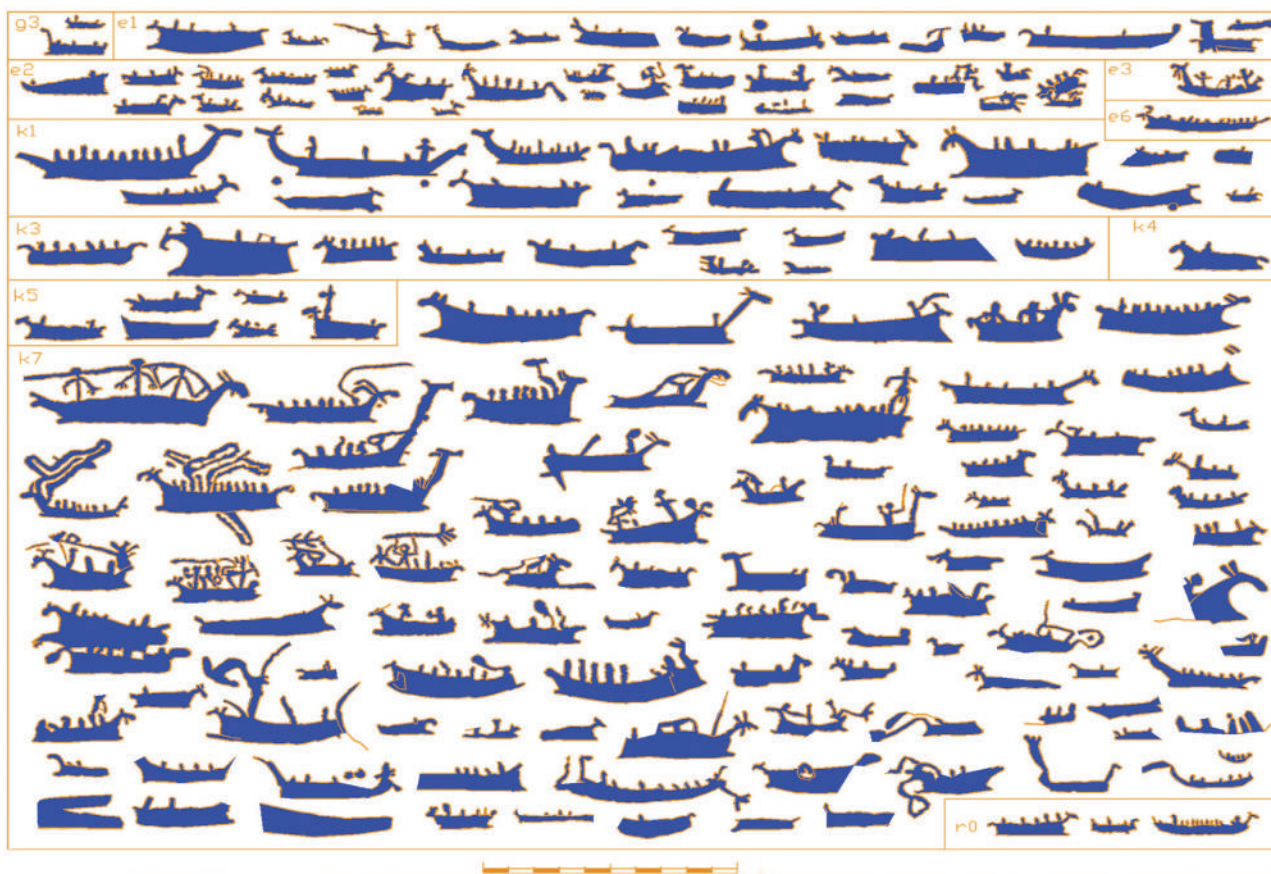

Рис. 23. Изображения лодок на Канозере (прорисовки)

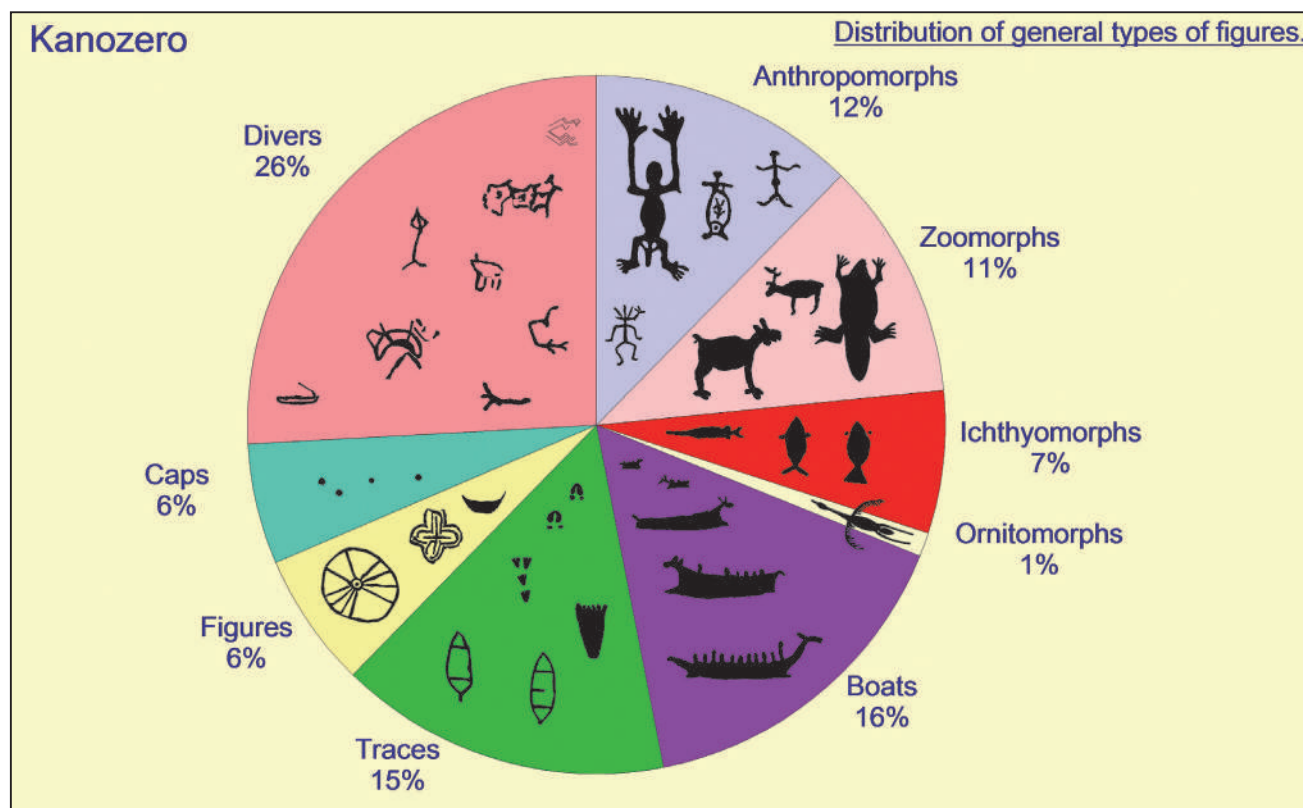

Рис. 24. Канозере. Процентное соотношение видов фигур

цах Северной и Южной Америки [Broadbent 1979, 194], население, обитавшее на побережье, было обеспечено продуктами питания в 5–10 раз лучше материковых охотников и в 2 раза лучше земледельцев. Учитывая, что воды Баренцева моря и сейчас чрезвычайно обильны морскими млекопитающими, недостатка пищи береговые популяции не испытывали. По имеющимся этнографическим свидетельствам, у эскимосов суммарная продукция охоты на морского зверя в 1,5–2 раза превышала их потребности [Крупник 1978]. Сходная картина наблюдалась и у приморского населения Северной Фенноскандии.

Рис. 25. Кольский Оленеостровский могильник (КОМ). Лодка-кережка в погребении 13. Раскопки КАЭ ИИМК РАН, 2003 г.

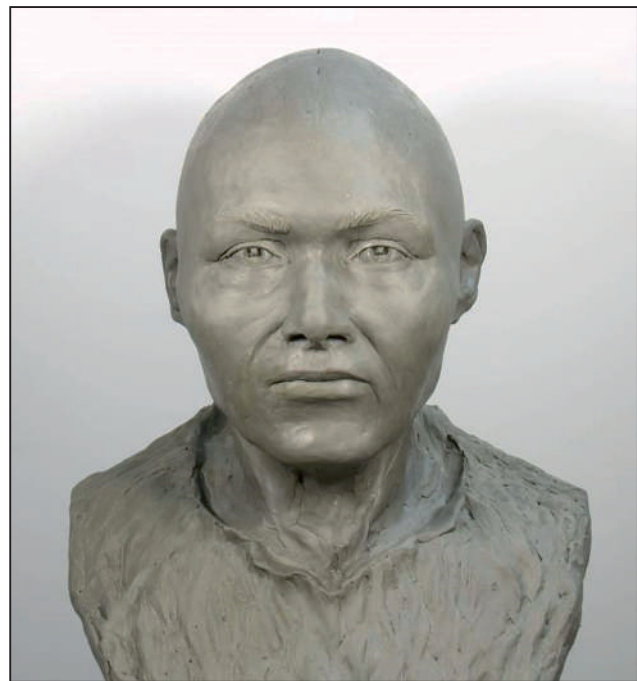

Рис. 26. Скульптурный портрет древнего «оленеостровца» (КОМ, погр. 13). Из экспозиции музея города Полярный Мурманской области. Реконструкция выполнена Р. М. Галеевым (отдел физической антропологии ИЭА РАН)

Исходя из этого, основываясь на специализированном высокопродуктивном укладе, можно условно отнести охотников на морского зверя к обществам, осваивающим производящее хозяйство, пусть и на эмбриональной фазе его развития.

«Тучные» времена обычно сменяются спадом по тем или иным причинам: резкие климатические изменения, социальные катаклизмы, нарушения природного баланса (экологического равновесия). Все эти события, видимо, сошлись вместе около 2 тыс. л. н. и вынудили уцелевшие малочисленные коллективы вернуться к бродячему образу жизни уже в материковой тундре.

Некоторый ренессанс происходит в начале нашей эры, когда усвоение, не позднее середины I тыс. н. э., навыков и развитие особого, мелкостадного, экологического, «малозатратного» особого саамского типа оленеводства способствовало длительному процессу этнической консолидации на базе зимних селений-сийтов. Однако местное население Северной Фенноскандии уже не смогло достичь уровня развития своих

соседей, под чье влияние, давление и даже зависимость оно попало. Более того, южные авторитарные, «цивилизованные» сообщества стали причислять, особенно после принятия ими христианства, аборигенов Лапландии в разряд отсталых народностей.

Литература

- Гурина, Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова / Н. Н. Гурина. — СПб.: 1997. — 240 с.
- Колпаков, Е. М. Петроглифы Канозера: типологический анализ / Е. М. Колпаков // Кольский сборник. — СПб.: 2007. — С. 155–183.
- Колпаков, Е. М. Петроглифы Канозера. Rock Carvings of Kanozero / Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин. — СПб.: Искусство России, 2012. — 424 с.
- Колпаков, Е. М. Археология Штокмана / Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин, А. Ю. Тарасов / Комплексные исследования природы Шпицбергена. — 2012. — С. 104–111.
- Колпаков, Е. М. Лодки в петроглифах Канозера и Северной Евразии / Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012 а. — № 1 (49). — С. 76–81.
- Кошечкин, Б. И. Перемещение береговой линии Баренцева и Белого морей в позднеледниковое время / Б. И. Кошечкин // Известия АН СССР (серия географ.). — 1975. — № 4.
- Крупник, И. И. К количественной оценке традиционного хозяйства азиатских эскимосов / И. И. Крупник / Проблемы этнографии и этнической антропологии. — М.: Наука, 1978.
- Левин, М. Г. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности / М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров // СЭ. — 1955. — № 4.
- Равдоникас, В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря / В. И. Равдоникас. — Ч. 2: Наскальные изображения Белого моря. — М.–Л.: 1938. — 168 с.
- Савватеев, Ю. А. Залавруга / Ю. А. Савватеев. — Ч. 1: Петроглифы. — Л.: 1970. — 444 с.
- Хартанович, В. И. Результаты археолого-антропологического исследования поздне-неолитического могильника Большого Оленьего острова Кольского залива / В. И. Хартанович, С. В. Боруцкая, С. В. Васильев, В. Я. Шумкин // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. — М.: 2009. — С. 29–30.
- Хартанович, В. И. Антропологический состав древнего населения Кольского полуострова (по краниологическим материалам могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря / В. И. Хартанович, В. Г. Моисеев // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. — СПб.: ИИМК РАН, МАЭ РАН, 2016. — С. 128–145.
- Шмидт, А. В. Древний могильник на Кольском заливе / А. В. Шмидт // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы комиссии экспедиционных исследований. — Л.: 1930. — Вып. 23. — С. 119–169.
- Шумкин, В. Я. Мезолит Кольского полуострова / В. Я. Шумкин // СА. — 1986. — № 2. — С. 15–33.
- Шумкин, В. Я. К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова / В. Я. Шумкин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. — М.: 1988. — Вып. 193. — С. 9–14.
- Шумкин, В. Я. Принципы классификации кварцевой индустрии / В. Я. Шумкин // Комплексные методы исследования археологических источников. — М.: 1989. — С. 23–24.
- Шумкин, В. Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: мезолит Северной Скандинавии / В. Я. Шумкин // Древности Северо-Запада России. — СПб.: 1993. — С. 34–59.
- Шумкин, В. Я. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря / В. Я. Шумкин, Е. М. Колпаков, А. И. Мурашкин // Записки ИИМК РАН. — СПб.: 2006. — Вып. 1. — С. 42–52.
- Шумкин, В. Я. Новый центр наскального творчества Северной Европы: антропоморф-

ные композиции Канозера / В. Я. Шумкин, Е. М. Колпаков // Человек и древности. — М.: 2009. — С. 294–302.

Шумкин, В. Я. Поселение Завалишина-5 на берегу Баренцева моря / В. Я. Шумкин, Е. М. Колпаков, А. Ю. Тарасов // Первобытные древности Евразии. — М.: 2012. — С. 611–622.

Broadbent, N. *Coastal Resources and Settlement Stability. Archaeological Studies Uppsala University*. Institute of north European Archaeology, # 3. pp. 194, 197.

Gjessing, G. (1932). *Arktiske Helleristninger i Nord Norge*. Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Oslo.

Gjerde, J. M. (2010). *Rock Art and Landscapes*. Tromsø. p. 209.

Hald, M. and Aspeli, R. (1997). *Rapid Climatic Shifts of the Northern Norwegian Sea during the Last Deglaciation and the Holocene*. *Boreas* 6. pp. 15–28.

Hallstrom, G. (1960). *Monumental art of N. Sweden from the Stone Age*. Stockholm. p. 401.

Helskog, K. *Samtaler med maktene* (2013). *En Historie om Verdensarven i Alta*. Tromsø Museums Skrifter XXXIII.

Helskog, K, Hood, B. C., and Shumkin, V. Y. (in press 2017). *Dwelling Forms and Settlement Patterns on Russia's Kola Peninsula Coast, 2 200–1 500 cal. BC*. BAR.

Hodgetts, Lisa Maye (1999). *Animal Bones and Human Society in the Late Younger Stone Age of Arctic Norway*. Durham theses, Durham University. Available at Durham E-Theses Online: <http://etheses.dur.ac.uk/4491/>.

Hodgetts L. (2010). *Subsistence Diversity in the Younger Stone Age Landscape of Varangerfjord, northern Norway*. *Antiquity*, Vol. 84, # 323. pp. 41–54.

Larsen, E., Lysa, A., Demidov, I., Funder, S., Houmark-Nielsen, M., Kjaer, K. H., and Murray, A. S. (1999). *Age and Extent of the Scandinavian Ice Sheet in Northwest Russia*. *Boreas* 28 (1). pp. 115–132.

Moller, J. (2003). *Late Quaternary Sea Level and Coastal Settlement in the European North*. *Journal of Coastal* № 19-3. pp. 731–737.

Murashkin, A. I., Kolpakov, E. M., Shumkin, V. Ya., Khartanovich, V. I. and Moiseyev, V. G. (2016). *Kola Oleneostrovskiy Grave Field: A Unique Burial Site in the European Arctic*. *New Sites, New Methods*. The Finnish Antiquarian Society, Iskos 21. Helsinki. pp. 187–199.

Renouf, M. A. P. (1984). *Northern Coastal Hunter-Fishers: an Archaeological Model*. *World Archaeology*. №16 (1). pp.18–27.

Shumkin, V. Y. (1990). *On the Ethnogenesis of the Sami: An Archaeological View*. *Acta Borealia* № 2. pp. 3–20.

Shumkin V. Y. (1990). *The Rock Art of Russian Lapland*. *Fennoscandia archaeologica*. Vol. 7. pp. 53–67.

Shumkin V. Y. (1992). *Models of Subsistence Among the Ancient Population of the Kola Peninsula*. *Fenno — ugri et slavi*. Helsinki. pp. 146–150.

Shumkin V. Y. (1996). *The Origins of the Saami: The Factors of Originality*. *Historia Fenno-Ugrica* Oulu. Vol. 1. Pt. 2. pp. 413–419.

Shumkin V. Y. (2000). *The Rock Art, Labyrinths, Seids and Beliefs of Eastern Lapland's Ancient Population*. *Myanndash*. Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi. pp. 202–241.

Tromnau, G. (1987). *Late Palaeolithic Reindeer-Hunting and the Use of Boats*. *Late Glacial in Central Europe*. Wroclaw. pp. 95–105.

Stebergløkken, H. M. V. (2008). *Et Stille Møte Mellom Sjø og Land. En Stilistisk Analyse av de Marine Veideristningenes Motiver, Sammenheng og Tolkninger*. Masteroppgave i arkeologi. Vitenskapsmuseet. Institutt for arkeologi og religionsvitens.

Woodman, P. C. (1993). *The Komsa Culture. A Re-examination of its Position in the Stone Age of Finnmark*. *Acta Archaeologica*. Vol. 63.

Yesner, D. R. (1980). *Maritime Hunter-Gatherers: Ecology and Prehistory*. *Current Anthropology* 21 (6). pp. 727–750.

Л. Р. Андреассен, Х. Д. Братрейн
Университет Тромсё, Норвегия
e-mail: reidun.laura.andreassen@ffk.no

ФИННМАРК МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ¹

Аннотация. Целью этой статьи является соотнесение археологических памятников и культур прибрежных территорий Финнмарка с культурно-историческим контекстом. Археологические памятники очерченной территории рассматриваются как отражение важных процессов в развитии экономики и взаимодействий различного по происхождению населения Финнмарка. Подробно описываются археологические памятники территории, даются их радиоуглеродные даты. В заключении делается вывод об интерпретации некоторых из них, как пунктов сбора товаров, а также о появлении поселений, указывающих на промышленный характер рыболовства. Ответом на внешние угрозы могло быть строительство гарнизонов на месте старых рыбацких деревень западного Финнмарка, а также новых стратегических укреплений на внешнем побережье между мысом Нордкап и Вардё дальше на восток.

Ключевые слова: Финнмарк, саамы, древние норвежцы, эпоха викингов, саги, многокомнатные дома, лодочные сараи, строения типа «Слеттнес».

Введение

Целью этой статьи является соотнесение археологических памятников и культур прибрежных территорий Финнмарка с культурно-историческим контекстом. Культурная среда понимается здесь как сложное и многогранное явление, охватывающее широкий диапазон территорий, распределенных во времени и пространстве. Делается упор на показе взаимосвязи между разными типами культурных проявлений, порождаемых мультиэтническим контекстом прибрежных территорий Финнмарка, включающим в себя саамские, карельские, русские и древненорвежские сообщества. Соответственно, одной из целей настоящего анализа было предложение более широкой перспективы, учитывающей культурные различия и межэтнические особенности взаимодействия с ландшафтом.

¹ На английском языке опубликовано в коллективной монографии: Hybrid Spaces. Medieval Finnmark and the archaeology of multi-room Houses / Ed. by D. Olsen and C. Amundsen. Oslo, Novus Press, 2011.

Исходя из заявленного культурно-исторического подхода, можно говорить о нескольких важных параллельных процессах, имевших место на протяжении всего железного века и начала средних веков на Севере, которые можно кратко охарактеризовать следующим образом:

1. Постепенное освоение территории Финнмарка древними скандинавами в позднем железном веке осуществлялось норвежскими дружинами с юга под предводительством конунгов. Эти группы имели свои опорные пункты в Финнмарке для торговли с саамами и организации торговых экспедиций на восток в Белое море.

2. Переход от рыболовецких, зверобойных и торговых экспедиций к формированию (коммерческих) рыболовецких общин произошел в XIII веке.

3. Параллельные процессы шли с востока, где Новгород заявлял о своих значительных экономических и политических интересах в Финнмарке, что выражалось в военных походах и набегах.

4. На территории самого Финнмарка саамское население реагировало по-разному,

как в форме взаимодействия, так и отступления.

Географически исследуемая территория ограничивается преимущественно прибрежными областями от о. Лоппа на западе до о. Магерёй на востоке, при этом и другие территории, имеющие отношение к нашему исследованию, были также включены в анализ.

Степень изученности вопроса

Период между 800 и 1500 гг. уже многократно исследовался в разных контекстах, в том числе в качестве темы нескольких диссертаций на протяжении 1990-х гг. В диссертации Йорна Хенриксена [Henriksen 1996] рассматривались ямы, облицованные каменными плитами, с точки зрения их функционального назначения, временных и пространственных границ и иного значения, помимо практической функциональности [Henriksen 1996, 2]. Он пришел к выводу, что такие ямы служили для получения жира морских млекопитающих, таких как киты, моржи и тюлени, причем эти ямы функционировали начиная с приблизительно первого века н. э. до 1000–1100 г. н. э. на территории, протянувшейся от п-ова Линген на юге до Вардё на северо-востоке. Он также считал, что южная географическая граница служила чертой, отделявшей этническую саамскую культуру на севере от древненорвежской на юге.

Рой Нильсен [Nilsen, 1995] в своей диссертации рассматривал древние лодочные сараи, как одну из категорий культурного наследия древненорвежского населения.

Третья категория памятников культурного наследия, о которой важно упомянуть в этом контексте, это так называемые «строения Слеттнес». Они были впервые признаны памятниками культурного наследия и изучены в ходе обширной археологической экспедиции в связи с планами компании Statoil по строительству газового терминала на Слеттнесе в 1991–94 гг. [Hesjedal et al. 1996]. Остатки округлых строений с рядами

каменных перегородок, разделяющих внутренние помещения, и очагом практически незаметны на поверхности. Датировки этих памятников относятся к периоду между началом первого века н. э. и XVIII веком [Hesjedal et al. 1996, 230].

Одна из наиболее важных последних работ, касающихся истории саамов, «История саамов до 1750 гг.», была написана Ларсом Иваром Хансеном и Бьорнармом Олсеном в 2004 г. В книге рассматриваются вопросы формирования саамского общества с акцентом как на внутренние процессы, так и на культурные контакты. Автором предлагается понимание саамского общества как единого меняющегося и сложного организма.

На наш взгляд, важно не упускать из внимания и «другие народы», т. е. народы не саамского происхождения. В этом контексте «другие» — это норвежцы, карелы и другие этнические группы в сложной системе их взаимных связей.

Источники и критические комментарии к ним

Основой накопления археологического материала, представленного в данной статье, является исследовательский проект «Этнический состав и культурные памятники Западного Финнмарка периода 800–1300 гг. н. э.». Работа над этим проектом велась авторами совместно на протяжении пятнадцати лет. Основной целью проекта была фиксация и проведение ограниченных раскопок различных археологических памятников и объектов в пределах небольшой географической территории с целью изучения возможных связей между ними. Помимо материалов, собранных для этого конкретного исследовательского проекта, мы также исследовали соответствующие материалы, полученные в результате разведочных раскопок поселенческих холмов на о. Магерёй, выполненных Братрейном в 1987 г. [Bratrein 1990], и раскопок под руководством Андреассен в районах о. Мосёй и Порсангер-фьорда в 1980-х гг.

Целью ограниченных раскопок был сбор датированных артефактов и образцов для радиоуглеродного датирования, что могло указать на возраст поселений и род занятий населения. Существуют известные проблемы, связанные с радиоуглеродной датировкой поселенческих холмов, содержащих многие сотни квадратных метров культурных отложений с мощностью слоя до нескольких метров. Без изучения стратиграфического контекста и получения более представительной серии датировок отдельные даты из такого контекста могут говорить лишь о присутствии человека на этом месте в течение определенного периода времени. Все образцы, полученные из поселенческих холмов, представляют собой куски древесного угля, деревянные фрагменты и кости и фиксируются стратиграфически. Ограниченные разведочные раскопки на таких памятниках, как многокомнатные дома, дали возможность получения древесного угля и другой органики для датировки.

Общества железного века

Археологические находки, относящиеся к периоду железного века в Финнмарке, немногочисленны и специфичны. Следов древних хуторов (норвежский: *gerdsanlegg*), подобных тем, какие встречаются южнее (в Нурланне и Тромсе) обнаружено не было. Это позволило ученым сделать выводы об отсутствии постоянных древненорвежских поселений на территории Финнмарка [Johansen 1990]. Не менее сложно было обнаружить и следы саамских поселений, что привело к классификации этого периода как «пустого» [Schanche 1992]. Такая картина изменилась в последние 15 лет, во многом благодаря тому, что ученые научились распознавать места поселений, слабо выраженные на поверхности [Hansen and Olsen 2004, 71].

На основании имеющихся данных можно предположить, что постоянные древненорвежские поселения железного века распространялись на север до коммуны Карлсёй в северном Тромсе, при этом самое северное из них располагалось на о. Лоппа в Финн-

марке. Древненорвежские поселения концентрировались во внешней прибрежной зоне и были представлены характерными памятниками (жилища, лодочные сараи, захоронения, поселенческие холмы, топонимы), подобными тем, что встречаются в более южных районах Северной Норвегии или Хельгеланне. К северу от Лингстюа культурные признаки в прибрежном ландшафте сильно отличаются, что заставляет предположить присутствие преимущественно саамского населения [Holm-Olsen 1984].

Вопрос состоит в том, представляли ли эти северные территории интерес для древненорвежских конунгов, которые ставили там свои базы с целью освоения местных ресурсов и как укрепленные форпосты для защиты своих интересов от конкурентов. Мы имеем возможность получить представление о политической, экономической и социальной организации этого общества, основанного на местных вождествах из текстов саг и более поздних письменных источников [Bratrein 1994, 1995, 2004].

Классическая картина представлена в рассказе о путешествии Охтхере (*Ottarre*) [Lund 1983], где говорится, что основой экономики конунга был сбор дани с саамов, а также организация охоты и рыболовства на побережье. Охтхере, вероятно, принимал участие в зверобойном промысле по всему побережью вплоть до мыса Нордкап. Кроме того, он также имел отношение к сбору податей с саамов вдоль побережья и вокруг фьордов северного Тромса и Финнмарка. Рассказ Охтхере был записан королем Альфредом и содержит подробное описание как родины Охтхере, так и его путешествий, например, путешествия к Белому морю.

В сагах описываются различные экспедиции к северным территориям, предпринятые конунгами Хогаланна после путешествия Охтхере. В сагах также говорится о путешествиях через горы и открытые пространства. Например, в Саге об Олафе Святом говорится, что: «Торир Собака много ездил в эти две зимы в Финнмёрк. Он провел эти зимы в горах, много торговал с «финнами» (саамами) и был в большом барыше».

Имение Бьяркой

Бьяркой как политическая ось, по-видимому, берет начало в позднеримском периоде около 200–400 г. н. э. Помимо богатых земледельческих хуторов вдоль Вегсфьорда (район Харштад), владения имения распространились на север по всей территории о. Сенья, северного Тромса, а также вдоль побережья западного Финнмарка на всей территории от внешнего побережья о. Сенья и далее на север имение, вероятно, обладало в основном правами на сбор податей со зверобойного и рыболовного промысла (*landvare*) и не занималось земледелием. В Финнмарке это имение включало в себя о. Сёрёй, несколько рыбацких деревень на о. Магерёй, возможно, также о-ва Лоппа и Лоппакальвен [Bratrein 1995, 2001].

Такое представление об имении Бьяркой подтверждается как историческими, так и археологическими данными. Путешествие Охтхере датируется примерно 890 г. н. э., и из его описания китобойного промысла можно предположить, что западное побережье Финнмарка до мыса Нордкап было к этому времени вовлечено в сферу древноревежских интересов. С археологической точки зрения отдельные находки и погребения также указывают на присутствие древноревежского населения в западном Финнмарке на протяжении железного века. Примеры включают в себя мужские захоронения на о. Ингёй, Нордвеген и Лилле Тамсёй в Порсангере [Sjovold 1974], в которых присутствовал полный набор вооружения, очевидно, захороненный воин принадлежал к дружине конунга, присягнувшей ему на верность [Storli 2001, 2006]. Из Саги об Эгиле, описывающей поход Торольва, сына Квельдульва, в страну саамов, мы можем получить представление о возможной величине такого отряда воинов, достигавшей иногда ста человек.

Несколько радиоуглеродных дат с холма о. Стаппен в Гьесвере к западу от мыса Нордкап, взятые из нижних слоев поселенческого холма, указывают на то, что освоение этой местности началось в VIII веке

[Bratrein 1990]. Безусловно, довольно трудно напрямую связать эти слои с присутствием древних норвежцев. Однако неподалеку был обнаружен большой лодочный сарай железного века. Этот памятник также известен как рыбацья деревня и древняя церковь эпохи Средневековья.

Наше предположение о древноревежском происхождении поселенческого холма Гьесвер на Стаппене подкрепляется рассказом Снорри Стурлусона о том, что Гьесвер был местом самых северных корабельных пирсов примерно в 1020 г. Эти пирсы, очевидно, использовались древними норвежцами для освоения прибрежных ресурсов Финнмарка.

Отсюда можно заключить, что поселение не было постоянным и что к югу от него вдоль побережья западного Финнмарка могли существовать аналогичные промысловые стоянки.

Землевладение, саамские подати и меховой промысел

Экономической основой существования основателей владения Бьяркой были три источника — зверобойный промысел, саамские подати и торговля мехами. Все это в последующем развилось в управление зверобойным и рыбным промыслом, основанном на имущественных правах и землевладении. Описание политической и экономической основы имения Бьяркой было приведено в главе 21 коллективной монографии «Финнмарк, Бьяркой и норвежское королевство» [Hybrid Spaces, ed. B. Olsen, C Amundsen 2011]. Здесь мы лишь хотим подчеркнуть, что доход от охотничьего и зверобойного промысла был также важной составной частью управления имением Бьяркой. Кроме того, также вероятно, что еще одной из форм экономической деятельности было производство ворвани. Создается впечатление, что древноревежские конунги вступали в союзы с местными саамскими общинами в отношении эксплуатации ресурсов на своих территориях. Например, на о. Сёрёй зарегистрировано очень немного постоянных

поселений железного века, в то же время там есть несколько так называемых «домов Слеттнес» [Hesjedal et al. 1994], которые считаются сезонными поселениями.

Вероятнее всего, саамы вели сезонный промысел выдры, дикого северного оленя и береговых тюленей по поручению конунгов, в то время как сами норвежцы организовывали крупную охоту на тюленя поздней осенью, и, таким образом, в это время зверобойный промысел для саамов на острове был запрещен. Это соответствует тому факту, что на о. Сёрёй встречается очень мало облицованных ям для получения ворвани. Сбор податей с саамов был правом, которое было присвоено конунгами Хогаланна уже в железном веке, что подробно описывается в рассказах о путешествиях Охтхере начиная примерно с 890 г. н. э. Торговля с саамами (*finnekaup*) давала тем же вождям права на получение доходов от мехового промысла саамов [Hansen and Olsen 2004]. Во многих сагах содержатся ссылки на более ранние рассказы о таких походах, основной целью которых был сбор податей и торговля мехами.

После сражений за объединение королевства права древненорвежских конунгов перешли к королевскому двору, таким образом, исключительные права на меховой промысел к северу от Намдалена отошли к королю уже в начале XI века [Hansen and Olsen 2004, 153]. При этом, кроме них, известными по источникам сборщиками податей были карелы, русские и биркалы, что, очевидно, создавало конкуренцию за такие подати.

Торговля мехами с саамами составляла еще одну из основ экономики имения Бьяркой. Потребность в дорогих мехах в XI–XII вв. росла по всей Европе. По мнению Хансена и Олсена [Hansen and Olsen, 2004], торговля мехами могла иметь взаимодополняющий характер в смысле построения симметричных отношений между древненорвежской элитой и предводителями саамских общин, или так называемыми «финскими королями» (*Finnekonger*) [Bratrein 2001a].

В Средневековье начинается рост Новгорода Великого. Его торговля в основном кон-

центрировалась вокруг Ладоги и Финского залива и контролировалась новгородскими купцами. Начиная с середины XII века новгородцы контролировали наиболее важные водные пути между базами вокруг Финского залива и побережьем Белого моря. Однако сфера интересов Новгорода этим не ограничивалась. Они также завоевали побережье Кольского полуострова и вовлекли карелов в сферу своего влияния [Hansen and Olsen 2004].

Лоппа

как древненорвежский форпост

Остров Лоппа расположен между о-ми Ваннёй на юго-западе и Сёрёй на северо-востоке, он занимает стратегическое положение для контроля за побережьем и служит «воротами в Финмарк».

Лоппа считается самым северным форпостом древних норвежцев в железном веке. Такое мнение основано на раскопках могильников и домов предположительно древненорвежского типа, что служит дополнительным аргументом в пользу этой гипотезы. Далее мы постараемся дать краткое описание археологических находок периода между 100–1500 гг. н. э. на памятниках Лоппасанден, Россмелла, Медвор и Иттервор.

Дома

Самый старый дом железного века на о. Лоппа относится к раннеримскому периоду и расположен в Медворе, небольшой бухте в юго-восточной части острова. Дом представляет собой строение 16 м в длину и 6 м в ширину, с торцом, обращенным к морю и дополнительной комнатой, выходящей на запад. Одна из радиоуглеродных дат дает калиброванный диапазон 70–220 гг. н. э., что также делает этот памятник одним из самых старых, предположительно, древненорвежских домов в Северной Норвегии. Памятник расположен примерно в 230 м от береговой линии у подножия террасы, на которой расположен самый большой на острове могильник.

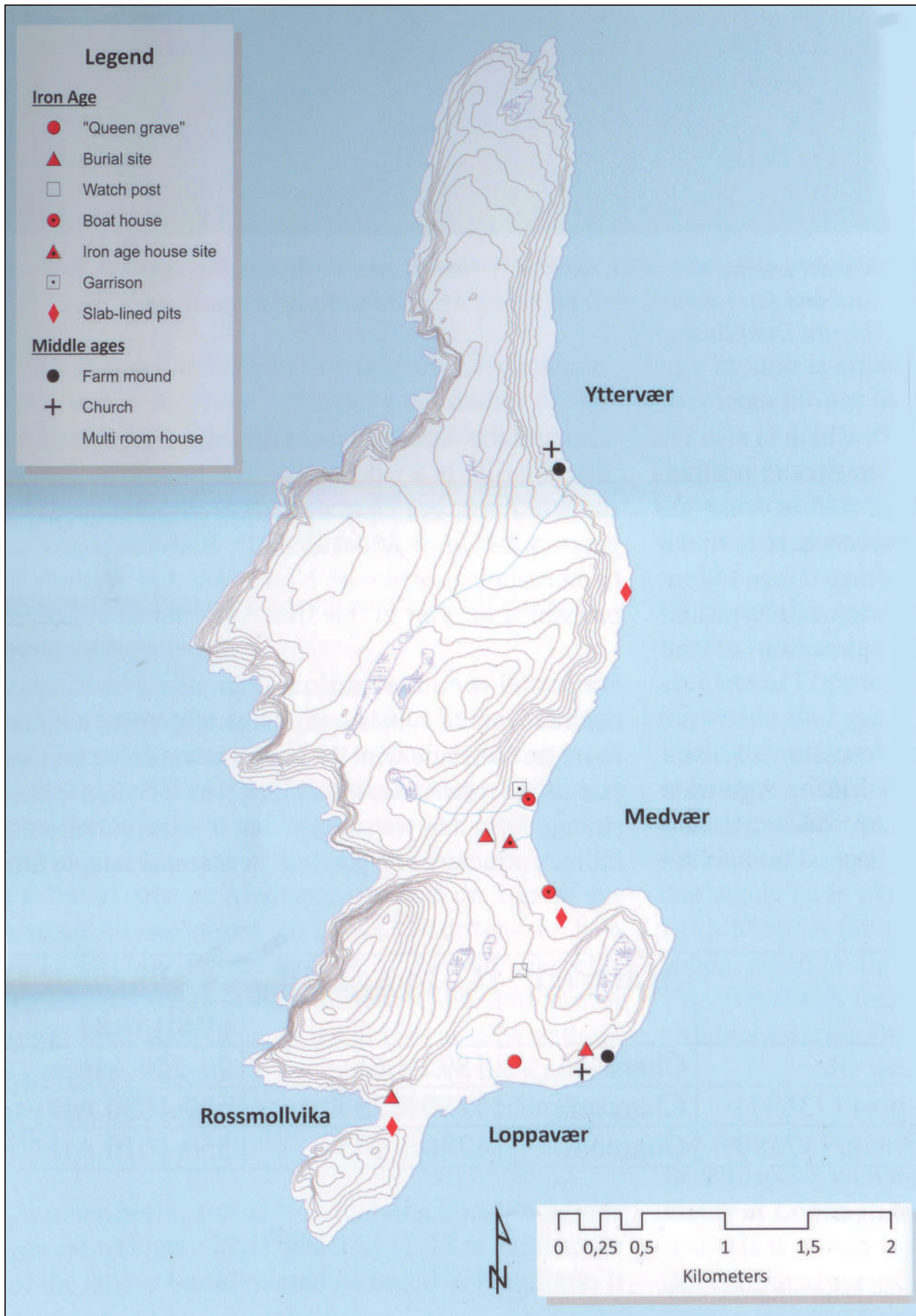

Рис. 1. Карта о. Лопша с отмеченными местами раскопок

Рис. 2. Вид памятника Медворт, о. Лоппа
(Фото: Х. Д. Братрейна)

Рис. 3. Могильник в Медворе
(Фото: Р. Д. Андреассен)

В 1964 г. Герд Стамсё Мунк и Йенс Сторм Мунк исследовали памятник эпохи викингов в небольшом ущелье Эйде между Медвором и Лоппавором. С памятника открывается хороший вид как на восток, так и на запад, возможно, это был сторожевой пост. Датировка по извлеченному позднее образцу древесного угля указывает на диапазон 600–1030 гг. н. э. Облицованные ямы и два лодочных сарая с характерными чертами древненорвежского железного века, вероятно, также относятся к тому же периоду, что и на о. Лоппа.

Примерно в 400 метрах к северу было зафиксировано большое жилое строение, состоящее из большой средней комнаты и по одной комнате с каждой стороны с торцами, обращенными в сторону моря. Размер основного строения составлял 12×9 м. Дом имел странную форму, по нашему предположению, это остатки оборонительного строения или места размещения военной дружины. Образец древесного угля с этого памятника датируется 550–1010 гг. н. э., то есть время его существования совпадало с функционированием предположительно сторожевого поста в Эйде. Вблизи от этого памятника были также обнаружены две облицованные ямы, два предположительно саамских круглых дома и лодочный сарай, частично поврежденный при строительстве дороги.

Все приведенные здесь датировки даются с указанием калиброванного возраста с одним среднеквадратичным отклонением (1 сигма).

Могильники

На острове было зафиксировано три могильника, в Медворе, Лоппаворе и Россмелвике. Кроме того, еще одна могила,

обнаруженная случайно при строительстве дороги в 1962 г., оказалась очень богатой и интересной.

Могильник в Медворе, расположенный на возвышенной террасе около 20 м над уровнем моря, состоит из пяти каирнов, размеры которых варьируются от 4 до 8 м в диаметре. Герд Стамсё Мунк и Йенс Сторм Мунк исследовали одну из могил в 1964 г. без каких-либо результатов. Захоронение было восстановлено Управлением культурного наследия Финнмарка в 2000 г. [Barlindhaug 2000].

Другой могильник в Россмелвике представляет собой один большой каменный курган 12–13 м в диаметре. Это самый большой известный могильный курган в Финнмарке. Он окружен несколькими более мелкими каирнами. Большой курган занимает стратегическое положение, он хорошо виден с моря, как с востока, так и с запада.

Третий могильник расположен неподалеку от церкви в Лоппаваре, он состоит из двух могильных курганов около 5–6 м в диаметре. Ни один из них не был изучен.

Особый интерес представляет женское захоронение, или, как его называют местные жители, «могила королевы», обнаруженное случайно в Лоппасадене в 1962 г. и раскопанное П. Симонсеном в том же году [Simonsen 1991, 141]. Предметный комплекс этого богатого захоронения включал в себя множество бус, две черепаховые броши, одну круглую брошь, один бронзовый наручный браслет, два железных ножа, одно длинное бронзовое ожерелье, одни железные ножницы, один железный наконечник стрелы и одну пластину из китовой кости [Sjovold 1974, 175]. Большая часть предметов интерпретируется как престижные, что ука-

Таблица 1

Радиоуглеродные датировки с о. Лоппа

Лаб. номер	Контекст	Материал	¹⁴ C до н. вр.	Калиброванный (1 сигма)
GX-20315	Медвор, раскопки дома	Древесный уголь	1895±65	70–220 н. э.
GX-201314	Эйде, сторожевой пост (73891)	Древесный уголь	1230±255	600–1030 н. э.
GX-21724	Медвор, гарнизон (57189)	Древесный уголь	1280±245	550–1010 н. э.

Рис. 4. Курган в Россмелвике — самый крупный к северу от Малангена
(Фото: Р. Л. Андреассен)

зывает на высокое положение человека в обществе. Могила была обнаружена на участке с зыбучим песком, таким образом, никаких следов на поверхности не сохранилось.

*Роль о. Лоппа в контексте
древненорвежского железного века*

Рассматривая памятники культурного наследия о. Лоппа в контексте, можно сделать вывод, что это не сельское поселение железного века в классическом понимании этого термина. Строение в небольшом ущелье Эйде можно интерпретировать как сторожевой пост с видом на внутренние морские пути на юг и на север. По-видимому, здесь мы имеем дело с административным форпостом, целью которого был сбор податей, торговля, а также какая-то военная активность.

Находки из захоронений указывают на некоторую стабильность общественной жизни на о. Лоппа. Богатое женское захоронение говорит о том, что население состав-

ляли не только мужчины, но целые семьи под предводительством представителей более высоких сословий. Пластина из китовой кости представляет собой предмет, редко встречающийся в Северной Норвегии, а в одной из недавних работ Ингер Сторил высказывается предположение о его назначении как символа власти и престижа. В этом конкретном случае возможна связь с бьяркойской ветвью семьи; более того, ее можно считать гербом этой семьи.

Представляется вполне вероятным, что о. Лоппа играл весьма важную роль для северонорвежского общества в железном веке. Как часть владений имения Бьяркой, поселение на о. Лоппа могло быть основано для выполнения задач, связанных с защитой интересов области, связанных с саамами, а также торговых путей на восток.

Следует также подчеркнуть, что многочисленные культурные памятники на о. Лоппа могут интерпретироваться в саамском контексте как жилища, лодочные сараи

Рис. 5. Пластина из китовой кости из «могилы королевы» на о. Лоппа, возможно, герб конунгов Бьяркой (Фото: Музей Тромсё)

и облицованные ямы. Сосуществование и использование общего пространства вполне вписывается в представление о симбиотических отношениях между норвежскими конунгами и саамами. Тот факт, что культурный ландшафт содержит памятники

как саамской, так и норвежской культуры, только усиливает правдоподобность такого предположения.

Эта точка зрения на их отношения подкрепляется текстами саг, где о саамах говорится с уважением и где встречи меж-

ду саамами и древними норвежцами описываются как мирные и симбиотические [Hansen and Olsen 2004, 61–62]. Рассказы о роли саамов в истории края неоднократно повторяются в разных контекстах. Среди прочих можно проследить историю о Моттулле «финском короле» от 800 до 1200 гг. н. э. В саге об Олафе Святом говорится, что Моттулл был на стороне Торира Собака в его борьбе против короля Олафа, обучил его колдовству и дал ему плащ из оленьих шкур для защиты. В битве при Стиклястаде Торира было невозможно победить. Все стрелы отскакивали от его толстого плаща из оленьей кожи. В саге рассказывается о Гуннхильде, дочери Оссура из Халогаланда, супруге короля Эрика Кровавая Секира, которая воспитывалась в доме Моттулла на побережье Финнмарка.

С этой точки зрения саамское население и норвежские конунги представляются равными в партнерстве, где у каждой из сторон были свои интересы. Перераспределительная экономика, характерная для имений конунгов и зависимых от них систем, подразумевала, что все ресурсы и излишки производства собирались в одном месте. Иными словами, место, которое представляло собой общественный, экономический и политический центр, где товары перераспределялись в соответствии с установленными правилами. Есть основания полагать, что о. Лоппа был таким центром в период Средневековья.

От норвежской торговли мехами до вяленой рыбы — становление рыбачьих деревень в Финнмарке

В то время как находки, относящиеся к железному веку на территории Финнмарка немногочисленны и редки, ситуация становится несколько иной в средние века. Развитие (коммерческих) рыбачьих деревень и рост норвежского населения в Финнмарке, очевидно, подразумевали увеличение числа археологических свидетельств. Оценить размеры древненорвежского населения в Финнмарке до XIII века довольно трудно. При

этом есть основания полагать, что все оно не превышало нескольких сотен. В то время как до этого основой экономики были торговля, охота и зверобойный промысел, теперь интересы смещаются к рыбному промыслу как к основному источнику питания, а также как источнику поступлений от экспорта — такая трансформация была обусловлена спросом со стороны католической Европы на рыбу во время поста.

Лучшим историческим источником, в котором описывается начало рыбного промысла на побережье Финнмарка, является собрание легенд о Святом Олафе под названием «Страсти и чудеса блаженного Олафа» 1170–1180 гг., собранных архиепископом Нидароса Эйстейном. В легендах говорится о сезонном рыбном промысле с целью поставки рыбы на рынки за пределами побережья Финнмарка до 1200 г., в котором саамы также принимали участие. О какой рыбе идет речь, и насколько велики были уловы — неизвестно. Однако, нет сомнений, что это касалось весеннего промышленного лова, что требовало определенной организации с использованием береговых баз. Рыбу перевозили в Берген и экспортировали преимущественно в вяленом виде [Bratrein 1998, Bratrein and Lind 2004, Hansen 2004].

Становление церквей

Выраженные перемены в средневековом обществе и религиозной жизни проявились с приходом христианской церкви в Северную Норвегию. Доказательством тому служат свидетельства 1264 г. о подношении даров церкви в Бьяркой. Когда именно началась экспансия церкви, до сих пор неясно, но первой церковью в Тронденесе считается небольшая деревянная часовня начала XII века [Eide 2005]. Самая старая часть каменной церкви датируется тем же периодом около 1200 г. [Eide 2005]. Начиная с этого времени распространение церквей продолжилось дальше на север со строительством королевской часовни в Тромсё в середине XIII века и церкви в Вардэ в 1307 г. [Bratrein 1970]. Однако нам мало известно о том, что

происходило на территории между Тромсё и Вардё. Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что распространение церквей вдоль побережья Финнмарка было тесно связано с ростом числа рыбацких деревень в позднем Средневековье.

Уже в 1960-х Хевард Даль Братрейн указал на связь между поселенческими холмами, ассоциируемыми с такими рыбацкими деревнями, и древними церквями в ходе большой программы изучения церковных памятников в Северной Норвегии (неопубликованный отчет, топографический архив, Музей Тромсё). В связи с изучением поселенческих холмов в Финнмарке вопрос о связи между распространением рыбацких деревень и церквей встал более остро, при этом разные исследователи [Bratrein 2004; Lind 2003; Hansen and Olsen 2004], указывали на связь политики расширения территории древненорвежского государства и строительства церквей.

Линд [Lind 2003, 45] утверждала, что строительство церквей в Средневековье было в большей степени обусловлено необходимостью проведения церковных служб, чем осознанной миссионерской политикой со стороны церкви и государства. Было бы логичным предположить, что до того как церковь могла выполнить свои миссионерские задачи и построить церковь в конкретной местности, там должно было существовать какое-то население, из которого могла бы сформироваться община. Это означает, что даты, полученные с поселенческих холмов, могут служить указанием на время строительства церквей или, по крайней мере, задавать самые ранние временные рамки такого строительства.

Поселенческие холмы западного Финнмарка

По каким-то причинам поселенческие холмы Финнмарка никогда не привлекали такого внимания, как аналогичные холмы более южных территорий. Поселенческие холмы состоят из слоев остатков зданий, бытового мусора, органических отходов и т. п.,

скопившихся с эпохи викингов до настоящего времени, мощность некоторых составляет 4–5 м. [Bertelsen 1973, 1979a, 1979b]. «Поселенческие» холмы, сформированные рыбацкими деревнями, содержат относительно большее количество рыбьих останков в своем составе.

В западном Финнмарке зарегистрировано семнадцать «поселенческих» холмов, шесть в регионе о-в Лоппа и Сёрёй и одиннадцать в регионе о-в Мосёй и Магерёй. Эти холмы можно подразделить на две категории. Холмы первой категории расположены в местах, обозначенных в первых налоговых списках 1521 г.; они, как правило, имеют связанные с ними церкви и расположены вдоль внешних прибрежных территорий. К этой категории относятся девять поселенческих холмов. Вторая категория поселенческих холмов представлена поселениями, расположенными дальше вглубь фьордов, либо на небольших островах, или в бухтах в устье фьорда, при этом мощность слоя и протяженность таких скоплений меньше, чем в первой категории.

Небольшие по объему разведочные раскопки проводились на нескольких холмах первой категории, а именно в Стаппене, Тунесе, Хелнесе, Брейвике, Лоппаворе, Иттерворе, о-ве Мосёй, в Сёрворе и на о-ве Ингёй. Остатки церквей были найдены на большей части из этих памятников (Иттервор, Лоппавор, Ингёй, Стаппен и Тунес). По свидетельствам исторических источников в Сёрворе и Хелнесе в средние века также существовали церкви.

Поселенческие холмы в Иттерворе

Два поселенческих холма расположены примерно в 50 м к югу от ограды погоста и выделяются видимыми на их вершине постройками. Холмы имеют около 20–30 м в диаметре, примерная толщина слоя составляет около 2 м. В 1994 г. Братрейн провел пробные раскопки самого холма, скрыв строение 1,2x1,2 м. Присутствие множественных крупных камней затрудняло проведение раскопок, особенно попытки дойти до нижнего слоя.

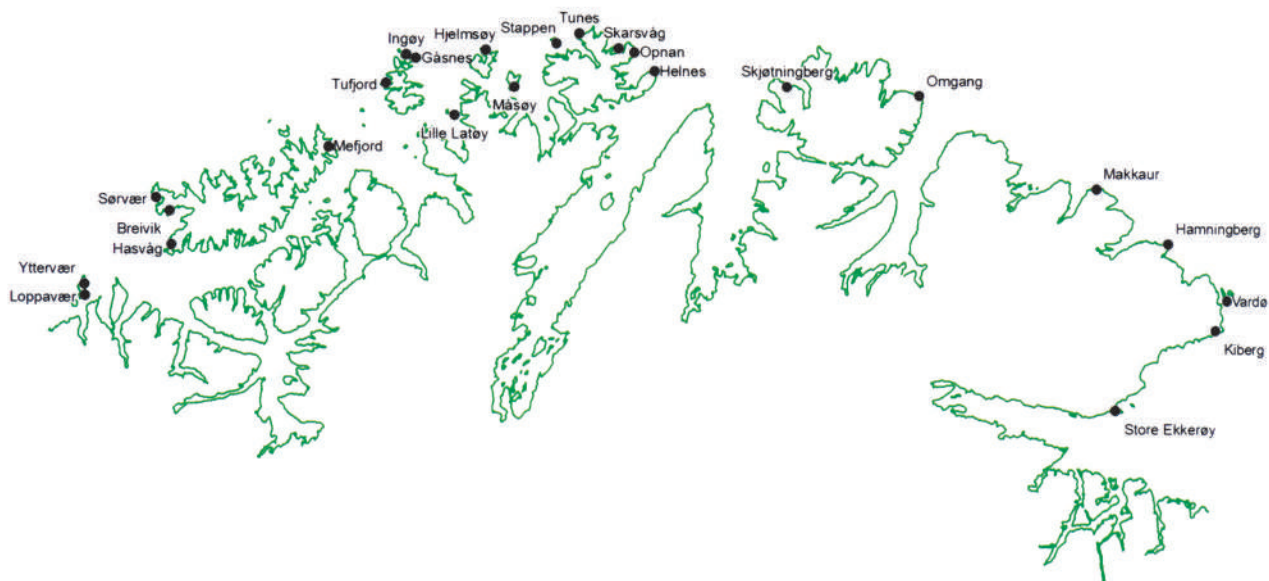

Рис. 6. Карта с указанием поселенческих холмов на исследуемой территории

Рис. 7. Погост, церковь и поселенческие холмы в Иттерворе, о. Лоппа (Фото: Р. Л. Андреассен 1991 г.)

Особый интерес представляют находки из нижних слоев: сланцевый под хлебopекарной печи, осколок венчика стеатитового сосуда, олений рог, изогнутую железную ручку. Все предметы ассоциируются с материальной культурой древних норвежцев. Было также обнаружено большое количе-

ство костей рыб и млекопитающих, среди них были представлены кости коз и овец, очевидно, что население держало домашний скот.

Были получены радиоуглеродные датировки для двух образцов древесного угля с нижних слоев (табл. 2): даты в любом слу-

Радиоуглеродные датировки с поселенческих холмов в Иттерворе и Лоппаворе

Лаб. номер	Контекст	Материал	¹⁴ C до н. вр.	Калиброванный (1 среднеквадратичное отклонение)
GX-20320	Иттервор, поверхностный сбор	Древесный уголь	895±55	1040–1220 н. э.
GX-20319	Иттервор, нижний слой	Древесный уголь	690±70	1280–1320 н. э.
GX-20317	Лоппавор, придонный слой	Древесный уголь	735±150	1170–1400 н. э.
GX-20318	Лоппавор, придонный слой	Деревянный пол	390±60	1440–1530 н. э.

чае указывают на наличие определенной деятельности, ассоциируемой с поселенческим холмом в Иттерворе уже в XII и/или XIII веках.

Церковь в Иттерворе

В 1999 г. Кет Линд провела ограниченные раскопки остатков церкви в Иттерворе. Результаты раскопок показывают, что церковь строилась в два этапа, самые старые даты относятся к XII–XIII вв. [Lind 2003, 49–51]. Линд описывает церковь как квадратное в плане строение с внутренними размерами 5,5x5,5 м. Фундамент стен состоял из двух параллельных рядов камней (основания) с засыпкой из гальки и дерна между ними. Стены из дерна были обшиты изнутри деревянными панелями. Пол церкви был выложен сланцевыми плитами, скорее всего, привезенными со сланцевого карьера неподалеку (Lind 2003, 50).

Внутри первоначальной дерновой церкви был обнаружен второй фундамент, который мог принадлежать небольшой деревянной церкви, построенной позже [Lind 2003, 49–50]. Каменная изгородь с двумя выступающими камнями входного портала окружает погост с видимыми следами захоронений внутри ограды. На месте церкви датированных материалов обнаружено не было, при этом самые ранние даты, полученные для поселенческого холма, указывают на то, что церковь могла быть построена уже в XII веке. Линд [Lind 2003, 48] полагает, что она должна быть моложе, чем 1250 г., поскольку «трудно предположить, что церковь в Иттерворе была построена раньше, чем цер-

ковь в Тромсё». По ее мнению, Тромсё в то время служил самым северным бастионом защиты от язычников и новгородцев.

Поселенческие холмы в Лоппаворе

Поселенческий холм в Лоппаворе лежит частично под современным зданием церкви и представляет собой хорошо определимый холм около 20 м в диаметре, хорошо сохранившийся за исключением повреждений, вызванных строительством новой церкви в 1953 г. Шурф размером 1,2x1,2 м обнажил культурные слои глубиной около 2 м, находки включали в себя глиняные трубки, гончарные изделия и железные ножи, при этом никаких явных следов средневекового поселения обнаружено не было. Вблизи от основания раскопа были зафиксированы облицованные камнем ямы под столбы. Образцы древесного угля с придонного слоя представлены в Табл. 2.

Многокомнатный дом в Медворе

Особый интерес среди культурных памятников в Медворе представляет многокомнатный дом. Памятник уже описывался ранее Повлом Симонсенем как поселенческий холм с 22 квадратными руинами поверх мощных культурных слоев [Simonsen 1989, 141]. Однако позднее памятник был перепреопределен как комплекс многокомнатного дома, подобный другим аналогичным комплексам на территории Финнмарка и Тромсё [Amundsen et al. 2003; Henriksen 2008]. В течение последующих лет множество отдельных находок с памятника, указывавших на их средневековое происхождение, были

Рис. 8. Острова Сёрвор с поселенческим холмом
(Фото: Хевард Даль Братрейн)

Рис. 9. Игральный набор из моржового клыка
из Сёрвора
(Фото: Музей Тромсё)

переданы в Музей Тромсё. Контрольный осмотр, проведенный в рамках настоящего проекта в 2006 г., позволил обнаружить еще два многоквартирных дома по обе стороны от основного строения.

Радиоуглеродные датировки были получены для трех образцов древесного угля с этого памятника. Первый образец был по-

лучен из культурных слоев, вскрытых в многокомнатном доме в 1994 г. Контрольный образец был получен из одной из комнат в 2006 г., так же как и третий образец, отобранный из одной из комнат северного строения (табл. 3).

Поселенческие холмы на о. Сёрёй

Множество культурных памятников свидетельствуют о центральном положении о. Сёрёй в течение средних веков. В этом контексте поселенческие холмы в Сёрворе и Брейвике имеют особое значение.

Поселенческий холм в Сёрворе

Современный поселок перекрывает поселенческий холм в Сёрворе, а присутствие плодородной почвы отражается в изобилии садов, окружающих рыбацкий поселок. Сёрвор занимает три небольших острова, которые в настоящее время соединяются волноломами и дорогами. Поселенческий холм расположен на восточном и самом дальнем из трех островов. Его протяженность установить довольно проблематично; однако мы предполагаем, что его границы соответству-

Таблица 3

Радиоуглеродные даты для многоквартирного дома в Медворе

Лаб. номер	Контекст	Материал	¹⁴ C до н. вр.	Калиброванный (1 сигма)
GX-20316	Профиль, выходящий на дорогу	Древесный уголь	580±80	1300–1430 н. э.
Beta-222351 ²	Комната в многоквартирном доме	Древесный уголь	590±70	1290–1450 н. э.
Beta-222352	Многоквартирный дом, север	Древесный уголь	520±40	1320–1340 н. э.

Таблица 4

Радиоуглеродные датировки с поселенческих холмов в Сёрворе и Брейвике

Лаб. номер	Контекст	Материал	¹⁴ C до н. вр.	Калиброванный (1 сигма)
GX-21228	Сёрвор — участок Кента Петтерсена	Дерево с основания	780±85	1210–1295 н. э.
GX-21227	Сёрвор — участок Кента Петтерсена	Древесный уголь с основания	495±75	1400–1455 н. э.
GX-21229	Сёрвор — участок Кента Петтерсена	Древесный уголь с поверхности	390±75	1440–1635 н. э.
GX-23326	Сёрвор — участок Линды Хансен	Древесный уголь с поверхности	545±105	1305–1370 н. э.
GX-23325	Сёрвор — участок Линды Хансен	Древесный уголь с основания	390±65	1442–1527 н. э.
GX-20321	Брейвик — основание	Древесный уголь	570±55	1310–1350 н. э.
GX-20322	Брейвик — на поверхности	Древесный уголь	565±70	1310–1360 н. э.

ют показанным на Рис. 8. В 1994 г. на ферме Кента Петтерсена образовалась открытая канава, в которой обнаружилось большое количество китовой кости, другого костного материала и гумуса. На следующий год здесь были проведены раскопки, на дне раскопа был обнаружен деревянный пол, сделанный из лодочных досок. Радиоуглеродные даты, полученные для образца этого дерева, соответствуют XIII веку, что, вероятно, несколько старше реального возраста, учитывая материал образца. Датировки для образца древесного угля, взятого чуть выше, указывают на XV век (табл. 4).

В 1996 г. были заложены два дополнительных шурфа там, где, по нашим предпо-

ложениям, должен был находиться центр холма. Образцы из придонных слоев из этих шурфов дали радиоуглеродные датировки, относящиеся к XIV и XV вв. (табл. 4).

На протяжении нескольких лет поступали одиночные находки из поселенческого холма в Сёрворе. Среди прочего можно отметить меч эпохи викингов, найденный по информации местных жителей на школьном дворе. Несколько артефактов поступили в Музей Тромсё, среди них игральный набор из моржового клыка (рис. 9), аналог которому был найден в руинах монастыря Ноннесеттер в Бергене и датируется примерно 1300 г. [Grieg 1933].

Поселенческий холм в Брейвике

Поселенческий холм в Брейвике, ровно на полпути между Брейвикботом и Сёрвором, расположен на пляже с открытым участком, обращенным к морю, и защищен

² Анализ проводился лабораторией Beta Analytic INC, Университетский филиал, Майами, Флорида. Калиброванный возраст, погрешность — удвоенное среднеквадратичное отклонение (2 сигма) (95 %) вероятность.

Рис. 10. Церковный погост, поселенческие холмы и многоквартирный дом на о. Ингёй
(Фото: Хевард Даль Братрейн, 1996 г.)

высокой, сильной растительностью. Здесь на протяжении многих лет было сделано множество случайных находок, которые затем передавались в Музей Тромсё. К наиболее интересным относится асбестовая посуда, найденная в земле перед холмом.

В 1994 г. участок у моря был очищен, зарисован и измерен. Высота холма от вершины до основания составляет 2,5 м. Для образцов древесного угля с придонного слоя холма были получены радиоуглеродные даты (см. Табл. 4).

Датировки образцов с поселенческих холмов в Сёрвере показывают, что их заселение происходило в один и тот же период времени от 1200 до 1600 гг.

Остров Ингёй

Ингёй представляет собой один из островов вдоль побережья Финнмарка, расположенный посреди изобилия пищевых ресурсов открытого моря. Вдоль северного побережья острова лежат сотни маленьких

островков и шхер, что обеспечивает хорошие условия для высадки на берег, несмотря на его удаленное расположение. Как видно из множества находок, включая меч периода железного века [Sjovold 1974, 177], Ингёй был привлекательным местом для проживания в течение тысяч лет. Наиболее выдающейся видимой характеристикой этого, в остальных отношениях плоского берегового ландшафта являются поселенческие холмы на островах Инга и Геснес, при этом холм на о. Инга занимает самое центральное положение и соединяется с древней церковью.

Поселенческие холмы на о. Инга

Холмы на о. Инга отличаются чрезвычайно богатым культурным ландшафтом, основными элементами которого являются церковь и погост, а также жилые строения, два многоквартирных дома и лодочные сараи. Ландшафт местности вокруг церкви с тех времен, когда уровень моря был примерно на 1 м выше, чем сегодня, т. е. около

Рис. 11. Церковный погост, поселенческие холмы и многоквартирный дом на о. Ингёй
(Фото: Х. Д. Братрейн)

1000—1500 лет назад, легко читается. Поселение было, вероятно, расположено вблизи лагуны, которая образовывала защищенную гавань. Есть основания полагать, что наиболее глубоко врезающаяся вглубь острова часть бухты была самой привлекательной территорией для проживания в то время [Andreassen 2003].

Разведка на о. Инга была проведена в 1996 г., ее результаты подробно описаны в более ранней публикации [Andreassen 2003]. Высказывались мнения, что поселенческий холм на о. Инга может быть старше, чем показывают радиоуглеродные даты, полученные по образцам из шурфов, обе из которых относятся к XV веку: различные случайные находки и одна находка, сделанная в 1996 г., датируемая XII в., указывают на более древний возраст поселенческого холма.

Авлёйснинга

Авлёйснинга — небольшой островок, соединяющийся с материком только во время прилива, расположенный к северу от по-

селенческого холма. На этом острове были обнаружены многоквартирный дом, а также лодочные сараи, пристани и саамские круглые дома. Многокомнатный дом состоит из пяти-шести комнат с общим входом и проходами между комнатами. Внутренняя часть дома представляет собой крупные камни и некоторые остатки дерна. При этом он производит впечатление каменного, а не дернового строения, несмотря на то, что крыша была, скорее всего, покрыта дерном. Для образца древесного угля, взятого с места предполагаемого очага, были получены радиоуглеродные даты (табл. 5).

Фрухолмен

К северо-западу от о. Ингёй, на вершине маленького островка, стоит маяк Фрухолмен. На более ранних картах этот островок называется Норскхолмен (остров древних норвежцев). На вершине небольшого холма, за домом смотрителя маяка, были обнаружены остатки Т-образного строения длиной примерно 6 метров со стенами метровой

Радиоуглеродные даты с о-вов Ингёй, Авлэйснинга и Фрухолмен

Лаб. номер	Контекст	Материал	¹⁴ C до н. вр.	Калиброванный (1 сигма)
GX-22461	Ингёй — поселенческий холм II, основание	Дерево	525±75	1400–1440 н. э.
GX-22460	Ингёй — поселенческий холм II, верхний слой	Древесный уголь	490±80	1400–1460 н. э.
GX-22462	Авлэйснинга — многокомнатный дом	Древесный уголь	315±85	1470–1660 н. э.
GX-22463	Фрухолмен — Т-образное строение	Дерево	500±75	1400–1450 н. э.

толщины. Сама по себе постройка необычна и не встречается в аналогичных контекстах. Наиболее вероятное предположение о назначении постройки — это сторожевой пост, служащий для охраны водных путей вдоль побережья. С этого места открывается прекрасный вид на север в сторону о. Магерёй и на юг вдоль пути до южной оконечности о. Сёрёй. С памятника был взят образец дерева для радиоуглеродной датировки.

Поселенческий холм и многокомнатный дом на о. Ингёй, строение на Фрухолмене относятся, вероятно, к одному периоду, таким образом, их следует интерпретировать в одном и том же социальном контексте XIV и XV веков. При усилении агрессии с востока реакцией норвежцев могло быть строительство небольших крепостей и сторожевых постов для защиты рыбацких деревень и церквей на берегах Финнмарка.

Памятники о. Магерёй

Самый восточный остров, включенный в территорию нашего исследования, — это Магерёй. По налоговой переписи 1520 г., здесь было зарегистрировано девять населенных мест с обитателями из шестидесяти шести облагаемых налогом мужчин. В пяти из этих мест были зафиксированы церкви средневекового периода, а именно в Тунесе, Стаппене, Кьелвике, Хелнесе и Опнана, более поздние источники также называют церковь в Итре Скарсвег. Небольшие раскопки были проведены на поселенческих холмах

в Хелнесе, Тунесе и Киркестаппене в Гьесвере [Bratrein 1990].

Киркестаппен в Гьесвере

Киркестаппен представляет собой часть весьма характерной небольшой островной группы с внешней стороны Гьесвера на западной стороне о. Магерёй. Каждый из этих трех островов — Киркестаппен, Сторстаппе и Буккстаппен — имеет свои собственные гористые формации и связанные с ними истории. Сторстапп — это известный горный птичий заповедник, Буккстаппен использовался как пастбище для коз и овец, а Киркестаппен — это остров, на котором в средние века находились церковь и несколько поселений. Как уже говорилось, Гьесвер упоминается в сагах как самая северная пристань в связи с путешествием Торира Сабаки к Белому морю в 1026 г. В Киркестаппене мы также обнаружили два больших лодочных сарая, которые могли быть связаны с этой пристанью.

Самые ранние радиоуглеродные даты, полученные с поселенческих холмов в Финнмарке, — это уже упоминавшиеся датировки из Киркестаппена в Гьесвере. Хевард Даль Братрейн производил шурфовку в 1987 г. на участке 1,2x1,2 м в самой высокой части холма, где мощность культурных слоев достигала свыше двух метров. В этих слоях были обнаружены фрагменты кожи, ткани, посуды, изделий из железа и кремня, а также большое количество костей рыб и млекопитающих, и довольно толстый слой навоза.

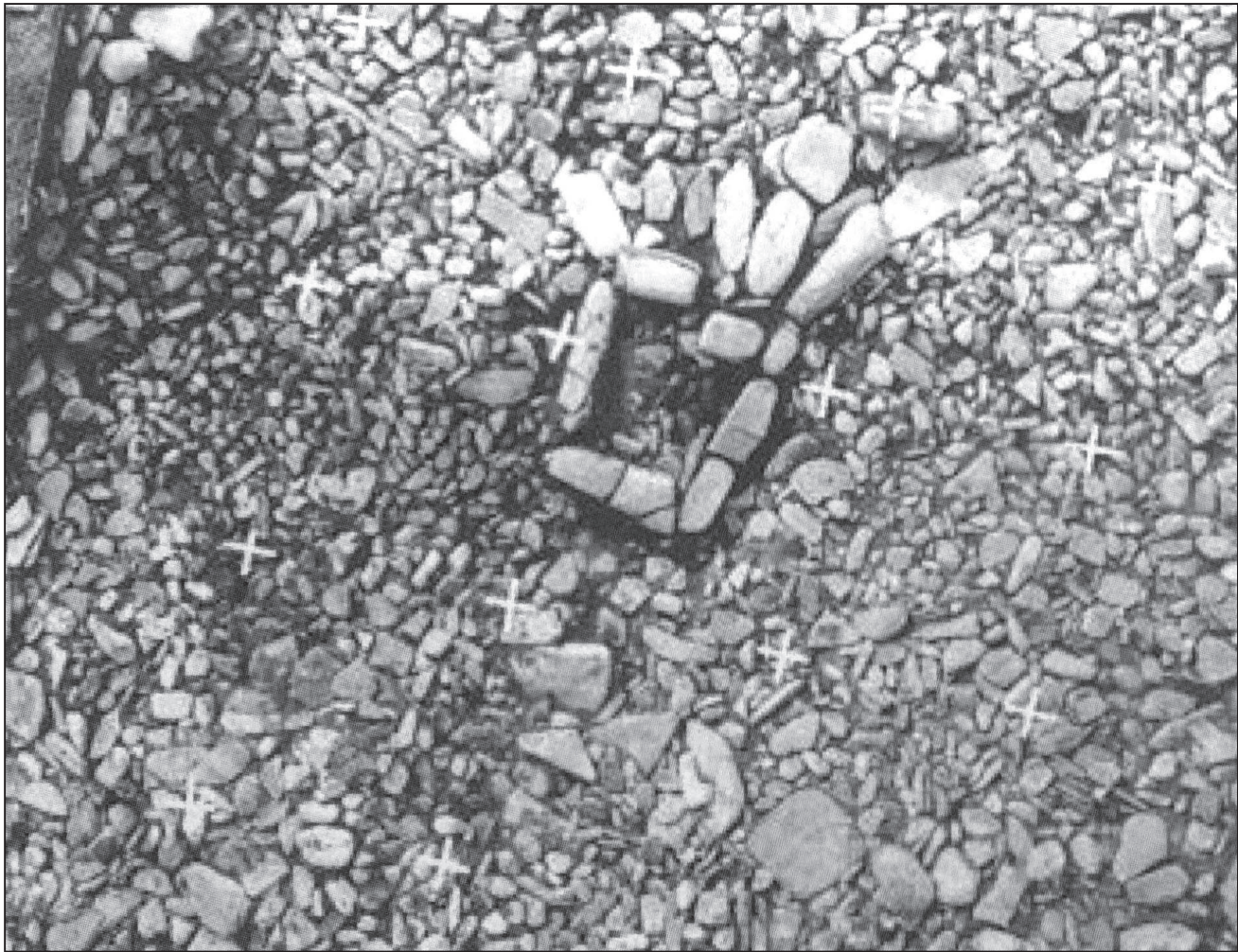

Рис. 12. Поселенческий холм в Киркестаппене, вид с моря
(Фото: Кет Линд)

Каких-либо датированных находок позднего железного века или раннего Средневековья обнаружено не было, при этом были получены радиоуглеродные даты для двух образцов дерева с придонных слоев [Bratrein 1990, см. Табл. 6].

Эти данные указывают на присутствие здесь людей в эпоху династии Меровингов в тех же местах, в отношении которых у нас имеются письменные свидетельства из более поздних периодов. Есть основания предположить определенную преемственность между этими поселениями и остальными культурными памятниками железного века, на что указывает толщина культурных слоев. Наличие домашних животных и навоза указывает на существование постоянного оседлого населения в течение длительного времени.

Тунес

Тунес расположен в нескольких километрах к северо-востоку от Стаппена на выступающем мысе с удобными местами для причаливания лодок. В 1520 г. здесь был зарегистрирован двадцать один взрослый мужчина, подлежащий налогообложению, это было крупнейшее поселение на о. Магерёй. В Тунесе зафиксированы два самостоятельных поселенческих холма, образцы с обоих были отобраны в 1987 г. Самый крупный холм (поселенческий холм I) имеет толщину около двух метров, в то время как самый маленький (II), который можно характеризовать как сезонную рыбацью деревню (норвежский термин: *rørvor*), имел толщину культурного слоя около одного метра. Радиоуглеродные даты были получены для образцов костей с придонного слоя (см. Табл. 6).

Хелнес

Хелнес расположен на дальнем внешнем берегу со стороны океана. Недавно в Хелнесе был построен маяк на самой высокой точке, вероятно, в том же месте, где когда-то были церковь и погост. Сегодня прямо по холму проходит дорога, при строительстве которой культурные слои были повреждены. Из Хелнеса открывается хороший вид на открытый океан как в сторону востока, так и на запад. Шурфовка, произведенная в 1987 г. на не потревоженных участках холма, позволила выявить культурный слой мощностью 1,2 м [Bratrein 1990], и для образцов дерева с придонного слоя были получены радиоуглеродные датировки.

Как уже говорилось ранее, холм в Киркестаппене мог быть частью системы торговых станций конунгов, и при этом единственным известным памятником такого типа в Финнмарке. Холм в Тунесе включает остатки двух этапов последовательного заселения, что указывает на преемственность существования поселения от 1200 до 1400 г. и далее, т. е. относится к тому же периоду, что и поселение в Хелнесе.

Хронология поселенческих холмов Финнмарка

Из полученных радиоуглеродных датировок поселенческих холмов в регионе исследования очевидно — большая их часть появилась между XIII и XV веками, что под-

тверждает традиционное представление о хронологии заселения древними норвежцами отдаленных береговых территорий. В этом отношении датировки из Стаппена представляются уникальными, определяя возраст холма около позднего железного века. Это также указывает на то, что появление Стаппена, возможно, было связано с другими процессами, нежели распространение рыбацких поселений, начиная с XIII века. Несмотря на их фрагментированный характер, представленные материалы, тем не менее, являются важным источником для понимания процессов заселения средневекового Финнмарка.

Другие исследовательские проекты в западном Финнмарке: Форсёл

Первоначальный проект, относящийся к 1993 г., включал в себя также другие памятники разной степени изученности, от начальной разведки и шурфовки, до полного изучения памятников, которых было проведено в рамках других проектов.

Центральное место среди них занимает памятник Форсёл/Киркегердбукт, исследованный в 1995 г. в рамках более широкого проекта изучения культурного наследия (*Fotefar mot Nord*). Он был описан Хевардом Далем Братрейном в рамках обследования древней церкви. Памятник расположен на северо-восточной стороне о. Квалёй около 20 км к востоку от Хаммерфеста, непо-

Таблица 6

Радиоуглеродные датировки с поселенческих холмов в Киркестаппене, Тунесе и Хелнесе

Лаб. номер	Контекст	Материал	¹⁴ C до н. вр.	Калиброванный (1 сигма)
GX-13920	Киркестаппен — придонный слой	Дерево	1285±80	658–803 н. э.
GX-13921	Киркестаппен — 30 см выше основания	Дерево	1140±70	789–980 н. э.
GX 13917	Тунес — поселенческий холм I, основание	Кость	1060±60	1310–1430 н. э.
GX-13918	Тунес — поселенческий холм II, основание	Кость	1160±60	1260–1330 н. э.
GX-13919	Хелнес — основание поселенческого холма	Дерево	570±65	1295–1420 н. э.

далеку от небольшой деревушки Форсёл. Богатый культурный слой памятника Киркегердбукт (английское название: *Churchyard bay* (Церковная бухта) включает в себя множество разных типов строений, таких как многокомнатные дома, длинные дома, круглые дома, лодочные сараи, дома типа Слеттнес, стоянки каменного века, облицованные ямы, каменные каирны и саамские могилы [Bratrein 1996a, 1996b]. В ходе картографирования и разведки местности были отобраны образцы из многокомнатного дома и саамского общего дома, расположенных на одной террасе на высоте около 5–6 м над уровнем моря [Bratrein 1996a, 1996b, 7].

Многокомнатный дом

Многокомнатный дом (рис. 13) состоит из 6 комнат, его размеры составляют 22 м в направлении восток-запад и 24 м — в направлении север-юг. Памятник представляет собой внушительное строение с глубоким внутренним помещением, стенами из крупных камней и мощными дерновыми «валами», а также примыкающий к нему

лодочный сарай. Была проведена шурфовка в помещениях 2, 8 и 6, при этом были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования (табл. 7). Находки представлены наконечником из китовой кости, железными гвоздями и наконечником копья, а также большим числом костных остатков млекопитающих (напр., зуб свиньи) и рыб.

Лодочные сараи и палаточные кольца

На северо-восточной стороне бухты находятся один из двух лодочных сараев, семь облицованных ям и четыре палаточных кольца — следы домов типа Слеттнес. Облицованные ямы были большими и глубокими, в некоторых фиксировались дренажные канавки, что весьма необычно в данном контексте. Палаточные кольца почти не видны на поверхности, они выглядят как очень слабые кольцевые отметины на вересковом поле с небольшим возвышением в центре на месте очагов. С одного из них были отобраны образцы древесного угля и кости (табл. 7). Образцы содержали большое количество жженой кости, идентифицирован-

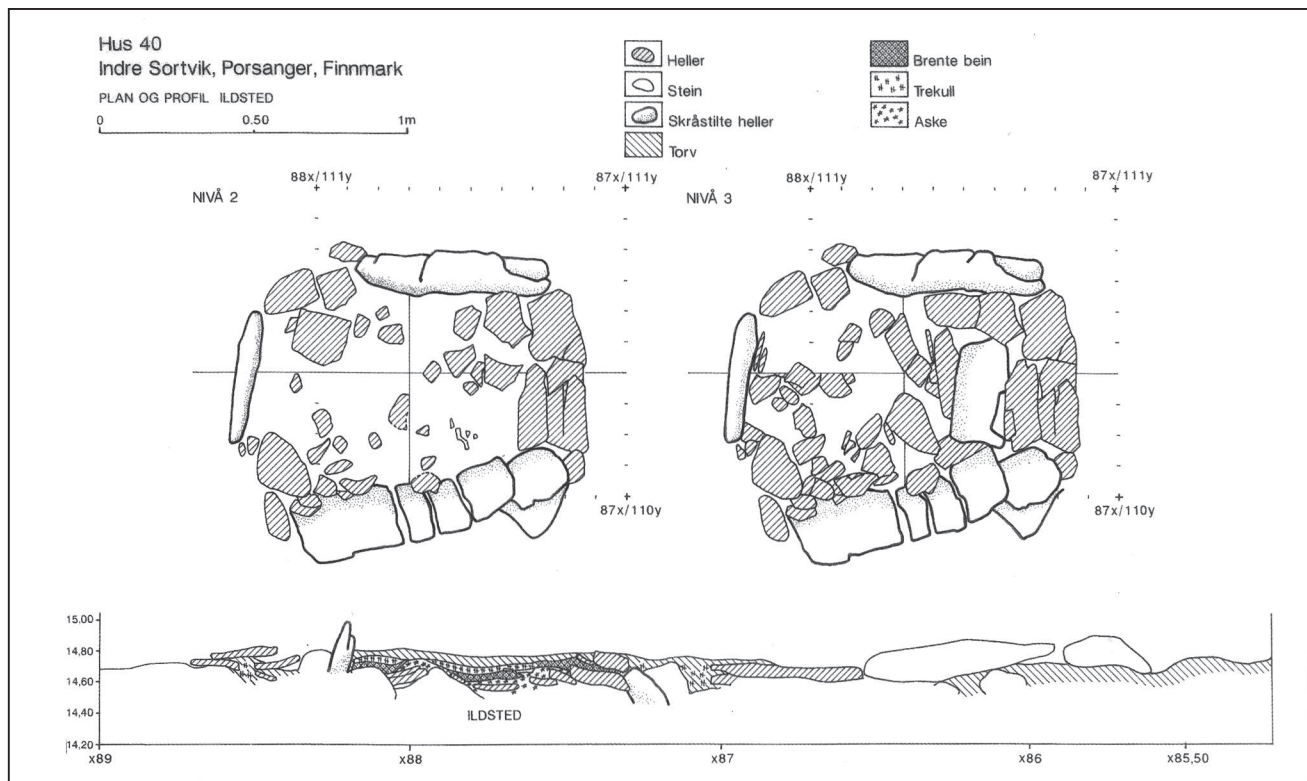

Рис. 13. Чертеж разреза облицованной ямы, Итре Моллвик

ной как китовая кость, а также древесный уголь.

Братрейн ранее интерпретировал палаточные кольца, лодочные сараи и облицованные ямы как принадлежащие саамским общинам охотников и рыболовов. Поселение воспринимается как летний лагерь, где основным занятием было получение ворвани [Bratrein 1996a, 1996b]. Многокомнатный, вероятно, был оставлен древненорвежским населением, основной функцией которого был сбор податей либо являлся звеном в системе оборонительных застав, о которых говорилось ранее.

Адаптация к новому контексту: поселения саамов в западном Финнмарке

До сих пор мы делали основной акцент на описании и документировании предполагаемых древненорвежских поселений и различных социальных, политических и экономических факторов, которые могли способствовать их появлению. Интересы древненорвежских конунгов периода позднего железного века проявились в виде археологических следов в ландшафте, что лучше всего выражено на о. Лоппа, который, вероятно, служил своего рода опорной базой. Причины серьезных социальных изменений, произошедших на территории Финнмарка в XIII и XIV вв., следует искать в Европе, где резво возрос спрос на рыбу. Этот процесс перемен был всеобъемлющим, что нашло свое отражение в культурном ланд-

шафте побережья в виде изменений компонентов культурного наследия.

Одновременно с увеличением населения вдоль внешнего побережья и становлением рыбачьих деревень происходил отток саамского населения с побережья, которое до этого времени осваивало ресурсы этих территорий, по крайней мере, на сезонной основе, установив прочные и взаимовыгодные отношения с норвежскими конунгами. Это выразилось в увеличении числа саамских поселений дальше вглубь фьордов, что было зафиксировано археологическими раскопками в окрестностях Снефьорда и Порсангер-фьорда в период 1984–1989 гг. [Andreassen 1996a, 2001].

Индре и Итре Моллвик, Снефьорд

От Снефьорда на юге до Хавойсунда на севере в 1983 г. было зафиксировано шесть крупных местоположений, содержащих археологические памятники от раннего каменного века до настоящего времени. Исследованные объекты в обоих местах охватывали период около 3 000 лет, начиная примерно с 1880 г. до н. э. и вплоть до 1600 г. н. э. [Andreassen 1996a]. Эти два соседних памятника расположены в северо-восточной части Бакфьорда, небольшого ответвления Снефьорда. Оба памятника состояли из жилищ, относящихся к разным периодам, и облицованных ям. В этом контексте интерес представляют строение 2 и саамский общий дом. *Строение 2, Индре Моллвик*

Таблица 7

Радиоуглеродные датировки из жилищ и палаточного кольца в п. Киркегердсбукт, Хаммерфест

Лаб. номер	Контекст	Материал	¹⁴ C до н. вр.	Калиброванный (1 сигма)
GX-21723	Многокомнатный дом, комната 8	Древесный уголь	715±70	1270–1310 н. э.
GX 21185	Многокомнатный дом, комната 2	Древесный уголь	530±80	1320–1340 н. э.
GX-2187	Саамский общий дом	Древесный уголь	295±75	1490–1670 н. э.
GX-21186	Кольца палаток	Древесный уголь и кость	825±75	1160–1280 н. э.

Строение было трудно обнаружить на поверхности из-за растительности и очень плотного слоя дерна, поэтому изучена была только юго-западная часть строения. После удаления дерна вскрылся слой плитняка, который был интерпретирован как пол, а в центре строения — квадратный очаг, образованный выступающими плитами. По-видимому, строение использовалось на протяжении двух разных периодов времени. В центре очага после удаления толстого слоя древесного угля и жженных костей был обнаружен плоский камень. Под этим камнем открылся еще один слой дерна, гальки и пепла. Радиоуглеродные датировки образцов из верхнего и нижнего слоев подтверждают два периода использования этого строения.

Большой временной интервал между дву-

мя периодами использования, более тысячи лет, вероятно, указывает на его повторное использование. Очаг мог первоначально принадлежать палаточному жилищу и впоследствии использоваться как очаг в строении из дерна. Пол, по-видимому, принадлежит более позднему строению.

Общий дом, Индре Моллвик

Общий дом (норвежский термин: *fellesgatte*) — термин, обозначающий жилище, в котором люди и домашний скот жили под одной крышей, в помещениях, разделенных внутренней перегородкой. Такого рода жилища были довольно широко распространены на побережье Финнмарка, использовались вплоть до начала XX века, преимущественно саамами. Часть общего дома в Индре Моллвик была исследована,

Рис. 14. Очаг в доме 44, Индре Сортвик
(Фото: Р. Л. Андреассен)

Радиоуглеродные датировки из Индре и Итре Моллвик

Лаб. номер	Контекст	Материал	¹⁴ C до н. вр.	Калиброванный (1 сигма)
T-7304	И. Моллвик, строение 2 — очаг, верхний слой	Древесный уголь	410±90	1420–1630 н. э.
T-7305	И. Моллвик, строение 2 — очаг, нижний слой	Древесный уголь	1870±100	20–240 н. э.
T-7306	И. Моллвик, общий дом — образец из стены	Древесина дуба	390±60	1440–1620 н. э.
T-7307	Облицованная яма — Индре Моллвик	Древесный уголь	1950±70	30–120 н. э.
T-7320	Облицованная яма — Итре Моллвик, верхний слой	Древесный уголь	1680±60	260–420 н. э.
T-7321	Облицованная яма — Итре Моллвик, нижний слой	Древесный уголь	1670±50	260–420 н. э.

получены радиоуглеродные даты для образца древесины дуба (табл. 8).

Облицованные ямы в Индре и Итре Моллвик

Были изучены две облицованные камнем ямы, по одной в каждой бухте [Andreassen 1996b]. Яма в Индре Моллвик была четко обозначена на поверхности как углубление размером 3,5×2 м и глубиной около 35 см. На дне ямы обнаружен черный, жирный слой. Были получены радиоуглеродные датировки для образца древесного угля, идентифицированного как ель (Andreassen 1996b, 41–45). Яма в Итре Моллвик имела размеры 2,5×1,5 м. Раскопки обнажили два слоя древесного угля с галечной прослойкой между ними. Были отобраны образцы древесного угля из обоих слоев; образцы из верхнего слоя были идентифицированы как ель, анализ состава нижнего слоя не проводился [Andreassen 1996b, 75] (см. Табл. 8).

Полученная дата относится к очень раннему периоду, в действительности, это одна из самых ранних документированных датировок для Финнмарка и может интерпретироваться как относящаяся к поселению, зафиксированному в том же периоде как в Индре, так и в Итре Моллвик (Там же, 74–75).

В отчете по раскопкам в Моллвике Андреассен [Andreassen 1996a] подчеркивала связь между поселением на внешнем побере-

жье и на внутренних фьордах. Усиление активности древненорвежского населения вдоль внешнего побережья привело к отступлению саамов дальше вглубь фьордов. Облицованные ямы могли принадлежать полукочевым, сезонным поселкам, а общий дом может рассматриваться как часть более позднего постоянного поселения.

Порсангер

Археологические раскопки, проведенные в Индре и Итре Сортвик на западной стороне Порсангер-фьорда, представляют особый интерес в этом контексте и могут дать ценные сведения для понимания организации общества. Памятники, исследованные в этих двух узких заливах, охватывают период около 6000 лет, с начала позднего каменного века (4500 до н.э.) до 1500 н. э. На протяжении всего этого периода их берега были заселены более или менее постоянно. Особый интерес здесь представляют строения, датируемые железным веком и средними веками.

Индре Сортвик

Раскопки в Индре Сортвик позволили обнаружить большое разнообразие типов жилищ и очагов, относящихся к одному хронологическому периоду. В этом контек-

сте особый интерес представляют строения 3, 4, 40 и 44.

Строение 3

Углубленное строение, размером 3,5×3,5 м, заросшее вереском, окруженное свободной от растительности стеной. В районе северо-восточной стены на поверхности было обнаружено овальное каменное грузило (норвежский термин: *jarstein*). Очаг на территории жилища был расположен вблизи раскопа, окружен полом, вымощенным из плоских каменных плит. Было обнаружено несколько фрагментов железных и медных орудий, а также остатки кварца и кварцита [Andreassen 1996a]. Были получены радиоуглеродные датировки для образцов древесного угля (береза) из очага (см. Табл. 9).

Строение 4

Строение было зафиксировано в ходе последнего этапа раскопок в 1988 г. Прямо в центре него расположен ряд камней без растительности, разделявший две комнаты и окруженный общей стеной. Из квадратного очага в комнате (а) был отобран образец

древесного угля, идентифицированный как береза (см. Табл. 9), очаг был окружен полом, напоминающим вымостку из плоских камней (Там же: 17).

Строение 40

Строение 40 выглядит как округлое углубление около 7 м в диаметре, окруженное на поверхности остатками стены из галечника, за исключением задней стороны, где строение углублено в склон. В результате раскопок был обнаружен мощный каменный пол с центральным очагом из выступающих камней. Было обнаружено основание медного сосуда и несколько фрагментов железных и медных изделий [Andreassen 1996a].

Строение 40 относится к ранее неизвестному в археологии Финнмарка типу.

Строение 44

Объект, обозначенный в отчете как строение 44, на самом деле представляет собой очаг, обнаруженный случайно, без каких-либо проявлений на поверхности. На заросшей вереском террасе над дерном выступала лишь верхняя часть крупного бело-

Рис. 15. Дом 8 в Итре Сотвик
(Фото Р. Д. Андреассен)

го камня. Шурфовка вокруг камня обнажила концентрацию древесного угля и очаг, оконечностью которого, по-видимому, служил большой белый камень или «камень *pessjo*». Рядом с очагом были обнаружены две бронзовые броши восточного происхождения, датируемые XII–XIII вв. [Storli 1991], а также небольшой серебряный шарик [Storli 1991].

Это первая находка очага такого типа на побережье Финнмарка, возможно, он использовался как очаг в летней палатке.

Важным выводом, который можно сделать на основании раскопок в Индре Сортвик, является большое разнообразие различных типов жилищ/палаток, использовавшихся на протяжении периода 1100–1500 н. э. Как постоянные жилища из дерна, так и временные палаточные стоянки, по-видимому, использовались в одном месте, что указывает на возможность существования здесь как постоянного, так и сезонного поселений.

Итре Сортвик

Итре Сортвик расположен в трех км к северу от Индре Сортвик. Вокруг защищенной бухты с ручьем, разделяющимся на три раз-

ных протока, было зафиксировано семьдесят два жилища. Раскопками было изучено двенадцать строений, в результате получены данные о поселении, существовавшем в этом месте с позднего каменного века до средних веков.

Ниже приводится описание одного из строений с этого памятника. При этом следует отметить, что другие строения в Итре Сортвик также представляют интерес, демонстрируя ту же картину, что и в Индре Сортвик, с большим разнообразием типов строений на протяжении одного временного отрезка от 600 до 1500 г. н. э. [Andreassen 2001].

Строение 8

Уже на этапе снятия дерна был обнаружен большой прямоугольный очаг, помещенный на основании из плитняка. Под ним был обнаружен другой очаг, образующий квадратную каменную раму размером почти 2×2 м (рис. 19). Было сделано также несколько находок, включая черные и желтые стеклянные бусы, обычно датируемые эпохой викингов. Несколько образцов древесного угля, отобранных из обоих очагов, были датированы периодом от 600 до 1400 г. н. э. [Andreassen 2001].

Таблица 9

Радиоуглеродные датировки из Индре Сортвик и Итре Сортвик

Лаб. номер	Контекст	Материал	¹⁴ C до н. вр.	Калиброванный (1 сигма)
T-7656	И. Сортвик — верхняя часть очага, строение 3	Древесный уголь	510±60	1290–1490 н. э.
T-8342	И. Сортвик — очаг, строение 4	Древесный уголь	450±50	1390–1530 н. э.
T-8343	И. Сортвик — очаг, слой 1, строение 40	Древесный уголь	540±60	1290–1450 н. э.
T-8337	И. Сортвик — строение 44. Под плоским камнем в яме под столбы	Древесный уголь	550±70	1300–1430 н. э.
T-8339	И. Сортвик — строение 44. Рядом с очагом	Древесный уголь	650±80	1270–1400 н. э.
T-8344	И. Сортвик — строение 8 — образец из верхнего очага	Древесный уголь	590±40	1300–1400 н. э.
T-8600	И. Сортвик — строение 8 — верхний слой	Древесный уголь	750±60	1230–1280 н. э.
T-8345	И. Сортвик — строение 8 — нижнее каменное обрамление	Древесный уголь	760±50	1240–1280 н. э.
T-8346	И. Сортвик — строение 8 — нижнее каменное обрамление	Древесный уголь	1240±70	680–880 н. э.

Датировка XIII в. для образца из нижней конструкции может быть результатом проседания кусочков древесного угля в нижние слои из средневекового контекста.

Вышеприведенные примеры из районов Снефьорда и Порсангера показывают, что поселения этого периода, расположенные дальше вглубь фьордов, носили как сезонный, так и более оседлый характер. При этом важным моментом здесь является то, что обнаруженные следы поселений существенно отличаются от поселений вдоль внешнего побережья. Также следует отметить большое разнообразие типов жилищ, относящихся к одному периоду, в одном и том же месте. Как уже упоминалось, существует вероятность этнического происхождения этих различий, другой возможной причиной может быть их функциональное назначение.

Заключение

Представленный археологический материал показывает, что на протяжении железного века как древненорвежское, так и саамское население Финнмарка не было ни таким малочисленным, ни таким однородным, как было принято считать ранее. Эти группы населения выражали себя по-разному, что хорошо просматривается в следах, оставленных ими в местном ландшафте, — они могут выглядеть чуждыми, по сравнению со следами поселений в более южных провинциях, что обусловлено совершенно отличными культурными условиями.

Особенно явно это заметно на о. Лоппа, где будущих исследователей ждет множество интересных находок. Длинный ряд найденных здесь культурных памятников может быть вписан в контекст стремления конунгов к основанию более сильных военных баз. Подобные памятники могли быть связаны как с экономическими и политическими интересами, так и/или с необходимостью защиты от вражеских атак с востока. Таким образом, была сформирована военная традиция в качестве фундамента экономических интересов Финнмарка, состоявших в землевладении, сборе налогов и торговле мехами.

Самые старые находки из Киркестаппена в Гьесвере могут интерпретироваться в этом контексте как пункт сбора товаров и золота, а также как промежуточный пункт на пути между имением Бьяркой на юге и Белым морем на востоке. По всей территории мы находим следы пребывания героических воинов, которые так и не вернулись домой, но пали, защищая свои позиции, и были похоронены там, где они служили, — возможно, в том числе, и затем, чтобы отметить и закрепить их присутствие.

После объединения королевства государство взяло под свой контроль сферы влияния, завоеванные конунгами, как и продолжение военных традиций. Если посмотреть на территорию западного Финнмарка в целом, в первую очередь нас поражает большое число поселенческих холмов и древних церквей. Как уже говорилось, XIII и XIV вв. имели решающее значение для внешних экономических, политических и религиозных сил, действие которых привело к этим изменениям. Лучшие места для рыболовства были заселены людьми со стороны, начавшими практиковать рыболовство в масштабах, которых никогда ранее не знали в Финнмарке.

Приход христианства на территорию Финнмарка ассоциируется с концом XII в., возможно, со строительством небольшой церкви на о. Лоппа — самом дальнем форпосте в этом контексте. Вскоре оказалось, что как королю, так и церкви есть что защищать на этой территории — как в смысле мирских, так и духовных ценностей. Отсутствие эффективной защиты от серьезных набегов с востока привело к поиску других решений, отличных от остальной части королевства. Ответом на внешние угрозы могло быть строительство гарнизонов на месте старых рыбацких деревень западного Финнмарка, а также новых стратегических укреплений на внешнем побережье между мысом Нордкап и Вардё дальше на восток. По нашему мнению, остатками гарнизонов могли быть строения, называемые сегодня многокомнатными домами [Henriksen 2002; Myrvoll 2002].

Многокомнатные дома выглядят чужеродными элементами в этом ландшафте, где другие следы обычно известны и легко идентифицируются. Как следует интерпретировать многокомнатные дома в общей истории Финнмарка, пока неясно, но мы полагаем, что они составляли часть оборонительной системы древних норвежцев. Единственным письменным подтверждением этого может служить *Carta Marina* Олафа Магнуса 1539 г., где указатель, отмеченный как «*Domus presidii*» (сторожевой пост, замок), помещен к западу от крепости Вардехус, «*Ca: S. Olavi*» (военного лагеря Св. Олафа) или дворца Св. Олафа [Nissen 1960, 32]. В качестве вероятной интерпретации можно допустить, что этот сторожевой пост был одним из многокомнатных домов на полуострове Варангер, возможно, Конгсхавн [Andreassen 2003, 147].

Повторяющейся темой этой статьи служит политическая, экономическая и религиозная власть конунгов, позднее, в средние века, перешедшая к королю и католической церкви [Bratrein 2008]. Остатки военных укреплений и церквей, представлявших мирскую и священную власть, до сих пор не были в полной мере исследованы в рамках изучения истории Финнмарка. В этой связи мы рады отметить, что этой теме уделяется все больше внимания, что поможет вписать эту часть Норвегии в историю королевства, так как это не делалось никогда ранее.

Литература

- Amundsen, C. P., Henriksen, J. E., Myrvol, E., Olsen, B., and Urbanczyk, P. (2003). *Crossing Borders: Multi-Room Houses and Inter-Ethnic contacts in Europe's Extreme North*. *Fennoscandia archaeologica*, XX, pp. 79–100.
- Andreassen, R. L. (1996a). *En Boplass ved Havet*. Fotefar mot Nord. Vadsø: Finnmark fylkeskommune.
- Andreassen, R. L. (1996b). *Arkeologiske Undersøkelser I Indre og Ytre Mollvik, Finnmark (1985-1986)*. Tromsø kulturhistorie, p. 28.
- Andreassen, R. L. (2003). *Fra Fangstboplass Til Storvær*. Utsyn fra Ingøy gjennom jernalder og middelalder. Hauan M. A. et al. (eds.), Karlsøy og verden utenfor. Kulturhistorisk perspektiv på nordnorske steder. Tromsø Museum Skrifter, XXX.
- Barlindhaug S. (2000). *Rapport fra Restaurering av Gravfelt på Loppa*. [Unpublished report] Finnmark fylkeskommunes arkiv.
- Bertelsen R. (1973). *Gårdshauger I Harstad Kommune*. Magister thesis in archaeology Bergen: Universitetet I Bergen.
- Bertelsen R. (1979a). *Farm Mounds in North Norway, a Review of Recent Research*. *Norwegian Archaeological Review*, 12 (1), pp. 48–57.
- Bertelsen R. (1979b). *Gårdshauger I Nord-Norge*. Kommentar til de siste 15 års forskningsvirksomhet. Fladby R. and Sandes J. (eds.) På leiting etter den eldste garden. Oslo: s.n.
- Bratrein H. D. (1970). *Befolkningsforhold og Kirkebygging Mord for Malangen I Eldre Middelalder*. *Håløygminne*, 3 (13), pp. 66–100.
- Bratrein H. D. (1990). *Magerøy I Middelalderen*. *Tromsø kulturhistorie*, 17, pp. 19–26.
- Bratrein H. D. (1994 / 1995). *Det Nordnorske jordbruketnoen generelle trek*. *Jord og gjerning*. Årbok for norsk landbruksmuseum.
- Bratrein H. D. (1995). *Bjarkøy og Finnmark*. *Ottar*, 5, pp. 14–27.
- Bratrein H. D. (1996a). *Gåtefulle Forsøl*. Fotefar mot Nord. Finnmark fylkeskommune.
- Bratrein H. D. (1996b). *Enigmatic Forsøl*. Fotefar mot Nord. Finnmark fylkeskommune.
- Bratrein H. D. (1998). *"Passio Olavi", et kildested om Finnmarksfisket på 1100-tallet*. *Håløygminne*, 1 (20), pp. 117–121.
- Bratrein H. D. (2001a). *Finnekongen Martin og Rikskongen Håkon den Femte*. *Håløygminne*, 1, pp. 1–10.
- Bratrein H. D. (2004). *Russisk okkupasjon av Finnmark på 1400-tallet?* *Håløygminne*, 85 (2), pp. 373–384.
- Bratrein H. D. and Lind K. (2004). *Hvordan Sjøsamene I Nord-Troms ble Kristna og Innlemma I det Norske Asmfunn*. G. Nilsen (ed.), *Kulturmøter I Nord-Troms*. Jubileumsbok for Nord-Troms Museum.
- Bratrein H. D. (2008). *Finnmark før Vardøhus*. Balsvik R. R. and Nilsen J. P. (eds.), *Forpost mot øst*. Stamsund, s. n.
- Eide O. E. (2005). *Trondenes Kirke. Fra 1200-tallet Eller fra Senmiddelalderen?* *Trondarnes distriktsmuseum skriftserie*, 7.

- Grieg S. (1933). *Middelalderske Byfund fra Bergen og Oslo*. Det norske videnskabs-akademi I Oslo. Oslo: A. W. Brøggers Boktrykkeri A. S.
- Hansen L. I. (2004). *Middelaldersamfunnets Etniske Grenser*. Berg B. A. and Niemi E. (eds.), *Fortidsforestillinger. Bruk og misbruk av nordnorsk historie, 4. Skriftserie fra Institutt for historie*. Tromsø: University of Tromsø.
- Hansen L. I. and Olsen B. (2004). *Samenes Historie*. Oslo: Cappelen Akademisk Forlag.
- Henriksen J. E. (1996). *Hellegropene: Fornminner fra en Funntom Periode*. Stensilserie B, 42. Tromsø: University of Tromsø.
- Henriksen J. E. (2002). *Delrapport II. Prøvegravninger 2001. Kulturmiljøer fra Jernalder og Eldre Historisk tid I Kyst-Finnmark*. En undersøkelse med utgangspunkt I fenomenet mangeromstuffer. Tromsø: University of Tromsø.
- Henriksen J. E. (2008). *Mangeromstuffer på Finnmarkskysten*. Hage I., Haugdal E., Ruud B., and Hegstad S. (eds.), *Arkitektur I Nord-Norge*. Bergen; Fagbokforlaget, pp. 163–202.
- Hesjedal A., Olsen B., Storli I., and Damm, C. (1992) (1993). *Arkeologiske Undersøkesler på Slettnes, Sørøy*. Tromsø kulturhistorie, 25.
- Hesjedal A., Damm C., Olsen B. and Storli I. (1996). *Arkeologi på Slettnes*. Dokumentasjon av 11.000 års besetting. Tromsø Museum skrifter, XXVI.
- Holm-Olsen I. M. (1984) (1985). *Datering av Hellegraver*. Engelstad E. and Holm-Olsen I. M. (eds.), *Arkeologisk feltarbeid I Nord-Norge*. Tromsø kulturhistorie, 5, pp. n.a.
- Johansen O. S. (1990). *Synspunkter på Jernalderens Jordbrukssamfunn I Nord Norge*. Strnsilserie B: Historie / Arkeologi: InstInst. For samfunnsvitenskap, University of Tromsø.
- Lind K. (2003). *Yttervær på Loppa øy*. Hauan M. A. et al. (eds.), *Karlsøy og verden utenfor: Kulturhistoriske perspektiver på nordnoske steder*. Tromsø Museums Skrifter, XXX, pp. 42–52.
- Lund N. (1983). *Ottar og Wulfstan: to Rejsebeskrivelser fra Vikingetiden*. Roskilde: The Viking Ship Museum.
- Myrvoll E. R., Delrapport I. (2002). *Kulturminneregistreringer 2001*. Kulturmiljøer fra jernalder og Eldre Historisk tid I Kyst-Finnmark. En undersøkelse med utgangspunkt I fenomenet mangeromstuffer. [Unpublished report] Tromsø: University of Tromsø.
- Nissen K. (1960). *Vardø og Vardøhus I Edre Tid. Hva Gamle Karter og Dokumenter Beretter*. In G. I. Willoch (ed.), *Vardøhus festning 650 år*. [spes. nr. av] *Kystartilleri-nytt* 1960, pp. 19–65.
- Nilsen A. R. (1995). *Nord-Norge under Rikssamlinga*. Ottar, 5 (208).
- Hanssen E. R. (1990). *Nordkapp – en Fiskerkommune*. Fra de eldstetider til I dag. Nordkapp commune.
- Schanche K. (1992). *Den Funntomme Perioden*. Nord-Troms og Finnmark I det første årtusen e. Kr. FOK-programmets skriftserie, 2.
- Simonsen P. (1989). *Fortidsminner Nord for Polarsirkelen*. Tromsø-Oslo-Bergen: Universitetes – forlaget.
- Simonsen P. (1991). *Byggeskikk I Troms og Finnmark I Middelalderen*. Foreningen til Norske Fortidsminnemerkeres Bevaring Årbok. Oslo: s. n.
- Sjøvold T. (1974). *The Iron Age settlement of Arctic Norway 2*. Tromsø Museum skrifter Vol. X. Oslo: Norwegian Universities Press.
- Storli I. (1991) (2001). *De østlige Smykkene fra Vikingtid og Tidlig Middelalder*. Viking, XLIII, pp. 89–104.
- Storli I. *Tunanleggenes Rolle I Nordnorsk Jernalder*. Viking, pp. 87–111.
- (2006) Storli I. *Hålogaland før Rikssamlingen*. Politiske prosesser I perioden 200–900 e. Kr. Instituttfor sammenlignende kulturforskning. Oslo: Novus forlag.

ЗАХОРОНЕНИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ I ТЫС. Н. Э. НА ОЗЕРЕ ПОЖЕМ-ТЫ В ИНТИНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ¹

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов из раскопок погребально-го памятника раннего железного века на оз. Пожем-ты в Интинском районе Республики Коми. Подробно характеризуются исследованные погребения и выявленный в них инвентарь, обнаруженные в межмогильном пространстве объекты и находки. Прослеживаются характерные черты обрядности населения, оставившего могильник. Делается вывод о культурной близости изученных захоронений погребениям Шиховского могильника на нижней Печоре. На основании радиоуглеродной даты, аналогий вещевому инвентарю обосновывается датировка памятника.

Ключевые слова: европейский Северо-Восток, ранний железный век, могильник, трупосожжение, погребальный инвентарь, аналогии, датировка.

Погребальные памятники — один из наиболее слабо изученных видов археологических источников раннего железного века на территории европейского Северо-Востока (далее ЕСВ). Это связано, прежде всего, с трудностью их обнаружения в условиях таежной зоны. В настоящее время известно семь пунктов, в которых обнаружены захоронения эпохи раннего железа — три в бассейне Вычегды (захоронения ананьинского времени на поселениях Шойнаты II и Угдым II, могильник гляденовского периода Джуджыдыяг) и четыре в бассейне р. Печора (могильник с захоронениями ананьинского и гляденовского времени Шиховской, могильники с захоронениями гляденовского времени Новый Бор I, на оз. Пожем-ты и захоронение на поселении Якэ 8). Материалы из раскопок этих памятников опубликованы полностью или частично [Королев 1978, 71–87; 1985, 35–40; 2002, 7–8, 35–37; Васкул, Плюснин 1990; Васкул 2002; Васкул, Лысков, Селезнева 2004, 23–25; Селезнева, Васкул

2004, 52–57; Археологическая карта Республики Коми 2014, 203].

Цель данной публикации — ввод в научный оборот материалов из раскопок могильника на оз. Пожем-ты, обнаруженного в 2001 г. на правом берегу р. Усы в окрестностях д. Адзьва Интинского района Республики Коми (рис. 1) экспедицией ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН и МБУК «Интинский краеведческий музей» и раскапывавшегося экспедицией ИЯЛИ и МБОУ «Гимназия № 2» г. Инта в 2003 и 2005 гг. [Васкул, Лысков, Селезнева 2004, 23–25; Селезнева, Васкул 2004, 52–57; Васкул. Отчет за 2005 г.]².

Археологические памятники в нижнем течении р. Адзьва впервые были выявлены в начале 1950-х годов Г. А. Черновым [Чернов 1985, 65–66]. В 1969 г. во время археологической разведки по р. Усе В. И. Канивец обнаружил здесь два новых поселения, на одном из которых (Адзьва II) в 1970 г. им было изучено жилище [Стоколос, Королев 1984, 89].

В 1985 г. раскопки на поселении Адзьва II были проведены экспедицией Интинско-

¹ Публикация подготовлена по Программе фундаментальных исследований УрО РАН, проект 15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

² Материалы из раскопок могильника хранятся в фондах МБУК Интинский краеведческий музей КП 39/1-6.

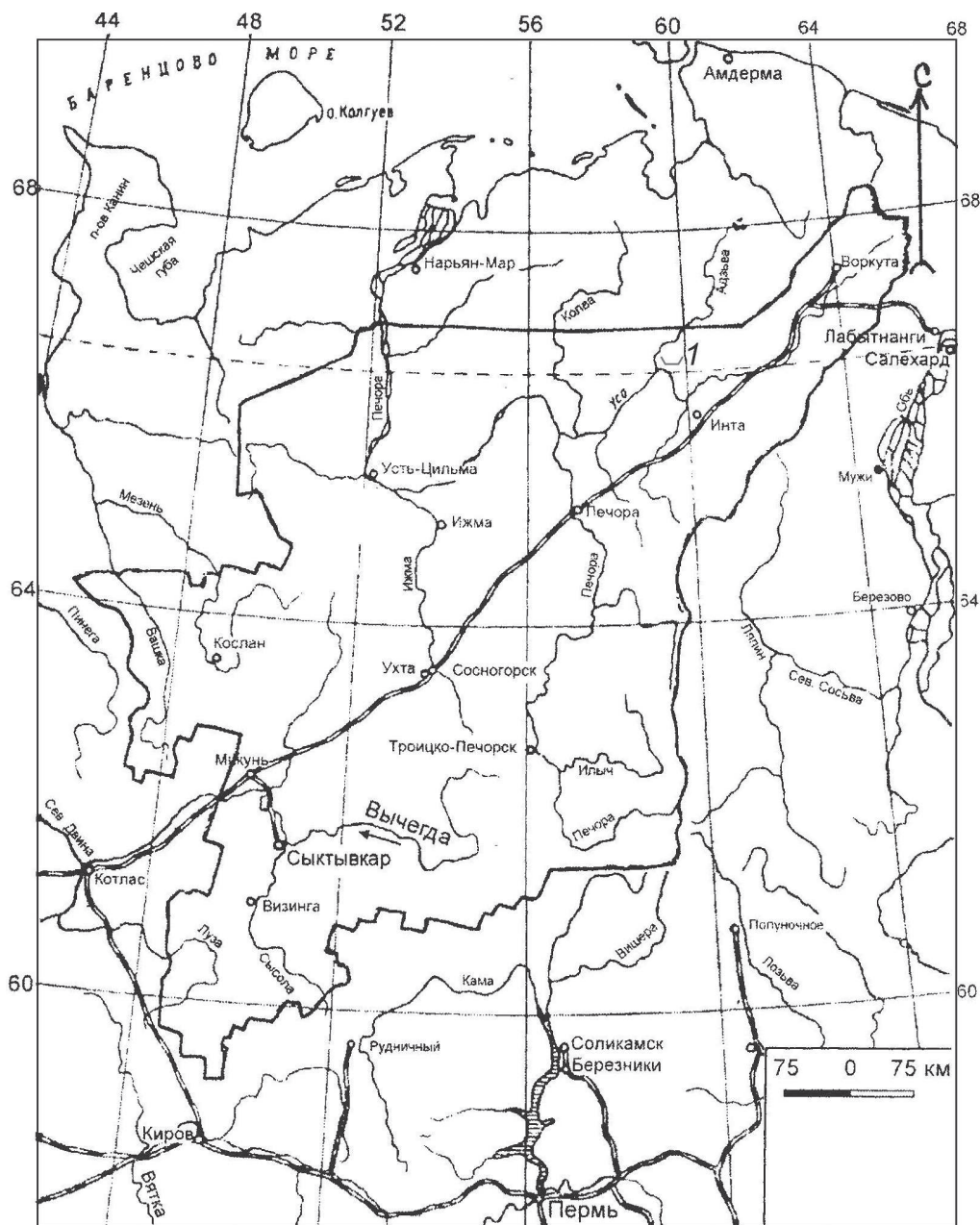

Рис. 1. Карта-схема расположения могильника на оз. Пожем-ты

го музея под руководством С. Ю. Васильева [Селезнева 2001, 141–143].

Могильник расположен на боровой террасе на берегу старичного озера Пожем-ты, приблизительно в 0,4 км ССВ от кладбища д. Адзьва Адзьвавомского с/с Интинского района Республики Коми и в 0,23 км к СВ от поселения эпохи бронзы Адзьва II. Могильник и поселение разделены небольшим логом (рис. 2). Склон террасы в месте подхода ее к озеру хорошо задернован, порос кустарником и деревьями. Терраса покрыта сосновым бором смешанного типа (бело-

мошник – зеленомошник). Могильник выявлен в ходе шурфовки на месте небольшой западины, хорошо заметной на поверхности террасы. Всего за время раскопок на памятнике изучена площадь 156 кв. м. Строение почвы в пределах раскопов полностью соответствовало структуре почвенных напластований на боровых террасах: 1) растительный слой мощностью 2–4 см; 2) подзол мощностью 3–40 см; 3) желтый материковый песок.

В ходе раскопок расчищены три могилы, четыре пятна прокалов, найдены бронзовые изделия, обломки глиняных сосудов, крем-

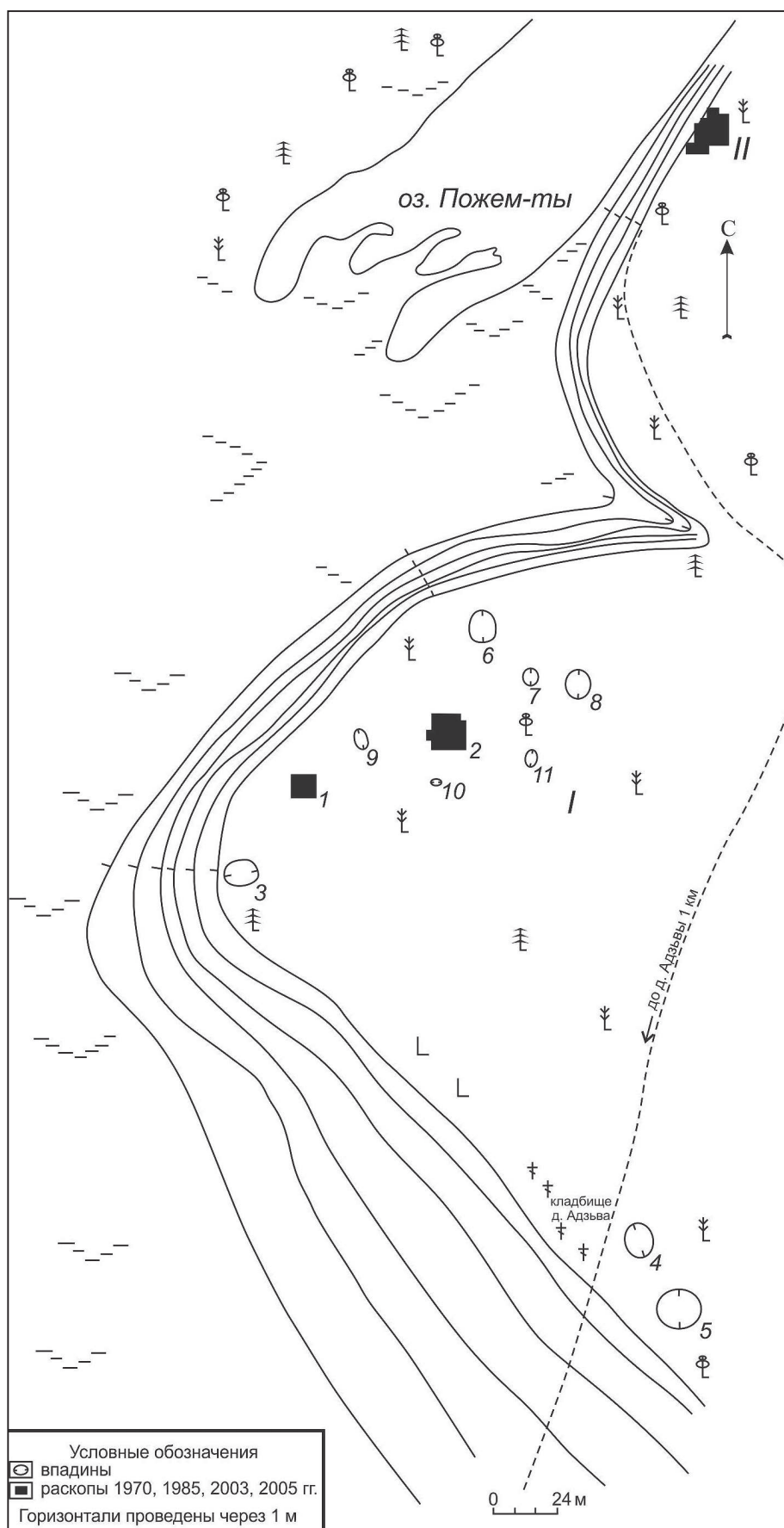

Рис. 2. Могильник на оз. Пожем-ты. Топографический план.
1 — поселение Адзъва; 2 — могильник Пожем-ты

Рис. 3. Могильник на оз. Пожем-ты. План раскопа

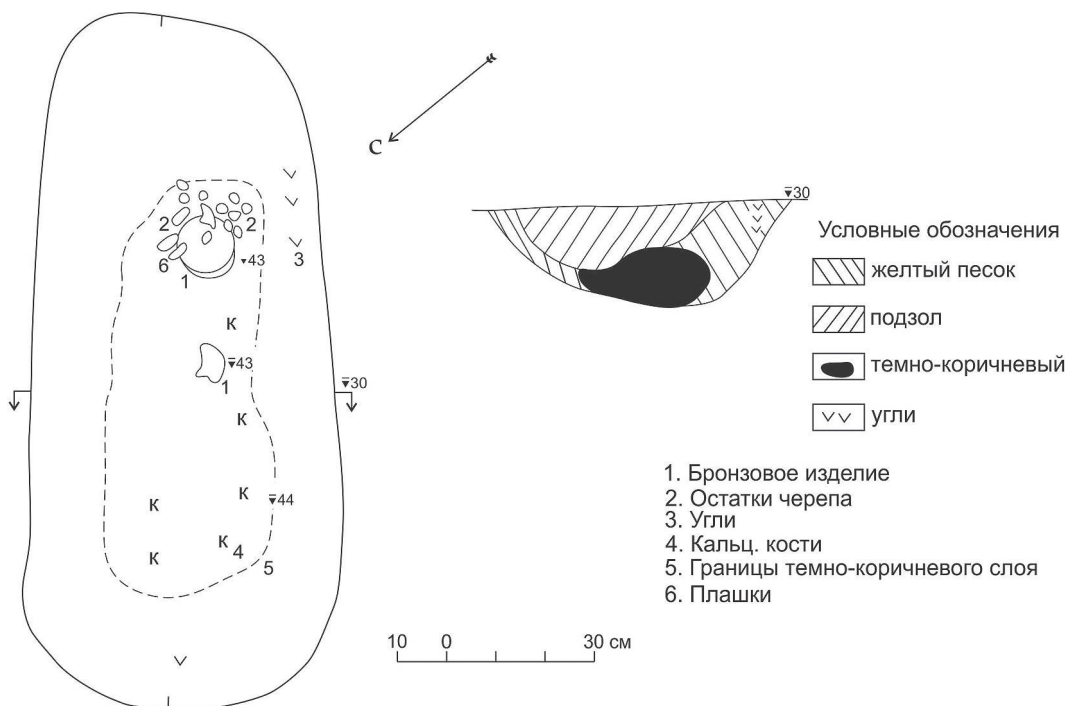

Рис. 4. Могильник на оз. Пожем-ты. План и профиль погребения № 1

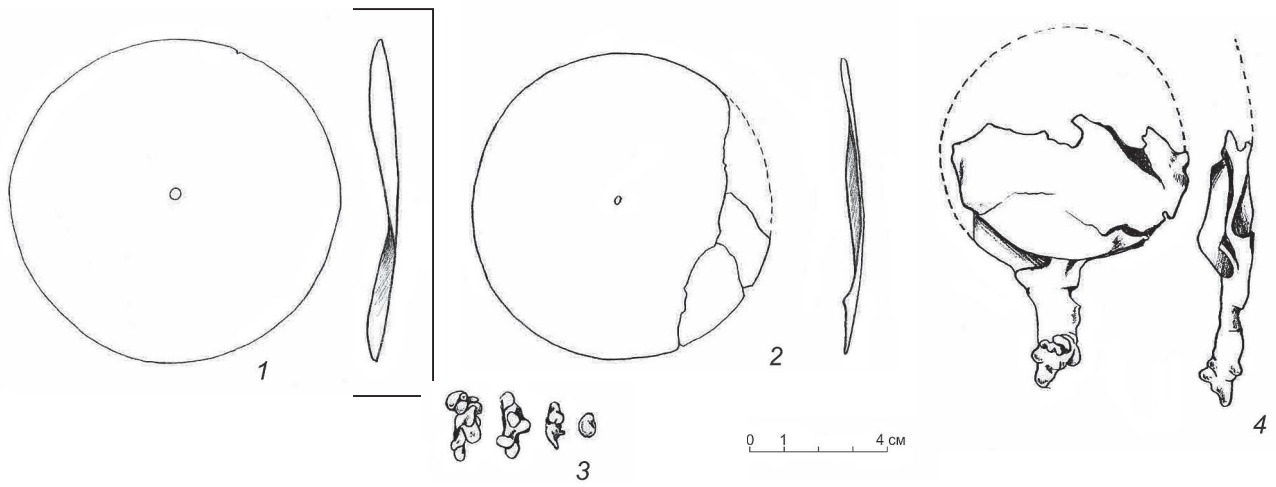

Рис. 5. Могильник на оз. Пожем-ты. Инвентарь погребения № 1.
1, 2 — бляхи, 3 — бронзовые слитки, 4 — зеркало (?)

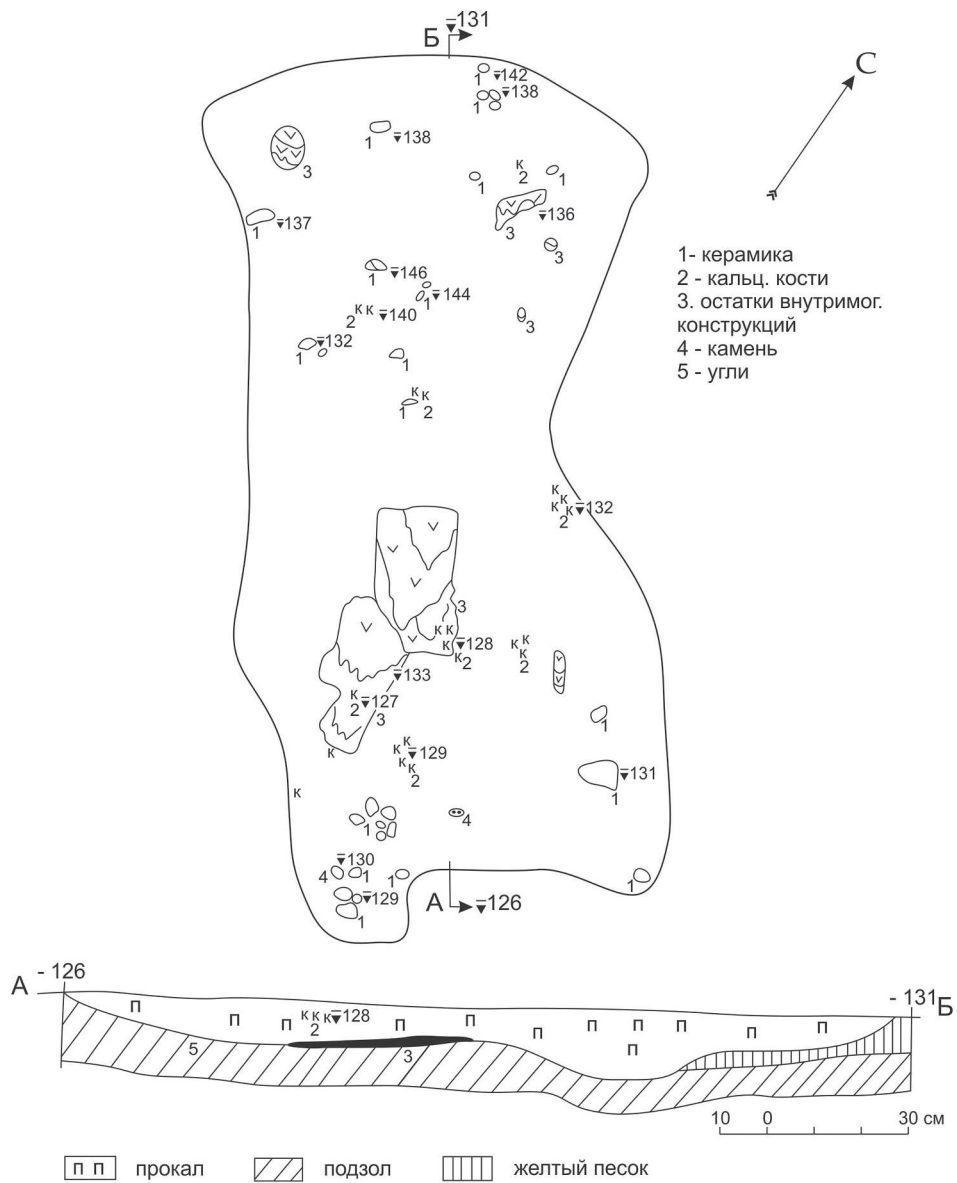

Рис. 6. Могильник на оз. Пожем-ты. План и разрез погребения № 2

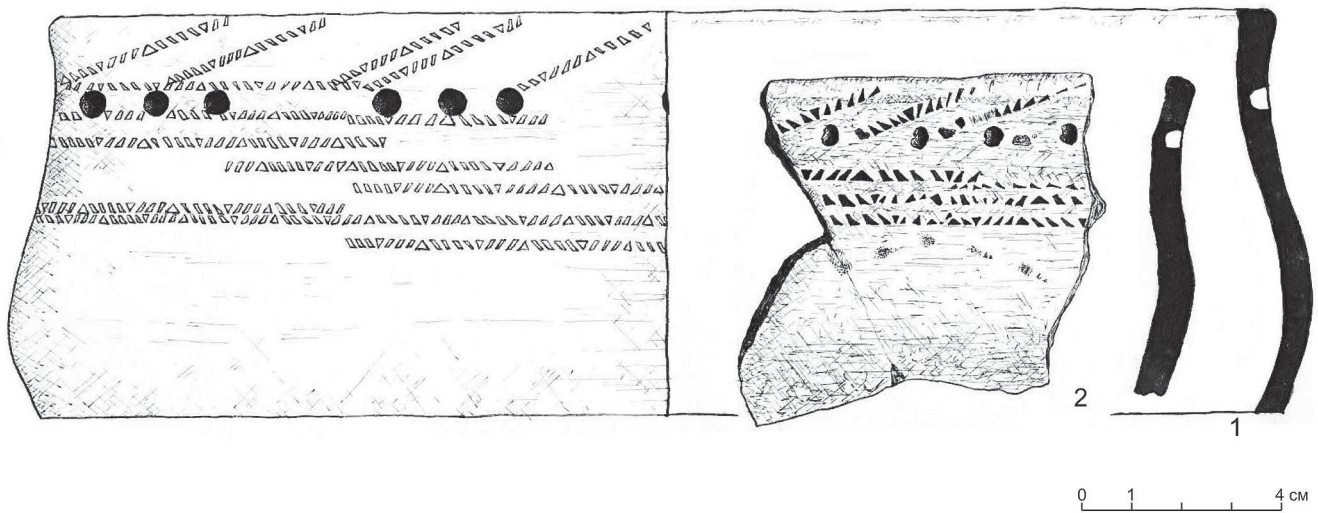

Рис. 7. Могильник на оз. Пожем-ты. Инвентарь погребения № 2. Керамика

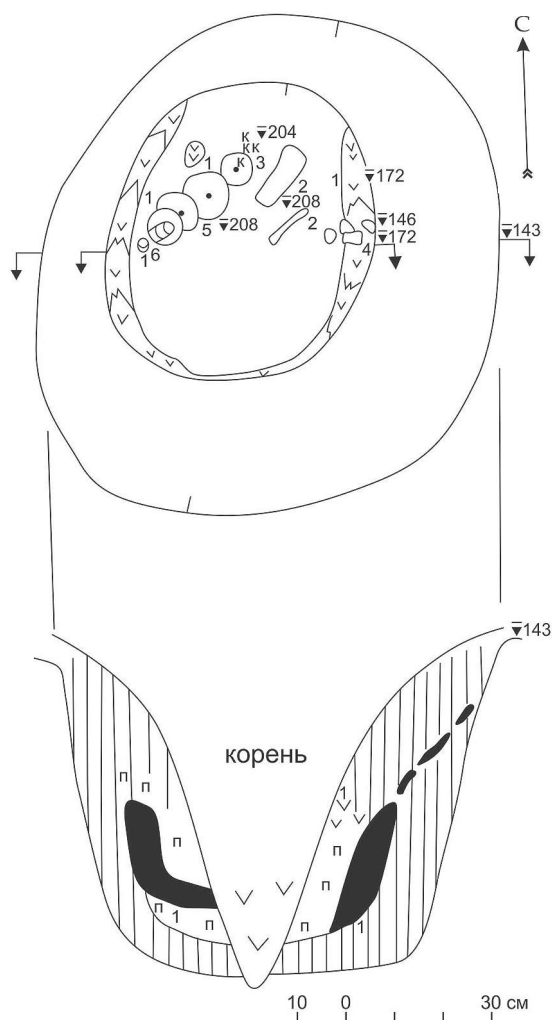
невый скребок и галька-отбойник. Все погребения и пятна прокалов № 1–3 обнаружены в 2001 и 2003 гг. на кв. Б-В/3-4 и Г-Е/2-3. Могила прослеживалась в виде пятен желтого пестрого и прокаленного песка на уровне желтого материкового песка. За пределами указанных квадратов прослежены только единичные находки и пятно прокала № 4 в раскопе I 2005 г., рядом с которым найдены фрагменты керамики, кремневый скребок и галька-отбойник (рис. 3).

Погребение 1 было выявлено в шурфе 2001 г. (кв. В/3 в общей сетке раскопов — рис. 3). Оно имело овальную в плане форму, наклонные стенки, неровное дно. СЗ стенка могильной ямы была на 4–5 см чем СВ. Захоронение совершено в яме размером 144×64 см, глубиной 18–23 см от уровня фиксации. Ориентировка — СЗ-ЮВ. Заполнение — подзол, желтый пестрый прокаленный с углями песок. На дне могилы под слоем подзола, в слое прокаленного песка, расчищены остатки внутри могильной конструкции овальной в плане формы размером 87×28–35 см, прослеженной в виде темно-коричневого пятна мощностью 5–12 см с остатками обгоревших плашек. На ней в ЮВ части расчищены обожженные кости черепа, две лежавшие друг на друге круглые бронзовые бляхи, в центре — найдено согнутое пополам бронзовое изделие округлой формы с ручкой (зеркало?), оплавлен-

ные куски бронзы. По всей площади пятна встречены мелкие кальцинированные кости (рис. 4, 5). Рядом с погребением, к СЗ от него, находилось пятно прокала овальной в плане и линзовидной в сечении формы (рис. 3, характеристику этих объектов см. в табл. 1).

Погребение 2 было расчищено на кв. В/4 вблизи погребения 1, чуть сзади и параллельно ему (рис. 3). Оно имело подпрямоугольную с неровными очертаниями контуров в плане и корытообразную в сечении форму, неровное дно. Ориентировка СЗ-ЮВ. Размеры: 175×63–90 см, глубина до 15 см от уровня фиксации. СЗ край могилы был на 5 см выше, чем ЮВ. Заполнение — красный прокаленный песок. На дне могильной ямы расчищены отдельные обугленные плашки от внутримогильного сооружения. Мелкие кальцинированные кости и фрагменты керамики зафиксированы на различной глубине по всей площади погребения. Скопление фрагментов двух глиняных сосудов, украшенных ямками и мелкими вдавлениями треугольной и трапециевидной формы, расчищены в ЮВ части захоронения (рис. 6, 7). Рядом с погребением на кв. В-Г/4 найдены фрагменты керамики и обломок глиняной фигурки (рис. 3).

Погребение 3 было обнаружено на кв. Д/2–3 к СВ от погребений 1 и 2 (рис. 3). На поверхности террасы на месте могилы фиксировалась небольшая западина от упавшего

Условные обозначения:

- 1 - остатки внутримог. сооружения
- 2 - «сырые» кости
- 3 - кальцинир. кости
- 4 - керамика
- 5 - бляхи
- 6 - перстни

▤ желтый смешанный песок

∨ угли

▢▢ прокол

Рис. 8. Могильник на оз. Пожем-ты.
План и разрез погребения № 3

дерева. Могильная яма в виде пятна желтого пестрого песка первоначально была расчищена на одном уровне с пятнами проколов 2 и 3 (рис. 3). Однако в ходе разборки ее контуры исчезли и на фоне однородного желтого песка не прослеживались. Вновь очертания могильной ямы удалось проследить только в ходе контрольного прокопа вдоль бровки

перед ее фиксацией. На глубине 40 см от современной дневной поверхности были выявлены обгоревшие остатки внутримогильных сооружений, уходящие в бровку с северной и южной стороны. В итоге в ходе раскопок удалось предположительно проследить следующую последовательность сооружения могилы. Первоначально была выкопана яма овальной в плане формы, ориентированная по ССВ-ЮЮЗ, имевшая размеры 108×98 см, глубину 64 см от уровня фиксации. В разрезе могильная яма имела слегка наклонные стенки и плоское дно. В верхней части погребения были расчищены обломки глиняного сосуда бичевницкого типа (рис. 8; 9, 1). Затем в могилу, приблизительно на 10 см выше от уровня дна, было установлено внутримогильное сооружение овальной в плане формы размером 64×53 см с прямыми стенками и плоским дном. Ориентировка ССВ-ЮЮЗ. Заполнение — желтый смешанный и красный прокаленный песок. На дне сооружения были расчищены фрагменты тазобедренных костей, ориентированные по линии СВ-ЮЗ. На костях правой ноги вытянуто в ряд, накладываясь друг на друга, лежали четыре бронзовые бляхи, а сверху них два бронзовых перстня с массивными овальными щитками (рис. 8; 9, 1–2, 4–7). В СВ части сооружения расчищены кальцинированные кости. С северо-запада к погребению примыкало пятно прокала 2, с востока — пятно прокала 3 (№ 3; табл.) В пятне прокала 3 найдены фрагменты керамики, аналогичной керамике из погребения 3.

Вещевой инвентарь, полученный в результате раскопок, представлен бронзовыми изделиями, фрагментами глиняной посуды, обломком глиняной фигурки, кремневыми скребком и отщепами, галькой-отбойником. Подавляющее большинство находок обнаружено в погребениях и пятне прокала 3. За пределами названных сооружений найдены отдельные фрагменты керамики, глиняная фигурка, кальцинированные косточки, кремневые отщепы, скребок и галька-отбойник (рис. 3).

Керамическая коллекция представлена фрагментами не менее чем шести сосудов

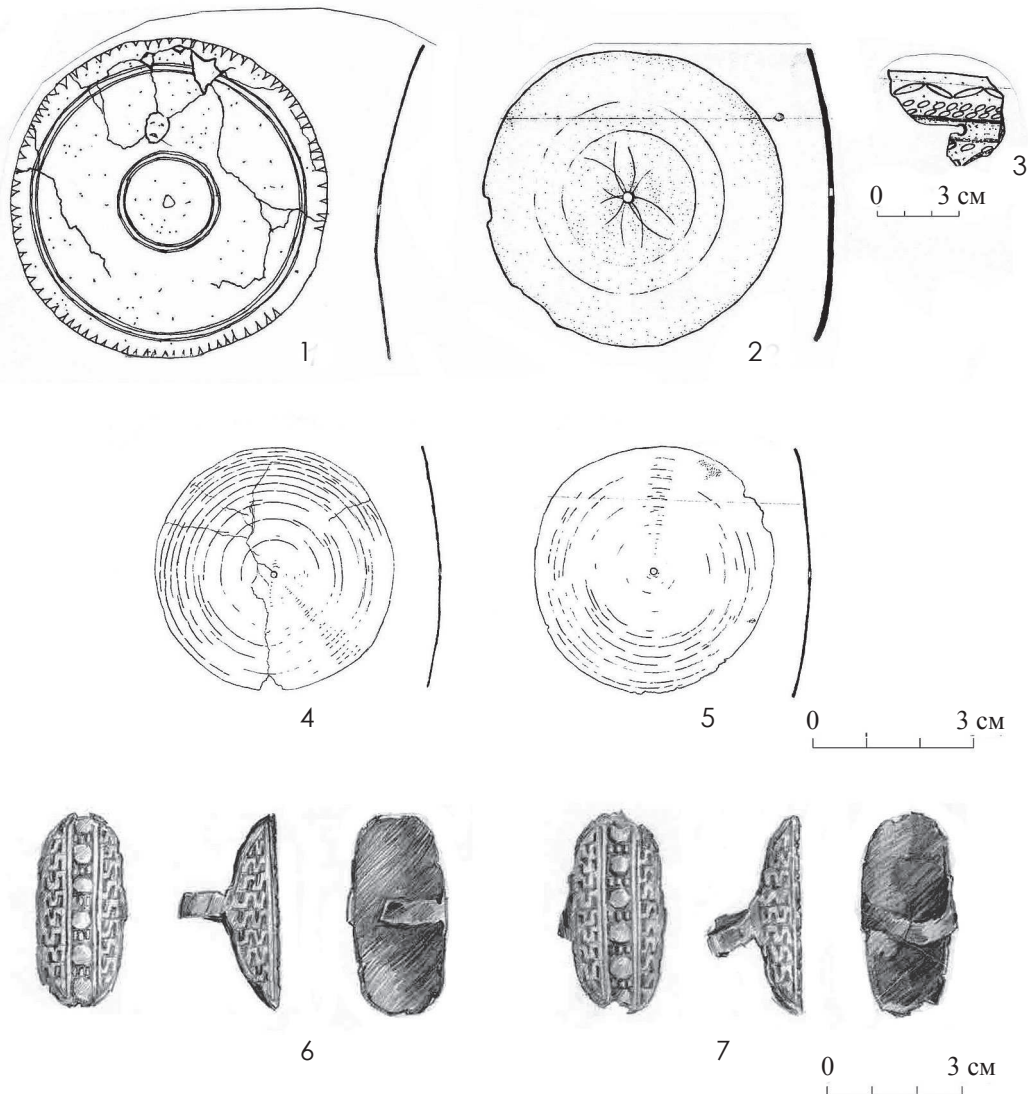

Рис. 9. Могильник Пожем-ты. Инвентарь погребения № 3.

1, 2, 4, 5 — бляхи, 3 — фрагмент сосуда, 6, 7 — перстни.

1-2, 4-7 — бронза, 3 — глина

чашевидной формы с минеральными примесями в глиняном тесте. Два сосуда чашевидной в плане формы, с хорошо выделенной шейкой и слабовыпуклыми плечиками найдены в погр. 2 (рис. 7, 1-2). Один из них диаметром 25 см имел плоский с выступом с внутренней стороны сосуда венчик, прямую высотой 2,2 см шейку. Орнамент располагался по шейке и в верхней части плечиков. Он был образован вертикальными наклонными рядами и горизонтальными линиями трапециевидных вдавлений и ряда сгруппированных по три круглых ямок (рис. 7, 1). Второй сосуд имел округлый, слегка скошенный наружу венчик, отогну-

тую наружу шейку высотой 2 см. Орнамент, так же как и на предыдущем, располагался по шейке и в верхней части плечиков. Он состоял из наклонных рядов и горизонтальных линий треугольной и трапециевидной формы, ряда ямок овальной формы, зигзага из вдавлений (рис. 7, 2). Еще один сосуд, фрагменты которого были обнаружены в погребении 3 и прокале 3, был орнаментирован горизонтальными рядами овальных вдавлений, зигзагом из насечек, ямками и каннелюрами (рис. 9, 3). Каннелюрами, круглыми ямками и овальными вдавлениями были украшены также фрагменты керамики, обнаруженной на кв. В/1 (рис. 10, 6).

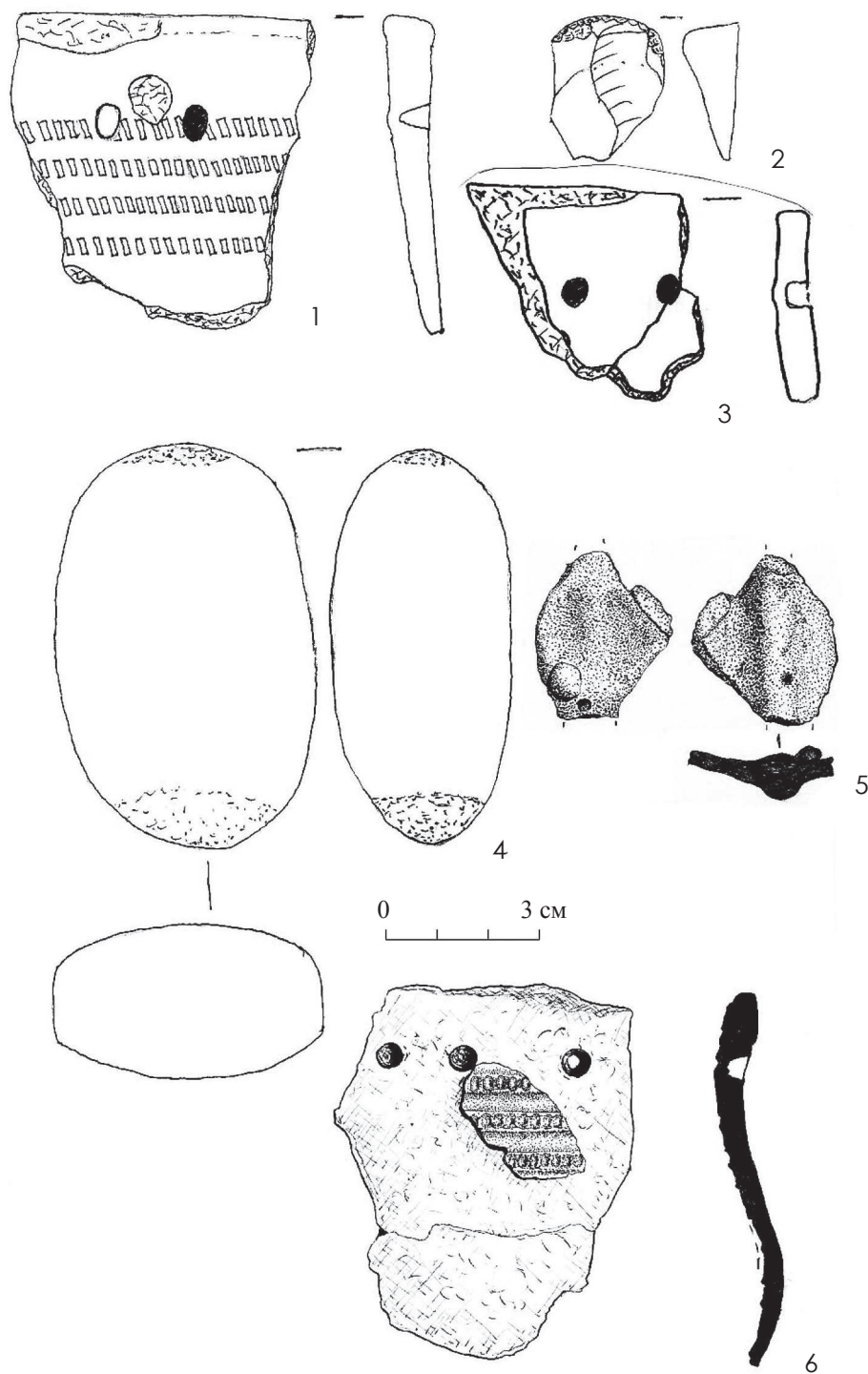

Рис. 10. Могильник на оз. Пожем-ты. Вещи из межмогильного пространства.
 1, 3, 6 — керамика, 2 — серебро, 4 — отбойник, 5 — глиняная фигурка

Сосуд имел уплощенный венчик, прямую высотой 1,7 см шейку, выпуклое тулово. Еще два сосуда представлены небольшими обломками шеек (рис. 10, 1, 3). Первый из них имел плоский, слегка скошенный наружу грибовидный венчик, прямую шейку высотой 2,4 см. Орнамент, состоящий из четырех

рядов наклонных оттисков прямоугольной формы и ямок, нанесенных поверх первого ряда оттисков, располагался в верхней части шейки. Фрагмент второго сосуда имел плоский венчик, шейку высотой 1,6 см, орнамент в сохранившейся части образован рядом круглых ямок.

Помимо керамических сосудов, в ходе раскопок найдена также сломанная глиняная фигурка птицы (?) (рис. 10, 5). Восстановить ее форму не представляется возможным.

В погребениях 1 и 3 было найдено шесть круглых бронзовых блях, различавшихся между собой размерами и декором. Четыре бляхи относятся к типу круглых сферических. Размеры 9, 9,2 и 9,7–9,8 см в диаметре. В центре изделий — отверстие для крепления к основе (рис. 5, 1–2; 9, 4–5). Еще одно изделие имело диаметр 11,4 см, отверстие для крепления к основе в центре, от которого в виде лучей отходили шесть лепестков, обрамленных двумя кругами (рис. 9, 2). Последняя бляха диаметром 11,7 см была изготовлена из зеркала с боковой ручкой-штырем, которая предварительно была отпилена. Изделие имело пробитое отверстие для крепления в центре, обрамленное двумя кругами, еще два круга нанесены у края предмета, край декорирован резным орнаментом. На бляхе прочерчено изображение человеческой личины (рис. 9, 1).

Редкой находкой для памятников эпохи железа на территории европейского Северо-Востока являются бронзовые массивные овальнощитковые перстни из погребения 3 (рис. 9, 6–7). Длина щитка 4,4–4,5 см, ширина — 2 см. Перстни орнаментированы шаровидными выпуклинами, под каждой из которых находятся по три мелких точечных выпуклины, гладкими рельефными линиями, сложным геометрическим узором,

представляющим собой три соединенных друг с другом ряда «уточек» (два ряда развернуты влево, один — вправо).

В погребении 1 найдено согнутое пополам изделие диаметром 7,5 см с оплавленной ручкой (зеркало?) (рис. 5, 4).

В ходе раскопок найдены отходы кремневого производства, скребок и галька-отбойник. Скребок — однолезвийный, изготовлен из кремня серого цвета. Рабочий край орудия обработан крутой ретушью (рис. 10, 2). Отбойник имел овальную в плане и линзовидную в сечении форму. С противоположных концов изделия отчетливо видны следы использования (рис. 10, 4).

Таким образом, для могильника характерны захоронения в небольших по размерам, неглубоких могильных ямах, ориентированных по линии СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ. Обряд захоронения — трупосожжение на стороне. В погребениях 1 и 3, наряду с кальцинированными, найдены «сырые» кости (обожженные кости черепа, фрагменты тазобедренных костей), что может свидетельствовать о неполной кремации. О большой роли огня в погребальном ритуале свидетельствуют прокаленный песок в засыпи могил, обожженные внутримогильные конструкции. Во всех могилах расчищены остатки внутримогильных сооружений. Погребальный инвентарь располагался в засыпи (керамика в погребении 3) и на дне могильных ям. Рядом с двумя из трех могил зафиксированы пятна прокалов. В межмогильном пространстве найдены немно-

Таблица 1

Характеристика пятен прокалов

№ пп	Местонахождение	Размеры	Ориентировка	Форма		Примечания
				в плане	в профиле	
1.	Кв. Б-В/3	89×65×4 см	С-Ю	Овальная	Линзовидная	—
2.	Кв. Г-Д/2-3	150×124×8 см	С-Ю	-«-	-«-	Под пятном прослежена углистая прослойка мощностью 2 см
3.	Кв. Д-Е/2-3	138×112×9 см	З-В	Неправильная	-«-	Под пятном прослежена углистая прослойка мощностью 2 см. В пределах пятна найдена бичевницкая керамика
4.	Кв. А-Б/6	94×64–77×2-5 см	СЗ-ЮВ	Трапециевидная	-«-	Найден фрагмент неорнаментированной керамики

численные каменные и глиняные предметы. По своим характеристикам могильник на оз. Пожем-ты близок захоронениям первой половины I тыс. н. э. на Шиховском могильнике [Васкул 2002, 17–20].

Датировка изученных захоронений устанавливается по радиоуглеродной дате, аналогиям бронзовым изделиям из погребений 1 и 3. Радиоуглеродная дата по образцам древесного угля из погребения 3: 1880+/-18 BP и на ее основе две калиброванные даты: вероятность 68,2 % 80 AD (64,7 %) 140 AD, 160 AD (2,6 %) 170 AD, 200 AD (0,9 %) 210 AD; вероятность 95,45 %: 70 AD (95,4 %) 220 AD (LE 8665). Круглые сферические бляхи с отверстием в центре (тип 1 подтип 1 по классификации Р. Д. Голдиной, А. А. Красноперова — [Голдина, Красноперов 2012, 18, схема 3] были широко распространены на памятниках Волго-Камья в I–III вв. н. э. [Генинг 1970, 163; Голдина 1999, 223]. В частности, подобные изделия найдены в погребении 315 могильника Ныргында I, датированного последней четвертью II – первой четвертью III в. н. э. [Голдина, Красноперов 2012, 47, табл. 42, 4]. Известны подобные изделия в памятниках кулайской общности [Чемякин, 2008, рис. 83, 8]. Бляхи, украшенные прочерченным орнаментом в виде лепестков цветка и концентрическими кругами, представлены в комплексах I–II вв. н. э. археологических культур Волго-Уральского региона, например, в погребениях хронологической группы II вв. н. э. Красноярского I могильника [Казанцева 2012, 106, рис. 1, 3]. В Западной Сибири аналогичная бляха найдена в погребении 1 могильника кулайской общности Барсов городок III, на святилище Барсов городок I/9, причем на бляхе со святилища, так же как и на нашем экземпляре, имеются изображения человеческих личин [Чемякин 2008, рис. 80, 4, 16]. Как полагает Ю. П. Чемякин, верхняя дата Сургутского варианта кулайской общности, по всей вероятности, не выходит за пределы III в. н. э. [Чемякин 2008, 92].

Бронзовые зеркала с боковой ручкой-штырем и украшения из них были широко распространены во второй половине I тыс.

до н. э. – начале I тыс. н. э. [Степи европейской части..., 174, 187–188]. В связи с этим изготовленная из зеркала бляха с насечками по краю из погребения 3 также не противоречит датировке погребений первыми веками нашей эры. Плоское бронзовое зеркало (?) из погребения 1 обнаруживает близость зеркалам среднесарматского периода [Степи Евразии..., 187]. Наиболее близки по размерам зеркала типа 1.6 по А. С. Скрипкину [Скрипкин 1990, 104]. К сожалению, ручка зеркала из раскопок на оз. Пожем-ты оплавлена, что не позволяет безоговорочно отнести это изделие к типу 1.6. Датировка этого типа изделий конец I тыс. до н. э. – I – начало II в. н. э. [Скрипкин 1990, 153, рис. 44]. Подобные зеркала найдены на кулайском святилище Барсов городок I/9 в Сургутском Приобье [Чемякин 2008, 87, рис. 87, 13, 18]. Все это дает возможность датировать находку из погребения 1 могильника на оз. Пожем-ты первыми веками нашей эры.

Об аналогиях бронзовым овально-щитковым перстням из погребения 3 и об аналогиях им авторы писали в предварительной публикации [Селезнева, Васкул 2004, 55–56]. С момента выхода этой статьи коллекция перстней, подобных найденным на оз. Пожем-ты, пополнилась [Бауло 2009, 97, рис. 4а, 98; Гусев, Федоров 2012, рис. 32, 17–18]. Ю. В. Ширин, исходя из наличия на могильнике бичевницкой керамики, высказал предположение о том, что могильник возник не ранее второй четверти I тыс. н. э. Этим же временем, по всей видимости, исследователь датирует и перстни из погребения 3, подчеркивая, что И. О. Васкул и О. М. Селезнева относят «на основании радиоуглеродного датирования комплексы первыми веками н. э. (не исключая III в.). К сожалению, маловыразительный инвентарь из погребений этого могильника не уточняет хронологию памятника. Декоративные особенности многих перстней с овальными щитками из Нижнего Приобья и Северного Зауралья не исключают вероятность появления этого типа изделий именно в это время, но уверенности в этом нет» [Ширин 2014, 49].

Как было сказано выше, керамический комплекс могильника на оз. Пожем-ты представлен обломками не менее чем шести сосудов. Аналогии глиняной посуде из погребения 2 на археологических памятниках первой половины I тыс. н. э. на территории ЕСВ авторам неизвестны. В коллекции представлены два сосуда бичевницкого культурного типа. Представления о генезисе и хронологических рамках этого культурного типа с момента выделения его В. И. Канивцом не оставались неизменными [Мурыгин 1997, 483–487, 505–507 и сл.]. При этом необходимо отметить, что датировка памятников определялась на основании материалов из раскопок поселений и святилищ, в которых, помимо бичевницких, были материалы как более ранних, так и более поздних культур, что и послужило, наряду с концептуальными представлениями исследователей о культурно-хронологическом развитии региона в эпоху железа и раннего Средневековья, основанием для разнобоя в датировках. Только в 1990–2000-е гг. были открыты первые погребальные комплексы с бичевницкой керамикой, получены радиоуглеродные датировки. В настоящее время нижняя хронологическая граница бичевницких памятников определяется второй четвертью I тыс. н. э. [Васкул 1997, 379; 2002, 19; Мурыгин 1997, 506; 2007, 207]. В процессе раскопок были найдены обломки еще двух сосудов. Керамика, подобная этим сосудам, имеет на территории ЕСВ широкий период бытования на памятниках археологических культур раннего железного века и эпохи Средневековья.

Как представляется, аналогии вещевому инвентарю исследованных погребений, радиоуглеродная дата позволяют датировать памятник первыми веками I тыс. н. э. Возможно, наиболее вероятной датой совершення захоронений является III в. н. э.

Могильник на озере Пожем-ты является третьим погребальным памятником эпохи раннего железа в бассейне р. Печоры. Его материалы, наряду с данными, полученными в ходе исследований могильников Новый Бор I и Шиховского, позволяют проследить

развитие погребального обряда населения Печорского При- и Заполярья в середине I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э., охарактеризовать обычаи, связанные с захоронением умерших у населения этого региона в раннем железном веке. Необходимо также отметить и тот факт, что памятник расположен на одном из водных путей соединяющих Нижнее Приобье и ЕСВ, и полученные в ходе раскопок могильника материалы отражают этнокультурные связи населения этих двух регионов Севера Евразии.

Литература

Археологическая карта Республики Коми. / Отв. редактор В. Н. Карманов. — Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. — 416 с. — с илл.

Бауло, А. В. Сокровища священной реки / А. В. Бауло // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: Наука, 2009. — Вып. 1 (37). — С. 95–100.

Васкул, И. О. Погребения эпохи железа на нижней Печоре / И. О. Васкул, С. М. Плюнин // Актуальные проблемы истории Коми АССР. — Сыктывкар: Деп. в ИНИОН АН СССР. — № 41756, 1990.

Васкул, И. О. Памятники гляденовской культурной общности / И. О. Васкул // Археология Республики Коми. — М.: ДиК, 1997. — С. 349–399.

Васкул, И. О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) / И. О. Васкул // Научные доклады. Коми научный центр УрО РАН. — Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. — Вып. 451. — 52 с.

Васкул, И. О. Работы Усть-Цилемского археологического отряда / И. О. Васкул, О. А. Лысков, О. М. Селезнева // АО. — 2003. — М.: Наука, 2004. — С. 23–25.

Генинг, В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху / В. Ф. Генинг. — Ижевск: 1970. — 256 с.

Голдина, Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа / Р. Д. Голдина. — Ижевск: Изд-во УдГУ, 1999. — 464 с.

Голдина, Р. Д. Конструктивная и хронологическая классификация Ныргындинского I могильника / Р. Д. Голдина, А. А. Красноперов // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция. — Ижевск: 2012. — С. 9–104.

Гусев, А. В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. / А. В. Гусев, Н. В. Федорова. — Салехард: Северное издательство, 2012. — 60 с.

Казанцева, О. А. Хронология погребальных комплексов Красноярского I могильника / О. А. Казанцева // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция. — Ижевск: 2012. — С. 105–112.

Королев, К. С. Джудждыг — многослойный памятник на Вычегде / К. С. Королев // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. — Сыктывкар: 1978. — Вып. 7. — С. 71–86.

Королев, К. С. Погребальный обряд населения Средней Вычегды в эпоху раннего железа и Средневековья / К. С. Королев // Проблемы этногенеза народа коми. — Труды Института языка, литературы и истории. — Сыктывкар: 1985. — Вып. 36. — С. 35–44.

Королев, К. С. Угдымский археологический комплекс на Средней Вычегде (эпоха железа) / К. С. Королев. — Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. — 112 с.

Мурыгин, А. М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья / А. М. Мурыгин // Археология Республики Коми. — М.: ДиК, 1997. — С. 478–560.

Мурыгин, А. М. Миграционный фактор как основной вектор формирования

и развития культур Северного Приуралья / А. М. Мурыгин // Экология древних и традиционных обществ. — Тюмень: 2007. — Вып. 3. — С. 205–208.

Селезнева, О. М. Проблемы археологии Интинского района и роль краеведческого музея в их планомерном решении на современном этапе и в перспективе / О. М. Селезнева // Музеи и краеведение. — Сыктывкар: 2001. — С. 141–143.

Селезнева, О. М. Новые данные об этнокультурных связях населения европейского Северо-Востока и Зауралья в эпоху железа / О. М. Селезнева, И. О. Васкул // Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем севере Евразии. — Сб. науч. тр. — Сыктывкар: 2004. — Вып. 1. — С. 52–57.

Скрипкин, А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект / А. С. Скрипкин. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. — 300 с.

Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Циклсерия / Коллектив авторов, под ред. Б. А. Рыбакова. — М.: Наука, 1989. — 464 с.

Стоколос, В. С. Археологическая карта Коми АССР / В. С. Стоколос, К. С. Королев. — М.: Наука, 1984.

Чемякин, Ю. П. Барсова гора: очерки археологии сургутского Приобья. Древность / Ю. П. Чемякин. — Сургут – Омск: Омский дом печати, 2008. — 224 с., 99 рис.

Чернов, Г. А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры / Г. А. Чернов. — М.: Наука, 1985. — 168 с.

Ширин, Ю. В. Хронология Няксимволя / Няксимволь / Ю. В. Ширин. — Томск – Ханты-Мансийск: Изд-во Томского университета, 2014. — С. 33–52.

А. М. Мурыгин
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН,
Сыктывкар, Россия
E-mail: alek-murygin@yandex.ru

АРКТИЧЕСКИЙ РЕГИОН КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и интерпретации археологических источников эпохи железа регионов Большеземельской и Малоземельской тундр, а также северного Припечорья. Автор рассматривает материалы 95 памятников эпохи железа, из которых 19 подвергались раскопкам. Он анализирует керамику с этих памятников, выделяя три культурно-хронологических типа глиняной посуды, рассматривает различные инокультурные влияния, отразившиеся в этих комплексах. Предлагает выделение нового, новоборского типа памятников, который, по его мнению, может быть связан с летописной Печерой. В заключении делается вывод о том, что формирование средневекового населения тундровой полосы крайнего северо-востока Европы происходило в условиях перманентной внутрорегиональной диффузии при существенном влиянии в форме инфильтрации или инвазии со стороны групп населения из западносибирского культурного ареала или их перманентном присутствии в регионе.

Ключевые слова: Большеземельская и Малоземельская тундры, Припечорье, культурно-хронологический тип, инфильтрация.

Введение

Археологические работы в заполярных и приполярных областях севера-востока Европы, в том числе в бассейне Печоры, являющиеся составной частью арктической археологии, имеют фундаментальное значение для решения проблем освоения высоких широт европейского континента в разные эпохи древней истории и этногенеза народов циркумполярной области Евразии.

Основа ландшафта территории исследования — Большеземельская и Малоземельская тундры. Обе природные зоны располагаются в арктическом и субарктическом климатических поясах и представляют собой безлесную зону с низким и не всегда сплошным растительным покровом. Большеземельская тундра — это холмистая моренная равнина, ограниченная с запада нижним течением р. Печора, с юга — долиной р. Уса (правый приток р. Печора), с вос-

тока — Полярным Уралом, с севера и северо-востока — побережьем Баренцева моря и хребтом Пай-Хой. Между Тиманским кряжем и низовьями Печоры располагается Малоземельская тундра. Ее рельеф также равнинный, лишь вдоль побережья Баренцева моря есть морские террасы, а центральную часть занимает слабохолмистая моренная равнина с отдельными холмами и грядами. Южную границу тундры принимают за начало Арктики. Зона тундр подразделяется на три подзоны: арктических, типичных (мохово-лишайниково-кустарничковых) и южных (кустарниковых) тундр. По южной окраине тундры располагается переходная зона лесотундры, лежащая в основном к северу от полярного круга. Леса здесь представляют собой редколесье, состоящее из ели с участием березы.

К числу до конца не решенных вопросов археологии этой обширной территории относятся хронология, генезис и этнокультур-

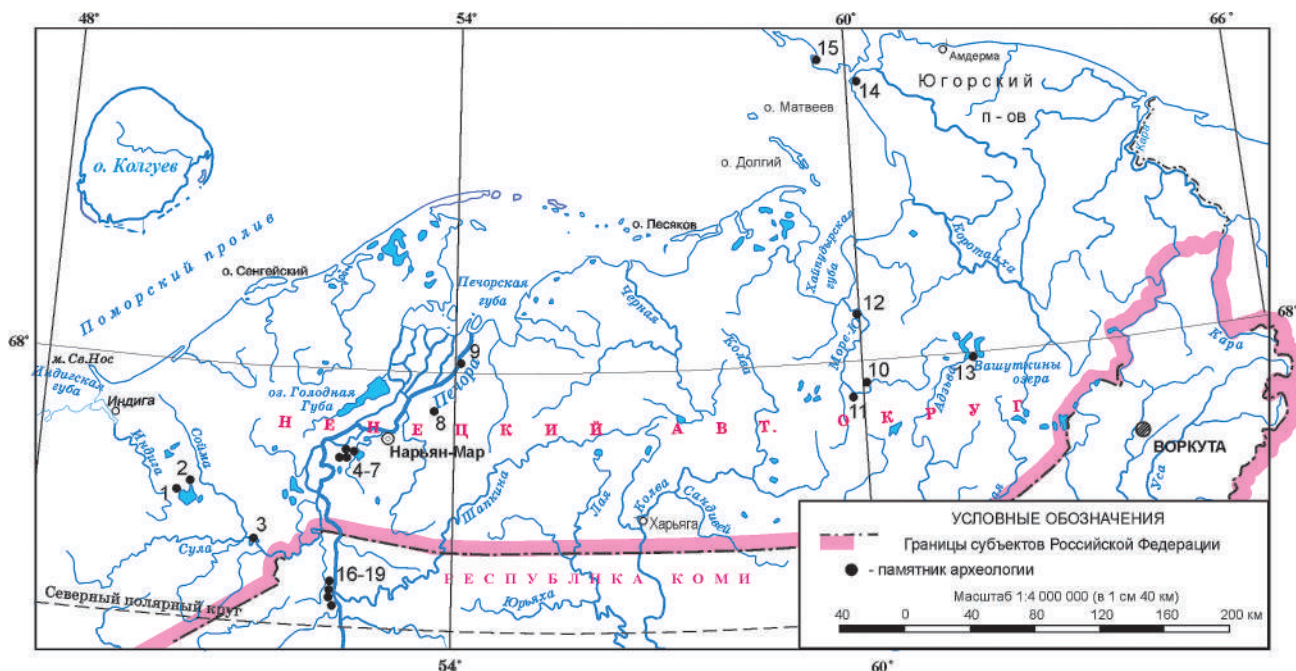

Рис. 1. Археологические памятники позднего железного века Заполярных областей крайнего северо-востока Европы. Карта расположения. 1 — поселение Сударма I; 2 — поселение Минина виска I; 3 — поселение Коткино I; 4 — Гнилка городище; 5 — Гнилка святилище; 6 — городище Кобылиха; 7 — поселение Югорская сопка, 8 — стоянка Салиндейты 3; 9 — Ортинское городище; 10 — поселение Море-ю II; 11 — Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место; 12 — поселение Хутыюнкосе I; 13 — поселение Коматывис I; 14 — поселение Мыс Входной; 15 — поселение Карпова Губа; 16–19 — городища Новый Бор I–IV

ная принадлежность средневековых памятников. Их актуальность вытекает из прямого отношения к изучению происхождения современного населения тундровой зоны — ненцев. Вместе с тем источниковая база по эпохе Средневековья из районов Крайнего Севера европейского Северо-Востока не презентативна, территория изучена неравномерно. Археологические работы в тундровых районах Европейской части России до сих пор носят эпизодический характер. Абсолютное большинство обнаруженных памятников (как в прошлом, так и в настоящем) представлено сборами подъемного материала на участках развеиваемых песков.

К настоящему времени в тундровой зоне Северо-Востока Европы известно уже более чем 400 памятников археологии, большая часть из которых была открыта геологом Г. А. Черновым [Чернов 1985]. Из них не менее 96 можно отнести к различным этапам эпохи железа. Однако археологических памятников с исследованным раскопками куль-

турным слоем, материалы которых могут пролить свет на проблему этногенеза ненцев, очень немного — их количество не превышает 19 (рис. 1). Они расположены в разных частях (прибрежно-береговой и континентальной) Мало- и Большеземельской тундры, на островах, разнотипны (поселения, городища, святилища), разновременны (от второй четверти или середины I тыс. н. э. до XIII–XIV в. н. э.), имеют разную степень изученности (от шурфов до почти 1 000 кв. м раскопанной площади). Вещевой инвентарь представлен в основном керамикой. Изделия из металла, стекла и кости сосредоточены в культурном слое шести памятников — городищ Ортинское и Гнилка, святилища (?) Гнилка на западе, Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места в центре (около 300 км к востоку от предшествующих), поселений Мыс Входной и Карпова Губа на северо-востоке (около 200 км от жертвенного места). Они, как правило, корректно не увязываются с керамическим материалом и более всего создают в основном предпосылки пре-

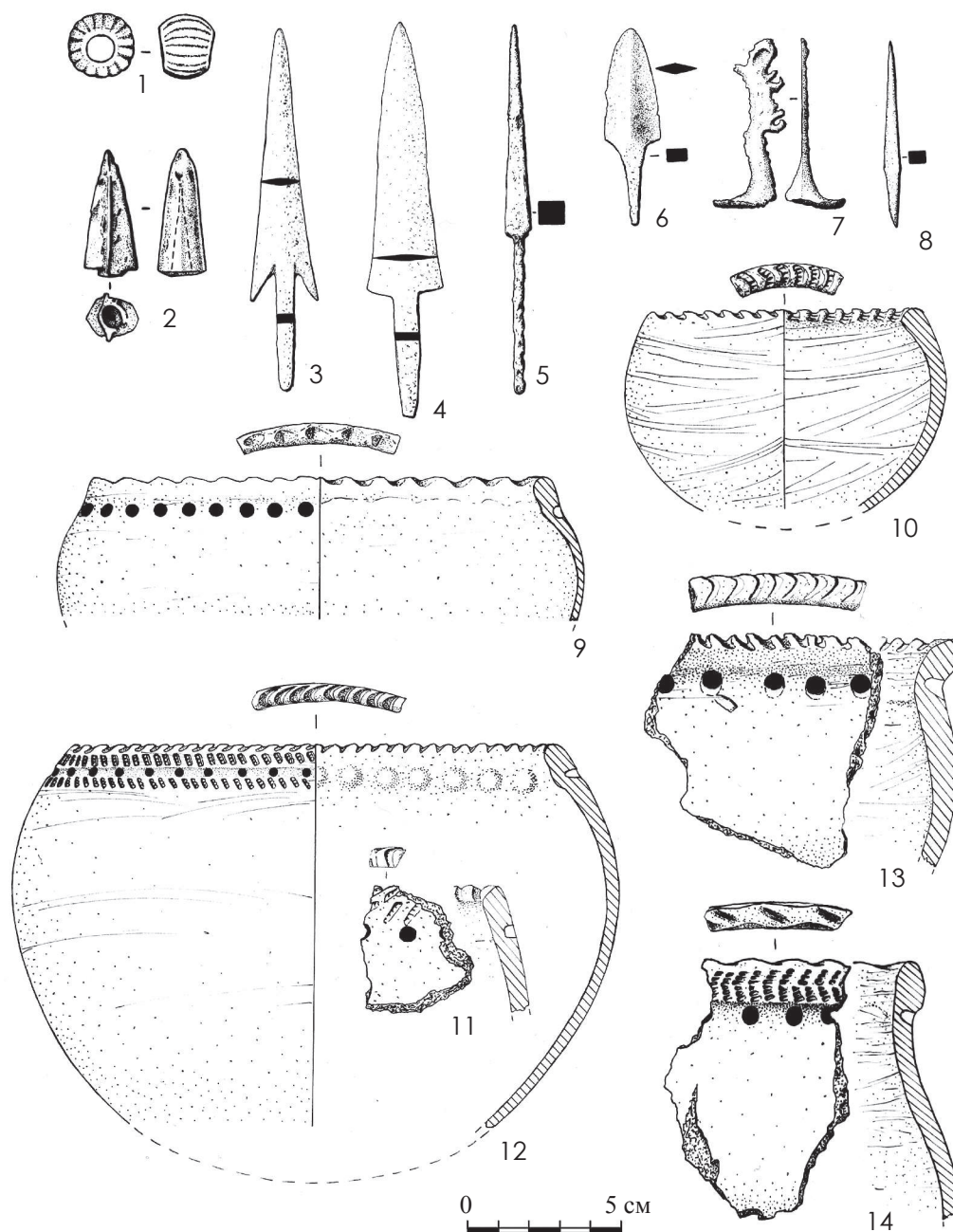

Рис. 2. Поселение Море-ю II. Вещевой инвентарь памятников типа «Море-ю»
1 — стекло, 2, 7 — цветной металл, 3–6, 8 — железо, 9–14 — керамика

имущественно для реконструкции торговых и культурных связей, хозяйственных занятий населения и т. п. В остальных случаях индивидуальные находки единичны.

Таким образом, очень трудно, если сейчас вообще возможно, создать адекватное и полное представление о Средневековье тундровой зоны, с точки зрения материальной культуры, этнокультурных особенностей оставивших их коллективов и тех процессах, которые происходили здесь в это

время. Основным источником в изучении этих вопросов продолжает оставаться наиболее массовая категория находок — керамика, общая схема развития которой представлена в настоящей статье.

Интерпретация фактов

Не вдаваясь в подробное описание керамического инвентаря памятников (все они нашли отражение в научной литературе),

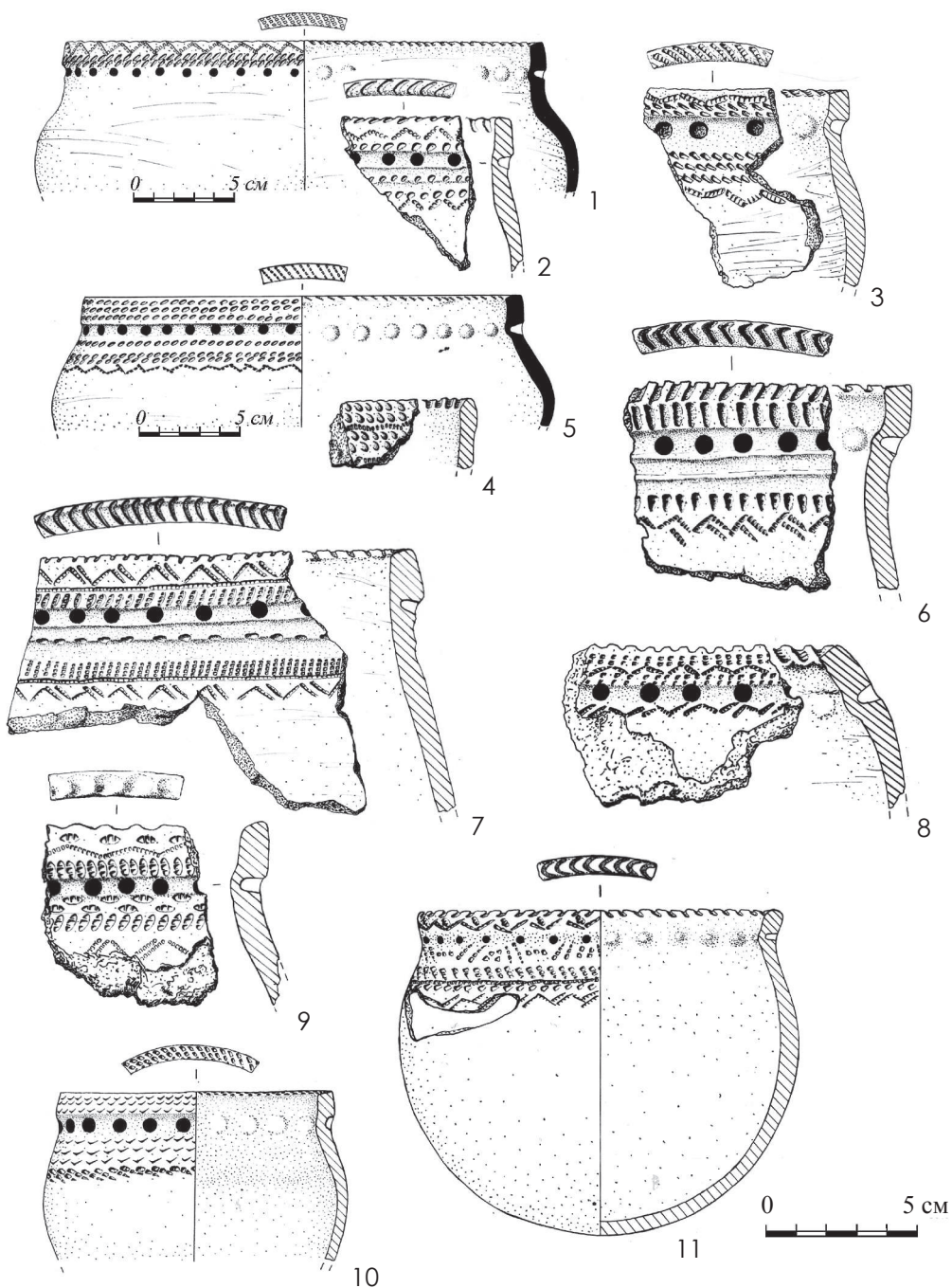

Рис. 3. Поселение Море-ю II. Керамика типа «Море-ю»

кратко остановимся на некоторых выводах, полученных при его исследовании.

Сравнительно-типологический анализ керамических материалов эпохи Средневековья, проведенный в 90-е годы прошлого столетия, позволил предварительно выделить три культурно-хронологических типа глиняной посуды второй половины I тыс. н. э. Они представлены типами *Море-ю*, *Хутьюнкосе*, *Коматывис* (рис. 2–7), что соответ-

ствует последовательным этапам развития в Мало- и Большеземельской тундрах «субарктической» археологической культуры, ареал которой был предопределен специфическими условиями проживания и хозяйствования в тундровой зоне. Такой вывод был сделан на основании морфологического сходства посуды этих этапов и бытования их преимущественно в тундровой зоне. Памятники с аналогичной керамикой отнесе-

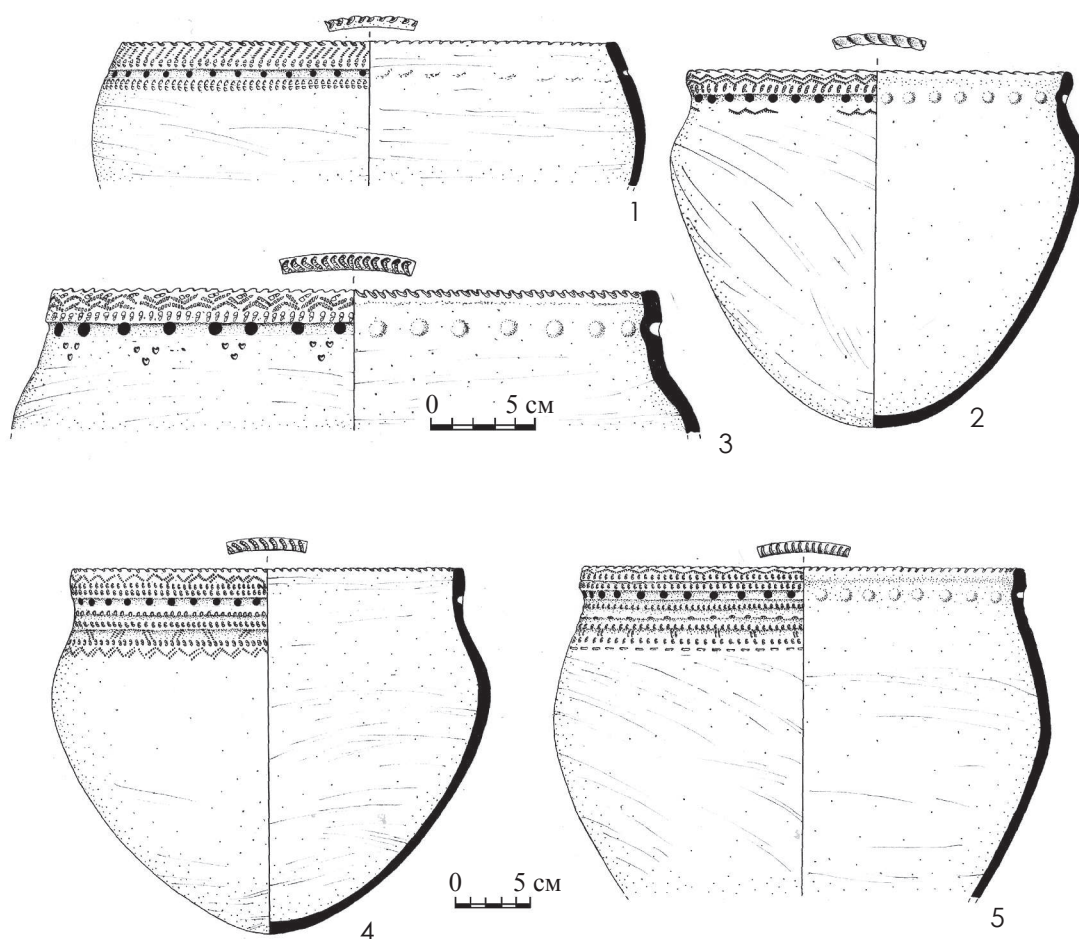

Рис. 4. Поселение Море-ю II. Керамика типа «Море-ю»

ны к местной культуре охотников на дикого северного оленя субарктической зоны северо-востока Европы, связанной своим происхождением с нижнеобско-ямальским (угорским или самодийским по этнокультурной принадлежности) кругом археологических культур [Мурыгин 1992; 1997, рис. 18, 19]. Множество отдельных фрагментов керамики, в той или иной степени близких сосудам типа *Море-ю*, *Хутыюнкосе* и *Коматывис*, рассеяны на десятках стоянок Большеземельской тундры [см. публикации Г. А. Чернова]. Морфология большинства из них не выходит за массив признаков формы и орнамента, характеризующих выделенные типы глиняной посуды.

Немногочисленные, но наиболее актуальные сведения по заселению тундровой зоны северо-востока Европы в эпоху Средневековья дали сборы на поверхности разрушенных стоянок Покойничный I, Лямчин III-IV,

Наульто, Нэбтеяха I и II, Талотаяха IV, местонахождений Яйяха I-IV, выявленных в последние два десятилетия в прибрежно-береговой и континентальной части Мало- и Большеземельской тундры [Мурыгин, Карманов, Кленов 2012, рис. 2, 5, 7; 11, 6-8; 14; 16]. Наиболее ранние среди них — стоянки Нэбтеяха I и II. Характерная деталь орнамента сосуда со стоянки Нэбтеяха I — узор в виде оттисков звериной («медвежьей») лапы, находит аналогии на памятниках таежной зоны европейского Северо-Востока. Этот элемент орнаментации прослежен на глиняной посуде сер. I тыс. н. э. бассейна р. Вычегда поселения Угдым III [Королев 1989], на сосудах второго типа жертвенного места в Канинской пещере на верхней Печоре [Канивец 1964, рис. 45, 6]. В. И. Канивец полагал, что такая канинская керамика имеет ближайшие параллели в нижнеобской посуде I тыс. н. э. и относится к кругу

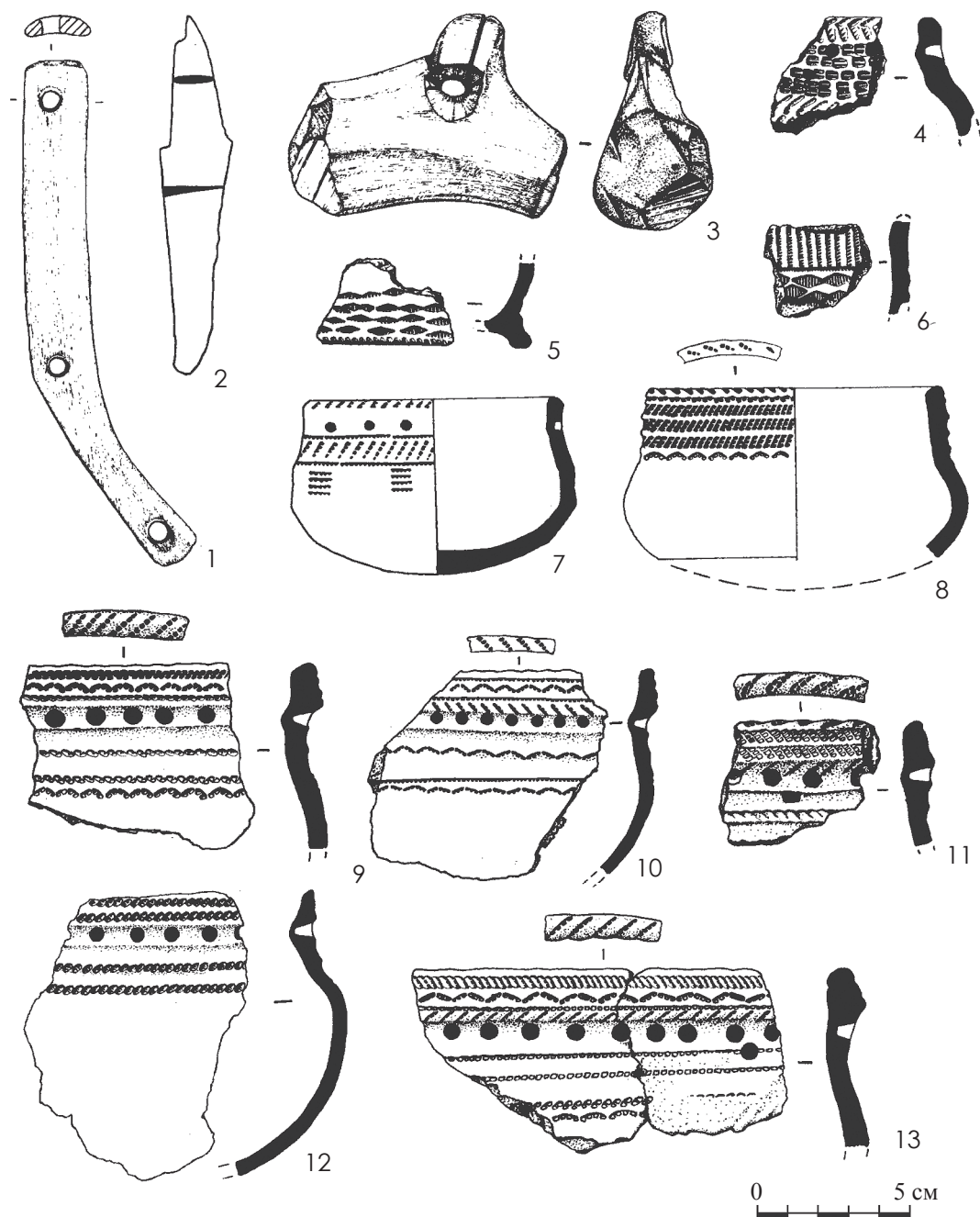

Рис. 5. Поселение Хутыюнкосе I. Вещевой инвентарь памятников типа «Хутыюнкосе». 1, 3 — кость, 2 — железо, 4–13 — керамика

нижнеобских культур эпохи Средневековья, но такие ее черты, как отпечатки в виде четырехпалой лапы, он относил к местным элементам орнаментации печорской керамики [Канивец 1964, 118]. Однако описываемый сосуд со стоянки Нэбтеяха I по примесям в глине, орнаменту, композиции узоров (утолщенный венчик, каннелюры, окаймляющий композицию зигзаг и др.) наиболее близок по хронологии посуде памятников

типа *Бичевник* (ранний этап) и *Море-ю*. Первые из них получили широкое распространение как в лесной, так и в тундровой зонах Печорского Приуралья [Мурыгин 1997, рис. 17, 18], вторые — только в пределах тундры [Мурыгин 1997, рис. 18]. Хронологические рамки обоих типов точно не установлены. Предполагается, что период их становления (или ранний этап развития) соответствовал финальным векам эпохи ран-

него железного века и началу эпохи раннего Средневековья (второй четверти – середины I тыс. н. э.). Традиционные для населения заполярных областей северо-востока Европы формы глиняной посуды и ее орнаментации отчетливо проявляются и позднее, в керамике третьей четверти I тыс. н. э. типа Хутыюнкосе (рис. 5) со стоянки Неэбтеяха II. Оба культурно-хронологических типа керамики (*Море-ю* и *Хутыюнкосе*) имеют широкое распространение по всей территории Большеземельской тундры, найдены на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, нижняя хронологическая граница которого определена временем около сер. I тыс. н. э.

В этой связи может быть интересной точка зрения, согласно которой для населения таежной полосы Припечорья в I тыс. н. э. заметно проявляются севернотундровый и восточно-нижеобский векторы миграционного давления. В отличие от бассейна Вычегды, где гляденовские коллективы (джуджыдьягская культура) существуют до V в. н. э., на Печоре гляденовские традиции практически полностью были трансформированы к III или IV в. н. э. [Васкул 1997]. Показателем изменений, произошедших на северо-восточной окраине гляденовской культурной общности, явилось сложение при участии одной из культур этой общности — пиджской — бичевницкого культурного типа с каннелированной глиняной посудой. В его материалах фиксируется продолжение общих для европейского Северо-Востока тенденций сближения с Западной Сибирью. Раннебичевницкие группы проникают в бассейн р. Вычегда, Большеземельскую тундру и Северное Прикамье, достигая устья р. Чусовая (свыше 400 км южнее верховий р. Вычегда) [Мельничук 2002]. К этому же времени, вероятно, можно отнести их распространение в восточное Приуралье — на р. Северная Сосьва (городище Няксимволь) и по долине р. Обь почти до ее устья (городище Усть-Полуй) [Мошинская 1965, рис. 11, табл. 21, 31–34].

Появление субарктических групп населения к югу от полярного круга увязывается с ухудшением климата на рубеже суббо-

реального и субатлантического периодов (Л. Н. Андреичева, Н. Я. Кац, В. А. Климанов, М. И. Нейштадт, Л. Д. Никифорова, Н. А. Хотинский, А. В. Шнитников и др.) [Мурыгин 1992, 170, 171]. На европейском Северо-Востоке происходит сдвиг ландшафтных зон в меридиональном направлении и расширение тундровой зоны; граница лесной растительности смещается на 150 км к югу от современной [Никифорова 1982, 160]. Такое кардинальное изменение среды обитания является серьезной побудительной причиной для оттока части населения из Европейского Заполярья (или, возможно, проникших туда через полярный трансуральский коридор миграций — хребет Пай-Хой и Прикарская низменность — зауральских групп) в более благоприятные для проживания южные районы Печорской низменности.

Принципиальным для понимания особенностей взаимодействия на этом этапе является то, что постепенное просачивание в гляденовский ареал Припечорья (возможно, и в Привычегодь) групп инородного населения происходило в течение длительного времени (начиная, вероятно, с последней четв. I тыс. до н. э.) и в рамках примерно одного и того же, хотя и сокращающегося лесного ландшафта. Гляденовская керамика с каннелюрами на европейском Северо-Востоке появляется уже в конце III–II вв. до н. э. [Васкул 1997, 379], что опосредованно указывает на вероятное начало этого затяжного по времени процесса. Не исключено, что на сложение таежного раннебичевницкого керамического комплекса и его заполярного компонента (тип *Море-ю*) оказали влияние контакты с теми же северными группами западносибирского прасамодийского населения [Чиндина 1991, 129], которые приняли участие в формировании культуры предшествующего (гляденовского) времени на Печоре (пиджской). В то время, когда вычегодское позднегляденовское население испытывало существенные изменения в культуре из-за вхождения в его состав харинских групп, родственные коллективы пиджской археологической культуры таежного При-

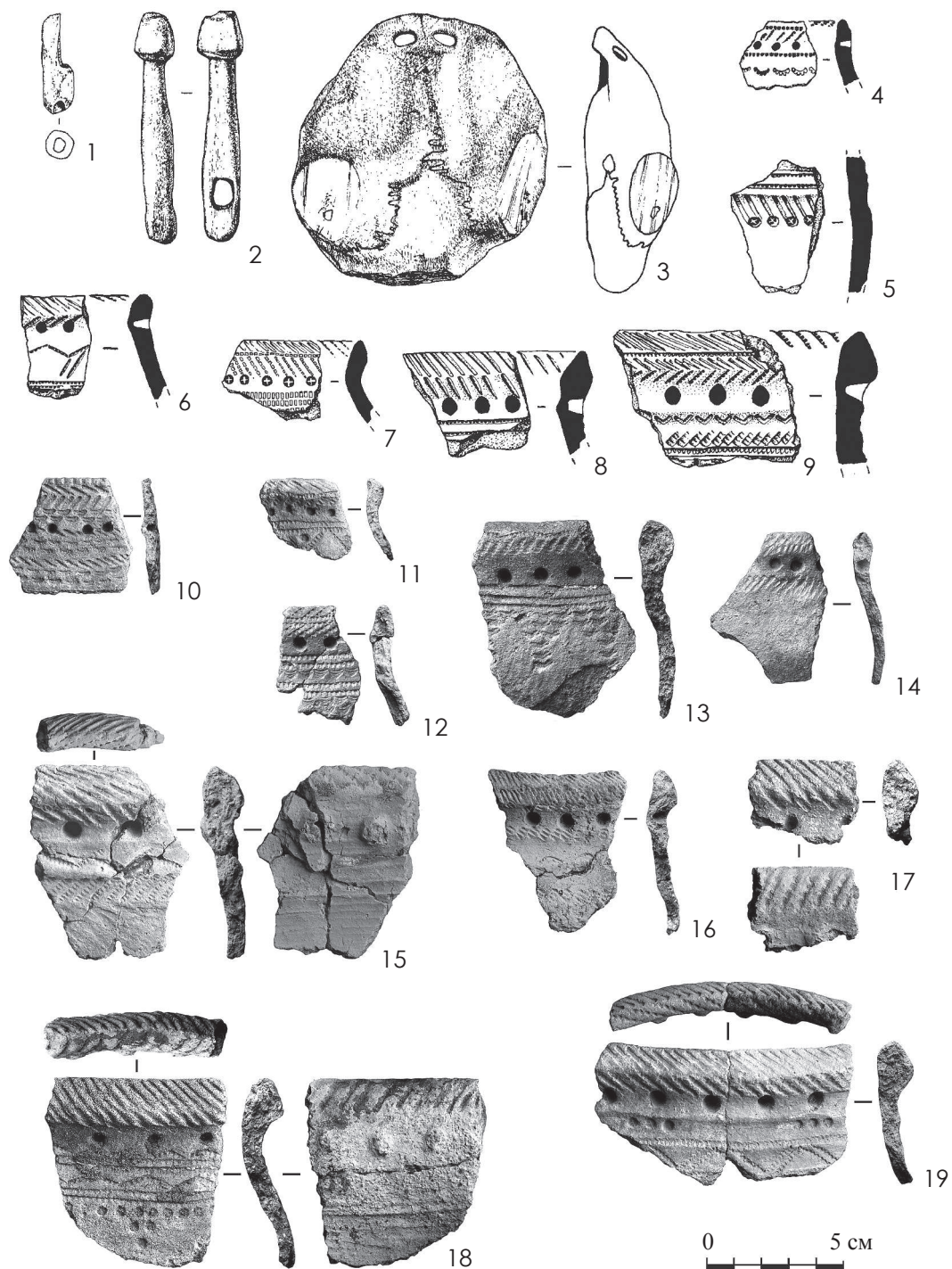

Рис. 6. Поселение Коматывис I (1–9), стоянка Салиндейты 3 (10–19). Вещевой инвентарь памятников типа «Коматывис» (1–3 — кость, 4–19 — керамика)

печорья начали контактировать с носителями кулайской культуры Зауралья [Васкул 1997, 382].

Замыкают хронологический ряд раннесредневековых источников находки со стоянок Лямчин III, Покойничный I, Салиндейты 3, Наульто, Талотаяха IV, местонахождений с р. Яйяха и аналогичные

им. Ближайшие параллели большая часть ямочно-гребенчатой посуды с очень сильно утолщенным краем (рис. 6, 7) находят в поздних памятниках субарктической культуры. Керамика с такими морфологическими признаками формы и орнаментации выделена в тип *Коматывис*, документирующий позднюю стадию развития

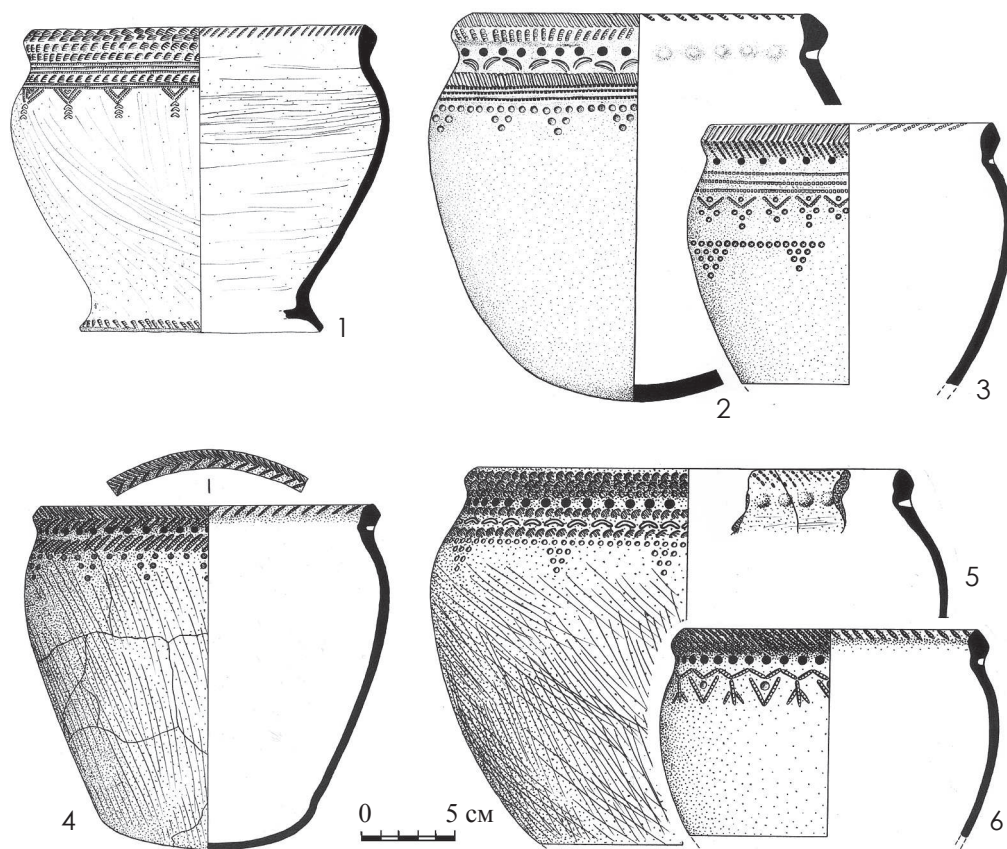

Рис. 7. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Сосуды.
Керамика типа «Коматывис»

этой заполярной археологической культуры [Мурыгин 1992, 164]. В районах северной тайги бассейна Печоры типологически близкая посуда встречается очень редко. В таежной зоне Ижмо-Печорского бассейна пока известно не менее пяти поселений (Зыбун-нюр III, Усть-Айюва I, Брысвинское, Кыско, Ружникова), на которых единичные находки субарктической керамики могут свидетельствовать об эпизодическом проникновении небольших групп из арктического региона северо-востока Европы в более южные районы Северного Приуралья вплоть до 63° северной широты (поселение Усть-Айюва I).

В числе наиболее характерных памятников Большеземельской тундры, на которых встречена керамика типа *Коматывис*, можно отметить Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, поселение Коматывис I, местонахождения Колва-вис 11/88, Колва-вис 12/89, Колва-вис 15/92. Глиняная посуда, видимо, этого же круга заполярных культур найдена

в комплексах средневекового возраста из Малоземельской тундры — Сударма I, Минина Виска I [Мурыгин 1992, рис. 71, 2–17].

Среди изученных раскопками памятников средневекового населения материковой и островной части крайнего северо-востока Европы, которые уточняют хронологию средневековой керамики, выделяются многослойные поселения Мыс Входной и Карпова Губа (рис. 8, 9).

По результатам раскопок поселения Мыс Входной на материковом побережье пролива Югорский Шар оно было определено как памятник арктической приморской культуры, поселение охотников на морского зверя [Хлобыстин, Питулько 1996]. По радиоуглеродным датам время существования поселения в целом определено рубежом н. э. — кон. I тыс. н. э. Керамика из II–IV слоев поселения достаточно однородна и типична для глиняной посуды Большеземельской тундры второй половины I тыс. н. э. — типы *Хутыюнокое* (рис. 8, 19, 20, 23–25) и *Коматы-*

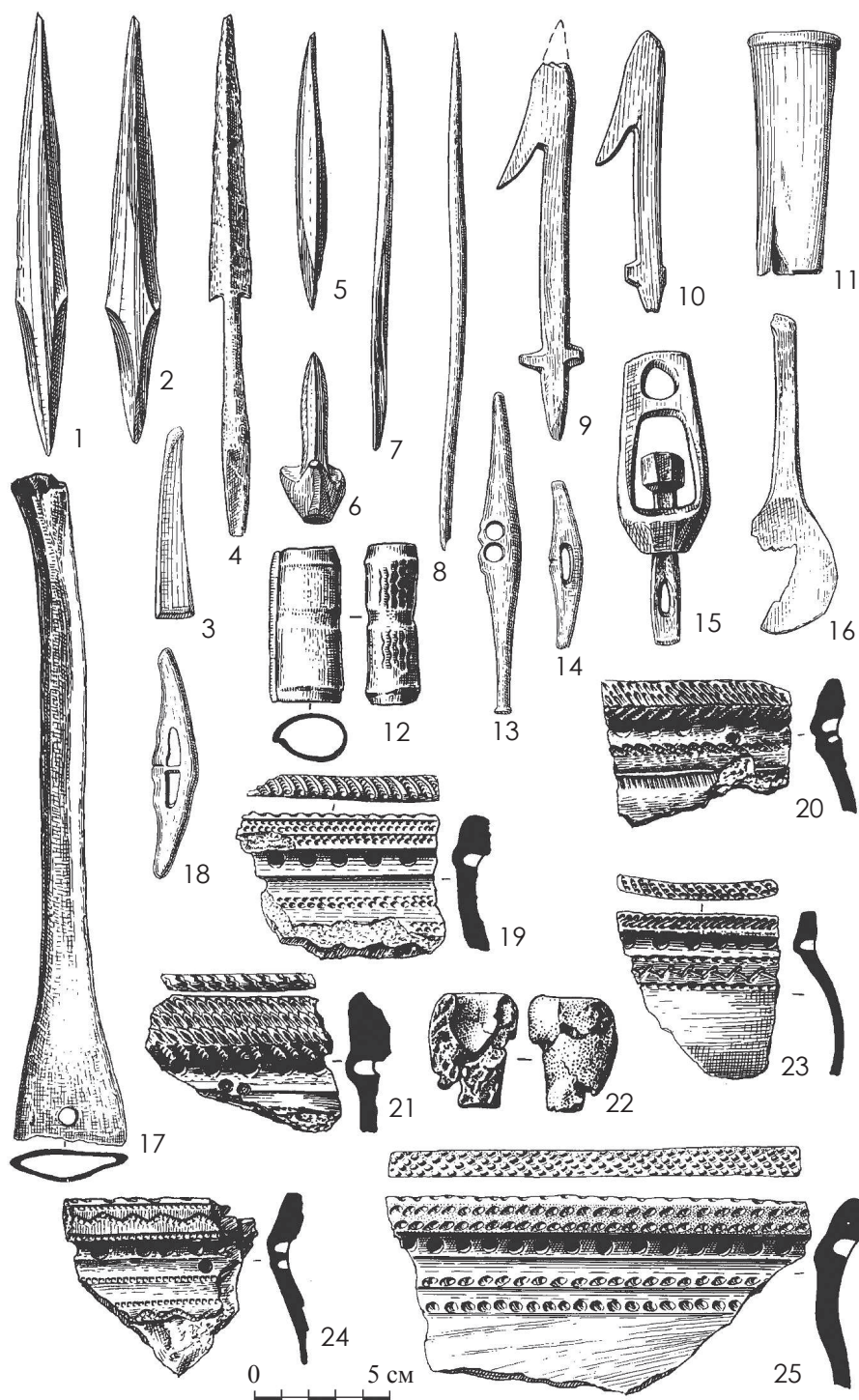

Рис. 8. Поселение Мыс Входной.
Вещевой инвентарь памятника [по: Хлобыстин, Питулько 1996]

вис (рис. 8, 20). Последняя найдена в слое III с радиоуглеродной датой 1080 ± 40 ^{14}C л. н. (ЛЕ-4054), вторая половина IX – сер. X в. н. э. [Каган, Питулько 1993, 103, 106, рис. 1, 11; Хлобыстин, Питулько, Станюкович 1993; Pitul'ko V. 1991, 23–34; Fig. 5, 10]. В керами-

ке из нижележащих V–VI слоев (V слой – 1840 ± 40 ^{14}C л. н. (ЛЕ-4052) прослеживается влияние продвинувшихся на северо-восток Европы групп усть-полуйского, саровско-кудайского населения с севера Западной Сибири. Хозяйственно-культурный тип это-

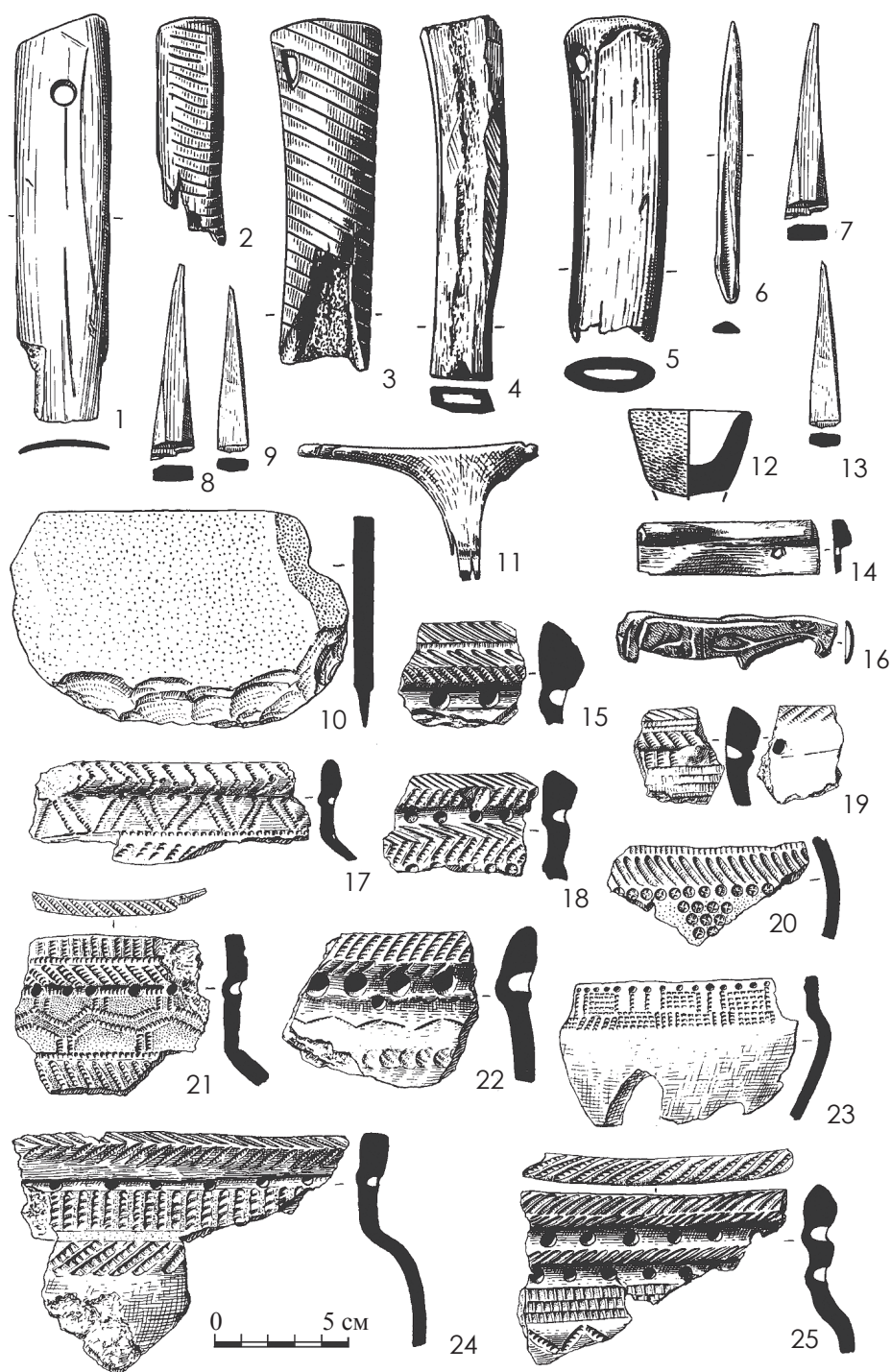

Рис. 9. Поселение Карпова Губа.
 Вещевой инвентарь памятника [рисунки по: Хлобыстин, Питулько,
 Станюкович 1993]

го приморского населения имел сложный характер и включал в себя как развитую морскую, так и сухопутную охоту с сезонной сменой основного промысла. Высказано предположение, что облик средневековой культуры на северо-востоке Большеземель-

ской тундры в течение длительного времени определялся притоком нижеобского и ямальского населения [Хлобыстин, Питулько 1996]. Аналогичный вывод был сделан и на материалах поселения Карпова Губа на о-ве Вайгач [Хлобыстин, Питулько,

Станюкович 1993]. Выявлено два разновременных культурных слоя (I — верхний, II — нижний). В нижнем слое, где также была найдена керамика типа *Хутыюнкосе* (рис. 9, 22) и *Коматывис* (рис. 9, 15, 18), расчищено кострище, радиоуглеродный анализ углей из которого дал радиоуглеродную дату 1180 ± 40 ^{14}C л. н. (LE-2844), примерно вторая половина VIII – середина IX в. н. э. [Каган, Питулько 1993, 103, 106, рис. 2, 1, 4, 5; Pitul'ko V. 1991, 23–34; Fig. 3, 1, 4, 5]. Памятник был охарактеризован как поселение островных приморских охотников на морского зверя и высказано предположение, что материалы верхнего слоя (рис. 9, 17, 20, 21, 23, 24) археологически фиксируют появление самодийцев на территории северо-востока Европы, которое относится к рубежу X–XI вв. н. э.

В арктической зоне за пределами тундр европейского Севера аналогии субарктической керамике второй половины I тыс. н. э. (как раннего, так и позднего облика) можно найти в материалах памятников прибрежно-береговой полосы п-ва Ямал — землянки поселения Тиутей-сале [Чернецов 1935, табл. II, 2–4, 8–21; 1957, табл. XXV] и дюнная стоянка Тиутей-сале на западном побережье [Чернецов 1935, табл. II, 1, 5–7; 1953, рис. 6], сопка Харде-седе, поселение Находка на восточном побережье [Лашук 1968, рис. 2]. Дюнная стоянка Тиутей-сале датирована эпохой Средневековья (третья четверть I тыс. н. э.) и относится к зеленогорской культуре [Чернецов 1953, 63–69; Морозов, Стефанов 1989, 158; Мурыгин 1992, 144], остальные — к оронтурскому типу керамики Нижнего Приобья — VI–IX вв. н. э. [Чернецов 1957, 191–196; Лашук 1968, 184–188]¹. Типологически близкая большеземельской и также разновременная, керамика представлена на памятниках центральной части п-ова Ямал, где датируется в пределах V–IX вв. н. э. [Брусницина, Ощеп-

¹ Поселение Тиутей-Сале 1 было вновь исследовано в 1995 г. российско-американской экспедицией [Ушедшие в холмы. Культура населения северо-западного побережья Ямала в железном веке 1998]. В том числе было установлено, что оно является двухслойным, даты по ^{14}C : V–VII вв., XII–XIV вв. н. э. — *Прим. редактора.*

ков 2000, табл. I, рис. 30, 1, 2; 31, 2, 3; Плеханов 2013, 158–160, рис. 2].

Приведенные по известным нам опубликованным источникам аналогии достаточны, во-первых, для того, чтобы датировать указанные выше раннесредневековые (и аналогичные им по керамике памятники) временем от середины до последней четверти I тыс. н. э. с необходимостью уточнения хронологии в дальнейшем, во-вторых, очертить известные к настоящему времени восточные, западные и южные границы распространения сходной глиняной посуды. Сравнительный анализ доступных источников из европейских тундр, Нижнего Приобья и п-ова Ямал позволяет сделать вывод о том, что в эпоху раннего Средневековья континентальные и прибрежно-береговые районы тундровой зоны северо-востока Европы населяли коллективы, в материальной культуре которых отчетливо просматриваются черты сходства с населением обско-ямальского Севера (древнеугорскими или самодийскими). Это сходство дало возможность предполагать, что, по крайней мере, во второй половине I тыс. н. э. субарктические и арктические районы европейского сектора Евразии были заселены близкородственными коллективами, происхождение которых в большей степени было связано с областями, лежащими к востоку от Уральского хребта.

Прямо не подтверждают, но и не опровергают вывод о культурном тяготении приполярного населения северо-востока Европы к угорскому или самодийскому кругу культур материалы Эшмесского святилища на Среднем Тимане [Мурыгин 2011] и Нерицкого могильника, расположенного вблизи устья р. Нерицы на Нижней Печоре [Истомина 1997]. Оба памятника датированы X–XI вв. н. э.

На полностью раскопанном Нерицком могильнике было вскрыто 29 погребений, совершенных по обряду трупоположения. Вещевой инвентарь, представленный оружием, орудиями труда и украшениями, имеет аналогии на различных территориях, в том числе — и к востоку от Урала. Что

Рис. 10. Поселение Югорская сопка.
Вещевой инвентарь.
1 — цветной металл, 2–15 — керамика

касается керамики, то прямых аналогий посуда Нерицкого могильника в керамических комплексах Припечорья не имеет, хотя отдельные элементы декора сосудов имели распространение в таежном Припечорье и Большеземельской тундре во второй половине I тыс. н. э. (общее преобладание зубчатых узоров, двойной зигзаг, горизонтальные зубчатые линии, ямки на шейке, сосуды с поддоном). Для памятников Пе-

чорского Приуралья второй половины I тыс. н. э. характерно противоречивое сочетание различных по генезису признаков в керамическом производстве («субарктических», бичевницких, нижеобских, вычегодских). Смешанный характер культуры отражает специфические особенности ее формирования в предшествующий период и, видимо, смешанный состав населения. По мнению автора раскопок могильника, отдельные эле-

менты погребальной обрядности и керамики, обнаруживая черты сходства как с памятниками вычегодско-пермскими (грунтовый характер могильника, ориентация погребенных на реку, почти обязательное присутствие обломков железа в инвентаре, намеренная порча острых железных предметов, горшковидная форма одного из сосудов), так и с зауральскими — угро-самодийскими (перезахоронения, присутствие в составе инвентаря вещей в пермском зверином стиле, сосуд с поддоном, расположение участков зубчатого штампа в шахматном порядке), свидетельствуют либо о наследовании населением начала II тыс. н. э. смешанных традиций эпохи раннего Средневековья, либо о сохранении в это время сходной культурно-исторической ситуации, характеризующейся постоянными контактами носителей разных этнокультурных традиций.

Эшмесская пещера является единственным на территории Северного Приуралья средневековым святилищем, во-первых, с не затронутым позднейшими нарушениями культурным слоем и, во-вторых, имеющим достаточно точную узкую датировку всей коллекции. Почти не вызывает сомнений, что этот памятник можно считать святилищем группы населения, в элементах духовной культуры которой просматриваются черты сходства с коллективами обско-печорского Севера уральской Евразии (древнеугорскими или древнесамодийскими). По всей видимости, истоки сакральных представлений о мире у оставивших Эшмесское святилище коллективов следует искать в древних этносах западносибирского (нижнеобского) происхождения, европейская периферия культурного ареала которых, вероятно, уже с энеолита и вплоть до Средневековья включала субарктические и арктические районы Северного Приуралья не только в качестве территорий посещения, но и, видимо, постоянного обитания [Мурыгин 2004, 2006, 2013].

Вещевой инвентарь более позднего времени (конец I – первая половина II тыс. н. э.), полученный из культурного слоя, сосредоточен в основном на памятниках Печорско-

го Заполярья, локализованных по обе стороны Нижней Печоры — городища Новый Бор I–IV (XII–XIII вв. н. э.), Ортинское (VI – нач. XI вв. н. э.), Кобылиха (вторая половина I – первая половина II тыс. н. э.), городище VI–X вв. н. э. и святилище VI–XIII вв. н. э. Гнилка, поселения Коткино I (первая четверть II тыс. н. э.) [Барышев 2010; Мурыгин 1992; Ясински, Овсянников 1998, 2003; Мурыгин, Кленов 2015]. Верхняя дата памятников не выходит за пределы XIII, м. б. XIV в. н. э. В совокупности они образуют нижнепечорский ареал распространения средневековых памятников с однотипной керамикой, в том числе древнерусской, следами железодельного производства, визуально определенными остатками сооружений, в том числе — оборонительных. Найденная на них керамика очень своеобразна по орнаменту, включавшему в композицию фигурные элементы и фестоны, в ее числе присутствуют сосуды на поддонах (рис. 11), являющихся, как деталь формы сосудов, одним из элементов традиционного керамического производства населения Большеземельской тундры и п-ова Ямал в эпоху железа.

Пока неизвестны приемлемые аналогии в более южных районах таежной зоны и в тундровой полосе европейского Северо-Востока, даже на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, где найдено много некерамического инвентаря первой половины II тыс. н. э. Территориально удаленные параллели орнаменту этих сосудов в таежном Припечорье встречены только на единичных фрагментах керамики жертвенных мест в Канинской и Уньинской пещерах на верхней Печоре [Канивец 1962, 1964]. Отдаленное сходство прослеживается в керамике I горизонта (позднее середины IX в. н. э.) поселения Карпова Губа, расположенного более чем в 300 км западнее — на о-ве Вайгач [Каган, Питулько 1993, 106, рис. 2, 7–13]. Есть все основания для выделения особого «новоборского культурного типа» средневековой керамики и соответствующих ей памятников, в отдельных элементах которой так же, как и на памятниках предшествующего времени, демонстрируется сходство с угорским

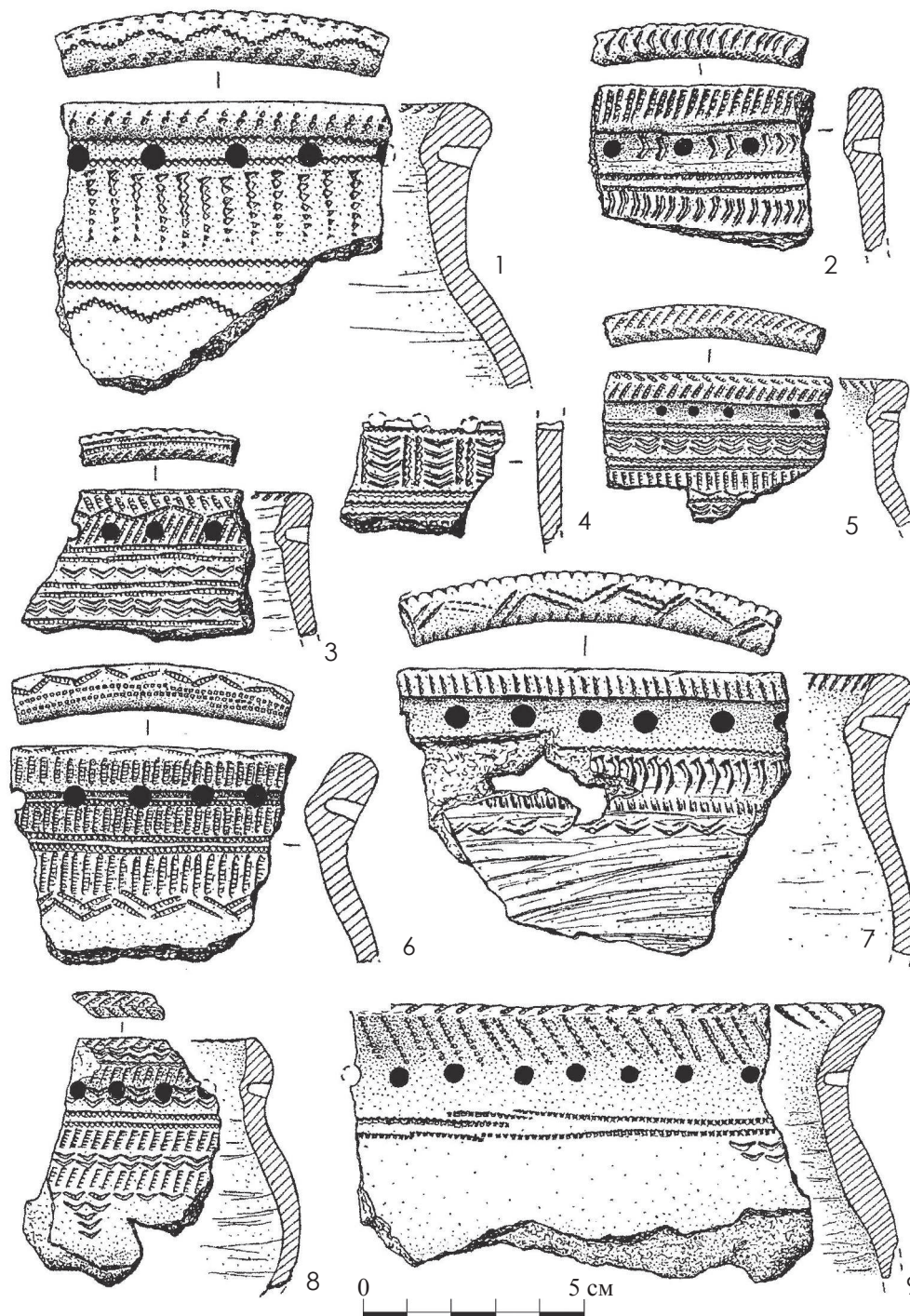

Рис. 11. Комплекс «Новый Бор III». Городище Новый Бор III
(напольная сторона — поселение Денисовский Шар).
Керамика новоборского типа [рисунки по: Plusnin 1992]

или самодийским кругом археологических культур.

В этой связи, как нам кажется, заслуживают внимания недавние исследования в области этимологии некоторых северно-приуральских этнонимов, представляющие, как думается, большой интерес для этногенети-

ческих исследований в области археологии. Они показывают, что, в частности, «...Югра X–XV вв. представляла собой население неустановленной этноязыковой принадлежности, не относящееся ни к собственно обским уграм, ни к пермянам, ни к собственно ненцам...» [Напольских 1998; 2003, 263].

Безотносительно к данным языкознания, но близкие по существу, результаты были получены и при анализе археологических источников из таежного Припечорья, которые привели к выводу о «синкретическом» характере культуры раннесредневекового населения таежной полосы Печорского Приуралья [Мурыгин 2013, 257]. Учитывая археологические источники предшествующих эпох, был сделан вывод, что «культурное пространство» Печорского Приуралья с глубокой древности вплоть до Средневековья было неоднородным, и здесь обитало население, в археологических культурах которого продолжительное время сохранялись признаки как самодийских, так и финно-угорских народностей [Мурыгин 2013, 256].

Предварительный анализ керамики новоборского типа позволяет поставить вопрос о возможности выделения на Нижней Печоре новой локальной культурной группы населения. Не исключена вероятность, что такая посуда могла быть оставлена населением Нижней Печоры — продолжателями синкретичных культурных традиций предшествовавшего местного (приуральско-печорского) субстрата, на котором формировались основные признаки новоборской керамики и в число которых входили памятники типа поселения Югорская сопка (рис. 10), которое по результатам радиоуглеродного датирования (1320 ± 100 ЛЕ 3190, 1420 ± 40 ЛЕ 3191) было датировано V–VII вв. н. э. [Каган, Питулько 1993, 107–109].

Представляется, что перспективным для дальнейших исследований может оказаться попытка соотнесения материалов новоборских и близких им памятников с летописной *Печерой*. Вероятно, что этим исчезнувшим народом, кроме расположенных в долине нижней Печоры и по ее притокам памятников, оставлены также Нерицкий могильник [Истомина 1997] и Эшмесское пещерное святилище [Мурыгин 1992, 2011], датированные X–XI вв. н. э. И если ранее в отечественной археологии с *Печерой* связывали только отдельные нижнепечорские памят-

ники археологии (О. В. Овсянников), расположенные в дельте Печоры (Ортинское городище) и на Городецком озере (городище и святилище Гнилка) [Ясински, Овсянников 1998, 77; Ясински, Овсянников 2003, 77, 97], то сейчас есть все основания для выделения на базе более широкого круга источников территориально обособленной группы населения.

В любом случае, на сегодняшний день это единственная совокупность средневековых археологических памятников на северо-востоке Европейской части России (могильник, святилища, поселения, городища), которые в силу своего географического положения, присущих им сходных особенностей керамического производства поселенческих комплексов, деталей обряда погребения и культового инвентаря могут быть предположительно сопоставлены с *Печерой* как отдельной этносоциальной группой. Существует мнение (И. Б. Барышев, О. В. Овсянников), что прекращение существования городищ и святилищ на Нижней Печоре после X в., как племенных центров местного населения, известного под именем летописной «печеры» или «сииртя» ненецких преданий, связано со сменой населения в печорских тундрах — исчезновением *Печеры* и пришествием ненецких племен, а также с установлением даннических отношений и подчинением печорских племен русскому влиянию, закончившихся переходом всего обширного региона под юрисдикцию Московского государства [Барышев 2010, 229; Ясински, Овсянников 1998, 77; Ясински, Овсянников, 2003, 97–99]. Вопрос о культурно-хронологическом соотношении керамики новоборского типа и распространенной по всей территории европейских и ямальской тундр керамики финальных веков I тыс. н. э. (тип *Коматывис*) остается открытым и требует пристального внимания.

Наконец, самые поздние материалы, в числе полученных в недавние годы, выявлены на сопке Покойничная (возраст точно не установлен) в Малоземельской тундре и в устье р. Талотаяха вблизи м. Синькин Нос в Большеземельской тундре (Талотая-

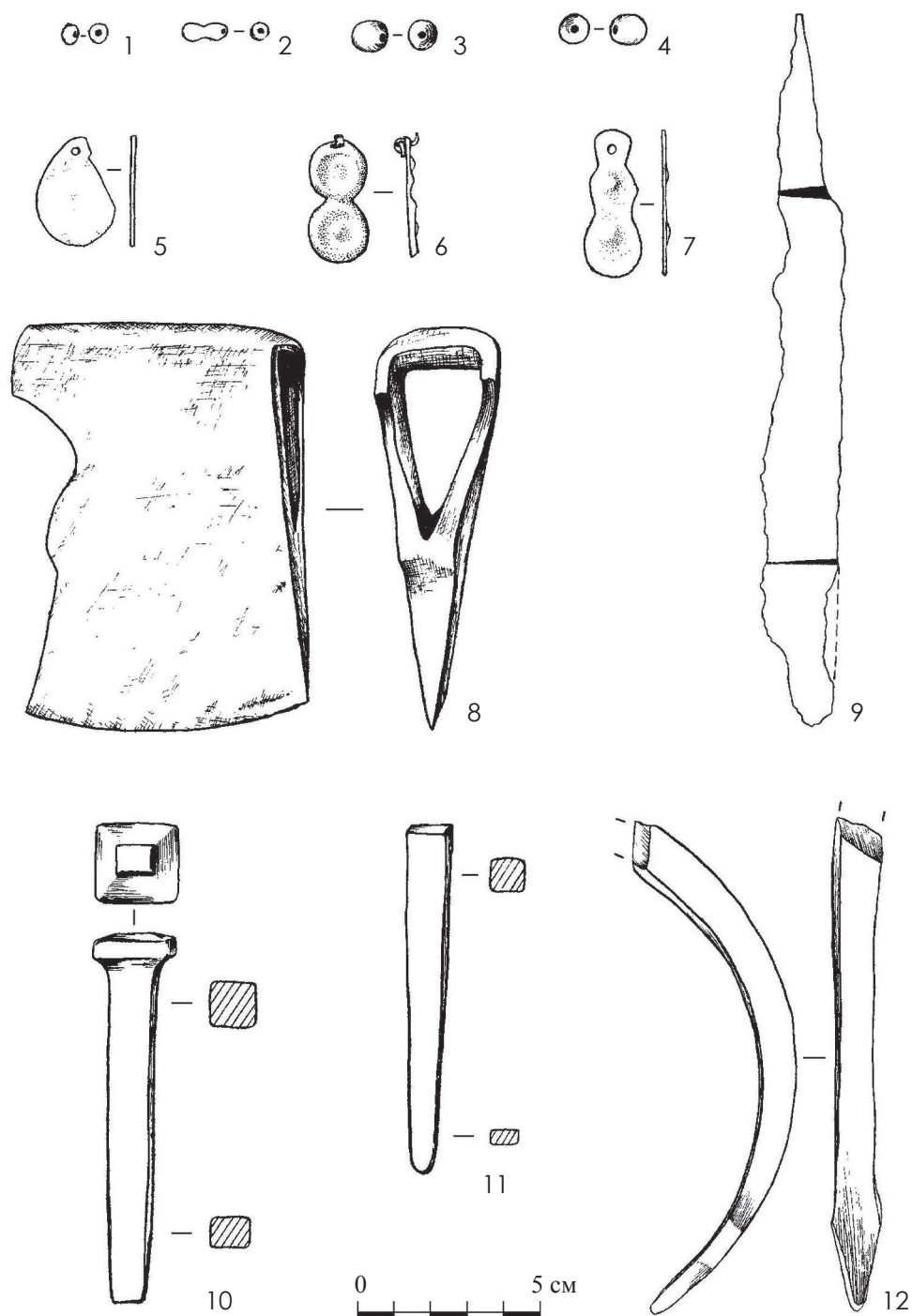

Рис. 12. Район мыса Синькин Нос. Вещевой инвентарь археологических памятников.
 1–8 – Талотаяха I, 9 – Талотаяха II, 10–12 – Талотаяха III (1–4 – стекло,
 5–7 – цветной металл, 8–12 – железо)

ха I–III) [Мурыгин, Карманов, Кленов 2012]. Погребения и остатки наземной постройки на р. Талотаяха (рис. 12) близки по времени, не содержали керамики и документируют, вероятно, один из этапов освоения русским населением северных пределов Российского государства.

Заключение

Таким образом, археологические исследования древностей крайнего северо-востока Европы, в том числе — последних лет, не только обновили источниковую базу арктической археологии. Они позволи-

ли закрыть существовавшие белые пятна на археологической карте крайнего северо-востока Европы и продвинуться вперед в решении еще одной из актуальных проблем отечественной археологии — формирование самодийцев европейского Севера и начальных этапов древнерусской колонизации Севера.

Их результаты позволяют довольно уверенно говорить о том, что формирование средневекового населения тундровой полосы крайнего северо-востока Европы происходило в условиях перманентной внутрирегиональной диффузии при существенном влиянии в форме инфильтрации или инвазии со стороны групп населения из западно-сибирского культурного ареала или их перманентном присутствии в регионе. Также совершенно очевидно, что на северо-востоке европейского Заполярья и на п-ове Ямал в финальные века раннего железного века и вплоть до конца I тыс. н. э. обитали родственные коллективы, обладавшие развитой самобытной культурой. По традиционному керамическому производству они заметно отличались от сопредельных культур таежной зоны, имели сложившиеся связи с камско-печорским и обским регионами Зауралья и Приуралья.

Однако вопрос о конкретной этнокультурной принадлежности памятников раннесредневекового периода в истории Заполярных областей или об этнокультурном составе оставивших их коллективов пока остается открытым (угры, самодийцы или носители элементов культур разных народностей, органично сочетавшиеся в культуре местного населения). Все высказанные мнения на эту тему, в том числе и автора, остаются на уровне гипотез. Если суммировать имеющиеся точки зрения, то их авторы полагают, что материалы второй половины I тыс. н. э. в большинстве отражают особенности местной дооленево-деческой культуры населения субарктической зоны северо-востока Европы, связанной своим происхождением с западносибирским (угорским или самодийским по этнокультурной принадлежности) кругом археологи-

ческих культур. Культурные остатки именно этого времени приписываются легендарным «сииртя», как предшественникам и, в определенной степени, предкам ненецкого населения тундровой зоны, появившимся в европейском Заполярье примерно в конце I – начале II тыс. н. э.

Нелишне в этой связи обратить внимание на точку зрения Л. В. Хомич, согласно которой доненецкое население тундры, или «сииртя», могли быть какими-то протоуральцами, включавшими в качестве компонентов черты многих, впоследствии выделившихся народов [Хомич 1970].

В контексте сказанного, по-видимому, следует также вновь обратить внимание на концепцию В. Н. Чернецова о формировании культур древнего и современного населения циркумполярной зоны, выделив в ней мысль о том, что племена Печорского Приуралья, связанные единством происхождения, составляли аборигенный пласт таежной и тундровой зон европейского Севера [Чернецов 1964, 9], а этнические черты общего древнего уралоязычного субстрата сохранялись местами у приполярного населения даже до Средневековья [Чернецов 1972, 50].

Возможность такого допущения подтверждается также материалами этнографии, языкознания, антропологии финноугорских и самодийских народов [Алексеев 1974; Васильев, 1979, 46–60; Гуя 1974; Долгих 1970, 49–53; Серебренников 1980; Симченко 1976, 40–65, 280; Хомич 1970; Чебоксаров 1971; 1946]. В этих исследованиях имеются данные, свидетельствующие о наличии у современных народов Северного Урала (коми, ненцы, ханты, манси) общих архаичных особенностей, показано бытование на европейском Севере единого по происхождению, но зонально дифференцированного на тундровые и таежные образования уралоязычного доненецкого населения, поглощенного затем в тундровой полосе поздними самодийцами, а также высказано предположение о его возможной этнической или диалектальной неоднородности, которая совпадала с естественно-географи-

ческим членением Северной Евразии на тундру и северную тайгу.

Данная работа, написанная на основе сравнительно небольшого объема и узкого круга археологических источников, вряд ли в полной мере разрешит поставленные вопросы. Несмотря на это, проблема происхождения и этнокультурной принадлежности средневековых культур заполярных областей крайнего северо-востока Европы представляется достаточно важной для того, чтобы пренебречь неполнотой и некоторой односторонностью материалов и, в силу этого, может быть недостаточной обоснованностью выводов.

Литература

- Алексеев, В. П. Близкий к современности краниологический материал по финно-угорским народам, их расовая дифференциация и этногенез / В. П. Алексеев // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. — М.: 1974. — С. 54–69.
- Барышев, И. Б. Средневековое городище Кобылиха на нижней Печоре / И. Б. Барышев // Материалы по истории и археологии России. — Т. 1. — Рязань: Александрия, 2010. — С. 216–230.
- Брусницина, А. Г. Памятники археологии Среднего Ямала (левобережье нижнего течения р. Юрибей) / А. Г. Брусницина, К. А. Ощепков // Древности Ямала. — Екатеринбург – Салехард: УрО РАН, 2000. — Вып. 1. — С. 79–111.
- Васильев, В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей / В. И. Васильев. — М.: Наука, 1979. — 243 с.
- Васкул, И. О. Памятники гляденовской культурной общности / И. О. Васкул // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева. — М.: ДиК, 1997. — С. 349–399.
- Гуя, Я. Прародина финно-угров (уральцев) в свете лингвистических исследований / Я. Гуя // ОФУЯ. — М.: Наука, 1974. — С. 31–39.
- Долгих, Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев / Б. О. Долгих. — М.: Наука, 1970. — 268 с.
- Истомина, Т. В. Нерицкий могильник / Т. В. Истомина // Проблемы истории России XVIII–XX веков: Научные чтения памяти проф. Ю. Д. Марголиса. — Сыктывкар: 1997. — С. 106–120.
- Каган, М. М. Этнокультурные процессы I тыс. н. э. в Трансуральском Заполярье / М. М. Каган, В. В. Питулько // AD POLUS / Археологические изыскания. — СПб.: 1993. — Вып. 10. — С. 103–109.
- Канивец, В. И. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере / В. И. Канивец. — Сыктывкар: МАЕСВ, 1962. — Вып. 1. — С. 103–144.
- Канивец, В. И. Канинская пещера / В. И. Канивец. — М.: Наука, 1964. — 135 с.
- Королев, К. С. Работы в Угдымском археологическом комплексе / К. С. Королев // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Сыктывкар: 1989. — С. 15–17.
- Лашук, Л. П. Очерк этнической истории Печорского края / Л. П. Лашук. — Сыктывкар: 1958. — 200 с.
- Мельничук, А. Ф. Этнические процессы и освоение Северного Прикамья в эпоху раннего железного века – позднего Средневековья / А. Ф. Мельничук // Мат. междунауч. конф. «Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья» (к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции) / Гл. ред. Р. Д. Голдина. — Ижевск: 2002. — С. 101–109.
- Морозов, В. М. Исследования в бассейне реки Казыма / В. М. Морозов, В. И. Стефанов // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Сыктывкар: 1989. — С. 155–158.
- Мошинская, В. И. Археологические памятники Севера Западной Сибири / В. И. Мошинская // Свод археологических источников. — М.: Наука, 1965. — Вып. ДЗ-8. — 87 с.
- Мурыгин, А. М. Печорское Приуралье: эпоха Средневековья / А. М. Мурыгин. — М.: Наука, 1992. — 182 с.
- Мурыгин, А. М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья / А. М. Мурыгин //

Археология Республики Коми. — М.: ДиК, 1997. — С. 478–560.

Мурыгин, А. М. Западносибирский компонент на крайнем северо-востоке Европы: ареал посещения или многовекового обитания / А. М. Мурыгин // Матер. науч.-практ. конф. «IV Берсовские чтения». — Екатеринбург: 2004. — С. 207–224.

Мурыгин, А. М. Крайний северо-восток Европейской части России в раннем Средневековье (по данным археологии) / А. М. Мурыгин // Современные проблемы археологии России: Мат. Всерос. арх. съезда. — Т. 2. — Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. — С. 267–269.

Мурыгин, А. М. Эшмесское пещерное святилище эпохи Средневековья в Печорском Приуралье / А. М. Мурыгин // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. — № 3 (47). — С. 94–103.

Мурыгин, А. М. Новые археологические исследования в тундрах северо-востока Европы / А. М. Мурыгин, В. Н. Карманов, М. В. Кленов. — Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. — 68 с.

Мурыгин, А. М. Миграции как способ взаимодействия населения крайнего северо-востока Европейской части России в раннем Средневековье / А. М. Мурыгин // Вестник Томского государственного университета. История. — Томск: 2013. — № 3 (23). — С. 254–258.

Мурыгин, А. М. Новые археологические исследования комплекса Новый Бор III в Печорском Заполярье / А. М. Мурыгин, М. В. Кленов // Известия Коми НЦ УрО РАН. — Сыктывкар: 2015. — № 3 (23). — С. 119–131.

Напольских, В. В. О происхождении названия Югра / В. В. Напольских // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума) / Ред. И. Н. Гемуев — Т. 2. — Новосибирск: 1998. — С. 343–351.

Напольских, В. В. Йогра (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) / В. В. Напольских // АФ. — 2005. — № 3. — С. 240–268.

Никифорова, Л. Д. Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока Европейской части СССР / Л. Д. Никифорова / Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене / Отв. ред. А. А. Величко, И. И. Спаская, Н. А. Хотинский. — М.: Наука, 1982. — С. 154–162.

Плеханов, А. В. Ямальская Арктика в эпоху Средневековья: памятники в зоне типичной тундры / А. В. Плеханов // Археология Севера России: От эпохи железа до Российской империи. — Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2013. — С. 157–165.

Серебрянников, Б. А. Сходство древних падежных и глагольных систем пермских и обско-угорских языков как свидетельство более тесных связей этих языков в прошлом / Б. А. Серебрянников // Тез. научн. докл. V МКФУ. — Т. 2. — Турку: 1980. — С. 54.

Симченко, Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии / Ю. Б. Симченко. — М.: Наука, 1976. — 310 с.

Хомич, Л. В. Ненецкие предания о сирхиртя / Л. В. Хомич // Фольклор и этнография. — Л.: Наука, 1970. — С. 59–69.

Хлобыстин, Л. П. Древнее поселение приморских охотников Карпова Губа на острове Вайгач / Л. П. Хлобыстин, В. В. Питулько, А. К. Станюкович // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и Средневековье. — Сыктывкар: МАЕСВ, 1993. — Вып. 12. — С. 116–127.

Хлобыстин, Л. П. Многослойное поселение Мыс Входной / Л. П. Хлобыстин, В. В. Питулько // Древности Русского Севера. — Вологда: 1996. — Вып. 1. — С. 123–133.

Чебоксаров, Н. Н. Этногенез коми в свете антропологических данных / Н. Н. Чебоксаров // КСИИМК. — 1941. — Вып. 9. — С. 54–58.

Чебоксаров, Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии / Н. Н. Чебоксаров // СЭ. — 1946. — № 2. — С. 51–80.

Чернецов, В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал / В. Н. Чернецов // СЭ. — 1935. — № 4/5. — С. 109–133.

Чернецов, В. Н. Древняя история Нижнего Приобья / В. Н. Чернецов // МИА. — 1953. — № 35. — С. 7–71.

Чернецов, В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. / В. Н. Чернецов // МИА. — 1957. — № 58. — С. 136–245.

Чернецов, В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре / В. Н. Чернецов. — М.: Наука, 1964. — 13 с.

Чернецов, В. Н. Наскальные изображения Уральского ареала / В. Н. Чернецов // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972. — С. 32–55.

Чернов, Г. А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры / Г. А. Чернов. — М.: Наука, 1985. — 169 с.

Чиндина, Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья / Л. А. Чиндина. — Томск: Изд. Томского университета, 1991. — 184 с.

Ясински, М. Э. Взгляд на Европейскую Арктику / М. Э. Ясински, О. В. Овсянников // Архангельский Север: проблемы и источники. — Т. 1. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. — 464 с.

Ясински, М. Э. Пустозерск. Русский город в Арктике / М. Э. Ясински, О. В. Овсянников. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2003. — 400 с.

Pitul'ko, V. (1991). *Archaeological Data on the Maritime Cultures of the West Arctic*. *Fennoscandia archaeologica*. VIII. pp. 23–34.

О. С. Тупахина

ГКУ ЯНАО «Научный центр
изучения Арктики», Салехард, Россия
e-mail: olga-tupakhina@yandex.ru

ОБРАЗЫ ПТИЦ НА КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЕ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА
СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНЫЙ САМОТНЁЛ-1)

Аннотация. Керамика поселения Горный Сомотнёл-1 отличается многообразием форм и орнаментальных композиций. Особый интерес представляют графические и скульптурные изображения птиц на глиняной посуде. На сегодняшний день в керамическом комплексе поселения известны изображения водоплавающих птиц, куропаток и сов. В статье рассматриваются стилистические особенности изображения птиц на глиняных сосудах памятника и возможные утилитарные причины появления этих изображений.

Ключевые слова: керамика, орнитоморфные изображения, гусь, куропатка, сова, Север Западной Сибири, энеолит.

Образ птицы — один из важнейших символов в религиозно-мифологических представлениях северных народов. Известны глиняные, деревянные, костяные и кремневые орнитоморфные скульптуры, плоскостные изображения птиц на сосудах и писаницах. В связи с открытием и комплексными исследованиями новых археологических памятников на Севере Западной Сибири, в настоящее время накоплена большая источниковая база по мелкой глиняной пластике и плоскостным изображениям на сосудах. Таким образом, настоящую работу мы посвятим изображениям, выполненным на керамике.

Большинство всех известных лепных и графических изображений птиц на керамических сосудах тяготеют к четкой географической локализации (леса Финляндии, Восточной Прибалтики, Европейской части России, Урала, Западной Сибири), относятся к определенному этнокультурному ареалу (прафинно-угорские культуры с гребенчато-ямочной и ямочно-гребенчатой керамикой) и единому хронологическому этапу (неолит – ранняя бронза) [Гурина 1972; Эдинг 1940; Кипарисова 1955; Раушен-

бах 1956; Мошинская 1976; Чаиркина 1998, 81–104; Носкова, Шорин 2007; Воробьев 2009; Морозов 2010; Бобров 2013, 5–12; Морозов, Умеренкова 2015, 71–77]. В пределах обозначенной территории выделяют три центра сосредоточения орнитоморфов: озерные края Финляндии, междуречье Оки и Волги и горно-лесное Зауралье [Викторова, Чаиркина, Широков 1997, 46]. Западная Сибирь оценивается как область, где подобные сюжеты редки [Чаиркина 1998, 86]. В связи с последующими полевыми работами на указанной территории, это утверждение нуждается в корректировке. По словам Е. А. Васильева, в Нижнем Приобье и прилегающих районах южного Ямала известно около десяти изображений водоплавающих птиц, правда, пока не опубликованных [Васильев 2000, 24–31]. По единственной публикации Е. А. Васильева известен в настоящее время сосуд с изображением лебедей из поселения Вары-Хадыта II (эпоха ранней бронзы). Фриз с птицами размещен в верхней части сосуда между слабоволнистыми тройными линиями, состоящими из отпечатков уголкового штампа. Изображения нанесены остроугольной палочкой в отступающе-на-

кольчатой технике [Там же, с. 30]. Судя по рисунку, птицы не соединены между собой, а представляют отдельные фигуры, причем смотрящие в разные стороны. По результатам раскопок 2010–2014 гг., на поселении Горный Самотнёл-1 в Нижнем Приобье [Кудрич 2010, 192–194; Кудрич 2011, 233–234; Тупахина, Тупахин 2014, 41–52], в настоящей работе вводится в научный оборот коллекция графических изображений водоплавающих птиц и изображений на сосудах, выполненных в мелкой глиняной пластике. Все плоскостные орнитоморфные изображения выполнены оттисками лопаточки и прочерчиванием, т. е. совершенно в другом стиле, и не относятся к кругу гребенчато-ямочных культур. Скульптурные изображения также не имеют прямых аналогий на указанных территориях, они самобытны и уникальны.

Рассмотрим стилистические особенности изображения птиц на глиняных сосудах памятника Поселение Горный Самотнёл-1 и возможные утилитарные причины появления этих изображений. На сегодняшний день в керамическом комплексе поселения известны изображения водоплавающих птиц, куропатки и совы. Остановимся подробно на каждом виде.

Водоплавающие (утка, гусь, лебедь). Образы водоплавающей птицы нашли широкое отражение в орнаментике керамических сосудов, как в графике, так и в скульптуре. Стиль графических изображений на посуде отличается лаконичностью и схематизмом. На одном из сосудов птицы располагаются фризами в три ряда по всей окружности сосуда от венчика до придонной части. Фигуры однотипные, изображены в профиль. Голова и шея не прорисованы, туловище состоит из пяти прочерченных лопаточкой горизонтальных ломаных линий разного размера, расположенных встык друг к другу так, что образуют подтреугольную фигуру вершиной вниз. Внутри фигуры ломаные линии образуют ромбы. Длинные ноги с лапками прочерчены из вершин двух нижних ромбов (рис. 1, 5, 6). Фигуры соединены между собой двумя верхними непрерывными ломаными линиями. Ширина каждой

фигурки — 8,5 см, высота — 5,1 см. Первый фриз расположен на 2 см ниже кромки венчика, последующие без каких-либо дополнительных разделителей размещены ниже. Придонная часть сосуда орнаментирована двумя парами прочерченных опоясывающих ломаных линий, дно — вертикальными оттисками гладкой качалки. Диаметр венчика сосуда — приблизительно 30,5 см, высота — около 30 см. Аналогичные изображения встречены еще на двух фрагментах венчиков сосудов, разница заключается в изображении под туловищем только одной ноги и в форме кромки венчика. В одном случае венчик прямой, кромка закруглена и сверху украшена подтреугольными оттисками и небольшим налепом-ушком (рис. 1, 5). Во втором случае широкая кромка загнута вовнутрь сосуда с наплывом с внутренней стороны и скосом с внешней (рис. 1, 3). Всем изображениям свойственна одна общая деталь — фигуры птиц неразрывно связаны друг с другом ломаными линиями, в той же технике, что и вся фигура. Следует так же отметить, что графические изображения водоплавающих птиц встречены только на крупных и средних сосудах. Судя по пропорциям фигур и положению их на плоскости, изображения могут быть интерпретированы как образы плывущих гусей.

Если сравнивать орнаментальную композицию описанного сосуда с подобными изображениями на соседних территориях, то по расположению на сосуде и количеству фризов очевидна близость ее с зауральской энеолитической посудой [Стоколос 1988, 55]. На неолитической керамике Восточной Европы фигуры птиц размещены на сосуде в виде однорядного фриза, в основном у венчика или, изредка, в шахматном порядке по всей окружности сосуда [Жульников, Кашина 2010, 10].

Изобразительный геометризм плоскостных изображений сосуществовал со скульптурой, выполненной в реалистическом стиле. Реалистическое скульптурное изображение, по всей вероятности, было вызвано их особой ролью в жизни энеолитического населения. К таким изображениям мы относим

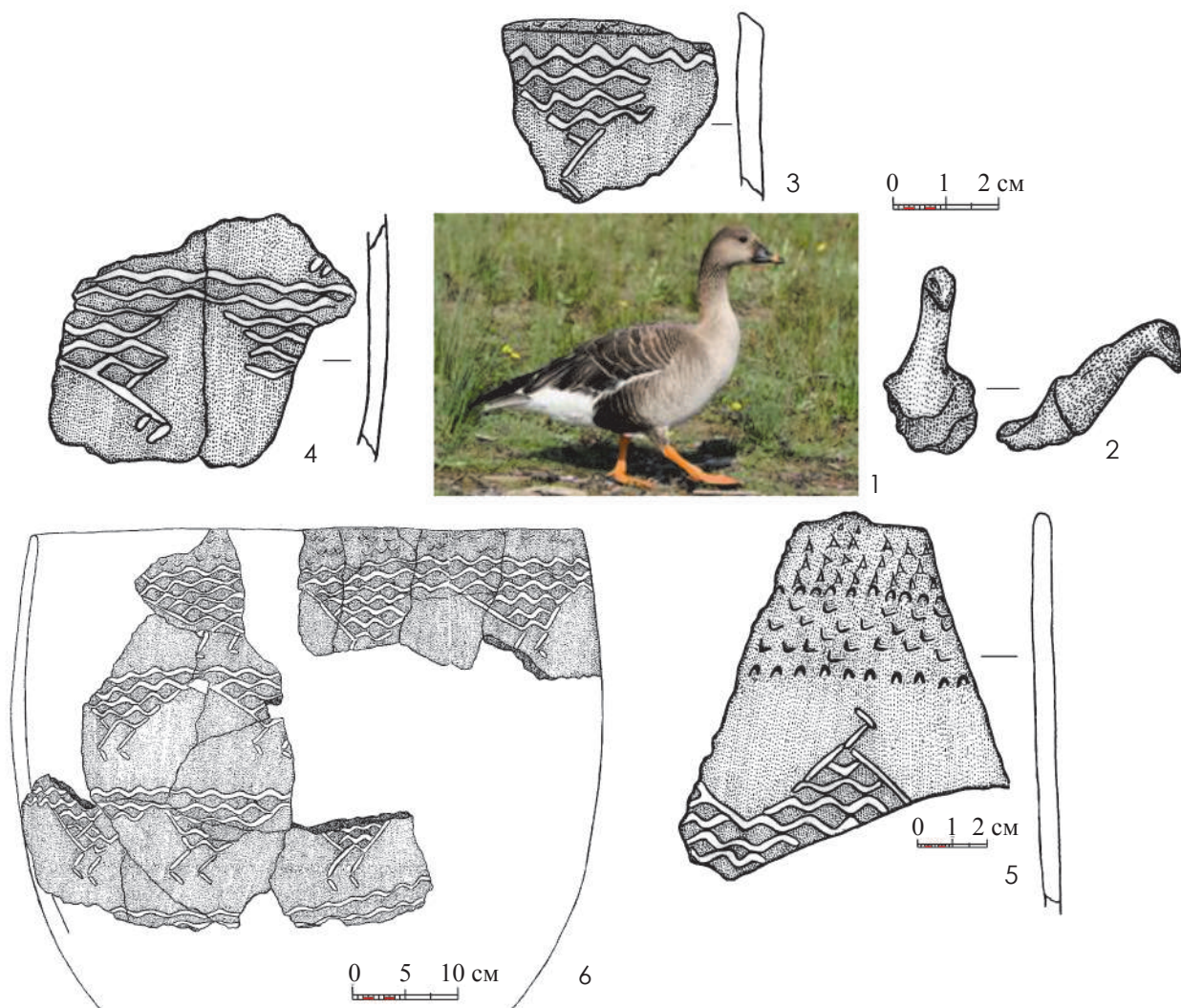

Рис. 1. Водоплавающие.

- 1 — фото серого гуся; 2 — скульптурное изображение «гуся» на миниатюрном сосуде;
 3–5 — фрагменты сосудов с графическим изображением водоплавающей птицы;
 6 — реконструкция сосуда с изображением водоплавающих птиц

скульптурный налеп в виде головы водоплавающей птицы. Неглубокую овальную ложковидную емкость венчает реалистичная головка с выраженным клювом. Шея длинная, глаза (возможно, случайно) выражены неглубокими сколами, клюв острый, средней длины (рис. 1, 2).

Куропатка. В материалах поселения Горный Самотнёл-1 встречены сосуды малых форм и миниатюрные сосуды в виде ковши или ложки с ручками, украшенными головами птиц. Характерно стремление мастера передать натуру таким образом, чтобы изображение передавало зрительное впечатле-

ние образа, близкого к натуре. В некоторых случаях это достигается путем передачи одного силуэта в характерной позе, без проработки деталей. В качестве примера обратим внимание на неорнаментированную овальную чашечку, увенчанную слабо выраженной головой на короткой шее (рис. 2, 2). Сосуд можно интерпретировать как сидящую куропатку. Вполне вероятно, что птица изображена в зимний период, когда она прячется в глубокий снег, а оперение ее белого цвета. Прослеживается также тенденция отразить отличительные особенности оригиналов. Пример тому — миниатюрный сосуд

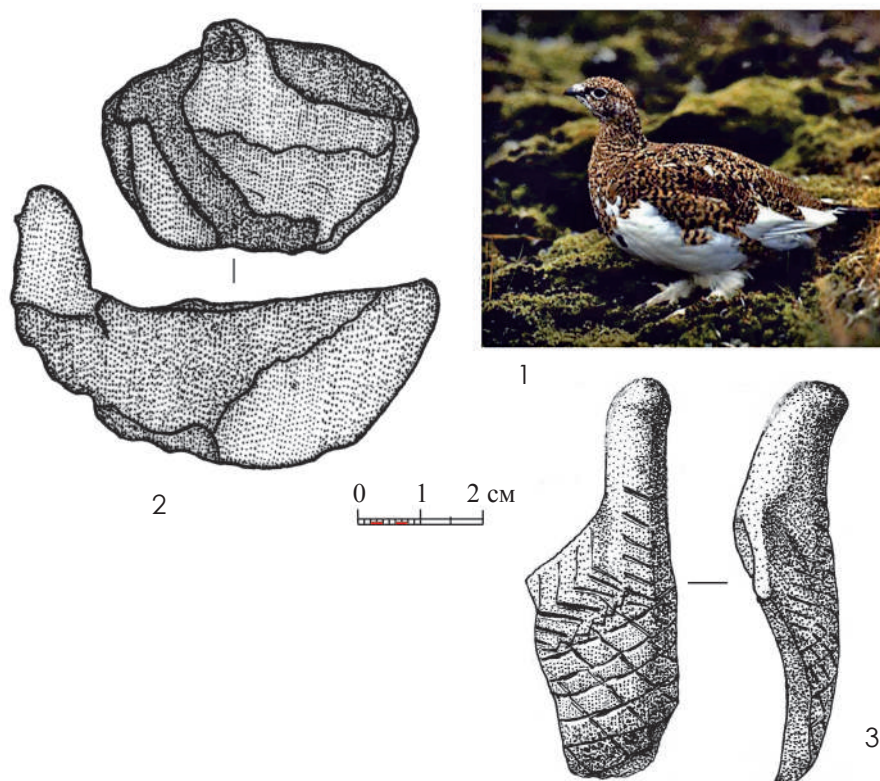

Рис. 2. Куропатка.

1 — фото тундровой куропатки; 2–3 — скульптурное изображение «куропатки» на миниатюрных глиняных сосудах ложковидной формы

ложковидной формы с ручкой в виде головы куропатки на вытянутой шее (рис. 2, 3). Такая поза характерна для полета птицы. Внешняя поверхность сосуда орнаментирована разнонаправленными оттисками уголкового штампа с острым рабочим краем, имитирующими пестрое оперение птицы, свойственное ей для летнего периода.

Сова. Изображения сов также делятся на реалистичные (рис. 3, 2–3) и стилизованные (рис. 3, 4–6), выполнены все они скульптурным наклепом, графических изображений нет. Реалистичным выглядит ромбовидный наклеп с вытянутым в виде клюва нижним углом. Стилизованная головка птицы возвышается над кромкой венчика прямостенного сосуда на 0,6 см. Сверху в центре ромба проделан глубокий накол палочкой. Глаза выполнены также наколами, расположены они на боковых гранях ромба по обе стороны угла (клюва) с внутренней стороны сосуда. Внешняя поверхность фрагмента орнаментирована двойными оттисками уго-

кового штампа с острым рабочим краем, что, несомненно, символизирует оперение птицы (рис. 3, 3).

Еще более реалистичным выглядит второе изображение птицы (рис. 3, 2). Фигурка оформлена в виде вертикально закрепленной декоративной ручки-петельки, увенчанной «ушастой» головкой. Голова ориентирована лицевой частью наружу и немного возвышается над кромкой венчика сосуда. Верхняя часть скульптурного изображения трансформирована из кромки путем отгиба и вытягивания изнутри сосуда. Мастер максимально точно передал видовые особенности изображаемой птицы. Особенно точно небольшими срезами снизу обозначены очертания крючковатого клюва. Глаза переданы глубокими полукруглыми оттисками. Тело, покрытое тремя вертикальными линиями мелких полукруглых оттисков штампа, ассоциируется с пышным оперением полярной совы. Внешняя поверхность фрагмента сосуда также орнаментирована

крупными оттисками уголкового штампа с острым рабочим краем.

Третья группа изображений представлена скульптурными налестками на ладьевидных сосудах (рис. 3, 4–6). Они отличаются от предыдущих образов более схематичным исполнением и, скорее, схожи с изображением мелких пушных зверьков, часто встречающихся на сосудах поселения (рис. 3, 7–8). Однако от изображений пушных зверьков их отличает оформление головы. Если у зверька четко вылеплены уши сразу перед спинкой, то у птицы «ушастая» голова обозначена глубокой выемкой с обратной стороны. Тело птицы чаще всего украшено оттисками уголкового штампа с острым рабочим краем, у зверьков же спинка могла ornamentироваться линиями или точками.

или же оставалась гладкой. Примечательно, что практически все совы на керамике поселения изображены спиной вперед с вывернутой на 180 градусов головой.

Интерпретация орнитоморфных образов чаще всего ведется через анализ сверхъестественных способностей птицы, которых человек был лишен, к которым стремился приблизиться и приобщиться. Безусловно, они сыграли свою роль в формировании символа, но в данной работе мы рассмотрим практические факторы, которые могли участвовать в процессе символизации орнитоморфов.

Видовое разнообразие птиц, употреблявшихся человеком, поражает и убеждает исследователей в существовании отработанных многочисленных приемов ловли подвижной

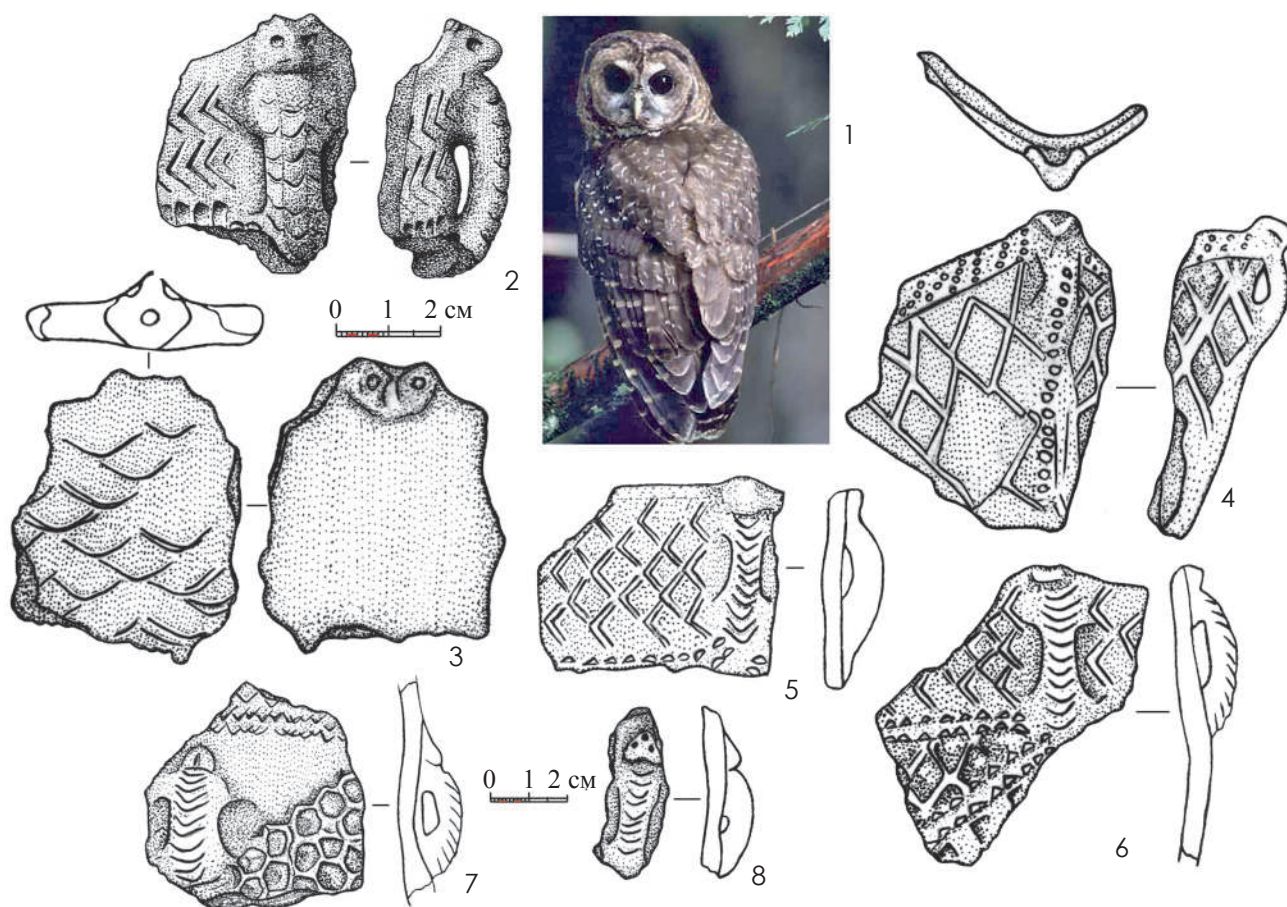

Рис. 3. Сова.

1 — фото болотной совы; 2–3 — реалистичные скульптурные изображения «совы» на глиняных сосудах;
4–6 — стилизованные изображения «совы» на сосудах ладьевидной формы;
7–8 — фрагменты стенок сосудов с изображениями «пушных зверьков»

дичи. Только в пределах географических границ полуострова Ямал в настоящее время отмечено 186 видов птиц, из них гусеобразных (водоплавающих) — 16 видов, совообразных — 2 вида, курообразных — 5 видов [Природа Ямала 1995, 75–84, 271–289]. Традиционно гусеобразные и курообразные являются промысловыми. Наиболее привлекательным для охотников продуктом, судя по идентифицированным костям и изображениям на керамике, были куропатка, утка или гусь. В тундре обитают два близких по своей биологии вида *куропаток* — белая и тундровая. Оба вида небольшого размера и благодаря ягодному рациону питания (голубика, черника, брусника, клюква и морошка) имеют очень вкусное мясо. Предпочитают куропатки моховые болота среди леса или заросли ивняков и низкорослой полярной березы. Следует отметить, что окрестности поселения Горный Самотнёл-1 в Приуральском районе ЯНАО, где проводились раскопки, по всем показателям благоприятны для жизни куропаток и в настоящее время. Большая семья тундровой куропатки и спустя 5 тыс. лет живет в ивняке у ручья, рядом с памятником. В отличие от куропаток, которые могли селиться в непосредственной близости от жилищ человека в древности, чтобы добыть *гуся*, нужно отправиться за ним на озеро или болото. Благо, небольших озер и тем более болот в радиусе 5–10 км от поселения было достаточно.

Каждому охотнику известно, что летающая дичь (в первую очередь, мигрирующая) в течение года переживает несколько периодов, когда она лишена преимущества быстрого передвижения. В конце весны и ранним летом птица откладывает яйца и заботится о выводке; в середине-конце лета она линяет, а ее выводок только набирает вес; ранней осенью (как и ранней весной) начинаются миграции, что связано с появлением и скоплением в одном месте большого количества птицы. В эти периоды ее можно добывать, используя только примитивные сети и силки. Для человека в этот период по различным обстоятельствам также меняются условия жизни, разнообразие

пищи, одни традиционные занятия сменяются другими.

Несмотря на то, что на поселении кости животных выявлены в несоизмеримо больших количествах, птица, несомненно, добывалась и употреблялась в пищу. Однако есть основания полагать, что для жителей поселения, чье традиционное ведение хозяйства заключалось главным образом в рыболовстве [Тупахин 2015, 319–321], птица служила лишь экстренным источником питания. Дело в том, что, по данным микробиоморфного анализа почв из разрезов жилищ, территория поселения в определенный период года (скорее всего, весной) была непригодной для проживания и ведения традиционного хозяйства, так как была затоплена [Тупахина, Тупахин 2013]. Именно птицы в самое тяжелое время года, в межсезонье весны и лета, могли стать для древних жителей Заполярья основным источником мясной пищи. Птица давала малое количество продукта, но достаточное, чтобы пережить межсезонье или неудачную охоту, тогда, когда это было необходимо. Данное обстоятельство могло способствовать обособлению орнитоморфных образов от зооморфных (наглядный пример — казалось бы, незначительные отличия в изображении совы (рис. 3, 4–6) и пушного зверька (рис. 3, 7, 8) и их подвидовому разделению. Именно в таком контексте восприятия реальности птица могла дать толчок к появлению специфического символа, выражающего надежду на возвращение к привычному жизненному укладу. В этом, на наш взгляд, и заключается особенное отношение к водоплавающей птице, дающее повод изображать ее на предметах культа, в том числе на керамической посуде.

Другое дело — *совы*. Фигура более чем загадочная. Постоянно наблюдая за живой природой вокруг себя, древний человек не мог не заметить некоторые физиологические особенности этих птиц, связанные с анатомическим строением. У совы неподвижные глаза, она не может ими вращать, в отличие от млекопитающих и большинства птиц. К тому же направлены они

вперед, вследствие чего у совы узкое поле зрения. Это необходимо ей при охоте в темноте, где надо точно фокусировать зрение на определенном предмете. Удивительная способность совы поворачивать голову назад так, что поле ее зрения расширяется вплоть до 180 градусов, позволяет видеть все вокруг себя. Кроме того, совы обладают чрезвычайно острым зрением и слухом. Практическое использование хищной птицы в хозяйстве древнего человека, очевидно, связано с ее ночным образом жизни и рационом питания. Грызуны во все времена преследовали человеческие поселения, портя запасы и предметы быта, разнося опасные болезни. Поскольку грызуны, так же как и совы, предпочитают вести ночной образ жизни, среди открытого вытоптанного межжилищного пространства и низких полуземлянок, они становятся довольно привлекательной и легкой добычей для птицы. Таким образом, сова, истребляя грызунов, для жителей поселения выступает в роли защитника и покровителя. Человек получал пользу от присутствия совы в его жизни, соответственно, эта практическая польза в его представлениях могла перерасти в обожествление птицы, присвоение ей, помимо реальных, сверхъестественных функций. Так могли появиться изображения сов в виде скульптур, украшающих керамические сосуды. Сидящие на венчике птицы, с развернутой на 180 градусов головой, вероятно, выполняли охранные функции содержимого сосуда. Несомненно, данное предположение относится к разряду догадок, однако, по нашему мнению, не лишено смысла.

Таким образом, согласно обозначенным целям работы и описанному материалу, мы попытались уточнить повседневный статус птиц в хозяйстве эпохи энеолита Севера Западной Сибири и, в связи с этим, мотивы появления орнитоморфных изображений на керамике. На основании комплексных естественно-научных исследований почв поселения, анализа остеологических остатков, физиологических особенностей и особенностей образа жизни птиц на Ямале, а также известных орнитоморфных изображений

на керамике, были сделаны следующие выводы. Во-первых, водоплавающие и курообразные (утки, гуси, лебеди, куропатки), скорее всего, использовались населением в качестве экстренного источника питания, когда другие источники были недоступны или затруднены, следовательно, появление специфических символов — образов на предметах культа как выражение надежды на возвращение к привычному жизненному укладу, видится вполне логичным. Во-вторых, появление образа не промысловой птицы — совы, на керамике могло заключаться в естественных характеристиках, присущих ее природе, которые человек косвенно использовал для своей выгоды в реальном мире и, преумножая, переносил эти функции в духовный мир.

Литература

- Бобров, В. В. Орнитоморфный образ в орнаментальной графике древних народов Западной Сибири / В. В. Бобров // Вестник КемГУ. — Кемерово: 2013. — № 3 (55). — С. 5–12.
- Васильев, Е. А. Поселение Вары-Хадыта II и проблемы первобытной археологии Ямала / Е. А. Васильев // Науч. вестн. — Вып. 3: Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. — Салехард: 2000. — С. 24–31.
- Воробьев, Д. Н. Зооморфизм в искусстве Верхнего и Среднего Поволжья в эпоху мезолита-энеолита / Д. Н. Воробьев / Автореферат на соискание степени кандидата исторических наук. — М.: 2009.
- Гурина, Н. Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР / Н. Н. Гурина // МИА. — 1961. — № 87.
- Гурина, Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических племен / Н. Н. Гурина // КСИА. — 1972. — Вып. 131. — С. 36–45.
- Жарникова, С. В. Архаические корни традиционной культуры русского Севера / С. В. Жарникова / Сборник научных статей. — Вологда: МДК, 2003. — 98 с.
- Жульников, А. М. Плоскостные изображения на керамике в контексте взаимодей-

ствия древнего населения Восточной Европы и Зауралья / А. М. Жульников // Труды КАЭЭ ПГПУ. — 2011. — № 7. — С. 23–36.

Крюкова, Е. А. Зооморфная скульптура эпохи неолита – энеолита с территории степной и лесостепной зоны Восточной Европы / Е. А. Крюкова // Известия Самарского научного центра РАН. — Самара: 2011. — № 3–1. — С. 264–268.

Кудрич, О. С. Керамика поселения Горный Самотнёл как компонент формирования культуры населения низовьев Оби в эпоху энеолита – бронзы / Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний / О. С. Кудрич // Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. — Томск: 2010. — С. 192–194.

Кудрич, О. С. Север Западной Сибири: новые источники по энеолиту – раннему бронзовому веку низовий Оби / О. С. Кудрич / Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. — Т. 1. — СПб. – Великий Новгород: 2011. — С. 233–234.

Морозов, А. В. Мелкая пластика эпохи неолита – энеолита на территории Сибири / А. В. Морозов // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. — М.: 2010.

Морозов, А. В. Мелкая пластика эпохи неолита – энеолита Сибири (к проблеме функционально-смыслового назначения) / А. В. Морозов, О. В. Умеренкова // Вестник КемГУ. — Кемерово: 2015. — № 1–3 (61). — С. 71–77.

Мошинская, В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири / В. И. Мошинская. — М.: 1976.

Носкова, Л. В. Скульптурные зооморфные изображения на неолитических сосудах Кокшаровского холма / Л. В. Носкова, А. Ф. Шорин // Миф и символ в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции. — Нижний Тагил: Изд-во НГСПА, 2007. — С. 22–27.

Природа Ямала / Колл. авторов. — Екатеринбург: Наука, 1995. — 435 с.

Тупахина, О. С. Микробиоморфный анализ почв поселения энеолита Горный Самотнёл-1 / О. С. Тупахина, Д. С. Тупахин // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Материалы всероссийской научной археологической конференции. — Екатеринбург – Сургут: 2013.

Тупахина, О. С. Стратиграфия и планиграфия поселения эпохи энеолита Горный Самотнёл-1 / О. С. Тупахина, Д. С. Тупахин // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург: 2014. — № 2 (43). — С. 41–52.

Тупахин, Д. С. Рыболовство на Севере Западной Сибири как адаптационная стратегия ранних эпох / Д. С. Тупахин // IV Северный археологический конгресс. Тезисы докладов 19–23 октября 2015. — Ханты-Мансийск–Екатеринбург: 2015. — С. 319–321.

Чаиркина, Н. М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья / Н. М. Чаиркина // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: 1998. — Вып. 23. — С. 81–104.

Д. С. Тупахин
ГКУ ЯНАО «Научный центр
изучения Арктики»,
Салехард, Россия
e-mail: dantupahin@gmail.com

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛЕКЦИИ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНЫЙ САМОТНЁЛ-1

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение комплекса каменных изделий из коллекции, полученной в ходе раскопок энеолитического поселения Горный Самотнёл-1, первоначальный анализ их функционального назначения, группировка в типологическую схему, поиск аналогий в уже известных памятниках. Материалы иллюстрируют характерную технику камнеобработки, основанную на использовании местных пород камня и, несомненно, представляют интерес для исследователей каменного века Севера Западной Сибири.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, каменный инвентарь, кварцево-сланцевые индустрии, эпоха энеолита.

Поселение Горный Самотнёл-1 открыто в 2009 г. местными жителями, которые передали собранные фрагменты керамики в МВК им. Шемановского, г. Салехард. С 2010 г. на памятнике проводятся стационарные раскопки под руководством О. С. Тупахиной (Кудрич). Географически памятник расположен на правом берегу Оби в нижнем ее течении, на административной границе современного Приуральского и Ямальского районов ЯНАО. В течение четырех сезонов полевых работ выявлено и частично изучено раскопками крупное жилище, несколько хозяйственно-бытовых построек, хозяйственный объект в виде глубокой траншеи, в которой предположительно хранились заготовленные продукты. Мощность культурного слоя памятника составляет в среднем 0,7 м для межжилищного пространства и более 2 м — для хозяйственных построек и жилища, что выделяет пос. Горный Самотнёл-1 в ряду ранее известных памятников эпохи энеолита – бронзы на территории нижнего Приобья. Другой отличительной чертой рассматриваемого памятника является обилие артефактов, которых на данный момент насчитывается более 30 000 единиц при 242 кв. м вскрытой раскопами площади. К важным особенно-

стям относятся также выразительный многокомпонентный керамический комплекс поселения, высокая степень сохранности изделий из органических материалов, таких как фрагменты рыболовной сети, берестяная оплетка каменного грузила, фрагменты каркасно-столбовой конструкции жилища, выстилки из сшитых между собой листов бересты. Благодаря сохранившимся столбам из лиственницы, методом дендрохронологического датирования была уточнена и дополнена серия дат, полученных ранее методом радиоуглеродного анализа (4360 ± 80 BP(Le-9388); 4390 ± 35 BP(Le-9389); 4370 ± 50 BP(Le-9390)). Таким образом, усредненная датировка (3050–2900 гг. до н. э.) позволяет отнести пос. Горный Самотнёл-1 к эпохе энеолита.

Коллекция каменного инвентаря, полученного в ходе раскопок 2011–2014 гг., представлена в количестве 1359 (табл. 1) артефактов, включает в себя весь комплекс каменных артефактов (как готовые орудийные формы, так и производственные отходы).

Исходное сырье. В качестве исходного сырья использовались сланцы (59 % от общего числа находок), кварц и кварцит (30 % от общего числа находок), прочие породы камня (11 %). Большую часть коллекции составляют

Таблица 1

Распределение артефактов по технолого-морфологическим признакам

	Сланцы	Кварц и кварцит	Окремненные породы	Диабазы, габбро, песчаник и проч.
Галька колотая (нуклеус)	2	26		10
Наконечник ретуш.			1	
Наконечник (целые и в обломках)	143			1
Нож	36	1		
Ножевидная пластина	2		10	
Обломок орудия	5			
Отщеп	196	189	8	10
Скол	237	223	4	68
Скребок	3	71	1	5
Тесловидное орудие	4	1		10
Наконечник дротика с ретушью			1	
Нож ретуш. на пластине			1	
Обломок ножевидной пластины			1	
Пластина			2	
Грузило рыболовное (диск)				1
Заготовка орудия				7
Плитка каменная	1			1
Курант				1
Лоцило				1
Орудие с неопр. функцией	10	4	3	23
Пест		2		1
Топор				3
Осенок				4
Долото	1			
Проколка	1			
Наконечник стрелы (заготовка)	2			
Массивный отщеп	2			
Пластинчатый отщеп	11	2		5
Абразив				2
Отбойник				1
Итого:	656	519	31	153

побочные продукты расщепления — сколы и отщепы, что свидетельствует об изготовлении каменных орудий непосредственно на площадке памятника. Техника обработки каменного сырья и его первоначальный отбор обуславливаются «потребительскими» свойствами используемых пород камня, среди которых изотропность, способность да-

вать раковистый излом, твердость [Деревянко, Маркин, Васильев 1994]. Таким образом, первоначальная классификация материалов основывается на распределении всего разнообразия каменных артефактов по пяти условным сырьевым группам без детального минералогического анализа используемых пород.

Технология расщепления камня, представленная на памятнике, базируется, в большей своей массе, на двух типах сырья — сланцах и кварцитах. Также важно отметить практически полное отсутствие кремневых орудий. В коллекции памятника обнаружена лишь небольшая серия кремневых изделий — несколько пластин правильной огранки, один ретушированный кремневый нож и небольшой наконечник стрелы. Учитывая то, что все изделия залежали компактно, а также отсутствие отходов обработки кремня на памятнике целесообразен вопрос об импортном происхождении этих изделий. Древними мастерами использовались и прочие породы камня — выделенные в категорию «зернистых» — габбро, диабазы, гнейсограниты, песчаники и т. п. Имея плотную массивную или зернистую текстуру, породы этой группы малопригодны для расщепления и использовались, как правило, без специальной обработки (в качестве отбойников, наковален, абразивов, пестов и т. д.).

Технологический процесс

Характерные «потребительские» свойства используемого сырья определяют технологические цепочки утилизации камня. Так, например, при обработке группы «мягких» сланцев преобладает абразивная техника обработки, а при использовании в качестве сырья «твердых» кварцев преобладает техника контрударного расщепления. Важно отметить, что выбор определенной стратегии обработки каменной заготовки зависит от морфологии изготавливаемого орудия.

Технологический цикл обработки сланца разделяется на два технологических цикла. В первом случае орудия оформлялись на тонких пластинах-заготовках. К этой группе относятся ножи и наконечники. Расщепление исходной заготовки (плитки или некрупной гальки сланца) производилось по естественной структуре камня (т. н. сланцеватости). С большой долей вероятности можно предположить, что на этом этапе

расщепления для контролируемого расщепления использовалось орудие-посредник. Тонкие пластины сланца, полученные на этом этапе, получали дополнительную ударную обработку (пластины ретушировались либо оббивались), в результате чего изделию придавался черновой контур. Следующий этап — грубая абразивная обработка позволяла уточнить контур изделия, наметить режущие грани и черешок. На заключительном этапе обработки полученные изделия подвергались заключительной абразивной полировке. Подавляющее большинство изделий, входящих в эту категорию, составляют наконечники стрел, выполненные из тонких сланцевых пластин. Их форма представлена в виде иволистного либо треугольного контура со значительно вытянутой вершиной (рис. 1, 1).

В коллекции каменного инвентаря также встречены рубящие изделия из сланцев. Для изготовления тесел и долотцев использовались небольшие гальки сланца подходящей формы (как правило, прямоугольной). Для чернового оформления контура будущего орудия использовалась ударная техника (оббивка, ретуширование). Для формирования окончательного контура изделия применялась абразивная обработка. При помощи абразивной обработки также затачивались рабочие кромки орудия (рис. 1, 2).

Технологический цикл обработки кварцев и кварцитов. В этом технологическом цикле различают первичную и вторичную обработку. Стадия первичной обработки подразумевает расщепление исходных конкреций камня, подготовку нуклеусов и нуклеидных кусков, снятие сколов-заготовок. Стадия вторичной обработки подразумевает оформление готовых орудий на заготовках-отщепах.

На стадии первичной обработки использовались приемы как ударного, так и контрударного (на твердой наковальне-опоре) расщепления. Свидетельством использования контрударной техники расщепления является характерная «звездчатая» забитость на двух противоположных площадках

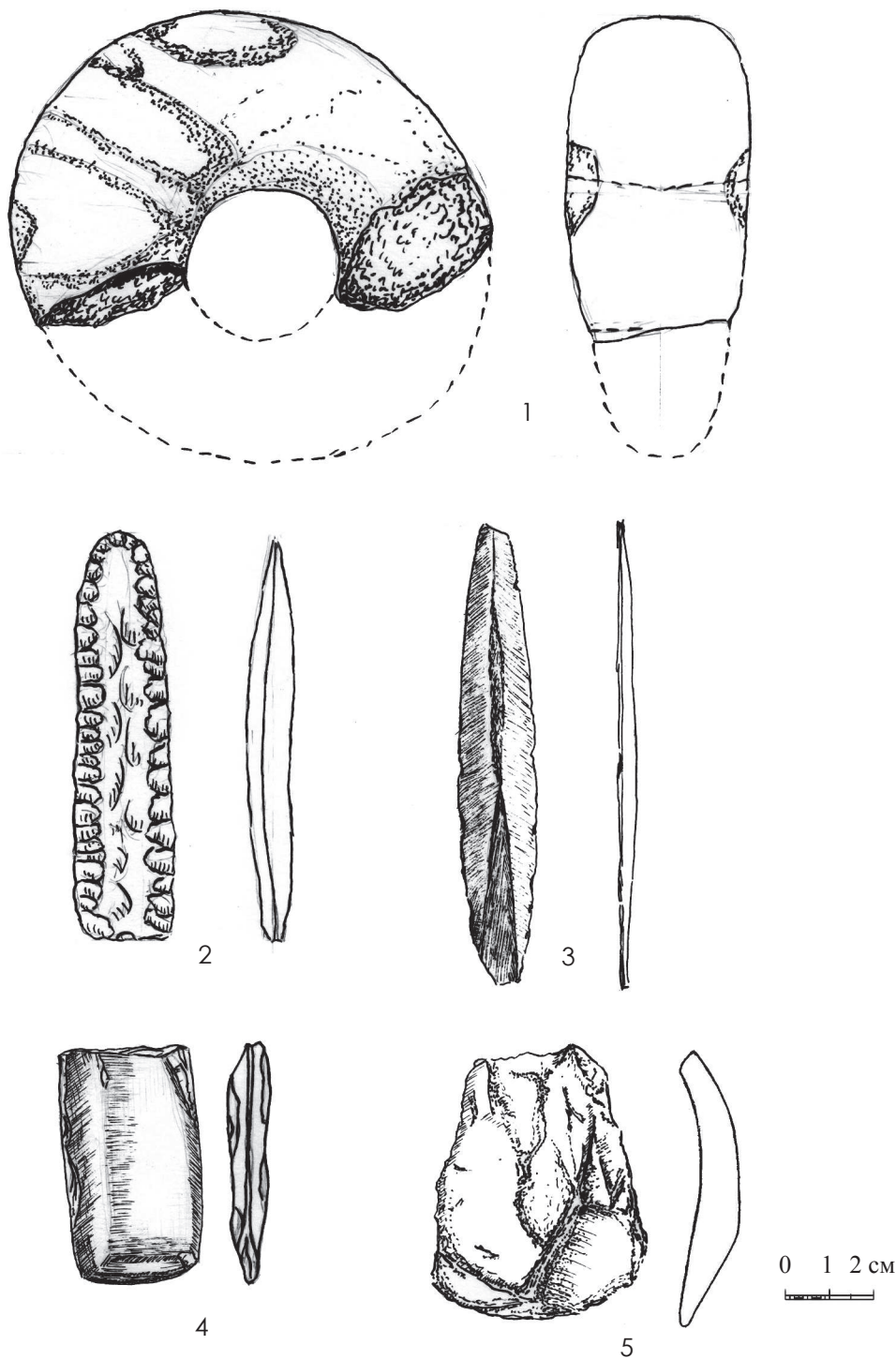

Рис. 1. Каменный инвентарь поселения Горный Самотнёл-1.
 1 — крупнозернистая порода, 2 — кремнь, 3, 4 — сланец, 5 — кварцит

кварцевых нуклеусов. Наибольшая часть коллекции, относящейся к группе кварцев и кварцитов, представлена в виде сколов и отщепов. Также встречаются целые гальки, нуклеидные обломки (торцевые одно-

фронтальные), нуклеусы со следами снятий. Рассматривая коллекцию изделий из кварца и кварцитов, стоит отметить сложность выделения устойчивых морфологических групп. Так, с известной долей осторож-

ности, к готовым изделиям стоит отнести тонкие сколы (толщина скола до 0,8 мм, порядка 40 % от всех артефактов из кварца). Подобные изделия представлены в основном отщепами подпрямоугольной формы, они без дополнительной обработки могли использоваться в качестве резцов, скребков, ножей и скобелей. В целом обработка кварцев и кварцитов — достаточно сложный процесс, поскольку внутренняя структура камня (кристаллическая, трещиноватая) затрудняет получение устойчивых типов заготовок, приводит к получению массы побочных сколов и отщепов. Учитывая сложность обработки кварца и сходных с ним по морфологии пород [Тарасов 2008], следует отметить находку тесла, изготовленную из «цитрона», снятого с кварцитово-галечки. Режущая кромка орудия получена грубой ретушью (рис. 1, 3). Также стоит отметить находки кварцевых ножевидных пластин с правильной огранкой спинки, изготовленных из почти прозрачного кварца, подобные классическим кремневым пластинам. Данная находка свидетельствует о высоком уровне древнего мастера, сумевшего приспособить технику скола к такому сложному в обработке материалу, как кварцит.

Изделия из мелкозернистых, плотных пород камня

К изделиям этой группы относятся, как правило, массивные орудия из крупных окатанных галек, мелких валунов [Постнов, Кулик 2009]. Камень природной формы подправлялся до требуемых мастеру контуров грубыми сколами. Среди орудий из мелкозернистых пород — долотовидные и тесловидные орудия, топоры, песты, ступки для растирания, грузила для сетей, наковальни в виде камней с выбитыми лунками. К данной группе также относятся изделия из крупных галек, с обработанными грубыми сколами внешними фасками и отверстием в центре. В качестве заготовок для тесел и стамесок использовались как части расколотой галечки, так и целые камни, на которых оставлена часть галечной корки. Интересны

различные варианты каменных сетевых грузил. В настоящий момент их выделено два вида. В первом случае грузила изготовлены из плоского валуна, у которого сколами обработаны внешние фаски. В центре такого грузила в технике абразивного сверления изготавливалось отверстие для подвешивания к сети (рис. 1, 4). Другой вариант сетевого грузила — небольшая галечка в берестяной обертке. В этом случае камень оборачивался целым куском бересты, концы которого закручивались в жгут. За получившиеся концы-жгуты грузило привязывалось к сети. Аналогии второму типу грузил имеются в материалах энеолитических памятников Среднего Зауралья [Чаиркина 2005].

Орудия абразивной камнеобработки из «зернистых» пород

К зернистым породам следует отнести изверженные, осадочные и метаморфические породы камня, как габбро, диабазы, песчаники и т. п. Они представлены в виде естественных обломков и окатанных галек, имеют плотную, массивную или зернистую структуру, отличаются плотностью и практически непригодны для расщепления на пластины. В коллекции присутствуют только крупные массивные сколы, обломки галек. К изделиям этой группы относятся орудия для вторичной камнеобработки, заточные оселки, абразивы различных форм. В материалах коллекции представлен крупный (110×45 см) валун неправильной формы, служивший плитой для растирания охры. Следы охры хорошо сохранились как в культурном слое, окружавшем валун, так и на самом камне, фиксировались в оставленных терочником глубоких бороздах.

Кремневые артефакты

Орудия данной группы представлены крайне незначительным числом (3 % от общего числа каменных артефактов) и в большинстве своем обнаруживаются в верхних горизонтах культурного слоя. Среди кремневых орудий — ножевидные пластины,

единичными экземплярами представлены такие изделия, как бифас, обработанный сплошной чешуйчатой ретушью (рис. 1, 5), наконечник стрелы подтреугольной формы. В случае с ножевидными пластинами, по цветовой гамме и текстуре камня можно предположить, что все они были сняты с одного нуклеуса. Также стоит отметить, что все найденные кремневые изделия сосредоточены в пределах небольшого участка раскопа.

Заключение

Характеризуя комплекс каменного инвентаря в целом, следует отнести его к типу «кварцево-сланцевых индустрий», характерных для широкого ареала памятников Северо-Западной Сибири. Отсутствие в распоряжении древних мастеров качественного сырья, которое сочетало бы в себе такие показатели, как прямота скола и твердость материала, заставило приспособляться к местным, менее пригодным для производства орудий, породам камня, идти на своеобразный компромисс между физическими и морфологическими показателями исходной породы. Наличие в непосредственной близости сланцев, кварцитов и зернистых пород камня (в виде галек в аллювиальных береговых отложениях) предопределило технологию обработки камня. Так, древними мастерами применялась техника контрударного расщепления для обработки кварцев и кварцитов, материала, хоть и предрасположенного к сложно контролируемым сколам, тем не менее, дающего острый рабочий край, необходимый для таких орудий, как скребки, резцы, скобели. Отчетливо видна ориентация на использование «местного» сырья и по отношению к сланцам, с одной

стороны, хорошо поддающимся расщеплению на отдельные пластины, с другой стороны — довольно мягкому материалу для последующей абразивной обработки. Исходя из этого, можно предположить, что проблема дефицита «традиционного» для каменного века сырья — кремня, успешно решалась адаптацией методов обработки камня к местным источникам сырья, в первую очередь сланцев и кварцев.

Литература

- Васильев, Е. А. Поселение Вары-Хадыта II и проблемы первобытной археологии Ямала / Е. А. Васильев // Научный вестник. — Вып. 3: Археология и этнология. — Салехард: Красный Север, 2000. — С. 24–31.
- Деревянко, А. П. Палеолитоведение: Введение и основы / А. П. Деревянко, С. В. Маркин, С. А. Васильев. — Новосибирск: Наука, 1994. — 288 с.
- Постнов, А. В. Геология, петрография и минералогия в археологических исследованиях: учеб.-метод. пособие / А. В. Постнов, Н. А. Кулик. — Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2009. — 102 с.
- Тарасов, А. Ю. Метрические критерии техники скола при анализе продуктов расщепления кварца: Опыт экспериментального изучения / А. Ю. Тарасов / Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. — Т. 1: Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. — СПб.: Наука, 2008. — С. 146–153.
- Чаиркина, Н. М. Энеолит Среднего Зауралья / Н. М. Чаиркина. — Екатеринбург: УрО РАН, 2005. — 312 с.

Ал. В. Гусев
ГКУ ЯНАО «Научный центр
изучения Арктики»,
Салехард, Россия
e-mail: Gusev962@mail.ru

Е. О. Святова
ГБУ культуры Свердловской области
«Научно-производственный центр по охране
и использованию памятников истории
и культуры Свердловской области»,
Екатеринбург, Россия
e-mail: svyatova@inbox.ru

С. М. Слепченко
Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт проблем освоения Севера СО РАН,
Тюмень, Россия
e-mail: s_slepchenko@list.ru

НОВАЯ НАХОДКА МУМИФИЦИРОВАННЫХ ОСТАНКОВ РЕБЕНКА (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЗЕЛЕНЬКИЙ ЯР, 2015 Г.)

Аннотация. В работе авторы делают попытку впервые подвергнуть научному анализу непотревоженное детское погребение, обнаруженное на позднем могильнике археологического комплекса Зеленый Яр, расположенного на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Систематизировать основные признаки погребального обряда этого захоронения, сравнить с ранее исследованными детскими захоронениями комплекса. В статье в общем виде представлены первые результаты проведенных полевых, камеральных, палеопаразитологических исследований детского захоронения. Также будет проведен сравнительный анализ погребального обряда детского захоронения с другими, ранее исследованными детскими погребениями могильников других регионов Западной Сибири.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, археологический комплекс Зеленый Яр, Средневековье, мумифицированные останки, компьютерная томография, палеопаразитология, генетические исследования, молекулярная археология, 3D-сканирование.

В культуре коренного населения Обского Севера зафиксировано особое отношение к детям и детству, что отражается и в погребальном обряде. Археологически этот аспект древних и средневековых культур Северо-Западной Сибири практически не изучен [Брусницына 2002, 168].

Археологический комплекс Зеленый Яр был обнаружен в 1997 г., исследовался в 1999–2002 гг. археологической экспедицией Института истории и археологии УрО РАН под руководством Н. В. Федоровой. Четыре года раскопок показали, что археологический комплекс состоит, как минимум,

Рис. 1. Фиксация погребения № 53 в полевых условиях до взятия его монолитом

из трех памятников: остатки литейной мастерской VI–VII вв. н. э., могильники VIII–IX и XIII вв. н. э. Результаты этих работ опубликованы в коллективной монографии [Зеленый Яр 2005, 7].

В 2013–2016 гг. исследования памятника у поселка Зеленый Яр были продолжены. Было вскрыто еще 37 погребений, относящихся к времени функционирования позднего могильника XIII в. н. э.

Погребальный обряд как детских, так и взрослых захоронений имеет много общего. Так, глубина могильных ям от древней поверхности варьировалась от 0,3 до 1 м. Ориентация их различна. Почти во всех погребениях взрослых были обнаружены грабительские вкопы, в детских следов ограблений не зафиксировано, очевидно, это связано с тем, что к моменту появления грабителей они уже не были заметны на поверхности. Сохранность останков погребенных различна: от остатков эмали зубов погребенного до анатомически полного скелета и даже мумифицированных останков людей. Подавляющее число захоронений принадлежит мужчинам и детям. Лишь в 2013 и 2015–2016 гг. были обнаружены остатки скелетов женщин, что не наблюдалось в прошлые годы раскопок. Все погребения, вне зависимости от пола и возраста, совершены по обряду трупоположения — вытянуто на спи-

не, руки уложены вдоль тела. В некоторых могилах фиксируются остатки деревянных конструкций и берестяных покрывал.

Таким образом, за 8 лет исследования памятника было вскрыто 72 погребения, 22 из которых содержали останки детей, умерших в возрасте от младенчества до 9 лет, и одно захоронение подростка (?).

В полевом сезоне 2015 г. особого внимания заслужило погребение № 53, при расчистке которого была найдена неповрежденная погребальная конструкция, содержащая мумифицированные останки ребенка.

Полевое исследование захоронения

Погребение ориентировано по оси север-юг, с небольшим отклонением к западу (рис. 1). Размеры могильной ямы на первом уровне фиксации составляли 151 см по продольной оси, ширина в южной (наиболее широкой) части погребения 36 см. Учитывая отличную сохранность выявленного объекта, было принято решение произвести извлечение комплекса в виде монолита с подлежащим грунтом для проведения предварительного инструментального исследования (компьютерной томографии) и последующего вскрытия в лабораторных условиях.

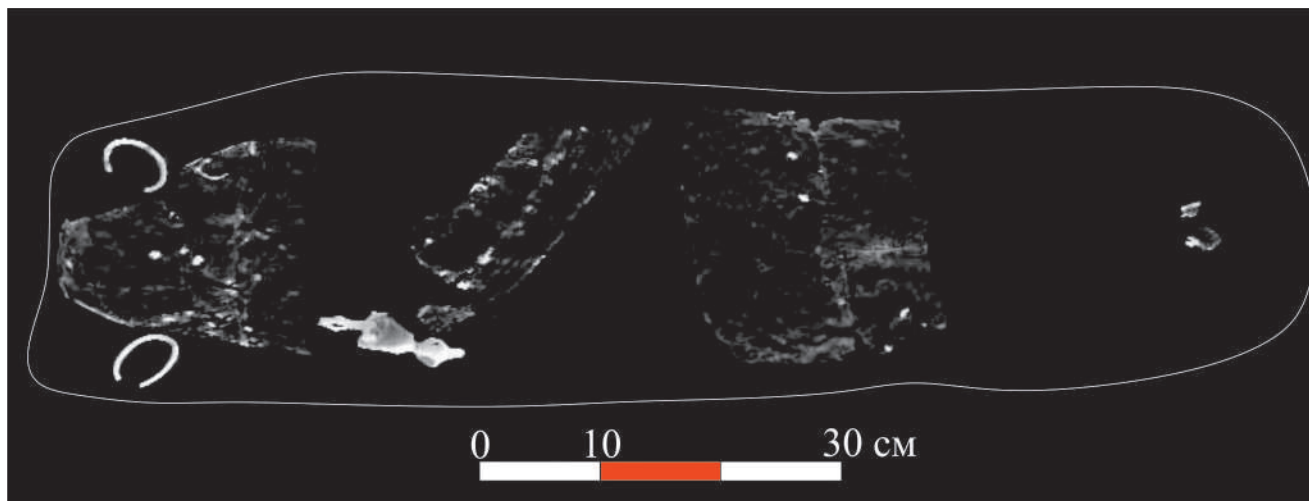

Рис. 2. Результаты компьютерной томографии погребения

Исследование с помощью компьютерной томографии

Следующим этапом исследования погребального комплекса было проведение компьютерной томографии. Обследование проводилось в Салехардской окружной клинической больнице. Анализ показал, что в комплексе находятся останки человека, перекрытые в области головы, в области груди – живота и в области бедер металлическими пластинами (рис. 2). В проекции

правого плеча, теменных костей и стоп погребенного располагаются артефакты из металла.

Кроме того, степень прирастания эпифизов трубчатых костей, сформированность зубо-челюстной системы позволили определить возраст погребенного. На момент смерти ребенку было около 7–8 лет (рис. 3).

Так же результаты компьютерной томографии показали наличие на длинных костях ног линий Гарриса (поперечно ориентированные костные пластинки в области

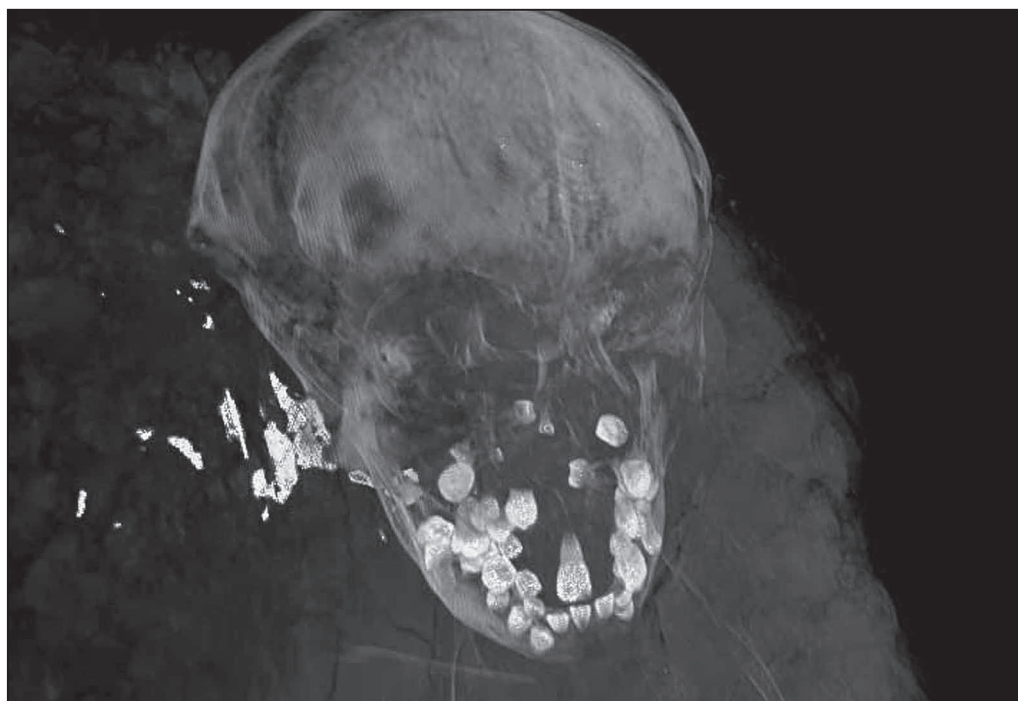

Рис. 3. Череп ребенка. Определение возраста ребенка

зоны роста длинных костей. Формируются в периоды задержки ростовых процессов организма). Признак используется в палеопатологии как индикатор эпизодического пищевого стресса (тяжелое заболевание или длительное голодание).

Камеральные исследования

Вскрытие погребальной конструкции осуществлялось в реставрационной лаборатории МВК им. Шемановского. В состав рабочей группы входили: руководитель работ Ал. В. Гусев, антрополог С. М. Слепченко, антрополог Е. О. Святова, консультант к. и. н. Н. В. Федорова, реставратор С. В. Питухин.

Первый уровень представлял собой верхнее берестяное перекрытие погребальной конструкции (рис. 4). Волокна бересты имели поперечную направленность. Перекрытие залегало не в плоскости, а представляло собой выпуклую конструкцию, максимально высокие точки которой приходились на среднюю продольную линию объекта. На внешней поверхности берестяного полотна были сформированы продольные складки, идущие на равном друг от друга расстоянии от одного торцевого конца конструкции к другому.

Следующий уровень фиксации представлял собой верхнее перекрытие деревянной конструкции, состоящее из луба (рис. 5). Форма слоя абсолютно идентична форме слоя берестяного перекрытия, включая наружные складки. По мнению С. В. Питухина, луб был взят не с березы, берестяной слой и слой луба являлись элементами единой конструкции, продольные складки сделаны целенаправленно в качестве ребер жесткости, их формирование производилось с использованием зубов человека (зажевывание). О подобном виде изобразительного искусства упоминает В. Н. Чернецов в статье «Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у манси)», где описываются узоры и методы выдавливания их зубами населением маленького стойбища на р. Вижая, притоки Лозьвы. В. Н. Черне-

цов также отмечает о малой изученности этого вида искусства, становившегося редким явлением уже в 1925 г.

Третий слой представлял собой меховое покрывало, лежащее ворсом вниз (рис. 6). Мех принадлежал северному оленю. Меховой слой перекрывал все останки погребенного, от области головы до области стоп.

Четвертый слой представлял собой меховой кокон, в котором, собственно, и залегали останки погребенного. Кокон был изготовлен из шкуры лисицы или песка.

Поверх кокона располагались крупные медные пластины от котла (рис. 7). Две пластины перекрывали область головы погребенного от теменных костей до подбородочной части. Поверх пластин располагались кожаные ремни.

Третья пластина от котла располагалась по диагонали относительно грудного отдела тела и живота.

Область бедер погребенного была перекрыта двумя прямоугольными медными пластинами. Поверх пластин, параллельно продольной оси объекта, располагался плетеный ремешок (материал к настоящему времени не уточнен). У правого бокового края обеих пластин и у левого нижнего угла проксимальной пластины фиксировались фрагменты кожаных ремней.

Необходимо отметить, что кожаные ремни, которые располагались поверх пластин, имели свободное положение ременных концов. Скорее всего, это свидетельствует о том, что перед процессом погребения ремни были развязаны или разрезаны.

После снятия медных пластин и слоя мехового кокона обнажились останки погребенного (рис. 8). Тело лежало вытянуто на спине, ноги выпрямлены. Часть останков скелетирована, часть мумифицирована. Мумификации подвергся лицевой отдел черепа, область верхних конечностей, груди и живота. Левая рука была повернута вовнутрь и уложена тыльной стороной кисти в центральной части таза. Правая рука выпрямлена и подведена под область таза. Также мумификации подверглась область бедер погребенного. Останки голеней и стоп скелетированы.

Рис. 4. Верхнее берестяное перекрытие погребальной конструкции

Рис. 5. Верхнее перекрытие деревянной конструкции, состоящее из дуба

Рис. 6. Меховой слой, перекрывающий все останки погребенного

Рис. 7. Меховой кокон, поверх которого располагались медные пластины от котла

В головной части мехового изделия (кокона) фиксировался шов, скрепляющий полотно, проходящее со стороны спины через затылочную кость на лицо, и полотно, перекрывающее тело с области ног до области головы. Шов выполнен грубыми стежками, через край, нитками темного цвета.

Из сопровождающего инвентаря были обнаружены следующие артефакты. В области головы погребенного, под слоем нижнего меха, обнаружены фрагменты выделанной кожи, лежащие поверх двух серебряных височных колец (рис. 9). Подобные височные кольца — характерная часть набора украшений начала II тыс. н. э. Такие же были обнаружены при разборке мумифицированных останков из погребения 27 могильника Зеленый Яр. Место производства — вероятнее всего, Пермское Предуралье.

В проекции правого плеча погребенного обнаружен бронзовый боевой топорик (рис. 10). Аналогичной формы топор, откованный из железа, хотя и больших размеров был обнаружен в погребении 27 могильника Зеленый Яр. Форма топорика повторяет известные формы топоров-чеканов начала II тыс. н. э. [Угорское наследие 1994, 106]. Известны детские игрушки в виде таких топориков из комплекса городища Ярте 6 (рубеж XI–XII вв. н. э.).

Между лезвием топорика и меховым коконом располагалась бронзовая зооморф-

ная пронизка и разрушенный железный предмет (скорее всего, фрагменты железного ножа) (рис. 11). Подобные зооморфные пронизки, состоящие из трубочки с каким-то изображением, чаще всего в середине, довольно редки. А. В. Бауло приводит в своем своде три подвески, на всех трех изображены птицы [Бауло 2011, 182–183]. Близкие аналогии подвеске из погребения № 53 неизвестны.

Нижним слоем исследуемого объекта являлись остатки деревянной погребальной конструкции. По мнению С. В. Питухина, конструкция состоит из двух элементов, изготовленных из разных пород дерева. Сохранность элементов плохая. Один из элементов изготовлен из дерева хвойной породы и представлял собой вытянутую чашу с приподнятыми краями, на которую и было уложено тело погребенного. К сожалению, сохранились лишь фрагменты этой чаши. Второй элемент сохранился в виде древесного тлена: фиксируются продольные стенки конструкции, проходящие параллельно продольным стенкам «чаши» и заходящие под нее.

Реконструкция

Таким образом, при реконструкции захоронения складывается следующая картина. Тело умершего было уложено вытянуто

Рис. 8. Мумифицированные и костные останки погребенного ребенка

на спине, ноги выпрямлены и сведены в области коленных и голеностопных суставов. Левая рука пронирована и уложена тыльной стороной кисти в центральной части таза. Правая рука выпрямлена и подведена под область таза с соответствующей стороны. Под стопы человека были уложены небольшие медные пластинки. В процессе исследования останков погребенного никаких элементов одежды обнаружено не было. Однако совпадение плоскости левой стопы и плоскости расположенной под ней пластины, которые находились под углом к горизонтальной, позволяют предположить (с известной долей осторожности),

что на ногах умершего ребенка была надета обувь или меховые чулки.

Затем тело было помещено в меховой кокон, нижнее полотно которого прошло под затылочной частью головы, через теменную область на лицевую часть и было сшито с верхней частью кокона, перекрывавшей тело.

Поверх кокона были уложены медные пластины от котла: две перекрывали область головы и располагались своими длинными осями поперек продольной оси тела, одна пластина по диагонали проходила через область груди и живота, еще две пластины перекрывали область бедер погребенного

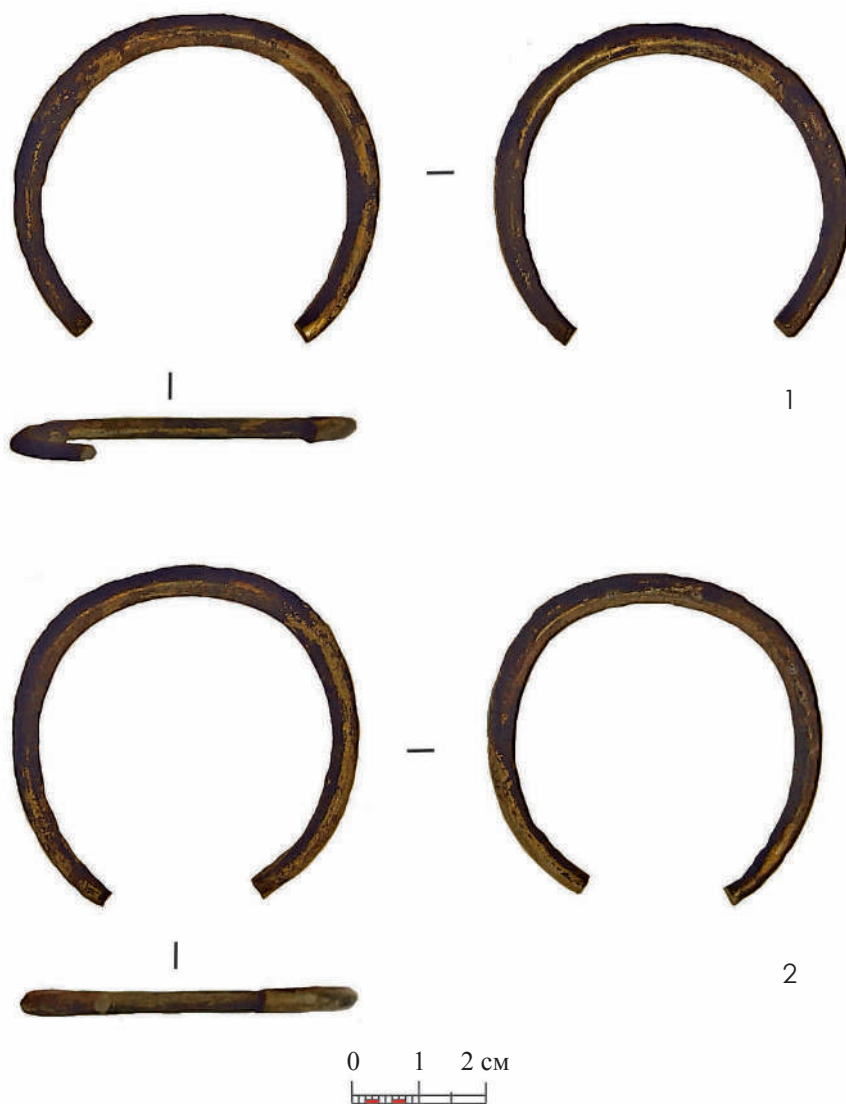

Рис. 9. Серебряные височные кольца

Рис. 10. Бронзовый боевой топорик

Рис. 11. Бронзовая подвеска-трубочка с фигуркой медведя на нижнем конце

и располагались своими длинными осями поперек продольной оси тела. Поверх пластин лежали кожаные ремни, однако свободное положение ременных концов, скорее всего, свидетельствует о том, что перед процессом погребения ремни были развязаны или разрезаны.

Меховой кокон был помещен на меховое покрывало. Под правое плечо погребенного, между слоями меха, были уложены бронзовый топорик, зооморфная пронизка и железный предмет; в височной области, слева и справа от головы, — медные изделия (пластинки, одна из которых свернута в разомкнутое кольцо).

Деревянный низ погребальной конструкции состоял из двух элементов: основы с узкими боковыми и широкими торцевыми стенками и вытянутой чаши с приподнятыми боковыми краями, на которую и было уложено тело в меховых покрывалах. В изголовье конструкции на ее дно были уложены серебряные височные кольца, сверху накрытые фрагментом выделанной кожи.

В настоящее время погребение № 53 помещено на временное хранение в специальное помещение ГБУ МВК им. И. С. Шемановского.

**Сравнительный анализ
погребального обряда детского
захоронения № 53
с другими детскими погребениями
могильника Зеленый Яр XIII вв. н. э.**

Обряд погребения № 53 аналогичен другим детским захоронениям, исследованным ранее на этом памятнике. Коротко о детском погребальном обряде в целом. Тела укладывались в деревянные колоды — саркофаги, имитирующие лодки, поверх которых фиксировались перевязки из растительных волокон. На теле наблюдались следы ременных перевязок. Оригинальной чертой погребального обряда могильника XIII в. н. э. является применение большого количества медных пластин, вырезанных из стенок котлов. Пластины укладывались поверх одежды/покрывала из меха. Все дети похоронены

либо завернутыми в меховые одеяла, либо одеты в меховую же одежду. Одежда распашная, следов ее повреждения не прослеживалось. На детей надеты головные уборы, похожие на капор, и обувь из оленьего камуса, аналогичная современным кисам. Иногда можно проследить наличие меховых чулок [Зеленый Яр 2005, 220]. Для детской одежды и одеял использовался мех бобра, соболя или куницы, россомахи, песца или лисицы [Там же, 210].

Таким образом, детское погребение № 53 имеет общие черты с другими, ранее исследованными детскими захоронениями могильника Зеленый Яр (следы ременных перевязок, применение медных пластин, меховые чулки-кисы, головной убор).

**Палеопаразитологическое
исследование захоронения**

Археопаразитология — научное направление, рассматривающее данные о кишечных паразитах в археологическом контексте. Выявление паразитов возможно при исследовании копролитов, проб грунта из тазового пояса, отложений из туалетов и различных отхожих мест древности, скелетных останков из музейных коллекций (например, исследование грунта осажденного на крестце и в крестцовых отверстиях), мумий человека и животных [Слепченко, Гусев, Федорова, Иванов, Святова 2016, в печати].

Образец для археопаразитологического исследования был взят из брюшной полости мумии ребенка. В надлобковой области мумифицированного тела был произведен разрез кожи до 2 см. Края отверстия были разведены пинцетом, и медицинским зажимом было извлечено около одного грамма содержимого брюшной полости. Контрольная проба грунта была отобрана у головы мумии, вне погребальной конструкции.

При микроскопировании препаратов были обнаружены 42 яйца овальной формы, светло-желтого цвета, что подтверждает, что ребенок уже с раннего возраста болел описторхозом.

Заключение

Дальнейшие работы будут направлены на комплексные исследования мумифицированных останков для получения знаний о населении, обитавшем в Нижнем Приобье в эпоху Средневековья, включающие: внешний облик, степень родства друг с другом и с ныне живущими коренными народами; верования, воплотившиеся в погребальном обряде; реалии быта (одежда, украшение, посуда), происхождение и экологическая приспособленность, состояние здоровья.

За период времени с конца 2015 г. по настоящее время начаты следующие работы. Генетическими исследованиями занимались две группы специалистов. Первая — сотрудники Института молекулярной генетики РАН (г. Москва) под руководством П. А. Сломинского и М. И. Шадринной. Вторая группа, которая работала в подобном направлении, а также отбирала образцы проб на палеопаразитологию и другие заболевания человека (туберкулез, сибирская язва и другое), — это исследователи национального университета Сеула (Южная Корея). Их основная задача — определение расовой принадлежности ребенка и сравнение его генома с современными обитателями северных регионов Западной Сибири (ханты, ненцы, коми). Исследования методами молекулярной археологии позволяют точнее, чем по строению костей, зубов и другим внешним признакам, определить степень родства с другими организмами, вымершими и современными. Результаты этих работ будут опубликованы позже.

Так же участие в изучении мумифицированных останков приняли специалисты Томского государственного университета. Ими проведено 3D-сканирование тела ребенка и сопровождающего погребального инвентаря. Эта модель нужна как для научного изучения мумии, так и для ее музей-

ного экспонирования. В мировой практике в музеях стараются не экспонировать сами человеческие останки, многие считают это неэтичным. Современные музеи все чаще используют трехмерные цифровые модели или даже копии погребений, сделанные с помощью 3D-принтера.

Благодарность

Авторы выражают сердечную благодарность художнику-реставратору реставрационной мастерской окружного Музейно-выставочного комплекса имени И. С. Шемановского С. В. Питухину за реставрацию погребального инвентаря и помощь в камеральном исследовании мумифицированных останков ребенка.

Особую благодарность выражаем Салехардской окружной клинической больнице за содействие в проведении компьютерной томографии погребения.

Литература

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье / Колл. мон. / Ред. Н. В. Федорова. — Екатеринбург – Салехард: Изд-во УрО РАН, 2005. — 368 с.

Бауло, А. В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов / А. В. Бауло. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. — 260 с.

Брусницына, А. Г. Детские погребения могильника Зеленый Яр / А. Г. Брусницына // Северный Археологический конгресс. Доклады. 9–14 сентября 2002 г. — Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. — 168 с.

Зыков, А. П. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета / С. Ф. Кокшаров, Л. М. Терехова, Н. В. Федорова, А. П. Зыков. — Екатеринбург: 1994. — 106 с.

Ан. В. Гусев

ГКУ ЯНАО «Научный центр
изучения Арктики»,
Салехард, Россия,
e-mail: gusev_av2004@mail.ru

А. В. Плеханов

ГКУ ЯНАО «Научный центр
изучения Арктики»,
Салехард, Россия
e-mail: andrei_plehanov@mail.ru

Н. В. Федорова

ГКУ ЯНАО «Научный центр
изучения Арктики»,
Салехард, Россия
e-mail: mvk-fedorova@mail.ru

ОЛЕНЕВОДСТВО НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК – СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹

Аннотация. Целью своей статьи авторы полагают рассмотрение всех «за» и «против» возникновения оленеводства сначала в его транспортной форме, затем — перехода к крупнотадному варианту в эпохи раннего железного века – Средневековья. Кратко приводятся данные письменных источников и историографии. Основной упор авторы делают на рассмотрение археологических фактов, в частности, полученных при раскопках памятников последних 10 лет, полагая в них важнейший источник для решения этой проблемы. В конце авторы делают вывод о том, что оленеводство, на первых порах в его транспортном варианте, возникло не позднее I в. до н. э. Постепенно — к середине II тыс. н. э. — оно стало одним из основных, если не определяющим, фактором развития местной экономики, что повлияло и на весь ход истории региона.

Ключевые слова: оленеводство, письменные источники, историография, Усть-Полуй, Ярте 6, Тиутей-Сале 1, мобильность.

Появление оленеводства на Севере Евразии явилось не только актом внедрения нового и достаточно прогрессивного вида хозяйства, но и привело к революционным изменениям во всех областях культурной и общественной жизни населения Севера. Причиной этих изменений явилась резко возросшая мобильность оленеводов, с одной стороны, и необходимость противодейство-

вать ей у оседлого населения — с другой. Отсюда появление новых систем фортификаций, развитие статусного искусства. Важнейшим следствием такой транспортной революции стал выход северных аборигенов на торговые пути Евразийского континента, что привело к приобщению северных народов к общемировым культурным достижениям.

Объем статьи не позволяет дать развернутый анализ существующих источников и очерк историографии по проблеме, нам придется ограничиться их кратким изложением.

¹ Статья была опубликована в электронном варианте в: «Исследования Арктики в документах, памятниках и собраниях». Москва, Архив РАН, 2016.

Необходимо сразу оговорить, что письменных источников для решения этой проблемы очень мало. Более того, в них, как правило, дается не очерк хозяйства северных народов, но, скорее, преподносится своеобразно понятая северная экзотика. Отметим, что в любом случае, какие бы чудеса северных стран или реальные сведения об их пушных богатствах ни описывались, упоминаний об охоте на дикого северного оленя в них нет вообще, зато во многих упоминается «езда на оленях». В качестве примера можно привести сведения источника XV в. «Сказание о человецех незнаемых в восточной стороне»: «На Вьсточной стране за Югорскою землею над морем живут люди самоедь... А ядят мясо оление да рыбу ...а ездят на оленех. А платье носят соболье и оление. А торг у них соболи» [Плигузов 1993, 83–97].

Аналогичные сведения встречаются и в других источниках: «Самоеды ...кочуют там, где найдут мох для своих оленей» (Дж. Мильтон, XVII в.) [Алексеев 1941, 306].

Русские письменные источники XVII в. — различные делопроизводительные документы Сибирского приказа, в том числе челобитные коренного населения, отписки воеводам и т. д. [Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова 2013, 22–24]. Они в основном касаются проблем сбора ясака, и — в меньшей степени — хозяйства сибирских аборигенов. Лишь в отписке березовского воеводы С. А. Малова (середина XVII в.) значит: «А в зимнее, государи, время тое карачейские самоеди сыскать немочно. Потому что они, самоедь, люди кочевные, в зимнее время живут, переходя на оленях с места на место...» [Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова 2013, 24].

Особую важность в свете недостаточности письменных источников приобретают источники археологические, хотя некоторыми современными исследователями они оцениваются с долей скепсиса и понимаются как отражение хозяйственных занятий в комплексе артефактов [Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова 2013, 228].

Авторы настоящей статьи полагают такое восприятие археологических материалов

неоправданно узким. Мы включаем в это понятие не только и не столько артефакты, но и все остальные материалы, полученные при раскопках памятника/группы памятников: археозоологические коллекции; образцы почв и образцы для серии других анализов; исследование общего контекста расположения памятника, группы памятников определенного культурного круга; следы инноваций в древних и средневековых культурах в целом и возможные причины их появлений.

В настоящее время таких источников много больше, чем было даже два десятилетия назад, а степень изученности полученных материалов вполне достаточна, чтобы хотя бы на первом приближении реконструировать системы хозяйственных адаптаций и, в частности, время появления и процесс дальнейшего развития оленеводства, тем более, что именно оно в силу своей революционности отразилось не только и не столько в артефактах из раскопок, сколько изменило весь облик аборигенных культур Севера.

Оценка возможностей и путей появления оленеводства у населения тундры в современной историографии напрямую связана с гипотезами происхождения самодийских народов. А. В. Головнев приводит две взаимоисключающие гипотезы происхождения самодийских народов — «североевропейскую» и «южносибирскую» и дает подробный анализ их возникновения и аргументации сторонников [Головнев 2004, 17–24].

Упрощая многообразие исследовательских точек зрения, можно представить себе теории возникновения оленеводства также в виде двух больших групп: «моноцентрической», последователи которой его происхождение связывают с традиционными скотоводческими районами, т. е. полагают навыки приручения и использования оленя заимствованными у степных и лесостепных кочевников и полукочевников [Васильев 1979; Крупник 1989; Шнирельман 1989; Вайнштейн 1991; Хомич 1995; Хазанов 2000 и др.]; «полицентрической», которая базируется на представлении о самостоятельном возникновении оленеводства в нескольких

регионах [Nelleman, 1961, P. 91–103]. Последователи второй точки зрения, в частности, считают, что на Севере Евразии толчком для его формирования послужило постоянное следование охотников за стадами оленей, в процессе которого вырабатывалась практика взаимовыгодного сосуществования человека и животного [Wiklund 1913; Polhausen 1954 и др.]. Механизмы перехода от охоты к оленеводству могли быть разными, как и время его появления. А. В. Головнев, как и авторы настоящей статьи, полагает что «с рубежа эр берет начало история самодийского оленеводства» [Головнев 2004, 31].

Вторая проблема, связанная с изучением оленеводства, — время и пути появления оленеводства современного типа (крупностадного или оленеводства ненецкого типа). Общепринятой точкой зрения на сегодняшний день является убеждение в том, что «Становление крупностадного оленеводства произошло в эпоху обострения войн и конфликтов в XVII–XVIII вв., при сопутствующем экономическом кризисе (сокращении популяции диких оленей)» [Головнев 2004, 36]. До последнего времени все проблемы, связанные с происхождением оленеводства и его перехода в крупностадную стадию, решались в основном этнографами на основании анализа письменных источников и записок путешественников и этнографов XIX – начала XX в. Так, И. И. Крупник приходит к выводу о том, что крупностадное оленеводство появилось не ранее XVIII в.: «К моменту встречи с русскими в XVI–XVII вв. у большинства обитателей тундровой зоны Евразии... преобладала комплексная система жизнеобеспечения с ведущей ролью промыслов (охоты и рыболовства) и вспомогательным, мелкостадным оленеводством... Быстрый рост поголовья домашних оленей в тундрах Евразии начинается только в XVIII веке» [Крупник 1989, 147].

В появившихся в последнее десятилетие работах, основанных на данных анализа археологических (археозоологических) источников, излагается еще более категоричная точка зрения на вопрос происхождения

олeneводства: «Никаких достоверных археологических данных о наличии домашнего оленеводства в период до XVI века на сегодняшний день нет» [Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова 2013, 324]. Анализ расположения памятников археологии на полуострове Ямал приводит коллег к несколько странному выводу: «Все археологические памятники на Ямале приурочены к морским побережьям, либо берегам крупных рек с развитой сетью притоков и озер. Огромные пространства внутренних тундр не были заселены и практически не посещались вплоть до XIX в.» [Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова 2013, 324].

Основные вопросы, ответам на которые посвящена статья, следующие: 1) когда и в каком виде на Севере Западной Сибири появилось оленеводство? 2) когда начался переход этой формы хозяйства в его завершающую, крупностадную стадию? 3) Что привнесла эта новая форма хозяйственной деятельности в систему расселения и — шире — общую картину развития местных аборигенных культур Севера Западной Сибири?

Ранний железный век

Поиски материальных остатков, свидетельствующих о возможном наличии оленеводства, затруднены, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, определения по костям, сохранившимся в культурном слое памятников, диких и домашних особей, практически невозможны, так как дикие и домашние олени физиологически не различимы. Палеозоологами такие попытки делались неоднократно, но выводы их безутешны: «...определить принадлежность его (северного оленя) костных остатков к дикой или домашней форме невозможно» [Визгалов, Кардаш, Косинцев, Лобанова 2013, 324]. Во-вторых, оленья упряжь, непременно сопутствующая оленеводческому хозяйству, изготавливалась из органических материалов — ремни из кож, застёжки из рога, нарты из дерева. Такие артефакты плохо сохраняются в археологических памятниках. Они

совершенно отсутствуют в известных на сегодняшний день памятниках эпохи камня и бронзы. Редки они и в памятниках эпохи железа, однако встречаются исключения.

Одним из таких исключений стал археологический памятник Усть-Полуй (I в. до н. э. – I в. н. э.), расположенный в черте современного г. Салехарда Ямало-Ненецкого автономного округа [Гусев, Федорова 2012, 3–14]. В коллективной монографии «Древняя история Нижнего Приобья» В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской авторами, убежденные сторонники южносибирской гипотезы происхождения оленеводства, рассматривая предметы упряжи из раскопок 1935–1936 гг., посчитали, что «...нет оснований предполагать существование в Усть-Полуе ездового оленеводства...» [Мошинская 1953, 78]. Поэтому имеющиеся в коллекции олени наголовники были ими интерпретированы как части упряжи оленя-манщика. Остальные детали от упряжного набора ассоциировались исключительно с транспортным собаководством.

В результате проведения новых исследований на Усть-Полуе (1993–1995, 2006–2015 гг.) выявлена весьма многочисленная серия изделий и их фрагментов, которые непосредственно связаны с древним транспортом. Это полозья деревянных прямокопильных нарт, роговые вертлюги, застежки-пясики, упряжные пуговицы, наконечники хореев, Г-образные зубчатые пластины и пластины упряжи.

Деревянные детали нарт в количестве 9 экземпляров (рис. 1) позволяют представить их устройство. Они имели прямокопильную конструкцию, с количеством пар копыльев от 2 до 3; в разрезе такая нарта имела вид прямоугольника, а не трапеции, что характерно для современных косокопильных нарт. Определенное сходство усть-полуйские детали имеют с нартами восточных ханты. Н. В. Лукина относала такие нарты к типу ручных, отметив, впрочем, сходство с «местной грузовой оленьей нартой (при меньших размерах), а с другой — с ездовой собачьей нартой» [Лукина 1985, 111, рис. 8, 1]. Тем самым нарты, реконструи-

руемые по усть-полуйским находкам, могли использоваться по-разному, в зависимости от конкретных нужд.

Роговые вертлюги В. И. Мошинская однозначно отнесла к деталям собачьей упряжи, оперируя их сходством с аналогичными предметами в культуре североамериканских карибу-эскимосов [Мошинская 1953, 84]. Такая аналогия сейчас выглядит довольно натянутой. На Усть-Полуе найдено около 200 вертлюгов и их деталей (рис. 2). Действительно, эти предметы универсальны в применении, при их основном назначении — защите от перекручивания ремней. В собачьей упряжи они служат для привязывания собак к основному потягу, в оленьей — располагаются у шеи ведущего оленя и соединяют его с погонщиком (рис. 3), даже для фиксации ловчих хищных птиц применялись небольшие вертлюги [Федоров, Матехина, Осипов 2011, 204].

Застежки-пясики в виде палочек с отверстиями в середине и упряжные пуговицы отвечали за удобство эксплуатации, поскольку простое связывание ремней непременно вело к затягиванию узлов (рис. 4). В. И. Мошинская, описывая пясики, отнесла их столь же категорично к деталям собачьей упряжи [Мошинская, 1953, 84]. Однако такие роговые застежки могут применяться в различных видах упряжи для закрепления ремней. В собачьей — при креплении постромка к потягу, в оленьей — при фиксации различных лямок. Более того, значительная часть найденных пясиков имеет по одному шиловидному окончанию для прокалывания ремней. Такие изделия трудно соотнести с собачьей упряжью, тогда как на корпусе оленя их использование выглядит вполне правдоподобным. Что касается пуговиц упряжи, то, по этнографическим данным, они в собачьей упряжи малоприменимы, так как она шьется целиком под животное конкретных размеров. Оленья же упряжь универсальна и может применяться на любых тренированных оленях из стада.

На Усть-Полуе собрана серия из двух десятков втульчатых массивных копьевидных наконечников длиной 15–25 см. Все они вы-

Рис. 1. Фрагменты деревянных нарт, Усть-Полуй.
1–2 — полозья; 3 — копылья; 4 — система крепления полоза и копыла

полнены из рога северного оленя (рис. 5). Не исключено, что, во всяком случае, часть из них могла служить наконечниками хореев (деревянных шестов для понукания упряжки оленей). Такие же изделия, только откованные из железа, используются и в наше время. Ими притормаживают нарты на спусках, а в критической ситуации — защищаются от нападений хищников. Наконечники насаживаются на утолщенный конец шеста-хорея. Противоположный конец, как правило, более тонкий, снабжается роговым кольцом-навершием, которым подталкивают бегущих в упряжке оленей.

Одно роговое кольцевидное навершие происходит из усть-полуйской коллекции.

Наконец, Г-образные пластины и пластины с зубчиками, которых известно уже около десятка (рис. 6). В. И. Мошинская описала их как части уздечки оленя-манщика, отметив отличие от оленьей упряжи самодского типа [Мошинская 1953, 80]. Действительно, у ряда северных народов известен способ охоты на диких оленей путем привлечения их внимания домашним оленем, управляемым человеком посредством длинной веревки. Но отметим, что дрессировка такого оленя куда сложнее, чем упряжно-

Рис. 2. Вертлюги упряжи из рога оленя, Усть-Полуй.
1 — заготовка приемника; 2–6 — вертлюги с различными типами приемников

го, и вряд ли могла появиться у населения, не знавшего домашних оленей. Что же касается отличия усть-полуйских наголовников от «самоедских», то разница весьма условна и сводится, по большому счету, к наличию у древних экземпляров зубчиков на внутренней стороне (рис. 7). Сходство же следов сработанности на тех и других изделиях было подтверждено трасологическими наблюдениями Н. А. Алексащенко [Алексащенко 2006, 284–285].

Таким образом, находки из комплекса Усть-Полуя уже в I в. до н. э. демонстрируют сложившийся комплекс артефактов, связанный с оленеводством, при вероятно сохранявшемся в определенных случаях использовании в качестве тягловой силы и собак.

Роговые детали упряжи известны не только на Усть-Полуе. Идентичные вертлюги были найдены и на других памятниках.

В Приобье и Приуралье это городища Катравож, Няксимволь, Туманское святилище-костище — все примерно одновременны Усть-Полую [Мошинская 1953, 81, табл. 17, 2; Стародумов 2012, 149, илл. 19, 4; Викторова 1999, 143, рис. 12, 5]. На этом фоне наша коллекция не уникальна, а лишь более информативна и многочисленна.

Формирование транспортного оленеводства к рубежу эр явилось одним из факторов, обусловивших серьезные изменения в жизни населения Приобья. Для этого времени археологи отмечают резко возросшую мобильность таежного населения, маркером которой стала унификация многих черт материальной культуры, как-то: схожесть керамической посуды от верховьев Оби до ее устья, распространение сходных типов вооружения, а также украшений и принадлежностей костюма. По-видимому, показате-

Рис. 3. Современный медный вертлюг в упряжи ведущего оленя
(Фото: А. В. Гусев)

лем той же возросшей мобильности стало появление сложных систем фортификаций вокруг поселений, распространение южного импорта в таежной среде и т. д. Все это не было только результатом благоприятных климатических условий и увеличением численности жителей, хотя и это, бесспорно, сыграло свою роль. Налицо качественные изменения в жизни древнего населения, на появление которых вполне могла повлиять своего рода транспортная революция, то есть появление оленеводства, что дало возможность части населения стремительно перемещаться на огромные расстояния, взаимодействовать, распространять новые технологии в обработке металлов и сырье для нее.

Средневековье

Именно транспортное оленеводство дало возможность освоения новых, до того времени необжитых тундровых территорий в эпоху Средневековья. На археологической карте полуострова Ямал памятники ранних эпох (от эпохи камня до раннего железного века) зафиксированы лишь на юге полуострова, единичные из них расположены на широ-

те р. Юрибей. К северу от нее фиксируются многочисленные памятники начала эпохи Средневековья, т. е. VI–VII вв. н. э. Абсолютное большинство из них представлено кратковременными (летними) стоянками [Шиятов, Хантемиров 2000, 116]. Археологически они фиксируются только в виде остатков конструкций или случайных находок артефактов на песчаных выдувах (яреях). Находки эти в раннем Средневековье близки кругу северотаежных культур, в более позднее время встречаются и комплексы, аналогичные памятникам Большеземельской тундры, что является свидетельством дальних и свободных передвижений населения по тундровым просторам.

На полуострове Ямал исследованы археологические памятники, которые раскрывают последовательный характер формирования кочевой культуры, аналогичной современной. Это сезонные поселения на побережье Карского моря — Тиутей-Сале 1–3 (VI–VIII и XII–XIV вв.), на территории внутренних тундр, на берегу Обской губы — Бухта Находка (XII–XIV вв.). К числу уникальных памятников с большим количеством находок в культурном слое следу-

Рис. 4. Застежки упряжи — пасыки из рога оленя, Усть-Полуй

ет отнести «городище» Ярте 6 (XI–XII вв.), возникшее на пути традиционных миграций оленьих стад (место сезонных поколок) в среднем течении р. Юрибей. Здесь, кроме огромного количества костей оленя, было обнаружено большое количество скребков для обработки его шкур, выполненных из кости, дерева и камня (рис. 8). По нашему мнению, это является свидетельством товарного характера добычи северного оленя. Наибольшую часть этой коллекции составляют скребки из лопатки оленя, предназначенные для изготовления ремней. В раскопе небольшой площади неполная коллекция таких скребков насчитывает свыше 200 экземпляров [Плеханов 2014, 49]. Нигде более такая картина не зафиксирована. Совершенно очевидно, что такое количество ремней выделялось для нужд торговли, а не личного потребления. Очевидно также, что данное поселение являлось не столько местом сезонного проживания, сколько своего рода производственным центром с направленностью на товарную обработку шкур оленя. Последние исследования куль-

Рис. 5. Наконечники хореев из рога оленя, Усть-Полуй

турного слоя памятника с привлечением инновационных методик, в частности, анализ почвы на содержание ферментов северного оленя (липидный анализ), локализовал концентрацию большого количества липидов северного оленя в слое памятника. Проведение же магнитометрических исследований выявило возможное наличие кострищ по периметру места длительного пребывания домашнего северного оленя. Возможно, это следы средневекового коралья. В хозяйственном рве Ярте 6 в ходе раскопок было зафиксировано более чем 39 тыс. экземпляров костных останков и других органических отложений. Наверняка это не способствовало комфортному проживанию в непосредственной близости от него. Свои временные жилища люди были вынуждены ставить на некотором отдалении от производства, что подтверждается наличием разрушенных ветровой эрозией стоянок, на которых был собран археологический материал в виде фрагментов керамики. Сетка шурфов показала наличие культурного слоя на ярях, являющихся остатками средневековых

Рис. 6. Г-образная налобная пластина и прямая пластина оленьей упряжи, Усть-Полуй

стоянок. Одним из подтверждений образования яреев на месте стоянок людей (в том числе на местах весенне-осеннего сезонного пребывания) является площадное вытаптывание дернового слоя стадами домашнего северного оленя и хозяйственной деятельностью человека. Аналогичную картину мы можем наблюдать на современных стойбищах оленеводов.

Зафиксированная концентрация стоянок, возможно, не является серией отдельных поселений, как представлялось ранее, а представляет собой территорию с единым объектом общего пользования (например, места для обработки шкур оленя вблизи места поковки) и окружающими местами проживания людей с периодической перестановкой временных жилищ.

Следы пушной охоты, имеющей товарный характер, зафиксированы на двух тундровых поселениях: Тиутей-Сале 1 и Бухта Находка. П. А. Косинцевым с каждого из этих памятников было проанализировано более чем по 1700 экземпляров не-

Рис. 7. Г-образная пластина в современной упряжи [по: А. Ф. Сухановский. Оленные люди. Архангельск 2009, 27]

расчлененных скелетов песцов. Почти все кости песцов первоначально были выброшены в виде тушек, что подтверждает товарный характер добычи пушнины [Ушедшие в холмы 1998, 62]. В материале памятников внутренних тундр Ямала, а также лесотундровой и северотаежной зон костей пушных зверей обнаружено значительно меньше.

На городище Ярте 6 и поселении Тиутей-Сале 1 мы можем наблюдать следы проживания семейными группами, примерно аналогичными современным. Это подтверждается находками мужских орудий, детских игрушек (модели лодок, весел, луков, стрел, топоров, деталей нартов и волчков) (рис. 9), предметов, связанных с типично женскими ремеслами (шитье, починка

берестяной посуды). Возможность передвигаться со всем своим имуществом столь далеко от мест зимовок в лесотундровых районах Приобья и обратно появилась только при переходе к кочевому оленеводству.

Можно попытаться представить то вероятное количество оленей, которое было необходимо для ведения реконструированного образа жизни. Допустим, что на городище Ярте 6 (или на поселении Тиутей-Сале 1) одновременно существовали три жилища — минимальное количество для поселения в тундре. Зимовало население в лесотундровой зоне, по-видимому, где-то на широте г. Салехарда. Для того чтобы оттуда достичь широты р. Юрибей, необходимо было иметь на одну нарту не менее шести оленей, и то,

Рис. 8. Различные скребки для обработки шкур, Ярте 6.

1–3 — скребки из лопаток для получения ремней; 4–5 — роговые скребки; 6–7 — деревянные скребки; 8–9 — каменные скребки

Рис. 9. Детские игрушки: модели лодок, миниатюрные топоры

если мы примем, что одновременно запрягали только трех (олени при таких дальних перекочевках должны меняться). Современный аргиш насчитывает минимум 4–6 личных грузовых нарт. Допустим, что личный аргиш (в нашем случае — аргиш одного жилища) в XII в. или ранее мог состоять из меньшего количества нарт, так как имущества было меньше — возможно, что и шесты для чумов возили не каждый год, а завезли однажды и где-то спрятали. Примем за возможное количество четыре грузовых и пять легковых нарт (при условии, что в жилище живет семья из пяти-шести человек: семейная пара, один старик и трое детей разного возраста). Со всеми этими допущениями и принятием всякий раз минимально возможного количества получается, что для формирования аргиша поселка из трех жилищ только ездовых

олений нужно не менее 162. Если прибавить сюда еще молодняк, который не запрягается в нарты, важенок, некоторое количество оленей для питания в дороге — станет очевидно, что стадо вряд ли было меньше 200 оленей, а скорее всего, больше.

Кратко суммируя выводы из наших исследований, можно заключить, что оленеводство, на первых порах в его транспортном варианте, возникло не позднее I в. до н. э. Постепенно — к середине II тыс. н. э. — оно стало одним из основных, если не определяющим фактором развития местной экономики, что повлияло и на весь ход истории региона. Несмотря на то, что в XIV в. начинается общее похолодание климата, которое даже получило название «малого ледникового периода», развитие местной экономики и культуры продолжались в виде непре-

рывного поступательного движения, отчасти прерванного лишь в результате присоединения территории к Русскому государству. Но именно оленеводческое население дольше всех сохраняло частичную независимость и даже увеличивало объем оленьих стад, возрасставший вплоть до 20–30-х гг. XX в.

Литература

Алексащенко, Н. А. Костяные изделия Усть-Полуя из собрания МАЭ РАН (результаты трасологического изучения) / А. Н. Алексащенко // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб.: 2006. — Вып. 1.

Алексеев, В. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей / В. П. Алексеев. — Иркутск: 1941.

Васильев, В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народов / В. И. Васильев. — М.: 1979.

Визгалов, Г. П. Историческая экология населения Севера Западной Сибири / Г. П. Визгалов, О. В. Кардаш, П. А. Косинцев, Т. В. Лобанова. — Нефтеюганск – Екатеринбург: 2013.

Головнев, А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор / А. В. Головнев. — Екатеринбург: 2004.

Гусев, А. В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты / А. В. Гусев, Н. В. Федорова / Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. — Салехард: 2012.

Вайнштейн, С. И. Мир кочевников Центра Азии / С. И. Вайнштейн. — М.: 1991.

Викторова, В. Д. Туманское I поселение, святилище, костыше / В. Д. Викторова // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Сб. ст. — Екатеринбург: 1999. — Вып. 3.

Крупник, И. И. Арктическая этноэкология / И. И. Крупник. — М.: 1989.

Лукина, Н. В. Формирование материальной культуры хантов / Н. В. Лукина. — Томск: 1985.

Мошинская, В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя / В. И. Мошинская // Материалы и исследования по археологии СССР. — М.: 1953. — № 35.

Плеханов, А. В. Ярте VI — средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекции / А. В. Плеханов. — Екатеринбург: Деловая пресса, 2014.

Плигузов, А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах / А. И. Плигузов. — М.: 1993.

Стародумов, Д. О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 / Д. О. Стародумов // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск – Ханты-Мансийск: 2012. — Вып. 10.

Федоров, В. М. К истории соколиной охоты в Новгородской земле / В. М. Федоров, Т. С. Матехина, Д. О. Осипов // Записки ИИМК РАН. — СПб.: 2011. — №6.

Федорова, Н. В. Ушедшие в холмы. Культура населения побережий северо-западного Ямала / Н. В. Федорова, П. А. Косинцев, В. В. Фицхью. — Екатеринбург: 1998.

Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. — Алматы: 2000.

Хомич, Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры / Л. В. Хомич. — СПб.: 1995.

Шиятов, С. Г. Дендрохронологическая датировка древесины кустарников из археологического поселения Ярте VI на полуострове Ямал / С. Г. Шиятов, Р. М. Хантемиров // Древности Ямала. — Екатеринбург – Салехард: 2000. — Вып. 1.

Шнирельман, В. А. Возникновение производящего хозяйства / В. А. Шнирельман. — М.: 1989.

Nelleman Georg (1961). *Theories on Reindeer-Breeding*. Folk. Vol. 3. Copenhagen.

Polhausen Henn (1954). *Das Wanderhirtentum und seine Vertstufen*. Eine ethnographischen — geographischen Studie zur Entwicklung der Eigenborenwirtschaft. Braunschweig. Albert Limbach Verlag.

Wiklund K.W. (1913). *Frageschema fur der erforschung des renntiernomadismus*. Journal de la Soc. Finno-Ougrienne. XXX, 17.

С. В. Гусев

Институт Наследия, Москва, Россия

e-mail: agus_2004@mail.ru

Т. Ю. Репкина

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: t-repkina@yandex.ru

ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ОСТРОВА ИТТЫГРАН. ДОЛИНА РЕКИ НАПАКУТАК

Аннотация. Статья посвящена публикации результатов обследования двух поселений и одного жилища, входящих в комплекс памятников Напакутак. Авторы подробно останавливаются на строении и истории рельефа долины реки Напакутак, дают описание двух поселений с остатками жилищ. Отдельно останавливаются на описании жилища пунукского типа и находок из заложенного там шурфа. В заключении отмечается разновременность памятников, но характерными для них является общность культуры морских зверобоев.

Ключевые слова: Напакутак, Иттыгран, поселения, углубленные жилища, кости кита.

Остров Иттыгран находится у северо-восточного побережья Чукотки (Провиденский район), в Беринговом море, в Сенявинских проливах, в преддверии Берингова пролива и известен по расположенной на его северо-восточной оконечности «Китовой аллее». Менее известно этноархеологическое наследие морских охотников-зверобоев в долине р. Напакутак (восточная часть острова) (рис. 1). Сооружения из китовых костей, ямы полуподземных и котлованы наземных жилищ здесь протянулись вдоль берега на расстоянии около 1 км. Долина была обследована в конце 70-х гг. XX века М. А. Членовым, И. И. Крупником, С. А. Арутюновым [Арутюнов, Крупник, Членов 1982].

Строение и история развития рельефа комплекса памятников

Комплекс памятников Напакутак расположен на юго-восточном берегу о. Иттыгран, на абразионных террасах и косе, отклоняющей устье р. Напакутак. Устье реки представляет собой небольшой эстуарий. Уровень воды в предустьевом расширении,

отчлененном косой, незначительно выше среднего уровня моря.

Долина р. Напакутак заложена по активному региональному разлому, пересекающему остров с юга на север от комплекса памятников Напакутак до урочища Сиклюк. На северном берегу острова, в урочище Сиклюк, в зоне разлома обнаружены талики в кровле многолетнемерзлых пород, сероводородные бочаги, активное сползание склонового чехла [Гусев, Аляутдинов 2010; Гусев, Репкина 2011]. Абразионный облик морских террас юго-восточного побережья острова и их высотные отметки свидетельствуют о режиме неравномерного поднятия крыльев разлома в позднем неоплейстоцене – голоцене.

В устье р. Напакутак неоплейстоценовые террасы с высотами 20–25 м (III морская), 10–15 м (II морская) и 5–7 м (I морская, раннеголоценовая) выработаны в известняках и известковых сланцах и перекрыты лишь маломощным щебнисто-суглинистым склоновым чехлом, включающим и переотложенные ледниковые отложения. Эти поверхности сформировались задолго до заселения их человеком.

Рис. 1. Маршрут обследования объектов этноархеологического наследия на островах Аракамчечен и Иттыгран

◆ объекты этноархеологического наследия — маршрут экспедиции

Механизм и время образования косы, на которой расположены ямы жилищ поселений Напакутак 1 и Напакутак 2, восстанавливаются по морфологическим признакам, региональным датировкам, а также данным, полученным в результате работ в окрестностях памятников Унэнэн и «Сиклюк – «Китовая аллея» [Гусев, Репкина 2011].

Коса имеет протяженность около 700 м, ширину от 100 м в корневой (юго-западной) части до 30 м на ее северо-восточной оконечности. Поверхность косы наклонена к северу, переработана эоловыми процессами, задернована. Береговые валы не выражены. Высота поверхности косы 3–4 м, а современного песчано-гравийно-галечного пляжа — 1,5–2 м. Морские отложения косы перевеяны на глубину около 1 м. Ниже залегают хорошо отмытые слоистые пески с включениями гравия и гальки. На юго-западе коса присоединяется к древнему бенчу высотой около 1 м над тыловым швом пля-

жа, выработанному в известковых сланцах. Контакт бенча и аккумулятивного тела косы подчеркнут ложбиной — промоем (рис. 10), по которому в штормовые нагоны происходил дополнительный подток морской воды в устьевую область реки.

В устьевой области р. Напакутак развиты два уровня пойменных террас, замещающиеся вверх по долине современным конусом выноса р. Напакутак. Современное днище долины сечет более древний конус выноса высотой 2,5–3 м. Такую же высоту имеет аллювиально-морская терраса, сформировавшаяся в тылу косы.

Строение рельефа косы позволяет утверждать, что аккумулятивная форма нарастала с юго-запада на северо-восток в результате разгрузки потока наносов того же направления. Признаками этого являются как распределение обстановок размыва и аккумуляции на современном пляже, так и направленное смещение к северо-востоку

Рис. 2. Иттыгран-2011. Поселение Напакутак 1. Столб из вкопанной челюсти кита. Вид с ЮЗ

Рис. 3. Иттыгран-2011. Поселение Напакутак 1. Общий вид с Ю

Рис. 4. Иттыгран-2011. Поселение Напакутак 1. Столб из вкопанной челюсти кита. Вид с Ю

действующих речных проток. Время формирования косы, судя по ее высотному положению и характеру сочленения с другими элементами рельефа устьевой области, можно соотнести со временем суббореальной трансгрессии 3,2–2,5 т. л. н., наличие которой подтверждено в районе поселения Унэнэн радиоуглеродными датировками [Gusev, Repkina, Karevskaya 2012].

Поселение Напакутак 1

Поселение Напакутак 1 (рис. 1, 10) расположено на правом берегу реки непосредственно на песчаном баре (косе), сформированном морем на высоте 4–5 м над уровнем моря. С юга коса присоединяется к сопке Инрилюкак. Территория обильно поросла элимусом. С юга, у основания, ширина косы составляет около 50 м. У северного окончания, у устья реки, ширина косы составляет 15–20 м. Всего сохранилось 6 полуподземных жилищ (точнее, котлованы, вырытые под них). Котлованы жилищ

глубиной до 1,7 м. Все жилища имеют коридорообразный вход и наток (предвходье) у начала лаза. Входы всех жилищ ориентированы на юг параллельно берегу моря, вдоль бара. Котлованы жилищ сильно оплыли. Диаметр котлованов от 8 до 11 м (рис. 2–6). Можно предположить сложную планировку жилищ, с различными подсобными помещениями. Абсолютно никаких деталей конструкций из кости либо дерева не сохранилось. Рядом с жилищами расположены мясные ямы. Площадь поселения составляет 2200 кв. м.

Кроме остатков жилищ, там же были обнаружены челюсти и черепа китов.

На левом берегу реки у устья расположены остатки байдарных сушил из челюстей кита. Обломаны.

На правом берегу реки у устья расположена врытая вертикально в песчаный бар челюсть кита. Обломана.

Два черепа кита, врытые носовой частью в песчаный бар, находятся у устья, непосредственно в зоне заплеска при штормах.

Рис. 5. Иттыгран-2011. Поселение Напакутак 1. Котлован жилища. Вид с Ю

Рис. 6. Иттыгран-2011. Поселение Напакутак 1. Вид с Ю

Челюсть кита стоит на песчаном баре на расстоянии 35 м к северу от поселения Напакутак 1.

Байдарные сушила из челюстей кита стоят к югу от поселения Напакутак, на расстоянии 20 м. Обломаны.

Мясная яма с перекрытием из челюстей и ребер кита расположена в 70 м к юго-западу от байдарных сушил.

Челюсть кита расположена в 80 м к юго-западу от байдарных сушил.

Челюсть кита расположена в 188 м к юго-западу от байдарных сушил, у подножия возвышенности, на которой расположено поселение Напакутак 2.

Поселение Напакутак 2

Расположено в 900 м к югу от устья реки на возвышенности перед сопкой на высоте 25–30 м над уровнем моря. Поверхность задернована. Местами имеются скальные выходы.

Шесть неглубоких западин надземных жилищ глубиной до 0,4 м с обваловкой размещены компактно двумя группами на площади около 14 300 кв. м. Диаметр округлых западин около 12 м. К жилищам примыкают ямы (рис. 7, 8, 10).

Напакутак.

Жилище пунукского типа

Напакутак. Жилище пунукского типа (рис. 7, 8) полуподземного типа с деталями конструкций из китовых челюстей и ребер расположено на высоте 30 м над уровнем моря. Жилище приурочено к одному из скальных выходов. С места расположения хорошо видна акватория и вся долина Напакутак. Жилище однокамерное, с длинным коридорообразным входом-лазом и с наток (предвходом у начала лаза). Наток оформлен шестью черепами серых китов, врытых носовой частью в грунт. Жилое помещение подквадратной формы имеет раз-

Рис. 7. Иттыгран-2011. Напакутак, котлован пунукского жилища. Вид с ЮЗ

Рис. 8. Иттыгран-2011. Напакутак, останец с пунукским жилищем. Вид с 3

меры около 4×4,5 м и глубину около 1,2 м. Над поверхностью в жилом помещении возвышаются на 0,6–0,4 м фрагменты обломанных челюстей кита. Ширина коридорообразного входа — около 0,9 м. Длина коридора — около 3,5 м. Длина натока — около 3 м, ширина — около 2 м. Вход расположен ниже по склону со стороны моря. Жилище по типу пунукское. Характерной чертой пунукских жилищ является расположение коридорообразного входа: вход примыкает к одному из углов и идет параллельно стенке жилища. В жилищах других культурных традиций коридорообразный вход примыкает к центру жилой камеры.

С целью выяснения хронологии поселения с жилищем пунукского типа у поселения Напакутак 2 был заложен шурф у одного из останцов, в 2 м к юго-востоку от выхода из жилища пунукского типа (рис. 10). Шурф № 1 размерами 1×2 м ориентирован по сторонам света по длинной оси с юга на север. Поверхность покрыта слоем дерна. Травостой представлен злаковыми, осокой. Дерн

толщиной от 3 до 8 см. Под слоем дерна на глубине от 3 до 70 см находится слой гумусированной темно-коричневой супеси, он однородный, включает крупные и мелкие камни, кости морского зверя — моржа, тюленя, фрагменты кости кита, встречено также несколько костей (два черепа и ребро) евражки, немногочисленные остатки раковин моллюсков (мидии), по всей толще слоя встречаются археологические находки. В 50–70 см от поверхности культурный слой сменяется материком — скальным основанием, представленным наклонно стоящими плотными щетками и отдельными кусками плитчатого известкового сланца, которым сложен останец, на этом же уровне начинается и слой мерзлоты. Находки представлены фрагментами изделий из клыка моржа, кости кита, рога оленя, фрагментами керамических сосудов (рис. 9). Керамика, найденная в шурфе, характерна для круга эскимосских культур. Из шурфа отобран фрагмент кости для радиоуглеродного анализа.

**Описание находок. Напакутак.
пунукское жилище**

Лезвие мотыги размером 20×5,7×3,3 см изготовлено из куска китового ребра, в поперечном сечении имеет форму, близкую к прямоугольнику. Острие заточено в виде плоского клина, боковые стороны уплощены крупными длинными срезами, на участках, прилегающих к острию с двух сторон

и на одной стороне у основания — следы многочисленных глубоких поперечных над-резов, сделанных инструментом с острым лезвием (рис. 9, 1).

Рукоять ножа из рога оленя размером 13,7×2,5×1,3 см изготовлена в форме, близкой к прямоугольнику, в сечении — овальная. В одном торце прорезано углубление для лезвия ножа глубиной 2,9 см, размерами 1,4×0,2 см. Перпендикулярно плоскости

Рис. 9. Напакутак 2, 2011. Шурф 1. Изделия из кости, рога и керамика из шурфа.
1 — лезвие кирки из кости кита (№ 01), 2 — рукоять ножа из кости оленя (№ 9),
3 — фрагмент донца крупного сосуда (№ 8), 4 — фрагмент тулова сосуда (№ 06)

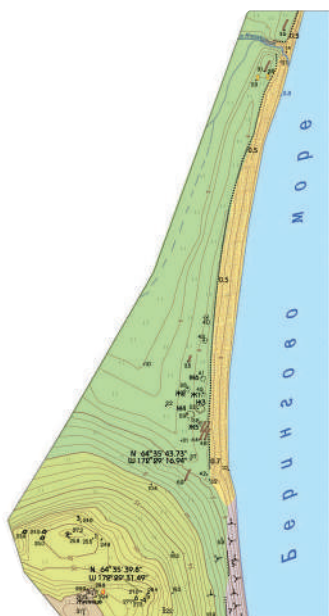

Рис. 10. Карта памятников долины Напакутак

углубления в стенке прорезано сквозное прямоугольное отверстие размером 1,2×0,2 см, на противоположном конце рукояти, в 0,5 см от края, просверлено еще одно — круглое — отверстие диаметром 0,4 см (рис. 9, 2). Подобные рукояти ножей встречаются при раскопках эскимосских слоев пунукского периода.

Фрагмент тулова небольшого гладкостенного керамического сосуда — часть стенки с простым скругленным венчиком и участком плоского дна, толщина стенок сосуда — 1,8 см, толщина донца — 0,6 см, тесто темно-коричневого цвета, рыхлое, с включением песка и мелкого гравия, плохого обжига, расслаивающееся (рис. 9, 4).

Фрагмент керамического сосуда (возможно, жирника, блюда или плошки) — участок плоского дна с небольшим фрагментом стенки. Толщина фрагмента — 1,4 см, тесто темно-коричневого цвета, рыхлое, с включением песка и мелкого гравия, плохого обжига, расслаивающееся (рис. 9, 3).

Заключение

Сооружения из китовых костей, поселения и жилища в долине Напакутака разновременные. Наиболее древним является пунукское жилище, которое предварительно

может быть датировано началом — первой третью II тыс. н. э.

Следующим по хронологии является поселение Напакутак 1, которое, возможно, датируется XVIII в. н. э. Поселение с надземными жилищами Напакутак 2 датируется XIX в. н. э. Отсюда жители поселения перебрались в начале XX века на левый берег реки — под сопку Найрахпак, и затем в 1930–1934 гг. переселились в Сиклюк и Уназик [Арутюнов, Крупник, Членов 1982, 54–57]. Сооружения из костей кита относятся как к деятельности населения поселения Напакутак 1, так и Напакутак 2.

В обследованной долине р. Напакутак описаны и зафиксированы поселения Напакутак 1, Напакутак 2, группы и одиночно стоящие челюсти и черепа китов, выявлено и зафиксировано поселение пунукского времени. Остров Иттыгран заселялся с I тыс. до н. э., морские зверобои (носители культуры эскимосского типа) жили в стационарных полуподземных жилищах вплоть до XX века [Гусев 2010]. Как и на других участках побережья, на острове селились у лагун при наличии речки или ручья с пресной водой [Гусев 2003].

Литература

- Арутюнов, С. А. «Китовая аллея» (Древности островов пролива Сенявина) / С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов. — М.: Наука, 1982.
- Богораз-Тан, В. Г. Чукчи — Ч. 1–2. — Л.: Наука, 1934–1939.
- Гусев, С. В. Археология и фольклор азиатских эскимосов / С. В. Гусев // Этнографическое обозрение. — М.: 1997. — № 4.
- Гусев, С. В. Приморская адаптация на Чукотском п-ове / С. В. Гусев // Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н. Н. Дикова. — Магадан: 2001.
- Гусев, С. В. Радиоуглеродные даты и вопросы хронологии памятников Восточной Чукотки / С. В. Гусев // Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции,

посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н. Н. Дикова. — Магадан: 2001.

Гусев, С. В. Освоение человеком побережий Северной Пацифики и Арктических морей (сравнительный анализ) / С. В. Гусев // Северный археологический конгресс. — Ханты-Мансийск—Екатеринбург: 2002.

Гусев, С. В. Географические факторы адаптации азиатских эскимосов / С. В. Гусев // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В. П. Алексеева. — Москва, Салтыковка, 20–22 сентября 1994 г. / Отв. ред. Т. И. Алексеева. — М.: 2003.

Гусев, С. В. Исследования Берингской экспедиции на Восточной Чукотке / С. В. Гусев // Археологические открытия 2003 года. — М.: Наука, 2004.

Гусев, С. В. Сиклюк — «Китовая аллея»: прошлое, настоящее, будущее (Восточная Чукотка) / С. В. Гусев // *Studia Anthropologica*: Сборник статей в честь проф. М. А. Членова / Редакторы-составители А. М. Федорчук и С. Ф. Членова. Научный редактор О. В. Белова. — М.—Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2010.

Гусев, С. В. Геоархеологические исследования историко-культурного комплекса «Сиклюк — «Китовая аллея» (Восточная Чукотка) / Геоморфологические процессы и их прикладные аспекты. VI Шукинские чтения / С. В. Гусев, А. Р. Аляутдинов. — Труды. — М.: Изд-во МГУ, 2010.

Гусев, С. В. Геоархеологические исследования историко-культурного комплекса «Сиклюк — «Китовая аллея» в Беринговом проливе / С. В. Гусев, Т. Ю. Репкина / Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. — Т. 1. — Великий Новгород: Старая Русса, 2011.

Gusev, S. V. Geomorfology of old whaling culture site «UN'EN'EN» and paleolandscape conditions of surroundings (North-west Beringia) // Геоморфологические процессы и геоархеология: от ландшафтной археологии до археотуризма / S. V. Gusev, T. Yu. Repkina, I. A. Karevskaya. — Москва—Смоленск: Универсум, 2012.

Диков, Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии / Н. Н. Диков. — М.: 1979.

Руденко, С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема / С. И. Руденко. — М.—Л.: Наука, 1947.

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ДРЕВНЕБЕРИНГОМОРСКОГО ЖИЛИЩА 1 ДРЕВНЕЭСКИМОССКОГО ПОСЕЛЕНИЕ КИВАК (ЧУКОТСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)

Аннотация. Статья вводит в научный оборот новые материалы, характеризующие одну из интереснейших древнеэскимосских культур — древнеберингоморскую, которые уточняют характеристику каменного инвентаря и эколого-экономической системы.

Ключевые слова: Чукотский полуостров, древнеберингоморская культура, каменный инвентарь, сланцевая шлифованная индустрия.

Исследование древнеэскимосских культур, начавшееся еще в XVIII в., включает в себя решение целого ряда проблем: культурогенеза, этногенеза эскимосов, успешной адаптации человека в экстремальных условиях Севера, возникновения и развития приморской адаптации, формирования приморской эколого-экономической системы, причин и характера социокультурных и экономических модернизаций и трансформаций.

Успешному продвижению в решении данных проблем способствовали исследования отечественных и зарубежных археологов и этнографов: С. И. Руденко [1947], Д. А. Сергеева и С. А. Аругтюнова [1969, 1975], Н. Н. Дикова [1977, 1979, 1993], И. И. Крупника [1989], А. А. Орехова [2007, 2008, 2011], зарубежных Э. Нельсона [1890], Г. Коллинза [1964], Г. Гиддингса [1967, 1986], Д. Ларсена и Ф. Райни [1948], Г. Г. Банди [1969], Д. Д. Андерсона [1984], Д. В. Кларка [1984], Д. Дюмона [1987, 1994].

Поскольку изучались в основном могильники, характеристика жилищных и околожилищных экономических и бытовых комплексов оставалась недостаточной. Задача системного и массового исследования жилищных комплексов древнеберингоморской культуры не решена и сейчас, однако каждое отдельное исследование способствует продвижению в этом направлении.

В 2006–2008 гг. археологический отряд СВГУ исследовал древнеберингоморское жилище древнеэскимосского поселения Кивак [Орехов 2007, 2008, 2009, 2011] на открытом морском побережье Чукотского полуострова в 32 км юго-восточнее районного центра п. Провидение. В результате исследования были получены новые интересные материалы, уточняющие и дополняющие характеристику древнеэскимосских культур древнеберингоморской и пунук.

В статье мы остановимся на анализе некоторых материалов жилищного комплекса древнеберингоморской культуры. Было исследовано частично (на 50 %) сохранившееся жилище, расположенное в 1,5 км западнее лагуны Кивак. В нем зафиксирована интересная внутренняя планировка и детали интерьера, а также инвентарь, дополняющий характеристику культуры.

Исследованное древнеберингоморское жилище 1 (остатки жилища 2 находились в 115 м западнее) полуземляночного типа округлой формы диаметром 9,8 м было заглублено на 1,6 м. Жилище имело каркасную деревянную кровлю конической формы, покрытую сверху почвой и дерном. Остатки погребенного уровня древней дневной поверхности обнаружены на глубине 0,3–0,4 м. Культурный слой мощностью 0,35 м в центре и 0,15 м на периферии темно-коричневого (до черного) цвета был пропитан жиром

морских животных. Уровень вечной мерзлоты обеспечил хорошую сохранность органики: изделий из кости, дерева, китового уса, а также шкур и меха животных.

В креплении конструкций стен и кровли были использованы ребра и половины нижних челюстей серых и гренландских китов, а также ребра моржей. В интерьере жилища представлены крупные окатанные камни, черепа моржей и китовые позвонки, которые использовались, вероятно, в качестве сидений и, судя по следам ударов на верхней поверхности, в качестве подставок при обработке камней, костей и дерева. Жилище разделено на две примерно равные части в центральной части с востока на запад линейной конструкцией из поставленных друг на друга в три яруса китовых позвонков и камней (рис. 1). Проход шириной 3 м из южной части жилища, где, вероятно, располагался вход, в северную находился у западной стены жилища. Данная конструкция отделяла в северо-восточной части жилища спальные места обитателей, пространство которых было разделено на две примерно равные части тремя крупными камнями. Вероятно, изоляция спальни дополнялась завесами из шкур или пологам. Интересна структура выстилки пространства спального места: двойной слой пластин китового уса, слой мха сфагнума, слой сухой травы и слой нерпичьих шкур. Встречены также фрагментарно остатки меха, вероятно, песка. В остальной части жилища пол выстлан также двойным слоем полос китового уса, вероятно, в целях гидро- и теплоизоляции. Подобный сложный интерьер жилища обнаружен впервые, но является ли он уникальным или традиционным, покажут дальнейшие исследования древнеберингоморских жилищ. Отдельные китовые позвонки и камни, а также фрагменты шкур животных фиксировались в древнеэскимосских жилищах, но не в такой системе [Диков 1977, 1979, 1993; Крупник 1989; Руденко 1947; Dumond 1987; Laughlin 1963; Nelson 1890; Workman 1998]. В северо-восточной части жилища зафиксировано скопление отщепов, что указывает на изготовление здесь каменных орудий и изделий.

Рис. 1. Кладка китовых позвонков и камней в древнеберингоморском жилище 1 поселения Кивак

Возраст древнеберингоморского комплекса жилища 1850 ± 40 л. н. (Beta — 255451) был определен радиоуглеродным анализом по углю благодаря спонсорской помощи Службы Национальных парков Аляски, США, что позволяет отнести комплекс к самой ранней стадии развития данной культуры [Диков 1977, 1979, 1993; Крупник 1989; Руденко 1947; Dumond 1987; Laughlin 1963; Nelson 1890; Workman 1998]. Высокий уровень развития древнеберингоморской культуры с самого раннего известного нам этапа ставит важные вопросы, в том числе: где, когда и как проходил предшествующий этап трансформации континентальной культуры в предковую для древнеберингоморской? Или культура с приморским типом адаптации проникает с юга, как это предполагал А. П. Окладников [Окладников, Береговая 1971]. Бойсманская культура Приморья с таким типом адаптации, датированная около 6000 л. н. [Попов, Чикишева, Шпакова 1997], возможно, свидетельствует в пользу данного предположения. Вместе с тем на Чукотском полуострове фиксируется ранний выход населения на побережье (стоянка Найван, около 8000 л. н.) [Гусев 2002].

В эпоху палеометалла, к которой относится и древнеберингоморская культура, в результате появления металлических орудий для обработки кости, в комплексах

Рис. 2. Сланцевые шлифованные лезвия мужских охотничьих ножей (1–5, 7–10), остря-вставки (6, 12–14), ретушированный наконечник стрелы (11)

приморских культур наблюдается расцвет костяной индустрии и деградация каменной индустрии, которая выражается в минимализме техники обработки каменных орудий и сокращении функционально-типологического разнообразия. Комплекс каменных орудий древнеберингоморского жилища 1 поселения Кивак подтверждает эту закономерность. Вместе с тем этот комплекс имеет ряд характерных признаков, отличающих его от других синхронных культур: развитая сланцевая шлифованная индустрия, характерные остря мужских охотничьих ножей, остря-вставки и боковые вкладыши наконечников гарпунов, женские ножи улу.

В жилище представлен комплекс орудий и изделий, характеризующих основные виды экономической деятельности обитателей, развитую эколого-экономическую систему, в которой ведущую роль играла морская охота: кости морских животных составляют 70 % всех фаунистических остатков. Основными объектами охоты были моржи и тюлени. Обилие костей серого и гренландского кита и «мясные ямы» позволяют предположить существование охоты на китов. Традиционно считается, что экономической основой древнеберингоморской культуры являлась охота на моржей [Арутюнов, Сергеев 1969, 1975; Диков 1977, 1979, 1993; Крупник 1989; Руденко 1947]. В качестве доказательств

Рис. 3. Каменные шлифованные острия-вставки (1, 5), наконечники китовых копий (4, 6), ножи (2, 3, 8, 9), шлифовально-точильный камень (7)

указывался небольшой размер поворотных наконечников гарпунов в отличие от крупных «китовых» наконечников гарпунов культуры пунук. Следует отметить, что два массивных наконечника пунукского типа были обнаружены в исследованном жилище, что свидетельствует о разнообразии типов наконечников гарпунов уже на раннем этапе развития древнеэскимосских культур, но преобладающим, ведущим типом являлся древнеберингоморский.

Некоторые (5 экз.) наконечники гарпунов типично древнеберингоморского типа имеют прорезы и отверстия для ремешков или жильных плетений пропитанных ядом. Использование яда в охоте на китов отмечается также археологами и этнографами у коряков и айнов [Диков 1977, 1979, 1993; Крашенинников 1949; Collins 1964]. Высокий уровень приморской адаптации подтверждает развитый гарпунный комплекс. Он вклю-

чает в себя: каменные боковые вкладыши и концевые острия наконечников гарпунов, наконечники копий, острия охотничьих мужских ножей.

К комплексу каменных орудий морской охоты следует отнести острия-вставки и боковые вкладыши поворотных наконечников гарпунов, лезвия мужских охотничьих ножей, лезвия копий, в том числе китовых, китовые ножи. Это яркие своеобразные характеристики каменного инвентаря древнеберингоморской культуры. Многочисленные сланцевые шлифованные охотничьи мужские ножи имеют уплощенно-ромбовидное сечение, редко линзовидное, с черешком для крепления в длинной деревянной рукояти, толщина их 1–2 мм (18 экз.) (рис. 2). Обнаружен один сланцевый шлифованный мужской нож с обломанным черешком размером 65×30×2 мм и обломки сланцевых шлифованных мужских ножей

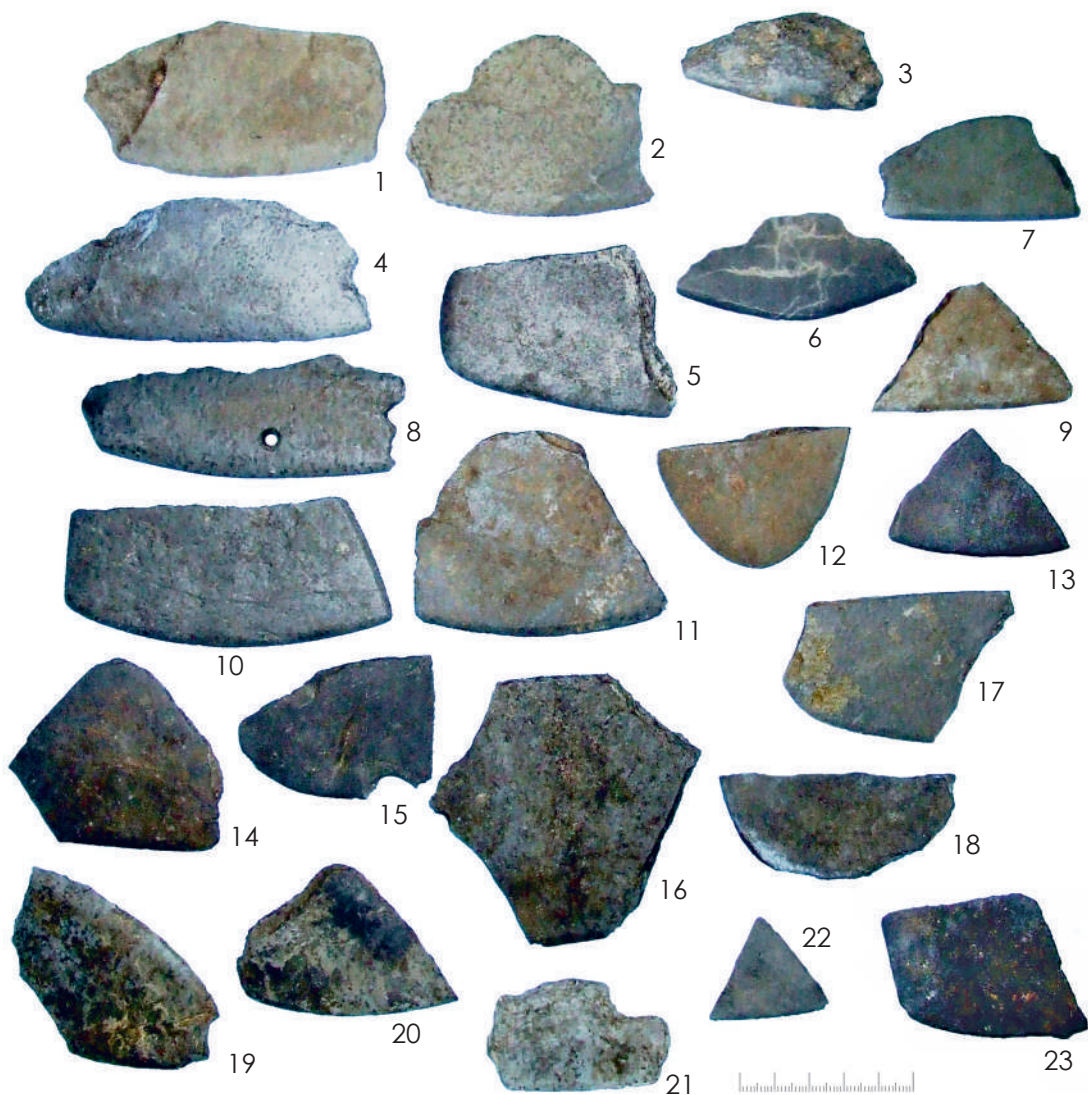

Рис. 4. Сланцевые шлифованные женские ножи

(2 экз.). Такие мужские охотничьи ножи использовались для добывания добычи и разделки туш животных.

Обнаружены также лезвия китовых копий, которые крепились на длинные деревянные рукояти. Одно лезвие, с обломанным острием, сланцевого шлифованного китового копья с 3 отверстиями для крепления рукояти размером 180×60×4 мм (рис. 3, 4). Зафиксирован фрагмент лезвия сланцевого шлифованного китового копья с 2 отверстиями для крепления рукояти, размером 120×52×4 мм (рис. 3, 6). Китовые копья использовались для добывания загарпуненных китов, что отмечали С. И. Руденко [Руденко 1947] и Д. Дюмон [D. Dumon 1987].

Столь же характерны и острия-вставки наконечников гарпунов из шлифованного сланца, треугольной или усеченно-листовидной формы (3 экз.) (рис. 2, 6, 12–14; рис. 3, 5). Обнаружены также фрагменты сланцевых шлифованных острий-вставок наконечников гарпунов (6 экз.) (рис. 2, 3, 4). Немногочисленность острий-вставок в данном комплексе объясняется преобладанием наконечников древнеберингоморского типа с боковыми вкладышами. Подобных вкладышей в слое обнаружено всего два, оба овальной формы. Вероятно, они представляли большую ценность и их, вместе с наконечниками гарпунов, забрали из жилища. Наличие и характерность для древнеберин-

Рис. 5. Ретушированные наконечники стрел

гоморской культуры подобных острий-вставок (С.И. Руденко называл их концевое острие) отмечали многие исследователи [Диков 1977, 1979, 1993; Крупник 1989; Руденко 1947; Collins 1964; Dumond 1987; Laughlin 1963; Nelson 1890; Workman 1998].

К характерным орудиям древнеберингоморской культуры и в целом древнеэскимосских культур относятся женские ножи типа улу (по-чукотски «уляк»). Многочисленны сланцевые шлифованные женские ножи, которые использовались для разделки туш, нарезки мяса и рыбы, раскроя шкур. Они встречаются разной формы: полукруглой (рис. 3, 2; рис. 4, 12, 18), трапециевидной (рис. 3, 3, 8, 9; рис. 4, 1, 2, 4–6, 8, 10, 11), подтреугольной (рис. 4, 3, 7, 9, 13), с выделенным черешком (рис. 4, 6) для крепления в деревянной или костяной (часто орнаментированной) рукояти. В комплексе многочисленны сланцевые шлифованные женские ножи улу (46 экз.) (рис. 4).

Обнаружены также сланцевые шлифованные ножи с отверстиями для крепления в рукояти (5 экз., с одним отверстием и 2 — с двумя) (рис. 4, 8). Многочисленны и обломки сланцевых шлифованных ножей с 1 отверстием (49 экз.)

В комплексе представлены орудия для шлифовки и заточки лезвия орудий (наконечников, ножей, тесел). Обнаружены обломки точильных (шлифовальных) камней (8 экз.). Присутствуют и шлифовальные плитки (4 экз.) (рис. 3, 7).

Сланцевая шлифованная индустрия характерна для древнеберингоморской и в целом для древнеэскимосских культур. Сланцевые шлифованные ножи улу широко представлены в комплексах синхронных лахтинской культуры Северо-Западного Берингоморья и канчаланской культуры побережья Анадырского залива и лимана. Вместе с тем на Охотском побережье в комплексах древнекорякской культуры извест-

Рис. 6. Скребки (5–17) и скребла (1, 2), рубиловидные орудия (3, 4)

ны находки всего лишь двух сланцевых шлифованных ножей улу, которые, возможно, являются результатом обмена.

В научной литературе существует две основные версии появления сланцевой шлифованной индустрии в комплексах культур Северо-Востока Азии и Северо-Западной Америки и, в частности, в комплексах древнеберингоморской культуры. По одной из них предполагается, что эта традиция распространяется из юго-восточной Азии по побережью, по другой — с побережья Аляски. Исследования удревнили появление сланцевых шлифованных (мужских и женских) ножей, наконечников и вставок,

что логично, если учесть появление сланцевой шлифованной индустрии в Юго-Восточной Азии около 7 тыс. л. н. [Ackerman 1982], а на Аляске около 4500 л. н. [культура оушен бей, Workman 1998]. Н. Н. Диков отмечал: «Возможно, именно со стороны Юго-Восточной Аляски... проникли в оквикскую, а затем и в древнеберингоморскую культуру...» шлифованные сланцевые наконечники и ножи, не характерные для культур денби, древних китобоев, чорис, нортон и ипиутак [Диков 1977, 206]. Вместе с тем он видел тесные связи древнеберингоморской культуры с культурами ипиутак и нортон [1977, 206].

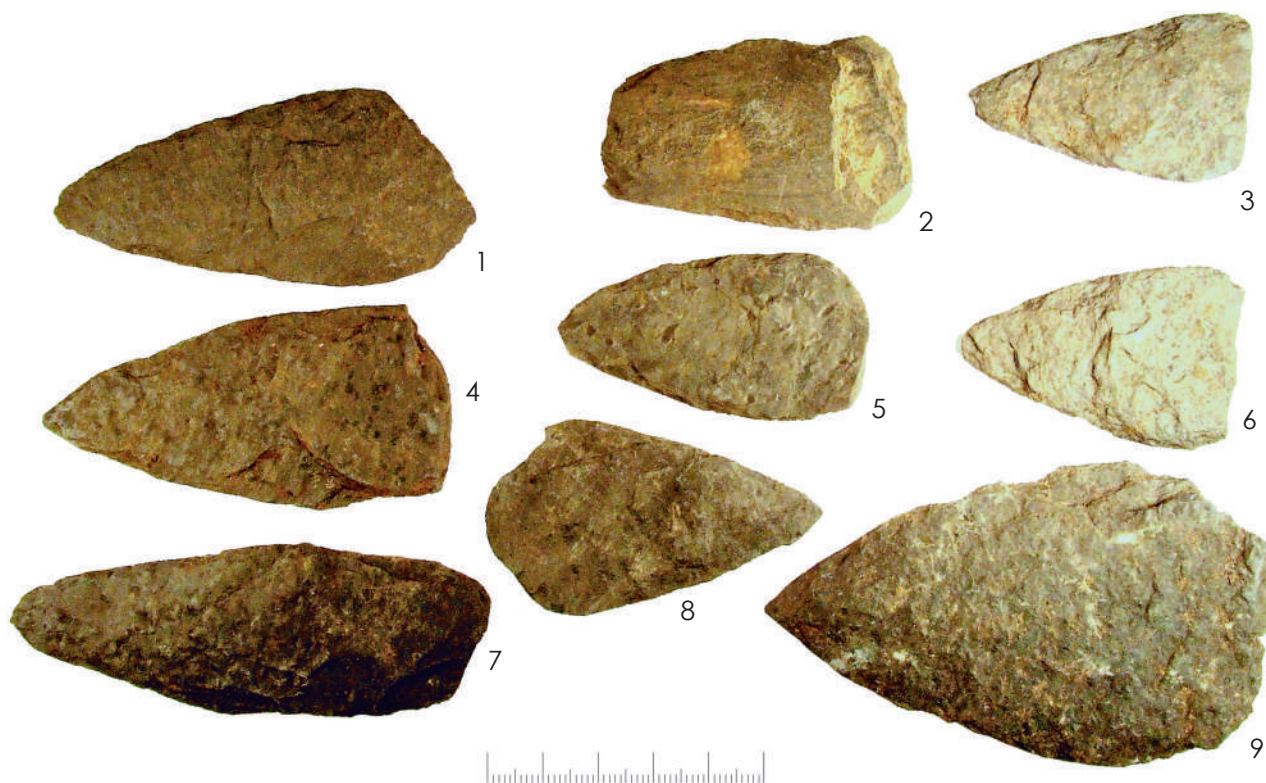

Рис. 7. Ретушированные ножи из сланцевых пластин

Сланцевые шлифованные наконечники стрел и дротиков, вставки-острия появляются на Аляске в комплексах культуры оушен бей (Ocean Bay) около 4 500 л. н. [Dumond 1987; Workman 1998], а вставки и ножи представлены в комплексах культур дорсет (Гренландия, мужские ножи) [Anderson 1984, 94–95] и нортон (женские ножи) [Anderson 1984, 109]. Если принять версию азиатского происхождения сланцевой шлифованной индустрии, то следует ожидать находок, которые удревят эту традицию на западном побережье Берингова моря не на 200 лет, как сейчас, а, возможно, на 2000 лет. Уже сейчас известны женские шлифованные ножи в комплексах лахтинской культуры 2600 л. н. [Орехов 1987].

Обитатели жилища широко практиковали и сухопутную охоту. Объекты охоты представлены костями медведей, лис, песцов, оленей. Орудиями охоты являлись деревянные простые и сложные луки, каменные ретушированные и реже шлифованные наконечники стрел листовидные и с прямым черешком, наконечники дротиков.

Немногочисленны ретушированные наконечники стрел листовидной (рис. 5, 5, 6) и треугольной (рис. 5, 2) формы, с боковыми выступами и овально-вогнутым основанием (рис. 5, 3) линзовидного сечения (3 экз. и 3 обломка из кремнистого сланца); основание наконечника из обсидиана. Один ретушированный наконечник стрелы переоформлен из обломка сланцевого шлифованного ножа. Еще три обломка ретушированных наконечников стрел представлены основанием из кремнистого сланца и серого кремня, а также острием из кремнистого сланца (рис. 5, 1, 4).

Обнаружен только один ретушированный наконечник дротика, также переоформленный из сланцевого шлифованного ножа, с обломанным черешком. Подобные наконечники стрел и дротиков имеют широкую географию и хронологию распространения.

Женские каменные орудия для обработки шкур представлены скребками, скреблами и проколками. Основная часть их обнаружена в осыпи культурного слоя, а часть — в северо-западной части жилища. Скребки

Рис. 8. Грузило для удочки

Рис. 9. Тесла

и скребла в основном овальной или усеченно-овальной формы.

Наиболее многочисленны скребки из расщепленных (продольно) галек без обработки рабочего края (18 экз.) (рис. 6, 7–10, 12, 16). Один скребок изготовлен из расщепленной гальки кремнистого сланца, с рабочим краем, обработанным краевой ударной ретушью с одной стороны (рис. 6, 11).

Многочисленны также скребки, изготовленные из галечных сколов преимущественно кремнистого сланца или андезитобазальта (16 экз.) (рис. 6, 5, 6, 14, 15, 17),

с сохранением галечной корки на одной стороне дисковидной формы, без обработки, с односторонней краевой ретушью на рабочем крае. Встречены скребки из сколов, с рабочим краем, обработанным односторонней краевой ударной ретушью (6 экз.).

Ретушированные скребки из отщепов серого кремнистого сланца (4 экз.) (рис. 6, 13), кремнистый сланец. Обломок (половина) ретушированного скребка, серый кремень. Ретушированный скребок из отщепа, серый кремнистый сланец. Скребки из расщепленных галек с оббитым краем (3 экз.).

Рис. 10. Отбойник (1) и курант (2)

Скребла изготовлены из расщепленных (продольно) галек (2 экз.) (рис. 6, 1, 2), Немногочисленность скребел, вероятно, свидетельствует о первичной обработке шкур вне жилища.

К орудиям обработки шкур относятся и проколки. Обнаружены пять проколов из отщепов с острием, выделенным отжимной ретушью.

В изготовлении и обработке скребков и скребел наблюдается технико-технологический минимализм, что, впрочем, имеет широкую хронологию и географию.

Многочисленны ретушированные ножи из сланцевых пластин подтреугольной формы, которые использовались для разреза-

ния мяса и рыбы, обработки дерева (21 экз.) (рис. 7). Обнаружены два ретушированных ножа из серо-зеленого кремнистого сланца.

Уникальны и характерны только для древнеэскимосских культур известные этнографически [Nelson 1890], но не отмечаемые отечественными археологами, известные в зарубежных публикациях в комплексах культуры древних китобоев [Dumond 1987] ретушированные китовые ножи из пластин кремнистого сланца, полуовальной формы, которые крепились на длинную деревянную рукоять (2 экз.). Они отличаются большими размерами: 210×150×11 мм; 140×90×10 мм. Подобные ножи, но изготовленные из железа, используют эскимосы и в настоящее время.

Рис. 11. Молот

Орудия рыболовства характеризуют зимний подледный лов у дунки и летний — лососевых. В комплексе обнаружены каменные шлифованное грузило для удочки (рис. 8) и два грузила для сети из галек с выбитыми четырьмя углублениями для крепления сети. Последние имеют широкую хронологию и географию.

Орудия для обработки дерева в комплексе представлены рубящими орудиями и теслами. Одно ретушированное тесло (рис. 9, 1), а другое с пришлифованным лезвием из кремнистого сланца размером 60×18×10 мм (рис. 9, 3). Микротесло, переформленное из обломка сланцевого шлифованного ножа размером 31×25×2 мм.

Рубиловидные орудия изготовлены из галек андезито-базальта, с рабочим краем, обработанным обивкой с одной стороны (8 экз.) (рис. 6, 3, 4).

В комплексе зафиксированы два каменных жирника, изготовленные из галек техникой пикетажа. Встречены также каменные отбойники (4 экз.) (рис. 10, 1) из продолговатых галек и куранты (6 экз.) (рис. 10, 2) из округлых галек. Обнаружен каменный молот из округлой гальки с желобом по периметру для крепления рукояти (рис. 11).

Обломки сланцевых пластин со следами обработки (42 экз.) и отщепы (26 экз.), сконцентрированные в северной части жилища, свидетельствуют об изготовлении каменных орудий в жилище, что характерно для «зимних» жилищ.

О ранней социализации свидетельствует детский комплекс. В комплексе выделены детские орудия, отличающиеся от «взрослых» только миниатюрными размерами. Также в данном комплексе представлены имитации реальных орудий, отличающиеся не только размерами, но и материалом изготовления. Обнаружены также и игрушки. Преобладают орудия мальчиков: каменные наконечники стрел и острия ножей. К детским охотничьим орудиям следует отнести, вследствие миниатюрных размеров, два каменных ретушированных наконечника стрел (рис. 12, 1) и один наконечник дротика, охотничьи ножи (3 экз.) (рис. 12, 2).

Отдельные детские игрушки в комплексах выделялись некоторыми исследователями [Диков 1977, 1979; Ринк Хинрик 2007; Clark Donald 1984; Dumond 1987; Nelson 1890; Workman 1998], но редко и не рассматривались в качестве самостоятельного комплекса.

Экономика носила комплексный, сезонный характер и была направлена на максимальное использование всех доступных биоресурсов. Сезонная миграция была направлена к местам максимальной концентрации используемых ресурсов, определяя их количественные и качественные характеристики и техническое обеспечение.

Поселение насчитывало только два древнеберингоморских жилища, которые функционировали одновременно. Поселение было базовым (зимним) и демонстрирует высокий уровень адаптации и развития приморской мобильной, гибкой эколого-экономической системы. Наличие ритуальных предметов отражает сакрализацию определенных видов экономической деятельности: охоты на медведя, птиц, охоты на ластоногих и китов.

Около 1200 л. н. древнеберингоморскую культуру на поселении Кивак сменяет куль-

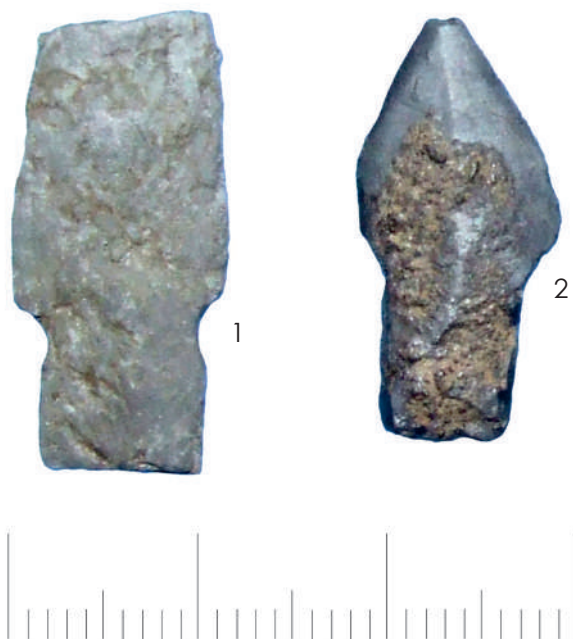

Рис. 12. Детские наконечник стрелы (1) и лезвие ножа (2)

тура пунук. На данном поселении хронологический разрыв между древнеберингоморской культурой и культурой пунук составляет около 600 лет. Поэтому в данном случае следует говорить о смене разных популяций людей, несмотря на ряд общих черт, которые, возможно, были восприняты или наследованы носителями культуры пунук.

Новые материалы дополняют и уточняют характеристику древнеберингоморской культуры, вызывая и новые вопросы. Пока неясно, своеобразные характеристики комплекса исследованного жилища имеют локальный или общекультурный характер, учитывая мозаичность некоторых характеристик древнеберингоморской культуры и слабую исследованность жилищных комплексов.

Литература

Арутюнов, С. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник) / С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. — М.: Наука, 1969. — 204 с.

Арутюнов, С. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могиль-

ник) / С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. — М.: Наука, 1975. — 240 с.

Бронштейн, М. М. Мир арктических зверобоев: шаги в непознанное / М. М. Бронштейн, К. А. Днепровский, Е. С. Сухокурова. — М.-Анадырь: Восход, 2007. — 212 с.

Гусев, С. В. Раннеголоценовая стоянка Найван в Беринговом проливе (Чукотский полуостров) / С. В. Гусев // Вторые Диковские чтения. — Магадан: 2002. — С. 356–364.

Диков, Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности / Н. Н. Диков. — М.: Наука, 1977. — 391 с.

Диков, Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности / Н. Н. Диков. — М.: Наука, 1979. — 279 с.

Диков, Н. Н. Азия на стыке с Америкой в древности / Н. Н. Диков. — СПб.: Наука, 1993. — 302 с.

Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки / С. П. Крашенинников. — М.-Л.: 1949.

Крупник, И. И. Арктическая этноэкология / И. И. Крупник. — М.: Наука, 1989. — 272 с.

Окладников, А. П. Древние поселения Баранова мыса / А. П. Окладников, Н. А. Береговая. — М.: Наука, 1971.

Орехов, А. А. Предварительное исследование древнеэскимосского поселения Кивак (Провиденский район, ЧАО) / А. А. Орехов // Вестник СВГУ. — Магадан: 2007. — Вып. 8. — С. 34–37.

Орехов, А. А. Древнеберингоморский комплекс древнеэскимосского поселения Кивак (Провиденский район, Чукотский автономный округ) / А. А. Орехов // Берингия — мост дружбы. Материалы международной научной конференции. — Томск: 2008.

Орехов, А. А. Древнеберингоморское жилище древнеэскимосского поселения Кивак (Чукотский полуостров) / А. А. Орехов // Северо-Восточный научный журнал. — Магадан: Ноосфера, 2011. — № 1 (7). — С. 40–47.

Орехов, А. А. Детский комплекс древнеберингоморского жилища 1 древнеэскимосского поселения Кивак (Чукотский полуостров) / А. А. Орехов // Северо-Восточный научный журнал. — Магадан: Ноосфера, 2011. — № 2 (8). — С. 31–37.

Попов, А. Н. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана 2) / А. Н. Попов, Т. А. Чикишева, Е. Г. Шпакова. — Новосибирск: Изд-во ИиЭ Со РАН, 1997. — 96 с.

Ринк, Х. — Мифы и легенды эскимосов / Х. Ринк. — М.: Центрполиграф, 2007. — 365 с.

Руденко, С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема / С. И. Руденко. — Л.: ГСМП, 1947. — 132 с., 58 табл.

Ackerman Robert E. (1982). *The Neolithic-Bronze Age Cultures of Asia and the Norton Phase of Alaskan Prehistory*. AA. Vol. 19 (2). pp. 11–38.

Anderson Douglas D. (1984). *Prehistory of North Alaska*. Handbook of North American Indians. Vol. 5. Arctic Smithsonian Press. Washington DC. pp. 80–93.

Bandi, Hans-Georg (1969). *Eskimo Prehistory*. University of Alaska Press.

Clark Donald W (1984). *Prehistory of the Pacific Eskimo Region*. Handbook of the American Indians. Vol. 5. Arctic Smithsonian Press. Washington DC. pp. 136–147.

Collins H. B. (1964). *The Arctic and Subarctic*. Jennings, Jess D. and Edward Norbeck (Eds.). *Prehistoric Man in the New World*. Chicago.

Dumond D. E. (1987). *The Eskimos and Aleuts*. Thames and Hudson Ltd., London. p. 180.

Dumond D. (1994). *The Development of Human Adaptation to the Arctic Coast of the North — Pacific*. Paper presented at the 45-th Arctic Science Conference. Anchorage and Vladivostok. p. 10.

Gerlach Craig, Mason Owen K. (1992). *Calibrated Radiocarbon Dates and Cultural Interaction in the Western Arctic*. AA. Vol. 29, No. 1. pp. 54–81.

Giddings, James Louis (1967). *Ancient Man of the Arctic*. New York.

Giddings J. L., Anderson D. D. (1986). *Eskimo and Preeskimo Settlement around Kotzebue Sound, Alaska*. Beach ridge archaeology of cape Krusenshtern. NPS. Washington. p. 386. pl. 174.

Larsen, Helge and Froelich G. Rainy (1948). *Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture*. AMNH-AP. Vol. 42. New York.

Laughlin, William S. (1963). *Eskimos and Aleuts: Their Origins and Evolution*. Science. Vol. 142. No. 3593. pp. 633–645.

Nelson E. W. (1890). *The Eskimo about Bering Strait*. Annual Report of the Bureau of American ethnology. Washington. p. 518.

Workman William B. (1998). *Archaeology of the Southern Kenai Peninsula*. AA. Vol. 35, no. 1, pp. 146–159.

Workman William B. and McCartney Allen P. (1998). *Coast to Coast: Prehistoric Maritime Cultures in the North Pacific*. AA. Vol. 35, No. 1, pp. 361–370.

*М. М. Бронштейн, И. М. Бронштейн
Государственный музей Востока,
Москва, Россия
e-mail: bronmi@list.ru*

КОНТАКТЫ МОРСКИХ ЗВЕРОБОЕВ ЧУКОТКИ И АЛЯСКИ В I ТЫС. Н. Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКВЕНА И ПАЙПЕЛЬГАКА)

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы контактов, отразившихся в культурах древних зверобоев северо-востока Азии и северо-запада Америки. Авторы отмечают начало контактов у морских зверобоев с эпохи неолита по обе стороны Берингова пролива. В I тыс. н. э. авторами прослеживаются культурные связи населения побережья Чукотки с жителями американского побережья на основе изучения изделий из моржового клыка, в том числе — гарпунных наконечников, головок гарпунных древков, стабилизаторов гарпуна, снеговых очков, игольников и ритуальных скульптур. Их изучение позволяет проследить динамику культурного взаимодействия древних эскимосов Чукотки и Аляски не только на высоком таксономическом уровне, но и на достаточно низком. Рассматриваются возможности различных видов контактов, в том числе обменных связей, результатов военных столкновений, миграций. Наиболее важными из них, по мнению авторов, были миграции, брачные связи и культурное общение, происходившее на совместных праздничных церемониях.

Ключевые слова: Чукотка, северо-запад Америки, гарпуны, стабилизаторы гарпунов, игольники, снеговые очки, контакты, культурное общение.

Судя по данным этнографии, контакты между жителями прибрежных районов Чукотки и Аляски были важным компонентом традиционной культуры морских арктических зверобоев, обитавших на границе Старого и Нового света. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что в XVIII – начале XX вв. азиатские эскимосы и береговые чукчи, с одной стороны, и эскимосы п-ова Сьюард, о-вов Диомида и Св. Лаврентия, с другой, поддерживали обменные отношения, проводили совместные праздники, устанавливали брачные связи друг с другом.

Рассматривалась ли в научной литературе проблема контактов предшественников этнографически известных нам морских охотников Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки? Как контактировали между собой древние зверобои Берингова пролива? Можно ли экстраполировать выводы, которые были получены на основе изучения письменных источников и рассказов

информантов, на ситуацию, существовавшую в Берингоморье в «доисторический» период?

Правомерность последнего вопроса обусловлена несколькими причинами. Назовем основную из них. Важной экономической предпосылкой контактов между морскими охотниками Чукотки и Аляски в относительно недавнем прошлом было наличие у каждой из данных территориальных групп товаров, представлявших интерес для соседей. Такими товарами долгое время были русские промышленные изделия. Их привозили сначала на Чукотку, и лишь оттуда они попадали на Аляску. Позднее в Арктике стали появляться изделия американского производства. Эти предметы, в свою очередь, вначале становились собственностью эскимосов Аляски, и только потом их можно было встретить на чукотских побережьях. Ценным продуктом обмена были также шкуры домашних оленей. Население при-

брежных поселков Чукотского п-ова приобретало их у оленных чукчей для жителей Аляски, практически не знакомых с оленеводством. Разумеется, в «доисторический» период, верхней границей которого является середина XVII в., ни иноземных промышленных изделий, ни даже продуктов оленеводства на побережьях Берингова пролива не было.

Культурное взаимодействие морских арктических зверобоев Старого и Нового света в эпоху неолита — одна из наименее изученных проблем современной эскимологии. Подобное утверждение, возможно, покажется странным: практически в каждой работе по археологии прибрежных районов Чукотки и Аляски упоминаются «культурные связи» древних обитателей азиатского и американского побережий Берингова пролива. Однако внимательное прочтение научной литературы свидетельствует, с нашей точки зрения, о том, что в большинстве отечественных и зарубежных исследований лишь констатируется наличие этих связей и не содержится попыток реконструировать конкретные формы контактов между древними эскимосами Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки.

Известное исключение представляют, пожалуй, лишь публикации, одним из авторов которых является С. А. Арутюнов. Мы имеем в виду фундаментальные монографии об Уэленском и Эквенском могильниках, а также обширную статью в сборнике «На стыке Чукотки и Аляски», написанные Сергеем Александровичем в соавторстве с коллегой и другом Д. А. Сергеевым [Арутюнов, Сергеев 1969; 1975; 1983]. В этих работах высказываются гипотезы о синхронном существовании древнеберингоморской, оквикской и ипиутакской археологических культур, об их достаточно точной локализации (в прибрежных районах Чукотки, на островах Берингова пролива, на материковом побережье Аляски), приводятся многочисленные свидетельства обнаружения древнеберингоморских, оквикских и ипиутакских изделий в составе одних и тех же археологических комплексов [Арутюнов,

Сергеев 1975, 103–104]. Большой интерес представляет также выявленное С. А. Арутюновым сходство погребальных обрядов у древнеберингоморцев, бирниркцев (носителей еще одной древнеэскимосской традиции) и у алеутов [Арутюнов, Сергеев 1975, 104, 125, 127–128].

Взгляды С. А. Арутюнова на этнокультурную ситуацию в районе Берингова пролива в эпоху неолита являются, таким образом, надежной отправной точкой для изучения контактов между древними морскими зверобоями Чукотки и Аляски и практически вплотную подводят нас к выводу о том, что контакты между ними могли осуществляться в новом каменном веке, как минимум, в виде обменных отношений, миграций и военных столкновений.

Опираясь на недавние находки Чукотской археологической экспедиции Государственного музея Востока в Эквене и в Пайпельгаке (поселение Пайпельгак расположено на побережье Чукотского моря в 100 км к северо-западу от Эквена), а также на эквенские материалы С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева (опубликованные в 1960–80-х гг., они по-прежнему имеют огромную историко-этнографическую ценность), попробуем смоделировать основные формы взаимодействия людей, населявших северо-восточную оконечность Азии и крайний северо-запад Америки в I тыс. н. э. (рис. 1).

Наиболее последовательно культурные связи эквенцев и пайпельгакцев с жителями американских побережий прослеживаются при изучении изделий из моржового клыка. Эти находки весьма многочисленны в археологических памятниках Берингоморья. Еще одна их особенность заключается в том, что природные свойства моржовой кости позволяли мастерам использовать разнообразные приемы резьбы и гравировки. Последнее обстоятельство имеет особое значение. Чем больше соответствий обнаруживается в сложных по форме и декору предметах, тем выше вероятность, что эти соответствия обусловлены не только общностью происхождения различных древнеэскимосских этнотерриториальных групп, но также

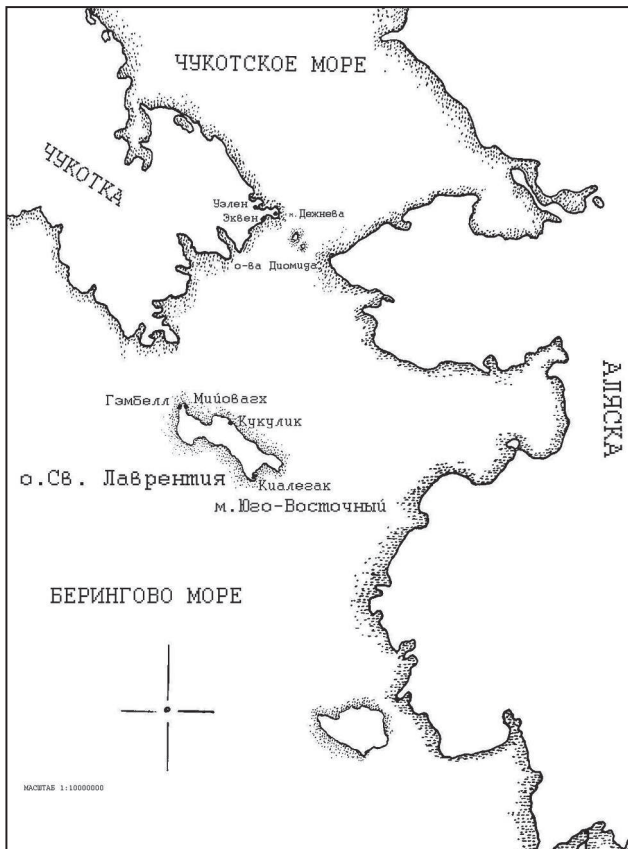

Рис. 1. Карта Берингова пролива

контактами между людьми, создававшими эти изделия. Подобные контакты могли, разумеется, иметь как непосредственный, так и опосредованный характер, однако сам факт их существования представляется в данном случае весьма и весьма вероятным. К изделиям из моржового клыка, которые позволяют реконструировать взаимоотношения морских охотников Чукотки и Аляски в I тыс. н. э., относятся, в первую очередь, гарпунные наконечники и головки гарпунного древка, стабилизаторы гарпуна, снеговые очки, игольники и шпульки для ниток, ритуальная скульптура (рис. 2–7).

Наконечники гарпуна

Гарпунные наконечники составляют наиболее представительную группу из перечисленных выше находок. Поскольку в научной литературе они неизменно рассматриваются как один из самых надежных индикаторов культурной и хронологической принадлежности археологических комплексов

Чукотки и Аляски, сравнительный анализ этих изделий приобретает особую ценность. У нас появляется возможность, установив факт контактов между древними зверобоями полярных побережий Старого и Нового света, ответить на ряд других вопросов. Мы можем определить, какие локальные этнокультурные общности контактировали друг с другом и в какие хронологические периоды осуществлялись эти контакты.

С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, исследуя обнаруженные ими в Эквенском могильнике гарпунные наконечники, отметили конструктивное сходство находок из погребений 125, 126, 128, 129 с аналогичными изделиями, обнаруженными в могильнике Тигара на м. Хоуп (северо-запад Аляски) [Арутюнов, Сергеев 1975, 104]. Это наконечники с боковой бородкой (тип 42 по классификации С. А. Арутюнова) и с асимметричной хвостовой шпорой (тип 32) — т. е. гарпуны, характерные для бирнирка.

В настоящее время в результате дальнейшего изучения находок эквенской экспедиции С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева, а также после проведения экспедицией Музея Востока новых раскопок в Эквене и начала полевых исследований в Пайпельгаке, список бирнирских гарпунных наконечников, имеющих аналоги на Аляске, может быть существенно расширен. В него следует включить бородчатые гарпуны (тип 42) из погребений 135, 153, 167, 189, из эквенского жилища Н-18, из пайпельгакского жилища 1, а также наконечники с асимметричной шпорой (тип 32) из захоронений 40, 113, 155, 167, 189, 293, 319 Эквенского могильника и из упомянутых жилых комплексов Эквена и Пайпельгака. Конструкции и декор всех перечисленных изделий отчетливо перекликаются с конструкциями и декором гарпунов со стоянок Бирнирк и Куток-Маундз на м. Барроу (север Аляски) и из захоронений 160 и 172 в Тигаре на м. Хоуп [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 37/5–7, 38/12; Бронштейн, Днепровский 2001, 594, табл. 1, 4, 6, 12–13; Ford 1959, fig. 26/m].

Что касается древнеэскимосских гарпунных наконечников других типов, здесь на-

Рис. 2. Наконечник гарпуна. Чукотка, Эквен. ДБК-III

Рис. 5. Стабилизатор гарпуна («крылатый предмет»). О. Св. Лаврентия. ДБК-II

Рис. 3. Головка гарпунного древка. Эквен. ДБК-I

Рис. 6. Зооморфная скульптура. Эквен. ДБК-II

Рис. 4. Стабилизатор гарпуна («крылатый предмет»). Эквен. ДБК-II

Рис. 7. Антропоморфная скульптура. Эквен. ДБК-II

блюдается следующая картина. В Эквене и Пайпельгаке широко представлены наконечники «пулевидной формы» (тип 17). Для нашего исследования наиболее интересны две их разновидности: с орнаментом ДБК-III («позднее древнеберингоморье») и с раннепунукским графическим декором. Пулевидные гарпуны с орнаментом ДБК-III,

входившие в состав эквенских погребений 9, 10–11, 18, 44, 102, 141, 154, идентичны гарпуну, обнаруженному на о. Малый Диомид [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 37, 13–14, 41, 6, 8, 10, 12–13; Wardwell 1986, 166]. Два гарпунных наконечника из эквенского жилища Н-18, орнаментированные в «раннепунукском стиле», имеют такую же конструкцию и декор,

как гарпун с о. Св. Лаврентия (рис. 8, е, ж) [Бронштейн, Днепровский 2001, 594, табл. 1, 7; Wardwell 1986, 141].

Столь же очевидное сходство прослеживается в гарпунных наконечниках с двумя боковыми каменными вкладышами и симметричной шпорой (тип 7), покрытых декором ДБК-II («среднее древнеберингоморье»). Из гарпунов этой разновидности одни изделия были найдены в эквенских захоронениях 10–11, 141, 215, 234, 300, другие — на о. Св. Лаврентия (рис. 8, в–д) [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 35, 1, 37, 8–10; Arktische Walijager 1993, 97, kat. 16–19; The Far North 1973, 9].

Близкие к гарпунам типа 7 гарпуны типа 3 — для них наряду с орнаментом ДБК-II характерен узор ДБК-I («раннее древнеберингоморье») — также практически идентичны друг другу. Места их обнаружения: Эквен (погребения 28, 40, 121, 135, 182, 250), м. Хоуп (жилище 69), м. Барроу [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 35, 14, 16–17; Arktische Walijager 1993, 93, kat. 4–6; Larsen, Rainey 1948; Wardwell 1986, 166].

Одной и той же, крайне редко встречающейся конструктивной особенностью — миниатюрными выступами-зубчиками в передней части — обладают наконечники гарпуна из эквенских погребений 217, 234, 300

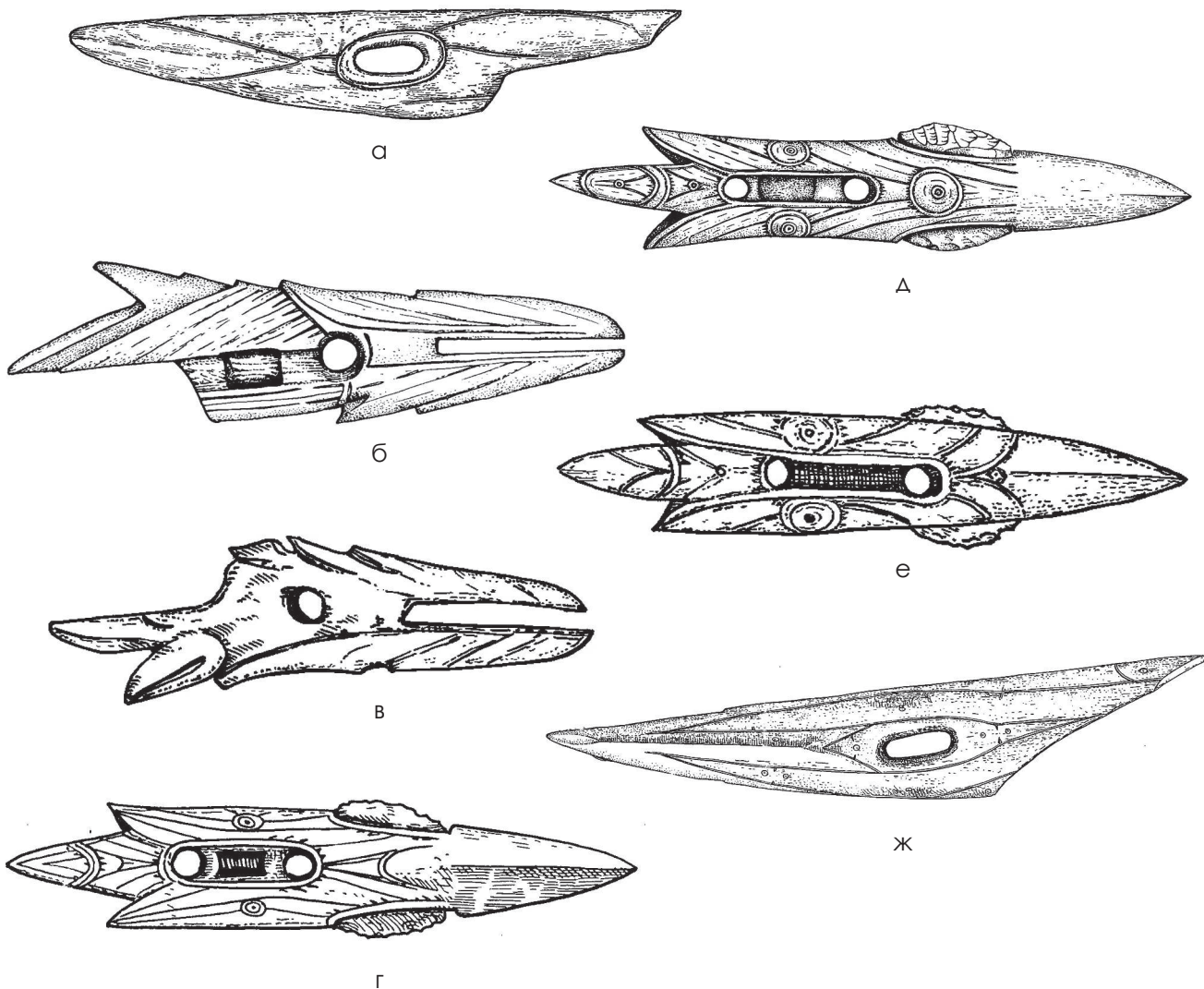

Рис. 8. Наконечники гарпуна. ДБК, ранний пунук.
а, в–г, е — Чукотка, Эквен, погребения 250, 215, 300, жилище Н-18;
б, д, ж — о. Св. Лаврентия, Кукулик (б, д), Мийовагх (ж)

(их покрывает орнамент ДБК-I и ДБК-II) и гарпун из захоронения 23-J Ипиутакского могильника на м. Хоуп [Бронштейн, Куйбышев 1989, рис. 4, 23; Arktische Walijager 1993, 96, kat. 1; Larsen, Rainey 1948].

Суммируя приведенные выше наблюдения, можно констатировать следующее. Среди гарпунов, обнаруженных в ходе археологических раскопок в Эквене и Пайпельгаке, имеется большое число предметов, свидетельствующих о связях эквенцев и пайпельгакцев с обитателями островов Берингова пролива и материкового побережья Аляски. Контакты жителей Эквена с морскими арктическими зверобоями Америки поддерживались, по всей вероятности, в течение многих столетий: с первых веков нашей эры — к этому периоду относятся изделия с орнаментом ДБК-I — до рубежа ее первого и второго тысячелетий, которым датируются изделия с раннепунукским декором. Культурные связи пайпельгакцев с морскими зверобоями Аляски могут быть в настоящее время документально подтверждены только применительно к второй половине I тыс. н. э. (бирнирские гарпуны).

Эквенцы контактировали со своими ближайшими соседями — жителями о-вов Диомида, — а также с населением расположенного значительно южнее о. Св. Лаврентия. Несомненны их контакты и с обитателями еще более удаленных от северо-востока Чукотки территорий — м. Хоуп и м. Барроу на северо-западном и северном побережьях Аляски. «География» культурных связей Пайпельгака с жителями Америки несколько иная. Судя по имеющимся в настоящее время данным, пайпельгакцы вступали в контакты, главным образом, с эскимосами, населявшими северо-запад и север Аляски (м. Хоуп и м. Барроу).

Количественная оценка исследуемых находок позволяет прийти к заключению, что наиболее интенсивно обитатели Эквена и Пайпельгака контактировали со своими американскими соседями во второй половине I тыс. н. э., когда на побережьях Берингова и Чукотского морей были рас-

пространены такие культурные традиции, как позднее древнеберингоморье (ДБК-III), бирнир и ранний пунук.

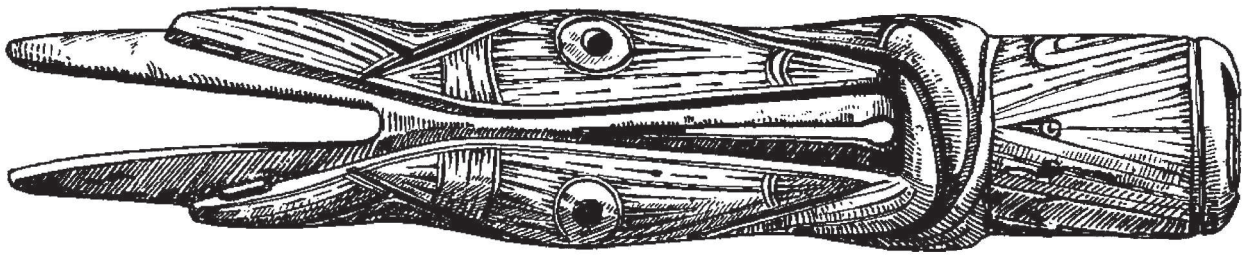
Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Обнаруженные по разные стороны Берингова пролива гарпуны пулевидной формы с декором ДБК-III и гарпуны, имеющие в передней части миниатюрные выступы, настолько своеобразны, что их, с нашей точки зрения, можно рассматривать в качестве «маркеров» отдельных локальных подразделений, входивших в состав более крупных этнокультурных групп. У каждого из таких подразделений (клана или крупного линиджа?) были, по-видимому, свои, специфические культурные особенности, отличавшие его от других подобных образований.

Обратимся к другим археологическим находкам, которые тоже имеют сложную форму и тщательно выполненный орнамент, и посмотрим, подтверждают ли они эти выводы.

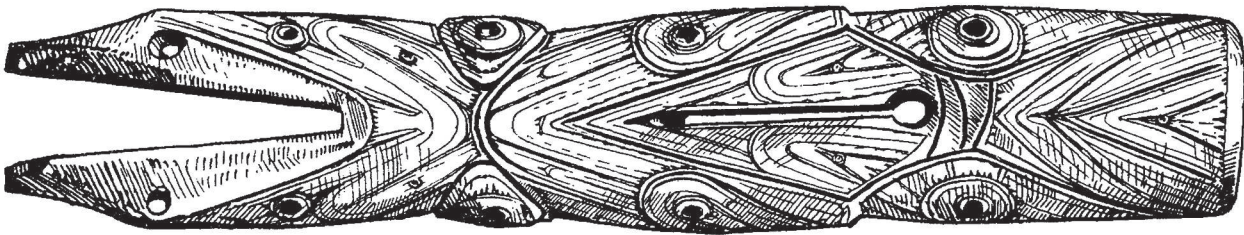
Головки гарпунного древка и стабилизаторы гарпуна («крылатые предметы»)

В погребениях 10–11, 204, 238, 250, 284 Эквенского могильника обнаружены однотипные по конструкции головки гарпунного древка с характерным рельефным декором, в котором присутствуют изображения медвежьих клыков. Такая же головка гарпунного древка найдена на о. Св. Лаврентия (рис. 9) [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 48, 7; Арутюнов, Сергеев 1983, 214, рис. 7; Arktische Walijager 1993, 109, kat. 58–59; Wardwell 1986, 83].

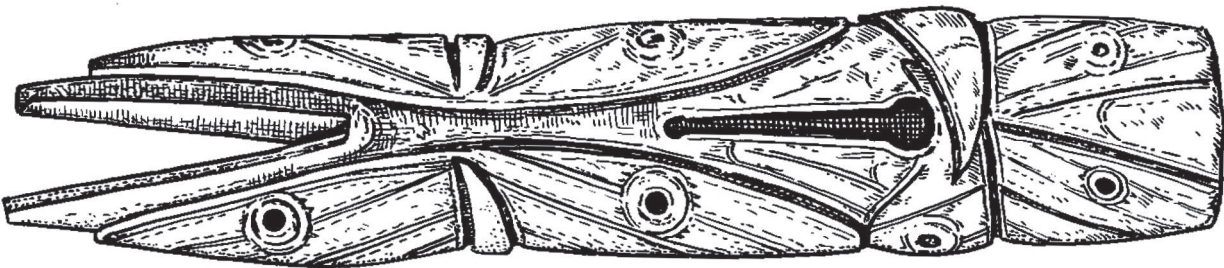
Стабилизатор гарпуна из эквенского погребения 68 и «крылатый предмет», обнаруженный на островах в южной части Берингова пролива, имеют, как было отмечено С. А. Арутюновым и Д. А. Сергеевым, одинаковую, чрезвычайно редко встречающуюся форму крыльев [Арутюнов, Сергеев 1975, 171]. По нашим наблюдениям, гарпунный стабилизатор с такими же крыльями входил в состав погребального инвентаря

а

б

в

Рис. 9. Головки гарпунного древка. ДБК-II.

а-б — Чукотка, Уэлен, погребение 14-15 (58), Эквен, погребение 10-11; в — о. Св. Лаврентия

еще одного эквенского захоронения — 304 [Arktische Walijager 1993, 124, kat. 82]. Другую группу «крылатых предметов», найденных как на Чукотке, так и за ее пределами, составляют стабилизаторы, отличительными чертами которых являются особая, «волнистая» конфигурация крыльев и декор со стилизованными зооморфными мотивами. К этой группе относятся находки из эквенских погребений 10-11, 57, 130, 133, 141, 234, 310 «Б» и «крылатый предмет» с о. Св. Лаврентия [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 47, 5, 49, 4, 84, 1, 85, 2-3, 86, 2; Бронштейн 2001, 374, табл. IV, 2; Wardwell 1986, 84]. Оче-

видное сходство обнаруживают «крылатые предметы» из эквенских захоронений 9, 12, 17 и два гарпунных стабилизатора с о. Св. Лаврентия. У них идентичны форма центральной части, графический орнамент и пластический декор, в котором отчетливо доминирует образ личины (рис. 10) [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 49, 4, 86, 1-2; The Far North 1973, 14-15].

Заметим, что все перечисленные выше древнеэскимосские головки гарпунного древка и «крылатые предметы», как с Чукотки, так и с Аляски, покрыты графическим орнаментом стилей ДБК-I и ДБК-II.

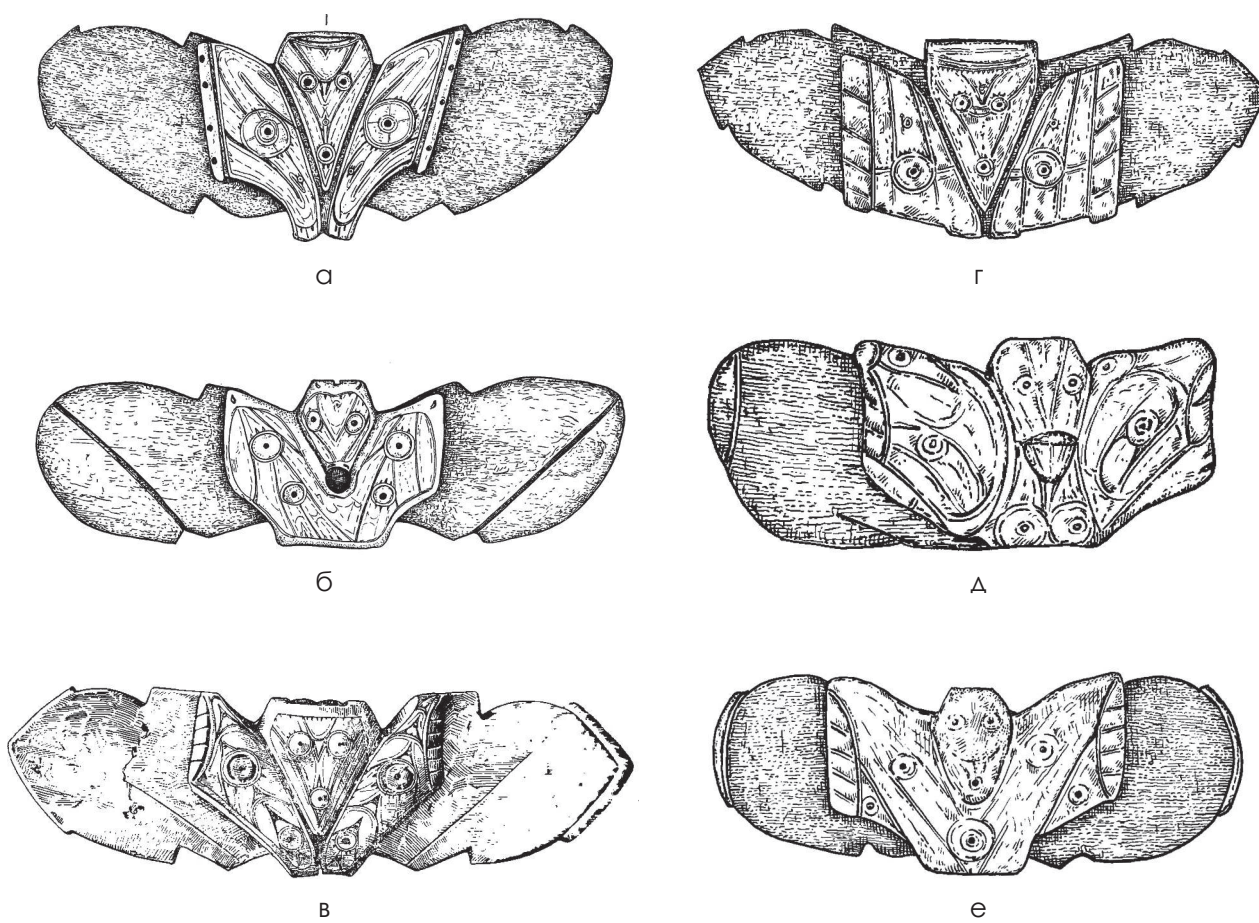

Рис. 10. Стабилизаторы гарпуна («крылатые предметы»). ДБК-II.
 а-в — Чукотка, Эквен, погребения 310 Б, 320 (а, б), Уэлен, погребение 24(58);
 г-е — о. Св. Лаврентия, Кукулик (г), Киалегак (е)

Снеговые очки

Ценную информацию, указывающую на культурные связи эквенцев и пайпельгакцев с обитателями Аляски, несут в себе орнаментированные снеговые очки из моржового клыка. Судя по тщательности художественного оформления, снеговые очки выполняли не только утилитарные функции, но были, вероятно, и ритуальными предметами. Поскольку число подобных изделий сравнительно невелико, их можно рассматривать, на наш взгляд, как и упоминавшиеся выше гарпунные наконечники редких типов, в качестве «маркеров» одного из локальных подразделений древних зверобоев Берингова и Чукотского морей.

Из снеговых очков, обнаруженных в Эквене, наибольший интерес для настоящего

исследования представляют два экземпляра из погребений 140 и 155 и два экземпляра, входившие в состав захоронений 14 и 187 [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 51, 2, 75, 1, 3–4]. Очки из погребений 140 и 155 — они очень близки друг другу по форме и типу гравировки (стиль ДБК-II/III) — обнаруживают большое сходство с двумя очками с Аляски, одни из которых были найдены на м. Хоуп (Ипиутакский могильник, погребение 26), другие на м. Барроу [Larsen, Rainey 1948, 113, fig. 27; Wardwell 1986, 95]. Судя по орнаменту на двух последних находках, они имели непосредственное отношение к древнеберингоморской культуре, возможно, к таким ее вариантам, как ДБК-II и ДБК-III.

Несколько меньшая, но тоже достаточно заметная близость прослеживается в снеговых очках из эквенских погребений 14 и 187

и из ипиутакского жилища 11 на м. Хоуп [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 57, 2, 75, 4; Larsen, Rainey 1948, 24, 14]. Характер находок, обнаруженных в данных археологических комплексах, позволяет отнести погребения 14 и 187 соответственно к раннепунукской и бирниркской традициям; что касается жилища 26, в нем присутствуют черты ипиутака и раннего пунука [Арутюнов, Сергеев 1975; Larsen, Rainey 1948].

Снеговые очки из Пайпельгака, узор на которых является, с нашей точки зрения, бирнирксским, можно уверенно сопоставить с названными выше очками из ипиутакского погребения 26 — напомним, что их декор близок к орнаменту ДБК-II — и с очками со стоянки Нунагиак на м. Барроу, орнаментированными в раннепунукском стиле [Днепровский 2005, рис. 65, 6; Larsen, Rainey 1948, 113, fig. 27; Wardwell 1986, 95]. Определенное сходство прослеживается в пайпельгакских очках с еще одной, также уже упомянутой нами находкой, сделанной на м. Барроу. Орнамент на этих очках относится, несомненно, к древнеберингоморской традиции ДБК-III.

Игольники

Сходные черты отчетливо просматриваются в обнаруженных в Эквене и на побережье Аляски футлярах для иглоков. Абсолютно идентичны по форме игольники с выступами в верхней части из эквенского захоронения 252, из погребения 143 в Тигаре на м. Хоуп и со стоянки Нунагиак на м. Барроу [Arktische Walijager 1993, 154, kat. 266; Larsen, Rainey 1948, 92, 19; Ford 1959, fig. 102, d]. У игольников из Эквена и с м. Барроу практически полностью совпадает не только форма, но и графический (раннепунукский) орнамент. К этой группе следует, вероятно, отнести и фрагментированный игольник, входивший в состав погребального инвентаря эквенского захоронения 240 [Arktische Walijager 1993, 154, kat. 265].

Другую группу сходных игольников составляют изделия с двумя характерными

миниатюрными ручками. Они были обнаружены в погребениях 18, 52, 135, 143, 155, 231 и в жилище Н-18 в Эквене, а также в тигарском погребении 265 на м. Хоуп и на стоянке Нунагиак на м. Барроу. Покрывающий эти игольники графический декор так же, как в случае с рассмотренными выше находками, выполнен в раннепунукском стиле [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 174, 1–2, 7–8; Бронштейн, Днепровский 2001, 600, табл. 7, 13; Arktische Walijager 1993, 154, kat. 264; Ford 1959, fig. 103, e].

Ритуальная скульптура

До наших дней дошли многочисленные объемные зоо- и антропоморфные изображения, созданные в прибрежных районах Чукотки и Аляски в I тыс. н. э. Сравнительный анализ этих находок, выполнявших, по всей вероятности, функции амулетов, свидетельствует о существовании у древних обитателей берингоморских побережий изобразительных традиций различного иерархического уровня. Сюжеты произведений, общий характер композиционного решения, стиль графического орнамента, покрывающего большинство скульптур, были, по всей вероятности, обусловлены принадлежностью их создателей к крупным этнокультурным общностям — древнеберингоморской, ипиутакской, бирнирксской, пунукской. Что касается конкретных художественных деталей и стилистических особенностей данных изображений, здесь, на наш взгляд, большую роль играла принадлежность художника к локальным этническим и территориальным подразделениям — клану, линиджу, соседской общине. Именно это обстоятельство позволяет, с нашей точки зрения, использовать миниатюрные фигурки из моржового клыка как исключительно информативный источник для изучения культурных связей морских арктических зверобоев Старого и Нового света в новом каменном веке.

Сопоставляя обнаруженные в Эквене скульптуры с аналогичными находками на американской стороне Берингова проли-

ва, приходишь к следующим выводам. Наибольшим сходством по таким параметрам, как сюжет, характер графического декора, техника исполнения, размер, обладают находки, представляющие собой стилизованное изображение лежащего белого медведя с оскаленной пастью. Совпадает и ряд мелких деталей в этих произведениях, в частности, нарушение пропорций и нарочитое укрупнение головы зверя. Рассматриваемые скульптуры найдены в Эквене, в погребениях 44 и 222, и на стоянке Мийовагх на о. Св. Лаврентия (рис. 11) [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 79, 3–4; Arktische Walijager 1993, 180, kat. 333; Wardwell 1986, 105].

Очень близки по ряду основных характеристик две зооморфные скульптуры, изображающие, вероятно, полуреальных-полуфантастических животных, сочетающих в себе черты медведя и моржа. Местом обнаружения одной из этих скульптур было эквенское захоронение 234 (рис. 6), другой — погребение 42 Ипиутакского могильника на м. Хоуп [Arktische Walijager 1993, 184, kat. 335; Wardwell 1986, 153]. То же можно сказать об изображениях китов из эквенских захоронений 183–184, 285 «А» и с о. Малый Диомид, а фигурки китов, запечатленные в момент брачных игр (в отличие от других скульптур они вырезаны из дерева), одна

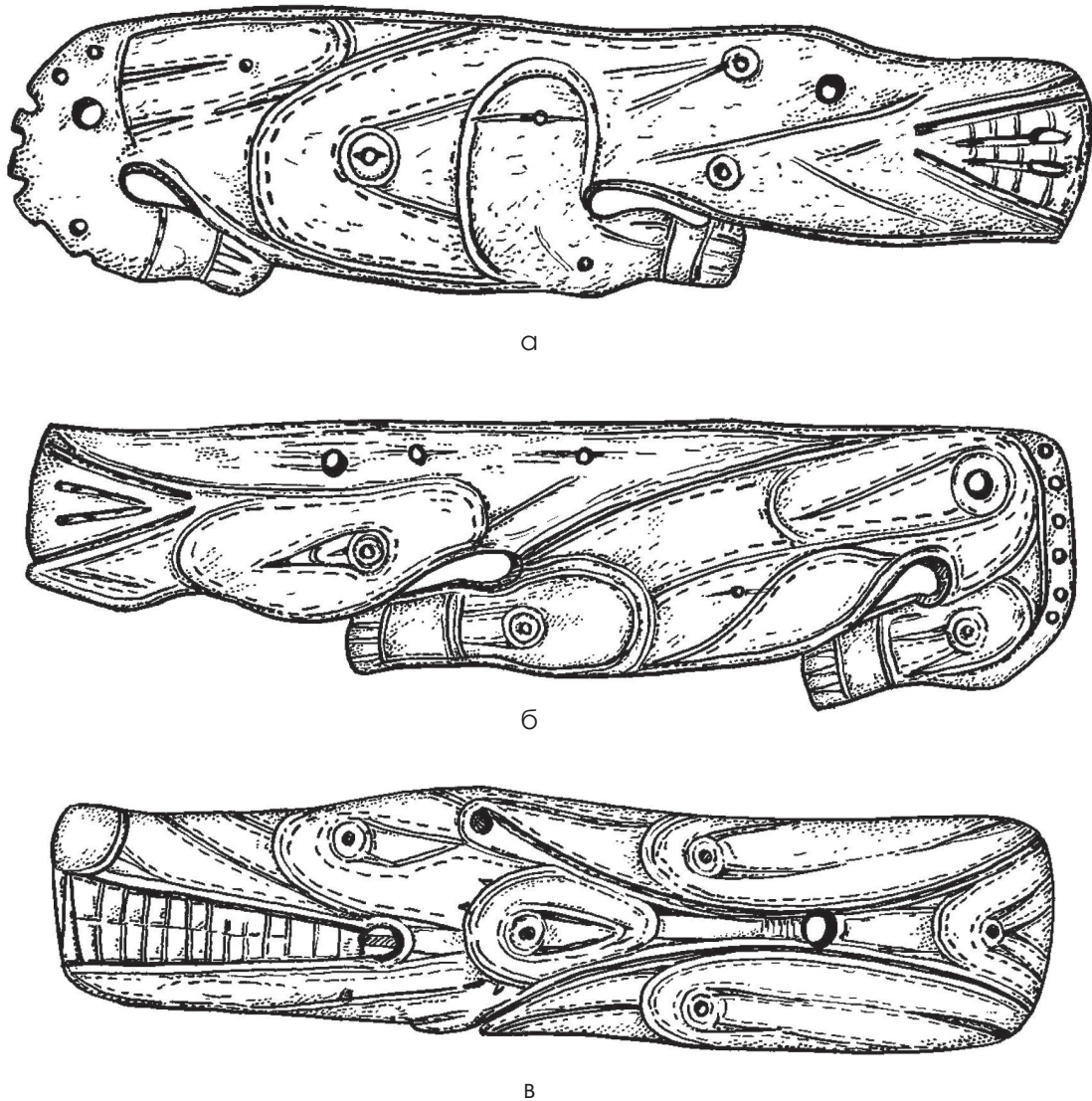

Рис. 11. Зооморфная скульптура. ДБК-II.
а-б — Чукотка, Эквен, погребение 44; в — о. Св. Лаврентия, Мийовагх

из которых найдена в эквенском жилище Н-18, другая на м. Барроу, не просто схожи, но полностью идентичны друг другу [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 62, 7–8; Arktische Walijager 1993, 186, kat. 337; Wardwell 1986, 127; Бронштейн, Днепровский 2001, 601, табл. 8, 7; Ford 1959, fig. 102, h].

Заметное сходство прослеживается в многочисленных, весьма небольших по размерам изображениях голов полярных животных — главным образом, медведей и тюленей. Подобные скульптуры обнаружены в ряде погребений Эквенского могильника, таких, например, как 7, 61, 154, 212, 278 и на м. Барроу [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 80, 4–5; Arktische Walijager 1993, 188, kat. 339–341; Ford 1959, fig. 101, d–f, 104, o]. Особый интерес в этой группе произведений представляют три изображения фантастического, двухголового зверя, отличающиеся не только необычной иконографией, но и своеобразием композиционного решения: головы развернуты в противоположные стороны. Места обнаружения этих находок — эквенские захоронения 61 и 154 и стоянка Нунагиак на м. Барроу [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 82, 4, 83, 15; Ford 1959, fig. 104, a]. Еще одна миниатюрная зооморфная скульптура такого же типа, но обладающая определенными стилистическими особенностями, входила в состав погребального инвентаря захоронения 61 из Ипиутакского могильника на м. Хоуп [Larsen, Rainey 1948, 52, 14].

Определенное сходство прослеживается в изображениях антропоморфных ликов, обнаруженных на Чукотке, в Эквене (погребения 8, 15, 98, 216) и на Аляске, на м. Хоуп (Ипиутакский могильник, захоронения 74, 77) и на м. Барроу [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 50, 2, 80, 6, 8; Arktische Walijager 1993, 171, kat. 327; Larsen, Rainey 1948, 52, 1–2; Ford 1959, fig. 101, j, k]. Однотипные иконографические черты (обнаженное тело, сложенные на груди руки) присущи четырем антропоморфным фигуркам из Эквена (погребения 8, 154, 229) и фигурке с северного побережья Аляски (м. Барроу) [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 50, 3, 56, 2; Arktische Walijager 1993, 168, kat. 323–324; Ford 1959, fig. 101, l]. Сходны

по ряду параметров — тип лица, схематичная трактовка туловища, сквозные отверстия в области груди — скульптура из эквенского захоронения 302 и скульптура из погребения NI87 на м. Хоуп [Arktische Walijager 1993, 174, kat. 329; Larsen, Rainey 1948, 81, 17].

Общая изобразительная традиция отчетливо видна в двух орнаментированных поделках, возможно, представляющих собой крайне условные антропоморфные (орнитоморфные?) изображения. Одно из этих произведений было найдено в эквенском захоронении 37–38, другое — на о. Малый Диомид [Арутюнов, Сергеев 1975, рис. 53, 6; Wardwell 1986, 56].

Скульптуры, обнаруженные в Пайпельгаке, тоже имеют достаточно близкие аналоги среди ритуальной пластики древних эскимосов Аляски. Антропоморфное изображение со сложенными на животе руками перекликается со скульптурами с м. Барроу и с м. Хоуп [Днепровский 2002, рис. 50, 14]. Скульптуры не идентичны, но некоторые важные стилистические и иконографические черты у них общие. Так, например, у всех трех изображений четко очерчен овал лица, укрупнен нос, отчетливо проработаны глаза. Кроме того, у скульптуры из Пайпельгака почти такое же положение рук, как у фигурки с м. Барроу, а также сквозное отверстие в области груди и условно трактованное туловище, как у скульптуры с м. Хоуп.

Пайпельгакская фигурка кита достаточно близка скульптуре, местом обнаружения которой был о. Малый Диомид. Здесь, так же как в ситуации с антропоморфной пластикой, нет абсолютного сходства, однако, если сопоставить оба произведения с фигурками китов из Эквена, выстраивается определенный эволюционный ряд, угадывается определенная пластическая традиция. Учитывая стилистическую близость данных изображений (антропоморфных и зооморфных), их, вероятно, можно рассматривать, подобно характерным гарпунным наконечникам, «крылатым предметам» или снеговым очкам, в качестве маркеров конкретных локальных этнических групп.

Подведем итоги сравнительного анализа близких по форме и декору находок с Чукотки (из Эквена и Пайпельгака) и с берегов Аляски (м. Хоуп, м. Барроу, о-ва Берингова пролива). На наш взгляд, выводы о тесных культурных связях между морскими арктическими зверобоями Азии и Америки, сделанные на основе сопоставления гарпунных наконечников, находят убедительное подтверждение на ином, весьма разнообразном источниковедческом материале. Сходные по конструкции и типам орнамента предметы охотничьего снаряжения, такие, например, как стабилизаторы гарпуна или снеговые очки, практически идентичные орудия труда и явно относящиеся к одним и тем же изобразительным традициям амулеты (рис. 12) позволяют уверенно говорить о том, что эти связи существовали на протяжении всего I тыс. н. э. Поддерживали их все крупные древнеэскимосские этнокультурные общности — древнеберингоморская, ипиутакская, бирнирская, раннепункская.

Изучение «второстепенных» конструктивных деталей наконечников гарпуна и «крылатых предметов», сопоставление «индивидуальных» особенностей формы и декора снеговых очков и игольников, сравнительный анализ скульптурных изображений дает возможность выявить в составе больших этнических групп мелкие, локальные подразделения. А это, в свою очередь, позволяет проследить динамику культурного взаимодействия древних эскимосов Чукотки и Аляски не только на высоком таксономическом уровне, но и на достаточно низком. Выше мы отмечали, что «маркерами» небольших, локальных этнических подразделений могли быть пулевидные гарпуны с орнаментом ДБК-III или гарпунные наконечники с миниатюрными выступами в передней части. Такими же «индикаторами» отдельных кланов или крупных линиджей были, по-видимому, миниатюрные фигурки китов, стабилизаторы гарпуна с зооморфными изображениями на концах крыльев, игольники с двумя ромбовидными выступами, снеговые очки с гравировкой из кругов и овалов.

Обнаружение подобных предметов по разные стороны Берингова пролива имеет особое значение. У нас появляются новые весомые аргументы в пользу гипотезы о том, что сходство значительной части изделий, созданных в I тыс. н. э. морскими зверобоями Чукотки и Аляски, было обусловлено не столько общностью их происхождения, сколько непосредственными контактами между ними. Анализ функционального назначения артефактов, являющихся маркерами локальных подразделений, дает также возможность более точно реконструировать конкретные формы контактов между представителями различных этнотерриториальных общностей. Остановимся подробнее на каждом из этих тезисов.

Как уже говорилось, соответствия в сложных по форме и декору находках — надежный показатель культурных контактов. В предметах-маркерах число таких соответствий особенно велико. Сравним обнаруженные в Эквене и на о. Св. Лаврентия стабилизаторы гарпуна с изображением личины. У данных изделий полностью совпадают конструкция, пропорции, размеры; практически идентичны по форме их трапециевидные центральные части и фигурные выступы на крыльях. То же относится к графическому орнаменту данных «крылатых предметов». Он не только состоит из одного и того же набора мотивов — концентрических окружностей, овалов, сплошных и прерывистых, слегка изогнутых линий (стиль ДБК-II). Рисунок создан в соответствии с одними и теми же принципами построения композиции. Различия в узорах, покрывающих стабилизаторы гарпуна из достаточно удаленных друг от друга пунктов Берингоморья, минимальны; пожалуй, в целом их даже больше в декоре «крылатых предметов» из Эквена, чем из Эквена и с о. Св. Лаврентия (см. Рис. 10).

Такая же картина возникает при сопоставлении четырех игольников с ромбовидными выступами. Эти игольники, как было отмечено выше, могут служить маркером локального подразделения ранних пунукцев. Напомним, что два игольника из че-

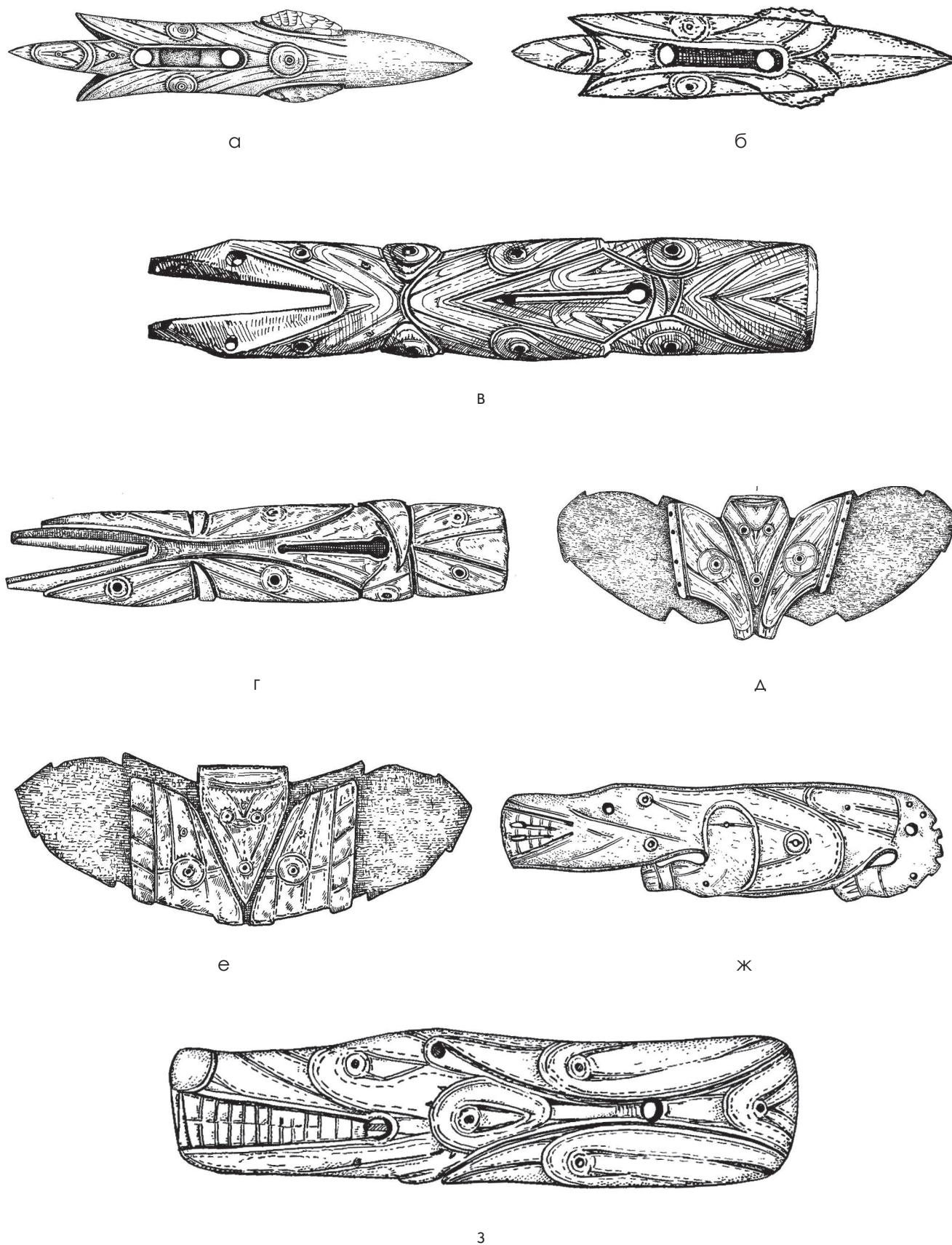

Рис. 12. Детали гарпуна, зооморфная скульптура. ДБК-II.
а, в, д, ж — Чукотка, Эквен, погребения 300, 10–11, 310 Б, 44;
б, г, е, з — о. Св. Лаврентия, Кукулик (б, е), Мийовагх (з)

тырех найдены в Эквенском могильнике, один — на м. Хоуп, один — на м. Барроу. Сходство формы и декора данных предметов таково, что создается ощущение, будто они изготовлены одним мастером.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о том, каким образом практически идентичные, сложные по конструкции и декоративному оформлению изделия из моржового клыка могли оказаться на северо-востоке Чукотки, на о. Св. Лаврентия, в северных районах Аляски.

В работах С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева, как уже известно читателю, приводятся данные, которые дают возможность говорить, по крайней мере, о трех видах контактов между обитателями азиатского и американского побережий Берингова пролива — об обмене, миграциях и военных столкновениях. Результаты наших исследований, подтверждая в целом подобные представления, позволяют внести в них известные коррективы и достаточно существенные, на наш взгляд, дополнения.

Рассмотрим проблему военных конфликтов. В I тыс. н. э. они, несомненно, имели место в прибрежных районах Чукотки и Аляски¹, и поэтому часть однотипных находок, обнаруженных в различных ареалах Берингоморья, могла быть «трофеями». Вместе с тем нельзя не признать, что среди эквенских и пайпельгакских находок, а также в материалах других древнеэскимосских памятников, расположенных на стыке Азии и Америки, предметов боевого вооружения на удивление мало. Если бы военные столкновения играли существенную роль в жизни неолитических обитателей берингоморских побережий, количество подобных изделий, скорее всего, было бы иным.

Что касается миграций, они, как нам представляется, действительно, были одной из важнейших составляющих эскимосского образа жизни. Перемещение морских арктических зверобоев с одних побережий

на другие было эффективным социокультурным механизмом, с помощью которого традиционное охотничье общество поддерживало баланс между своими потребностями и пищевыми ресурсами занимаемой территории. По всей вероятности, именно в результате миграций такие, скажем, изделия, как наконечники гарпуна с характерными конструктивными чертами или головки гарпунного древка и «крылатые предметы» со специфическими особенностями формы и декора могли оказаться по разные стороны Берингова пролива.

Археологические находки из Эквена и Пайпельгака не только подтверждают большую роль миграций в этнокультурной истории Берингоморья в I тыс. н. э., но позволяют конкретизировать представления о том, как могли происходить эти процессы. Так, например, особенности распространения упоминавшихся выше гарпунных наконечников типов 32 и 42 дают возможность проследить масштабные миграции, связанные с формированием бирнирка. Его истоки, по всей вероятности, следует искать на северо-восточной оконечности Чукотки, в том числе в Эквене и Пайпельгаке. Отсюда носители этой новой, возможно, еще только формирующейся культурной традиции — в используемых ими гарпунах типа 32 отчетливо прочитываются черты предшествовавшей бирнирку древнеберингоморской культуры — переселились в середине I тыс. н. э. вначале на северо-запад Аляски (м. Хоуп), а затем на ее арктическое побережье (м. Барроу). Там, в Заполярье, в условиях, еще более суровых, чем в районе Берингова пролива, в культуре, принесенной в Америку мигрантами, появилась новая черта — гарпунный наконечник с боковой бородкой («классический» бирнирский тип 42). Известно, что гарпун подобной конструкции позволял вести эффективную охоту на море, сплошь покрытом льдом. Бородчатые гарпуны давали существенные преимущества морским зверобоям, населявшим побережья Северного Ледовитого океана. Это обстоятельство и стало, вероятно, главной причиной, обусловившей даль-

¹ Один из аргументов в пользу этого утверждения — пластинчатый панцирь, обнаруженный Чукотской экспедицией Музея Востока в эквенском жилище Н-18 [Бронштейн, Днепровский 2001, 60].

нейшие миграции бирнирцев, снова приведшие их на Чукотку.

Другая массовая миграция, с нашей точки зрения, имела место в несколько более ранний период, в первой половине I тыс. н. э., когда вдоль азиатских побережий Берингова пролива распространилась одна из древнеберингоморских традиций — ДБК-II. Ее «следы» наиболее хорошо сохранились в Эквене и на о. Св. Лаврентия. Мы, в частности, имеем в виду описанные выше головки гарпунного древка и «крылатые предметы», обнаруженные в этих ареалах (см. Рис. 9–10). Сегодня еще трудно говорить о том, что привело к формированию особой этнической общности «средних древнеберингоморцев», использовавших характерный орнаментальный стиль (ДБК-II) и обладавших другими заметными отличиями в сфере духовной культуры. Едва ли можно что-либо сказать и о направлении движения этой переселенческой волны: распространялась ли она с материкового побережья северо-восточной части Чукотского п-ова на острова в южной части Берингова пролива или, напротив, с о. Св. Лаврентия в район м. Дежнева? Однако дальнейшие исследования, по-видимому, позволят ответить на эти вопросы.

На переселения относительно больших древнеэскимосских общностей Чукотки и Аляски указывают, на наш взгляд, и такие изделия, как предметы охотничьего вооружения с раннепунукским декором. Они встречаются в самых различных пунктах на побережьях Берингова и Чукотского морей, включая Эквен и Пайпельгак, однако здесь, как и в случае с общностью ДБК-II, пока еще сложно определить исходный ареал раннепунукских мигрантов и направление их движения.

С гораздо большей уверенностью имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют говорить о том, что в середине – второй половине I тыс. н. э. в Берингоморье, наряду с массовыми миграциями, осуществлялись перемещения сравнительно небольших, локальных групп. Эти группы, по всей вероятности, представляли собой

мобильные коллективы морских зверобоев, связанных общностью происхождения и имевших достаточно специфичные культурные черты.

Ярким примером коллектива, представители которого периодически переселялись с Чукотки на Аляску, может служить локальная группа, маркером которой являются орнаментированные снеговые очки из моржовой кости. Напомним, что эта, как нам представляется, небольшая этническая (этнографическая?) общность обнаруживает себя в Эквене, в Пайпельгаке, на м. Хоуп и на м. Барроу. Тщательно декорированные снеговые очки из моржового клыка были также найдены в Уэлене [Арутюнов, Сергеев 1969, рис. 81, 2–3]. Типологический анализ формы и декора этих предметов, изучение различных археологических источников, обнаруженных в тех же культурных слоях, что и сами снеговые очки, позволяют с большой долей вероятности установить последовательность появления данной группы в каждом из перечисленных пунктов Чукотки и Аляски. Вырисовывается следующая картина. Рассматриваемая локальная группа (назовем ее «Снеговые очки») вначале обитала на чукотском побережье Берингова пролива, в частности, в Эквене. (Аргумент в пользу этой гипотезы — наличие в Эквенском могильнике снеговых очков, наиболее ранних в типологическом отношении.) Затем она переместилась в находящийся неподалеку от Эквена Уэлен, а также на северо-западное (Ипиутак, м. Хоуп) и северное (м. Барроу) побережья Аляски. Позднее след данной группы появляется на северном берегу Чукотского п-ова, в Пайпельгаке, а потом опять в Уэлене, Эквене и в Ипиутаке.

Чем объяснить столь интенсивные перемещения «Снеговых очков»? Исчерпывающего ответа на этот вопрос у нас, разумеется, нет, однако одну из причин можно, вероятно, назвать. В большинстве археологических комплексов, где были обнаружены следы пребывания данной группы, выявлены влияния бирнирка. Причем постепенно они нарастают. Как правило, чем к более поздней

в типологическом отношении разновидности снеговых очков относится тот или иной их экземпляр, тем больше среди предметов, найденных вместе с ним, бирнирских изделий.

Таким образом, представляется, что перемещение данной локальной этнической группы из Эквена в северном направлении — в Уэлен и на северо-запад и север Аляски — началось в рамках переселенческого движения, которое, в конечном итоге, вылилось в описанную выше массовую миграцию, приведшую к формированию на арктическом побережье Северной Америки бирнирка. Вероятно, продвижение «Снеговых очков» на север от Берингова пролива было началом этого масштабного миграционного процесса, своего рода его предвестником.

Если эта гипотеза верна, она дает основание сделать следующий вывод. Массовым миграциям морских арктических зверобоев Чукотки и Аляски предшествовали миграции локальные. Небольшие мобильные общности, переселявшиеся на новые участки побережья, были своеобразными «разведывательными группами», вслед за которыми, в зависимости от полученной информации, могло последовать переселение более значительных по численности коллективов.

Несколько слов о том, что могло быть причиной обратного движения общности «Снеговые очки» с американских побережий в Пайпельгак и в район м. Дежнева. Здесь, как нам кажется, действовал другой социальный механизм. Данная локальная группа вернулась в Азию вместе с волной «классических» бирнирцев, о которой говорилось выше. Во всяком случае, судя по конструкции гарпунных наконечников, обнаруженных вместе с типологически наиболее поздними снеговыми очками, у нас нет оснований считать, что рассматриваемая общность кардинально отличалась от общего потока бирнирских переселенцев, двигавшихся с Аляски на Чукотку.

Исследование эквенских и пайпельгакских находок позволяет установить еще одну, не описанную в археологической ли-

тературе форму культурного взаимодействия древних эскимосов Азии и Америки — брачные связи. Нами уже отмечалось существование локальной группы, маркером которой были игольники, обладавшие характерными чертами. У этой группы есть важная особенность: в ее составе только женщины. Наиболее веским аргументом в пользу этого предположения являются свидетельства антропологов: костяки, обнаруженные в погребениях с игольниками, — женские [Арутюнов, Сергеев 1975, 206–235]. Таким образом, данная общность представляла собой, с нашей точки зрения, группу женщин, принадлежавших (по рождению) к одному клану. У этого клана были, по всей вероятности, свои отличительные родовые знаки, один из которых — игольники строго определенной формы. Если эта гипотеза верна, то факт обнаружения однотипных футляров для иглолок в Эквене, в Уэлене, на м. Хоуп и на м. Барроу указывает на брачные связи, соединявшие древних морских охотников Чукотки и Аляски.

Информативный источник для изучения контактов между древними зверобоями Берингова пролива — ритуальная пластика. Сравнительный анализ вырезанных из моржового клыка амулетов позволяет, на наш взгляд, прийти к выводу о том, что в I тыс. н. э. эскимосы Чукотки и Аляски периодически встречались друг с другом для проведения совместных ритуальных действий. Сравним соответствующие находки из Эквенского и Ипиутакского могильников. Произведения, найденные на Чукотке, входили в археологические комплексы, принадлежащие древнеберингоморской культуре. Скульптуру с американского побережья сопровождали находки, типичные для синхронного древнеберингоморью ипиутака.

Сходство амулетов из Эквена и с м. Хоуп очевидно. Однако речь здесь можно вести только о стилистической и иконографической близости изделий, а не о полной их идентичности, как в случае с игольниками. Данное обстоятельство имеет, с нашей точки зрения, большое значение. Оно позволя-

ет высказать следующую гипотезу. Резчик из Эквена знал о художественных традициях ипиутакцев и использовал их в своем творчестве. Ипиутакский художник, в свою очередь, был знаком с сакральным искусством Чукотки, и это тоже отразилось в его произведениях.

При каких обстоятельствах представители одного племени могли увидеть «родовые святыни» другого племени, хранившиеся обычно в тайне от чужаков? Если мы отказались от версии о «военных трофеях», логично предположить, что это знакомство происходило при совершении совместных обрядов². Есть ли у нас основания считать, что в Древнем Берингоморье устраивались подобные действия?

Сорок лет назад С. А. Арутюнов, И. И. Крупник и М. А. Членов открыли на о. Ыттыгран, близ юго-восточного побережья Чукотского п-ова, обширный археологический комплекс первой половины II тыс. н. э. — «Китовую аллею». Как показали исследования памятника, китобойи Берингова пролива устраивали на Ыттыгране праздничные пиры и обряды инициации [Арутюнов, Крупник, Членов 1982]. Судя по большому числу участников празднеств, на «Китовой аллее» собирались представители различных этнотерриториальных групп. Поскольку в культурных ситуациях, существовавших в Берингоморье в «эпоху «Китовой аллеи» и в рассматриваемый нами период, было много общего, можно предполагать, что морские арктические охотники I тыс. н. э. тоже организовывали празднества, на которых присутствовали

² Нельзя, конечно же, исключать и другие варианты. Древнеберингоморский и ипиутакский стили могли сформироваться на общей, еще не известной нам «палеоберингоморской» основе. К морским зверобоям Чукотки и Аляски могли проникнуть из Восточной Азии или Мезоамерики одни и те же художественные изделия и стать образцами для подражания как для художников, живущих на азиатской стороне Берингова пролива, так и для тех, кто населял его американский берег. Тем не менее, предлагаемая версия — совместные ритуальные действия — представляется более вероятной.

люди различного этнического происхождения. Больше того, не исключено, что Эквен, а возможно, и Пайпельгак, где, напомним, также обнаружена ритуальная скульптура, имеющая аналоги на Аляске, входили в число тех, вероятно, относительно немногих географических пунктов, которые могут быть названы «местом встречи» древних эскимосов Азии и Америки.

Указывают на это особенности географического положения обоих поселений. Эквен расположен в самой узкой, северной части Берингова пролива, в непосредственной близости от о-вов Диомида, которые на протяжении многих столетий служили «перевалочным пунктом» местным жителям, пересекавшим водную преграду между Чукоткой и Аляской. Что касается Пайпельгака, он находится практически в устье Чегитуна — самой крупной реки Чукотского п-ова. Океанские берега близ устья рек всегда привлекали морских зверобоев. Здесь более эффективными были охота на тюленей и ловля рыбы. Река являлась также важной транспортной артерией, позволявшей обитателям побережий совершать охотничьи экспедиции в глубинные районы тундры.

Выдвигая гипотезу об участии древних эскимосов Чукотки и Аляски в совместных праздничных церемониях, необходимо задаться вопросом о причинах, обусловивших появление этого обычая. Таких причин, скорее всего, было несколько. Ограниченные рамками статьи, мы остановимся на одной из них, представляющейся нам наиболее важной.

Характерная особенность традиционного природопользования азиатских эскимосов, как справедливо отмечал И. И. Крупник, заключалась в том, что «их ареал... постоянно пульсировал: в благоприятные экологические периоды происходило постепенное расширение осваиваемой территории, а при ухудшении ситуации, напротив — быстрая концентрация населения в немногих, наиболее благоприятных пунктах» [Крупник 1983, 93]. Такие же процессы имели, вероятно, место и в прибрежных районах

Аляски. Однако при расширении охотничьих угодий промысловые участки различных этнотерриториальных групп древних зверобоев Берингова пролива, скорее всего, «накладывались» друг на друга. В подобной ситуации могли, разумеется, происходить вооруженные столкновения, но, судя по незначительному числу выявленных в ходе раскопок предметов боевого вооружения (выше мы уже говорили об этом), древнеэскимосские племена Берингоморья находили иной, более рациональный выход из создавшегося положения. Он заключался, с нашей точки зрения, в организации совместных обрядовых действий, во время которых появлялась возможность уладить спорные вопросы мирным путем.

Ритуальные встречи являлись, на наш взгляд, исключительно эффективной формой контактов между древними морскими зверобоями Чукотки и Аляски. На этих встречах не только предотвращались конфликты, но также, по-видимому, происходил обмен разнообразной, жизненно важной информацией, в том числе, вероятно, сведениями о конструкции предметов охотничьего вооружения, о миграционных путях и потенциальных брачных партнерах.

Подводя итоги представленному в данной работе описанию возможных моделей культурного взаимодействия морских арктических зверобоев Старого и Нового света в I тыс. н. э., моделей, которые, как мы видим, во многом сопоставимы с моделями отношений азиатских и американских эскимосов «исторического периода», хотелось бы отметить следующее. Характер контактов между древними обитателями Чукотки и Аляски свидетельствует о высоком уровне развития их социальной и духовной культуры, о существовании у морских охотников Древней Арктики, как это уже отмечено в научной литературе [Бронштейн, Днепровский 2001, 617], особого социокультурного института, способствовавшего активным культурным связям различных этнотерриториальных групп, в том числе разделенных Беринговым проливом. Этот институт имел ярко выраженную адаптационную направленность.

«Контактность» локальных сообществ морских зверобоев приводила к тому, что новые знания, изначально добытые небольшой группой людей, но представлявшие ценность для многих первобытных охотничьих коллективов, достаточно быстро становились достоянием всего древнеэскимосского социума Берингоморья.

Тесное взаимодействие носителей различных культурных и субкультурных традиций существенно обогатило культуру охотников на моржей, тюленей, китов, обусловило ее пластичность и яркость. Контакты между неолитическими племенами прибрежных районов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки стали, на наш взгляд, одним из решающих факторов, приведших к возникновению у них такой системы жизнеобеспечения, которую можно с полным правом считать оптимальной в экстремально суровых условиях Арктики.

Литература

- Арутюнов, С. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник) / С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. — М.: Наука, 1969. — 205 с.
- Арутюнов, С. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник) / С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. — М.: Наука, 1975. — 240 с.
- Арутюнов, С. А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина / С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов. — М.: Наука, 1982. — 174 с.
- Арутюнов, С. А. Научные результаты работ на Эквенском древнеэскимосском могильнике (1970–1974 гг.) / С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев // На стыке Чукотки и Аляски. — М.: Наука, 1983. — С. 200–229.
- Бронштейн, М. М. Отчет о работе Чукотской археологической экспедиции Государственного музея Востока в 1988 г. / М. М. Бронштейн, А. В. Куйбышев. — М.: рукопись, 1989.
- Бронштейн, М. М. Жилище морских зверобоев древней Чукотки / М. М. Бронштейн, К. А. Днепровский // Памятники культу-

ры. Новые открытия. — 2000. — М.: Наука, 2001. — С. 587–619.

Бронштейн, М. М. Произведения древнеэскимосского искусства в собрании Государственного музея Востока / М. М. Бронштейн / Памятники культуры. Новые открытия. — 2000. — М.: Наука, 2001. — С. 366–384.

Днепровский, К. А. Отчет о работе Чукотской археологической экспедиции Государственного музея Востока в 2001 г. / К. А. Днепровский. — М.: рукопись, 2002.

Днепровский, К. А. Отчет о работе Чукотской археологической экспедиции Государственного музея Востока в 2004 г. / К. А. Днепровский. — М.: рукопись, 2005.

Крупник, И. И. Древние и традиционные поселения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова / И. И. Крупник // На сты-

ке Чукотки и Аляски. — М.: Наука, 1983. — С. 65–95.

((1993). *Arktische Waljäger vor 3000 Jaren. Unbekannte sibirische Kunst.* — Mainz-München: Hase & Koehler Verlag.

Ford, D. (1959). *Eskimo Prehistory in the Vicinity of Point Barrow, Alaska.* New York: American Museum of Natural History.

Larsen, H., Rainey, F. (1948). *Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture.* New York: American Museum of Natural History.

(1973). *The Far North. 2000 years of American Eskimo and Indian Art.* Washington: National Gallery of Art.

Wardwell, A. (1986). *Ancient Eskimo Ivories of the Bering Strait.* New York: Hudson Hills Press.

Рисунки: Н. С. Сурвилло

Фото: Е. И. Желтов

И. И. Крупник
 Смитсоновский институт,
 Музей натуральной истории,
 Центр изучения Арктики,
 Вашингтон, США.
 e-mail: krupniki@si.edu

«ЛИЦОМ К МОРЮ»: Л. С. БОГОСЛОВСКАЯ (1937–2015)

Рис. 1. Л. С. Богословская

В феврале 2015 г. не стало Людмилы Сергеевны Богословской, биолога, эколога, специалиста по традиционным знаниям и культурам народов Арктики, руководителя Центра традиционной культуры природопользования Российского института культурного и природного наследия. Научный путь Л. С. Богословской был совершенно необычен для привычных представлений о жестком разделении гуманитарных и естественных наук и «несовместимости» гуманитарного и естественно-научного мышления. В случае Богословской мы имеем пример сознательного движения из одной области науки в другую, обретение нового круга знаний и контактов, и, как результат, все большую «гуманитаризацию» мировоззрения и личности ученого.

Л. С. Богословская родилась в Москве; в 1959 г. закончила кафедру высшей нервной деятельности биолого-почвенного факультета МГУ. Была ученицей Г. И. Полякова, известного нейроморфолога и нейрогистолога. В 1963–1965 гг. училась в аспирантуре Института мозга АМН СССР (диссертация «Нейроны и межнейронные связи кохлеарных ядер мозга млекопитающих», 1968). В 1968 г. пришла работать в Институт эволюционной морфологии и экологии животных им. Северцова (ИЭМЭЖ — ныне Институт проблем экологии и эволюции РАН), сначала младшим, потом — старшим, затем ведущим научным сотрудником. В 1968–1979 гг. руководила в ИЭМЭЖе Беломорской научной группой по изучению акустической системы и поведения детенышей гренландско-

го тюленя. Эта деятельность предполагала работу на ледовых ценных залежках тюленей, соответственно, частые поездки зимой на Белое море, выход на дрейфующий лед и знакомство со зверобоями-поморами, которые промышляли тюленя. С 1971 г. в составе группы (впоследствии Лаборатории) Сенсорных систем позвоночных ИЭМЭЖ стала исследовать поведение и физиологи китообразных, с полевыми выездами на Дальний Восток, Белое море, Утришскую биостанцию на Черном море. В 1987 г. защитила докторскую диссертацию по специальности «эмбриология и гистология» («Закономерности морфологического прогресса специализированных и универсальных центров головного мозга высших позвоночных»). По этой тематике опубликовала три монографии [Богословская, Солнцева 1979; Богословская, Поляков 1981; Барсова, Богословская, Васильев 1985].

Эта первая часть ее академической карьеры не предполагала никаких пересечений с гуманитарными науками и культурами народов Севера, и Богословская продолжала считать себя биологом до конца жизни. В своей второй «северной» карьере она была еще более успешна и динамична, и в последующие три десятилетия осуществила свыше двух десятков различных инициатив (проектов), связанных с Российской Арктикой. Читатели могут узнать подробнее о научной деятельности Богословской в только что вышедшем мемориальном сборнике с поэтическим названием «Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской» (М.: 2016). Моя главная цель в этом кратком очерке — описать ее развитие как ученого и предложить общее видение ее научного и человеческого наследия.

Чукотка, 1977–1988: От первых маршрутов до «Тревожного Севера»

Когда мы впервые встретились с Л. С. Богословской осенью 1977 г., ей было 40 лет. Она была уже состоявшимся ученым, старшим научным сотрудником, автором многих статей, книг. Наша встреча случилась

в момент, когда она стояла на пороге нового этапа своей жизни, который затем был целиком связан с Арктикой и особенно с районом Берингова пролива. Начиная с 1977 г. вместе с сотрудниками созданной ею Чукотской зоологической экспедиции ИЭМЭЖ она проводила наблюдения за морскими млекопитающими и птицами в районе моржового лежбища на необитаемом острове Аракамчечен в проливе Сенявина, недалеко от знаменитого древнеэскимосского памятника «Китовая аллея» [Арутюнов, Крупник, Членов 1982].

В эти годы она познакомилась с новыми людьми, которые впоследствии стали ее партнерами, соавторами, участниками совместных экспедиций: ботаником Б. А. Юрцевым, этнографами М. А. Членовым и С. А. Арутюновым, капитаном китобойного судна «Звездный» Л. М. Вотроговым и морскими охотниками из чукотского поселка Янракинот. Встретившись по возвращении из наших чукотских экспедиций, мы мгновенно поняли друг друга и уже через год–два стали партнерами, соавторами и потом близкими друзьями.

Динамичный и ищущий человек, Богословская открыла для себя новый мир в своих поездках в район Берингова пролива. Первоначально исследования на Аракамчечене были исключительно биологическими: наблюдения за моржами, китами, птицами. Но очень быстро видение Богословской стало меняться — от общений с охотниками, разговоров с коллегами-этнографами и, в первую очередь, под влиянием знакомства с капитаном Л. М. Вотроговым, который создал и поддерживал сеть наблюдателей из местных охотников в поселках Чукотки [Богословская 2003, 13–29].

Осенью 1979 г., уже после работ на Аракамчечене и «Китовой аллеи», мы с ней оказались вместе в эскимосском поселке Сиреники на берегу Берингова моря. Богословская занималась подготовкой срезов мозга моржей, добытых местными охотниками, а я ходил по домам и вел беседы с местными старожилками о прежней жизни. Вскоре мне удалось договориться о по-

Рис. 2. Лагерь 1985 г.
(Фото: Борис Звонов)

ездке в несколько заброшенных эскимосских селений на кожаной лодке-байдаре с командой из местных охотников. Помню, как мы стояли вместе с Богословской у развалин древних землянок, где жили предки охотников, которые привезли нас туда в своих лодках. Многие из них помнили об этой связи и считали старые землянки частью своей традиции. Возможно, она впервые увидела тогда, что памятники природы и культуры на одной территории имеют важное значение для местных жителей и потому требуют не только комплексного изучения, но и *единовременной* охраны. Вся ее деятельность по сохранению природного и культурного наследия стала развитием этого мировоззрения, весьма необычного для биолога.

С 1980 г. Богословская стала целенаправленно изучать миграции и поведение гренландских и серых китов в водах Чукотки, а также народные знания и аборигенную охоту на этих животных. Результатом этих работ стала серия публикаций в трудах

Международной китобойной комиссии (МКК) и Совета по морским млекопитающим Ихтиологической комиссии Министерства рыбного хозяйства СССР [Богословская, Вотрогов 1981; Богословская и др. 1984; Bogoslovskaya et al. 1981; 1982a; 1982b; Krupnik et al. 1983; Votrogov, Bogoslovskaya 1980; Yablokov, Bogoslovskaya 1984]. Одновременно она начала заниматься тем, что сейчас называют «политическим активизмом», то есть выступлениями, написанием статей и рекомендательных записок в поддержку традиционного природопользования коренных жителей Чукотки, их прав на добычу морских ресурсов. В серии статей и докладов для МКК и Ихтиологической комиссии мы поставили вопрос о необходимости возобновить промысел гренландского кита силами местных охотников Чукотки, который был тогда запрещен правительством СССР [Богословская и др. 1980]. Потребовалось много лет, чтобы этот промысел был восстановлен в 1997 г., по выделенной МКК квоте для России [Bogoslovskaya et al. 1997].

В 1981 г. Богословская договорилась с Управлением сельского хозяйства Магаданской области о совместной экспедиции биологов и этнографов для обследования побережья Чукотки с кожаных байдар и вельботов с местными командами. Длительные плавания ученых на лодках с местными командами, обычные в 1940–1950-е гг., были к тому времени давно запрещены пограничниками и властями. Богословская сумела пробить этот барьер. Летом 1981 г. состоялось совместное плавание группы биологов (Л. С. Богословская, орнитолог Б. М. Звонов, ихтиолог А. С. Голубцов) на кожаной байдаре с командой эскимосов из с. Сиреники (А. Анкалин, Н. Гальгаугье и В. Миенков) и этнографического отряда (М. А. Членов, И. И. Крупник, художник С. А. Богословский) на деревянном вельботе с командой из с. Новое Чаплино. Главным достижением совместной экспедиции стало открытие неизвестного до того варианта древней приморской культуры охотников на детенышей серых китов в Мечигменском заливе («культура масик»), описание ее памятников и исторической преемственности с промысловой традицией чукотского села Лорино, куда в 1950-е гг. были свезены потомки китобоев из соседних селений и стойбищ [Богословская 2003; Членов, Крупник 1984; Chlenov, Krupnik 1984].

В 1985 г. Богословская совершила второе плавание на байдаре с другой эскимосской командой из с. Сиреники (Т. Панаугье, С. Нанухтак, В. Миенков, орнитологи Б. М. Звонов и Н. Б. Конюхов) и прошла через Берингов пролив до с. Энурмино на мысе Сердце-Камень и по возвращении далее на запад до бухты Преображения. На всем пути были описаны птичьи базары, сезонные концентрации китов и ластоногих, отмечены следы древних поселков морских охотников. В 1987 г. она осуществила еще один маршрут на байдаре из Сиреников (капитан П. Тыпыхкак) на закрытый для посещения остров Ратманова в центре Берингова пролива. Богословская обследовала древние поля вертикальных камней-менгиров в центральной части острова и привезла неболь-

шую коллекцию этнографических предметов, найденных пограничниками вокруг старого поселка Имаклик [Бронштейн 2016; Богословская 2003]. В результате этих плаваний она приобрела детальные знания о расположении птичьих базаров, моржовых лежбищ, тюленьих залежек, мест концентрации серых и гренландских китов, а также древних аборигенных стоянок и районов промысла вдоль всего побережья Чукотского п-ова. Одновременно она познакомилась с охотниками и старейшинами во многих поселках.

В то десятилетие Богословская работала на Чукотке практически каждый год, часто по многу месяцев. Но к концу 1980-х гг. центр ее усилий опять сместился в Москву, когда с развитием перестройки наступила эра «политического активизма». В 1988 г. она была в составе членов-учредителей научной группы «Тревожный Север» (А. И. Пика, Б. Б. Прохоров, И. И. Крупник, Д. Д. Богоявленский, О. А. Мурашко и др.), сотрудничала с организаторами Первого съезда народов Севера (март 1990 г.), руководила экологической группой Государственной экспертной комиссии по проекту освоения газоконденсатных месторождений Бованенково и Харасавэй на п-ове Ямал (проект был тогда отклонен экспертами как несоответствующий экологическим и социальным требованиям). Новая деятельность стала продолжением того, что Богословская узнала на Чукотке за годы работы с местными охотниками и послужила толчком для дальнейшего ее движения в сторону современных проблем коренного населения Арктики и сохранения его наследия.

Традиционное природопользование и его охрана: 1990-е гг.

Уже с конца 1970-х гг. Богословская стала пропагандировать необходимость создания специальных охраняемых территорий на Чукотке, которые включали бы береговые и прибрежные экосистемы, а также культурные памятники коренных жителей [Богословская, Членов, Юрцев 1979].

К 1989–1990 гг. ее идея создания такого комплексного международного парка в районе Берингова пролива получила поддержку на правительственном уровне, особенно после подписания летом 1990 г. совместного заявления президентов СССР и США М. С. Горбачева и Дж. Буша об организации советско-американского международного парка в районе Берингова пролива.

В 1990 г. Богословская возглавила (совместно с Б. И. Вдовиным и В. А. Красиловым) научную работу по обоснованию российской части будущего парка для сохранения «региона планетарного значения» [Богословская, Красилов 1991; Вдовин 2016]. Задачу эту удалось осуществить лишь частично. В 1993 г. запланированный международный парк был создан декретом администрации Чукотского округа как региональный природно-этнический парк «Берингия» [Загребин 2013] — без международного подчинения, научного центра и, главное, без участков охраняемых морских акваторий, критически важных для морских животных и местных охотников. И все же создание парка «Берингия» стало важнейшим шагом на пути сохранения культурных и природных памятников Восточной Чукотки. По материалам своих маршрутов 1980-х гг. Богословская составила первую сводную карту аборигенных поселков и древних стоянок береговой зоны Чукотского п-ова — от археологических памятников до исторических поселений начала XX в. и современных национальных сел [Bogoslovskaya 1993].

В 1992–1994-х гг. Богословская возглавила работы по изучению миграций гренландских китов силами местных наблюдателей в национальных поселках Чукотки [Загребин 2016; Мымрин 2016], а затем участвовала как научный эксперт в проектах наблюдений за китами, финансируемых отделом природных ресурсов округа Северного Склона (North Slope Borough) штата Аляска. В эти годы ее интересы все больше сдвигаются в сторону изучения морского промысла, народных знаний и культурных традиций коренного населения Арктики. В 1988–1992 гг. она руководила проектом «Аборигенные со-

баки Российского Севера» (Л. Богословская, Н. Носов, И. Фрадин, В. Беленький, Е. Богословская), в рамках которого была проведена перепись аборигенных собак и действующих собачьих упряжек во всех прибрежных поселках Чукотки [Богословская и др. 2007, 265–26]. Эта деятельность в итоге привела к разработке официального стандарта породы чукотская ездовая и возрождению традиции гонок на аборигенных собачьих упряжках на Чукотке (гонка «Надежда» — Богословская 2011).

В 1993 г. Богословская переходит на работу в только что созданный Российский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, где создает и возглавляет до последних дней Центр традиционной культуры природопользования. В новом институте она оказалась практически единственным биологом среди коллег-географов и гуманитариев — историков, фольклористов, искусствоведов. Логическим завершением этого перехода стало ее обращение к теме законодательного статуса коренных народов Севера в системе Российской Федерации, охраны их прав на ресурсы и земли традиционного природопользования [Мурашко 2016]. С 1996 г. она сотрудничала с организациями коренных народов и администрацией Ханты-Мансийского автономного округа в разработке окружного закона о территориях традиционного природопользования [Богословская, Кривондасова 1996; Богословская и др. 1999], а затем стала главной силой в разработке аналогичного федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (принят Гос. Думой РФ 4 апреля 2001 г.) [Богословская 2000; Богословская и др. 2000].

К концу 1990-х гг. Богословская входит в число наиболее известных российских ученых-специалистов по правам коренных народов, становится экспертом Государственной Думы и Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Время писать: 2000–2015 гг.

После 2000 г. в жизни Богословской начинается следующий период. Из-за частых болей в спине, поврежденной при падении в 1987 г. на острове Ратманова, она уже не могла ездить в экспедиции. И хотя она постоянно стремилась на Чукотку, она стала больше писать и, главное, начала активно издавать свои книги. В десятилетие между 2003 и 2013 гг. она опубликовала пять книг [Богословская 2003; 2011; Богословская и др. 2007; 2008; Богословская, Крупник 2013], продолжая неутомимо работать, несмотря на ухудшающееся здоровье. При этом она освоила собственный новый жанр — книги, альбомы или «пособия», написанные популярным языком, с доходчивыми запоминающимися названиями («Киты Чукотки», «Тропюю Богораза», «Наши льды, снега и ветры» и др.) и иллюстрированные рисунками, историческими и современными фотографиями. Такие книги предназначались в первую очередь для читателей на Чукотке. Так она стала самостоятельным центром издания и распространения книг о Чукотке, для Чукотки и с участием многочисленных партнеров и друзей на Чукотке.

Все ее книги [Богословская 2011; Богословская, Крупник 2013] становились событиями культурной жизни Чукотки, особенно для национальной интеллигенции. Составленный ею альбом о собаках и собачьих гонках Чукотки [Богословская 2011] уже после ее кончины был переиздан на английском языке на средства окружного правительства. Перевод другой книги — «Основы морского зверобойного промысла» [Богословская и др. 2007], был недавно издан на Аляске Парковой службой США под названием «Морская промысловая культура Чукотки» [Bogoslovskaya et al. 2016].

Такая кипучая энергия была, пожалуй, самой яркой чертой личности Богословской. Она была в постоянном движении, в поиске, в работе. Как у всякого активного ученого, у нее было множество проектов, часто — одновременно. Рядом с ней всегда было интересно, и этот вихрь как магнит притягивал

к себе людей. Большое число ее начинаний были закончены и изданы в виде книг или статей; но, естественно, были и такие, что остались незавершенными. Одну такую незавершенную книгу под названием «Морская промысловая культура Чукотки. Национальная традиция (в условиях) 20-го века» мы писали совместно с Людмилой Сергеевной и биологом Н. И. Мымриным в 1998–1999 гг. Эта работа закрепила выработанное Богословской видение аборигенной морской культуры — как географически, по локальным вариантам («промыслово-экологическим регионам»), так и исторически, по основным фазам развития аборигенного хозяйства.

В архиве Богословской сохранились еще три большие незаконченные рукописи. Одна из них — «Словарь лексики традиционного природопользования азиатских эскимосов-юпик» [Айнана, Богословская, б. г.; Крупник 2016] представляла первую в России попытку *тематического* словаря одного из национальных языков народов Севера. Она включала более 4 тыс. лексических единиц, организованных по тематическим главам и разделам (Морские животные, Птицы, Ветры и течения, Ориентация в пространстве, Народная пища, Промысловый инвентарь, Лодки и т. п.). Вторая — переведенный на английский язык отчет о социологическом опросе о роли китобойного промысла в культуре и питании коренного населения Чукотки, проведенном в 1995–1996 гг. для Инуитского Циркумполярного Совета [ISS — Bogoslovskaya 1996]. Лишь малая его часть вошла отдельными отрывками в коллективную книгу об эскимосском (инуитском) китобойном промысле [Freeman et al. 1998]. Третья незаконченная рукопись, которую Богословская собирала совместно с генетиком И. А. Захаровым-Гезехусом с 2009 г., называется «Аборигенные собаки России». Это — сборник статей о мало изученных породах собак, включая аборигенных собак Сибири и Российской Арктики, которых Богословская считала уникальным культурным и биологическим достоянием России.

Наследие Богословской: Культура сохранит Природу

На Севере бытует поговорка: «Когда из жизни уходит старейшина — это как сгорает целая библиотека». Людмила Сергеевна Богословская не могла остановить уход старейшин. Но она старалась делать все, чтобы сохранять библиотеки и создавать новые. Она записывала рассказы, собирала народные знания и издавала книги. Результаты ее трудов могут составить библиотеку, в которой видное место займут ее собственные книги.

Благодаря своей активной позиции, биолог Богословская участвовала в разработке федеральных законов «О животном мире» (1995), «О континентальном шельфе РФ» (1995), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2001) [Мурашко 2016]. В течение многих лет она была экспертом Комитета Госдумы РФ по природным ресурсам и природопользованию, Комитета Госдумы по делам национальностей, членом Российского отделения Международной рабочей группы по делам коренных народов при ООН, научным консультантом Совета китобойных общин мира. С ее авторитетным мнением считались морские охотники Чукотки и депутаты Госдумы, коллеги-биологи и чиновники северных администраций, участники собачьих гонок и сотрудники научных институтов.

С начала 1980-х гг. Л. С. Богословская стала экспертом, затем членом Совета по морским млекопитающим, тогда в составе Ихтиологической комиссии Минрыбхоза. В работу Совета она принесла не только свои знания морских животных и природы Севера, но и новую тематику, связанную с морским промыслом коренных жителей Российской Арктики. Как писала Богословская,

«Люди Берингова пролива — величайшие в мире охотники на китов, моржей и тюленей. Весь их быт, культура и язы-

Рис. 3. Л. С. Богословская в Анадыре

ки пронизаны ощущением своей неразрывной связи с природой и морским промыслом. Ветры, течения, льды, туманы, приливы и отливы — все это и есть бытие береговых жителей... Эти люди живут не для того, чтобы покорять природу ...а для того, чтобы быть самими собой, сохранять свои традиции, свой взгляд на мир, свою общинную спаянность — редкие по нашим временам качества».

[Богословская и др. 2007, 36]

Многие биологи, занимающиеся охраной природы Севера, тесно работают с коренными жителями, записывают их знания, защищают права коренных народов на свои земли и ресурсы. Но, пожалуй, из всех известных мне случаев только Богословская проделала путь от понимания необходимости охраны природы как условия сохранения аборигенных культур к осознанию того, что нужно, в первую очередь сохранять культуру, и тогда культура сбережет природу.

Такая философия, совершенно необычная для биолога, пришла к ней не сразу. Три

человека, по ее рассказам, сыграли решающую роль в ее эволюции. Первым был эскимосский охотник из Сиреников Николай Гальгаугье (1935–1995), который был участником ее первого большого байдарного плавания летом 1981 г. В то лето и в последующие годы Богословская подробно записывала рассказы Гальгаугье и часто приводила в пример его видение взаимоотношений человека и животных. Вторым был хантыйский поэт, философ, хранитель национального фольклора Леонтий Тарагупта, с которым Богословская познакомилась на международном симпозиуме по знаниям коренных народов Арктики в Исландии в 1994 г. Третьим человеком был российский этнограф Владислав Кулемзин. С ним Богословская познакомилась в середине 1990-х гг., когда ездила в Ханты-Мансийск для работы над окружным законом о территориях традиционного природопользования.

Выражением ее взглядов стал раздел о важности знаний коренного населения, который она включила в эпилог нашей книги по результатам проекта СИКУ на восточной Чукотке [Богословская, Крупник 2013]:

«Общины коренного населения, чья повседневная жизнь и благосостояние основаны на использовании ресурсов окружающей среды, обычно стремятся к тому, чтобы их деятельность не подрывала уровень этих ресурсов, то есть основу их жизнеобеспечения. Поэтому биологическое разнообразие может быть реально сохранено только «на местах» и только в контексте поддержания культурного многообразия, под которым мы понимаем сохранение локальных вариантов национальной культуры каждого народа.

В таком понимании активное поддержание культурного наследия аборигенных народов есть наиболее эффективный способ сохранения и Природы, и Культуры. Как писал сибирский этнограф Владислав Кулемзин, «это приводит нас к признанию довольно необычного факта: человек проявляет бережливое, щадящее отношение к природе только в рамках соот-

ветствующих традиций. Образно говоря, природу бережет не человек, а традиция».
[Koulemzine 1999, 450].

Но, пожалуй, ярче всего философия Богословской отразилась в ее последней опубликованной статье с характерным названием «Будущее Российской Арктики — система культур или сумма технологий?» [Богословская 2014], в которой она опять же цитировала Кулемзина и Тарагупту:

«По мнению автора данной статьи, этот процесс (экологической катастрофы в Российской Арктике — ИК) обусловлен, прежде всего, заменой пространственно динамичных, но медленных во времени («спокойных») традиционных культур коренного населения Арктики на пространственно статичные, но чрезвычайно скоростные ресурсодобывающие технологии, представляющие лишь части культуры доминирующего постиндустриального общества, причем части, экологически самые «грязные».

Традиционные культуры Арктики и Севера в целом — это опыт адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде, древний, успешный и принципиально иной, чем опыт европейской цивилизации последних веков».

Это, безусловно, не текст биолога и даже не этнографа, а, скорее, философа или культуролога. Через тридцать пять лет после своих первых поездок в лодках с местными охотниками бывший нейроморфолог, специалист по мозгу млекопитающих и навигации птиц напишет такие слова.

Богословская и культурное наследие Арктики

Нет другого человека, который сделал бы больше для сохранения культурного и природного наследия Чукотки за последние четыре десятилетия, чем Л. С. Богословская. Пожалуй, главное в ее наследии — это идущее через годы убеждение, что памятники

культурного и природного наследия надо сохранять *в комплексе*, то есть что Природе нельзя охранять без Культуры, а Культуру — без Природы. Это должны быть не точечные, отгороженные охранные зоны, а крупные территории с прилегающими участками суши и моря, которые имеют прямое отношение к функционированию как современных общин коренных северян, так и памятников их истории. Она постоянно повторяла это в своих книгах, выступлениях, законодательных и охранных рекомендациях.

Ее самое раннее предложение по созданию такой комплексной охранной зоны на Российском Севере, в районе островов пролива Сенявина на Чукотке, написанное совместно с ботаником Б. А. Юрцевым и этнографом М. А. Членовым [Богословская, Членова, Юрцев 1979], сразу включало в себя разные виды культурных и природных объектов этой зоны: древнее святилище «Китовая аллея», моржовое лежбище на острове Аракамчечен, прилегающие острова и берега пролива Сенявина с их уникальным богатством морских животных и птиц, и редчайшей флорой древней Берингии. Именно в этом сложном, многосоставном мире веками жили люди, построившие «Китовую аллею», а затем их потомки. Чтобы лучше понять их мир, современным жителям Чукотки, ученым-исследователям, туристам и всем, кто интересуется историей края, важно, чтобы этот мир был сохранен во всем его многообразии, в рамках долгосрочной стратегии устойчивого существования природно-культурной системы.

Второе великое открытие Богословской состоит в том, что успешная охрана памятников наследия невозможна без существования рядом современной живой культуры. Она пришла к этой идее еще в 1980-е годы и потом неумолимо продвигала ее во всех своих предложениях по охране культуры и природы Арктики. Именно поэтому Богословская столь активно поддерживала *живые* элементы национальных традиций народов Севера — строительство кожаных байдар, охоту с лодок на гренландских и серых ки-

тов, гонки на собачьих упряжках и культуру ездового собаководства, включая местные породы собак, традиционный тюлений промысел русских поморов и, главное — народные знания. Она хорошо понимала (и последующее развитие подтвердило ее правоту), что сохранение исторического наследия, в том числе для целей экологического образования и туризма, невозможно без народных знаний и живой культуры современных людей.

Без участия в этом процессе сегодняшних жителей Севера: охотников, оленеводов, старейшин, каюров, педагогов, хранителей национальных знаний — любые памятники наследия становятся древней «археологией», предметами в шкафах и витринах музейных коллекций или, в лучшем случае, картинками из туристических буклетов. Именно сегодняшние люди придают им жизнь, наполняют живой, доступной информацией и составляют главную аудиторию слушателей и активных защитников *своего* наследия.

Еще один оставленный нам «наказ Богословской» состоит в том, что гармоничное развитие Севера и успешная охрана памятников наследия невозможны без его коренных жителей. Нельзя искусственно отрывать памятники наследия от тех, кого с ними связывает прямая, иногда личная или семейная традиция. Богословская много раз выступала в поддержку культурного наследия науканских эскимосов — бывших жителей поселка Наукан на мысу Дежнева, которые были выселены из родных мест почти 60 лет назад. Она говорила, что невозможно сохранить Наукан как объект наследия без памяти самих науканцев, без истории этих замечательных людей и рассказов о травме, которую они перенесли из-за закрытия родного поселка. Точно также историю древнего святилища «Китовая аллея» на острове Иттыгран нельзя рассказать *вне судьбы* бывших жителей эскимосского поселка Сиклюк, который располагался прямо рядом с «Китовой аллеей», а также жителей прилегающих аборигенных сел Новое Чаплино, Янракыннот и Лорино. Все они являются на-

следниками великой аборигенной культуры охотников на гренландских и серых китов, создавших «Китовую аллею», древнее поселение Масик и другие уникальные памятники прошлого. Следовательно, поддержка современного морского промысла жителей Чукотки, их знаний и родного языка — чему столько сил отдала Богословская — является таким же важным фактором охраны «Китовой аллеи» и Масика, как и паспортизация, утверждение охранных зон и безопасных туристических маршрутов.

Если мы хотим сделать это по-настоящему, надолго, одно невозможно без другого. То же относится к десяткам других памятников прошлого Арктики, требующих охраны. Именно такой принцип опоры на *современные* исторические знания используется сейчас в других арктических странах для охраны наследия коренных народов и шире — в программах ЮНЕСКО по созданию сети объектов мирового культурного наследия [Веденин 2016; Кулешова 2016]. Эти и другие «уроки» Людмила Сергеевна Богословская — ученый, общественный деятель, эксперт Государственной Думы, защитник Культуры и Природы Арктики — оставила нам для осмысления.

Благодарность

Настоящая статья представляет собой сокращенный вариант более полной научной биографии Л. С. Богословской (Крупник 2016а). Я признателен Б. И. Вдовину, Ю. А. Веденину, Т. Б. Голубевой, З. А. Зориной, Т. Ю. Лисицыной, М. Е. Кулешовой, О. А. Мурашко, а также Екатерине Богословской за помощь в воссоздании многих страниц научного пути Л. С. Богословской, которые были мало известны ее северным коллегам.

Литература

Айнана, Л. И. Словарь лексики традиционного природопользования азиатских эскимосов-юпик / Л. И. Айнана, Л. С. Богословская (сост.) / Рукопись, б. г.

Арутюнов, С. А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина / С. А. Арутюнов, И. И. Крупник, М. А. Членов. — М.: Наука, 1982.

Барсова, Л. И. Слуховые центры продолговатого мозга наземных позвоночных / Л. И. Барсова, Л. С. Богословская, Б. Д. Васильев. — М.: Наука, 1985.

Богословская, Л. С. Острова пролива Сенявина — уникальный природно-культурный комплекс / Л. С. Богословская, М. А. Членов, Б. А. Юрцев // Природа. — 1979. — № 9. — С. 91–97.

Богословская, Л. С. Слуховая система млекопитающих. Сравнительно-морфологический очерк / Л. С. Богословская, Г. Н. Солнцева. — М.: Наука, 1979. — 240 с.

Богословская, Л. С. О возможности возобновления местного промысла гренландского кита на Чукотке / Л. С. Богословская / Комплексное экономическое и социальное развитие Магаданской области в ближайшей и долгосрочной перспективе. Тезисы докладов. — Магадан: 1980. — С. 114–116.

Богословская, Л. С. Массовые зимовки птиц и китов в полыньях Берингова моря / Л. С. Богословская, Л. М. Вотрогов // Природа. — 1981. — № 11. — С. 42–43.

Богословская, Л. С. Пути морфологического прогресса нервных центров у высших позвоночных / Л. С. Богословская, Г. И. Поляков. — М.: Наука, 1981. — 160 с.

Богословская, Л. С. Гренландский кит в водах Чукотки. История и современное состояние популяции / Л. С. Богословская, Л. М. Вотрогов, И. И. Крупник // Морские млекопитающие. — М.: Наука, 1984. — С. 191–212.

Богословская, Л. С. Технико-экономическое обоснование создания комплекса особо охраняемых территорий и акваторий в районе Берингова пролива. Ленгинпрогор Госкомархстроя РСФСР / Л. С. Богословская, В. А. Красилов (научные руководители). — СПб.: Препринт, 1991. — 273 с.

Богословская, Л. С. Российская Арктика и экологическое право: международные и национальные аспекты / Л. С. Богословская, О. Л. Кривондасова // Российская Арк-

тика на пороге катастрофы. — М.: Центр экологической политики России, 1996. — С. 158–164.

Богословская, Л. С. Концепция проекта закона Ханты-Мансийского АО «О территориях традиционного природопользования» / Л. С. Богословская, О. Л. Кривондасова, П. Н. Павлов и др. // Живая Арктика. — М.: 1999. — № 1 (11). — С. 17–21.

Богословская, Л. С. Принципы традиционного природопользования коренного и старожильческого населения Севера / Л. С. Богословская // Красная книга народов. — М.: Федерация мира и согласия, 1999. — Ч. 2. — С. 66–72.

Богословская, Л. С. Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации / Л. С. Богословская (сост., ред., авт.). — М.: Изд. Гос. Думы РФ, 2000. — 224 с.

Богословская, Л. С. Проект Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов и иных малочисленных этнических общностей Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» / Л. С. Богословская, О. Л. Кривондасова, П. Н. Павлов и др. // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь и Дальний Восток Российской Федерации. — М.: Изд. Гос. Думы РФ, 2000. — С. 56–65.

Богословская, Л. С. Киты Чукотки. Пособие для морских охотников / Л. С. Богословская // Наследие Берингии. — Вып. 1. — Москва–Провиденция–Анадырь: Изд-во Института Наследия, 2003.

Богословская, Л. Основы морского зверобойного промысла: научно-методическое пособие / Л. Богословская, И. Слугин, И. Загребин, И. Крупник. — М.: Изд-во Института Наследия, 2007. — 480 с.

Богословская, Л. С. Тропюю Богораза. Научные и литературные материалы / Л. С. Богословская, В. С. Кривошеков, И. И. Крупник (сост., ред., авт.). — М.: Изд-во Института Наследия, 2008. — 354 с.

Богословская, Л. С. Надежда — гонка по краю земли. О великой арктической гонке, каюрах Чукотки и их верных друзьях,

ездовых собаках / Л. С. Богословская (сост., ред., авт.). — М.–Анадырь: Изд-во Института Наследия, 2011. — 112 с.

Богословская, Л. С. Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / Л. С. Богословская, И. И. Крупник (сост., ред., авт.). — М.: Изд-во Института Наследия, 2013. — 360 с.

Богословская, Л. С. Будущее Российской Арктики — система культур или сумма технологий? / Л. С. Богословская // Культура Арктики / ред. У. А. Винокурова. — Вып. 1. — Якутск: ИД «СВФУ», 2014. — С. 123–137.

Бронштейн, М. М. «Всю ночь разглядываю скульптуру»: ритуальные предметы эскимосов о. Ратманова / М. М. Бронштейн // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / И. Крупник (ред.). — 2016. — С. 422–446.

Вдовин, Б. И. Л. С. Богословская — научный руководитель разработки ТЭО Парка «Берингия» (1990–1991) / Б. И. Вдовин // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / И. Крупник (ред.). — М.: 2016. — С. 298–316.

Веденин, Ю. А. О некоторых противоречиях в сфере сохранения наследия. Подходы к решению конфликтов в современных культурных ландшафтах / Ю. А. Веденин // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / И. Крупник (ред.). — М.: 2016. — С. 251–271.

Загребин, И. А. Как надо сотрудничать странам и людям / И. А. Загребин // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / И. Крупник (ред.) — М.: 2016. — С. 87–106.

Крупник, И. Культура сохранит Природу: Дорогами Л. С. Богословской / И. Крупник // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / И. Крупник (ред.). — М.: 2016 а. — С. 11–38.

Крупник, И. О птицах, людях и народных знаниях. Глава «Птицы» из «Словаря лексики традиционного природопользования эскимосов-юпик» / И. Крупник // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / И. Крупник (ред.). — М.: 2016 б. — С. 120–149.

Кулешова, М. Е. Природно-культурный континуум наследия и формы его территориальной охраны / М. Е. Кулешова // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / И. Крупник (ред.). — М.: 2016. — С. 272–297.

Мурашко, О. А. Законотворчество в жизни Л. С. Богословской. Время надежд, успехов и утрат / О. А. Мурашко // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / И. Крупник (ред.). — М.: 2016. — С. 477–496.

Мымрин, Н. И. Работа с наблюдателями, коренными жителями Чукотки. Некоторые впечатления и размышления / Н. И. Мымрин // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / И. Крупник (ред.). — М.: 2016. — С. 68–86.

Членов, М. А. По следам древних культур Чукотки / М. А. Членов, И. И. Крупник // Природа. — 1984. — № 6. — С. 86–97.

Загребин, И. А. Для природы государственных границ нет [Электронный ресурс] / И. А. Загребин. — 2013. Режим доступа: <http://www.ks87.ru/21/3297.html> (просмотрено 30 июня 2016 г.).

Bogoslovskaya L. (1993). *List of the Villages of the Chukotka Peninsula (2000 B.P. to present)*. Beringian Notes, NPS, Alaska Region. V. 2, # 2. pp. 2–11.

Bogoslovskaya L. S. (1996). *Role of Whaling in the Modern Life of Eskimos and Chukchi in Eastern Chukotka*. Report to ICC (Inuit Circumpolar Conference). Preprint. p. 145.

Bogoslovskaya L., Ainana L., Krupnik I., Mymrin N. (1997). *The Feasibility Study for the Quota of Aboriginal Bowhead Whaling in Chukotka in 1998–2002*. Rep. Int. Whal. Commn. IWC / 49 / AS1. p. 22.

Bogoslovskaya L. S., Slugin I. S., Zagrebina I. A., and Krupnik I. (2016). *Maritime Hunting*

Culture of Chukotka. Traditions and Modern Practices. / Krupnik I. and R. Mason (eds.). Anchorage: National Park Service.

Bogoslovskaya L. S., Votrogov L. M., and Semenova T. N. (1981). *Feeding Habits of the Gray Whales off Chukotka*. Rep. Intern. Whal. Commn. 31, pp. 507–510.

Bogoslovskaya L. S., Votrogov L. M., Krupnik I. I. (1982a). *The Bowhead Whale of Chukotka: Migrations and Aboriginal Whaling*. Rep. Int. Whal. Commn. 32. pp. 391–399.

Bogoslovskaya L. S., Votrogov L. M., and Semenova T. N. (1982b). *Distribution and Feeding of Gray Whales off Chukotka in the Summer and Autumn of 1980*. Rep. Int. Whal. Commn. 32. pp. 385–389.

Chlenov, M. and Krupnik I. (1984). *Whale-bone Alley. A Site on the Chukchi Peninsula, Siberia*. Expedition, 26(2): 7–15. Philadelphia.

Freeman M. M. R., Bogoslovskaya L. S., Caulfield R., Egede I., Krupnik I., Stevenson M. (1998). *Inuit, Whaling, and Sustainability*. Walnut Creek: AltaMira Press. p. 208.

Koulemzine V. M. (1999). *Traditions et Environment. Siberie II. Questions Siberiennes*. Paris: Institut d'études slaves, pp. 447–450.

Krupnik, I. I., Bogoslovskaya L. S., Votrogov, L. M. (1983). *Gray Whaling off the Chukotka Peninsula: Past and Present Status*. Rep. Int. Whal. Commn. 33. pp. 557–561

Votrogov L. M. and Bogoslovskaya L. S. (1980). *Gray Whales off the Chukotka Peninsula*. Rep. Intern. Whal. Commn. 30, SC / 31 / Doc 55, pp. 435–437.

Yablokov A. V. and Bogoslovskaya L. S. (1984). *A Review of Russian Research on the Biology and Commercial Whaling of the Gray Whale*. Jones M. L., Swam S. L. and Leatherwood S. (eds.). The Gray Whale (*Eschrichtius robustus*). Academic Press, Orlando, FL., pp. 465–485.

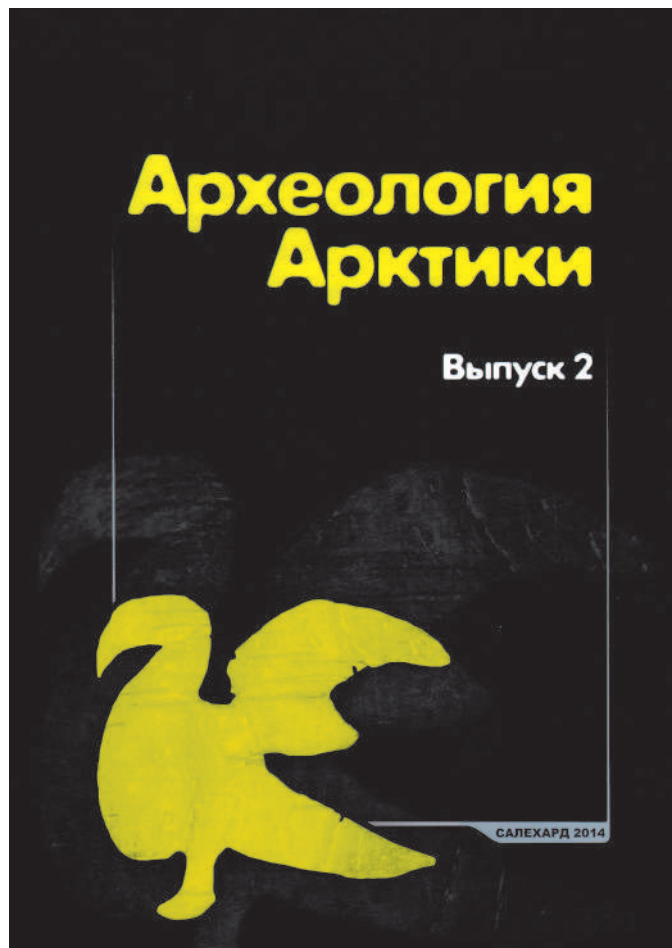
СБОРНИК «АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ», ВЫП. 1

- А. В. Головнев.* Усть-Полуй: реконструкция от антропологии движения.
- А. Б. Мазурин.* Археологический памятник Усть-Полуй. К вопросу изучения процесса исследований.
- А. В. Плеханов.* Сборы А. Ф. Палашенкова с Городища Усть-Полуй (1938 г.).
- Ан. В. Гусев, Н. В. Федорова.* Древнее святилище Усть-Полуй: размышления post factum.
- А. П. Бородовский.* Косторезные заготовки Усть-Полуя (по материалам исследований 2006–2011 гг.).
- Ал. В. Гусев.* Камень в системе конструкций Усть-Полуя и этнографические параллели.
- Д. А. Симонов, С. В. Хаврин, Ю. В. Ширин.* Материалы к реконструкции бронзолитейных технологических комплексов, связанных с производством металлических изделий Усть-Полуя.
- Н. А. Алексащенко, Н. Н. Скаун.* Результаты технологического и экспериментально-трасологического исследования материалов Усть-Полуя.
- Р. М. Хантемиров, С. Г. Шиятов.* Дендрохронологические датировки древесины из археологического памятника Усть-Полуй.
- Д. И. Ражев, О. Е. Пошехонова.* Результаты комплексного исследования палеоантропологических материалов Усть-Полуя.

- А. Н. Багашев, Е. А. Алексеева.* Краниология Усть-Полуя: родственные связи и проблемы таксономии.
- П. А. Косинцев, О. П. Бачура, О. М. Корона, А. Е. Некрасов, А. В. Пантелеев.* Историко-экологические исследования археологического памятника Усть-Полуй.
- Е. М. Данченко.* Усть-Полуй в системе урало-сибирских древностей.
- Ю. Б. Сериков.* Древние святилища Шайтанского озера.
- Е. А. Окладникова.* Древние святилища Кольского полуострова.
- В. Д. Викторова.* Структура сакрального пространства святилищ раннего железного века.
- Е. М. Черных.* Сакральная топография ананьинских поселений Прикамья (на примере Зуевключевского I городища).
- В. А. Семенов.* Антропоморфные изображения из Адакского пещерного святилища на р. Уса (раскопки 1984–1985 гг.).
- А. М. Мурыгин.* Общие черты и особенности средневековых святилищ крайнего северо-востока Европы.
- А. Л. Багин.* Археолого-этнографические параллели элементам обрядности средневековых святилищ Европейского Северо-Востока.
- А. М. Белавин.* Антропоморфные фигуры Северной Евразии: Перун, Войпель или Нуми-Торум.
- Йенс Шнеевайсс.* Магические и культовые действия древних германцев (V в. до н. э. – V в. н. э.).
- Ласло Клима.* Письменные источники жертвоприношения народов лесной полосы и тундры Евразии.
- В. В. Питулько.* Древнейшее искусство Арктики (объемные изделия из Янской стоянки: зооморфная скульптура и бивни с гравировкой).
- О. С. Тупахина.* Глиняная пластика поселения Горный Самотнёл-1.
- И. В. Калинина.* Об историческом соотношении образов Лося и Медведя в древнем искусстве Приуралья.
- С. Н. Панина.* Иконографический анализ образов культовой металлопластики иткульской культуры лесного Зауралья. Ранний железный век.
- Ю. П. Чемякин.* Усть-полуйская или кулайская? (о металлопластике усть-полуйской культуры).
- Н. Б. Крыласова.* Урало-сибирские зооморфные навершия рукоятей плетей.
- Б. А. Раев.* Серебряный сосуд из с. Майкор (Пермский край).
- Г. Н. Паранина.* Каменные лабиринты в системе полярной навигации.
- В. А. Борзунов.* Древнейшие укрепления Севера Евразии: неолит.
- А. Н. Саранулов.* Костяные детали средневековой упряжи на территории Пермского Предуралья (к вопросу об оленеводстве и собаководстве).
- Т. И. Щербакова.* Макет ненецкого святилища в экспозиции Музея истории религии (СПб.).
- В. Ю. Могрицкая.* Археологические фонды музея им. И. С. Шемановского: история формирования и место в деятельности музея.

СБОРНИК «АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ», ВЫП. 2

- Д. Г. Андерсон.* Культуры взаимодействия и культуры контроля на циркум-полярном Севере.
- О. Грон, О. В. Кузнецов.* Что такое поселение охотников-собирателей? Этноархеологический и междисциплинарный подход.
- В. Я. Шумкин.* Путь на Север: западная и восточная дилемма или дихотомия заселения и освоения Лапландии.
- И. О. Васкул.* Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в гляденовское время (конец I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.).
- А. А. Косинская.* Археологические исследования УрФУ в Пуровском районе.
- Б. Фитцхью.* Археологические подходы к анализу катастрофических событий в контексте древнего населения охотников-собирателей.
- О. П. Бачура, П. А. Косинцев.* Пространственное распределение костных остатков собаки в раскопах памятника Усть-Полуй.
- Т. Н. Глушкова.* Текстильные материалы археологического памятника Усть-Полуй.
- Ан. В. Гусев.* Обработка кости и рога по материалам древнего святилища Усть-Полуй (раскопки 2006–2013 гг.).
- В. В. Питулько, Е. Ю. Павлова.* Искусство янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции).

- Н. В. Федорова.* Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольниковым (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха Средневековья).
- А. В. Бауло.* Металлические изделия русских ремесленников конца XVIII – начала XIX в. на Севере Западной Сибири (новые находки).
- А. В. Курбатов.* Традиции кожевенного ремесла в Сибири (по материалам раскопок Мангазеи 2001–2007 гг.).
- С. В. Гусев.* Раскопки поселения Уненен на Восточной Чукотке (древнекитобойная культура) в 2007–2014 гг.
- В. В. Фитцхью.* Фредерика де Лагуна 1906–2004 гг. Биографические мемуары.
- В. Чернецов.* Сообщение о раскопках на сев. оконечности п-ова Ямал в 1929 году.

СБОРНИК «АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ», ВЫП. 2. ПРИЛОЖЕНИЕ

Введение

Каталог коллекции:

Детали костюма — одежда, украшения

Принадлежности охоты и рыболовства

Бытовые ножи

Орудия деревообработки

Орудия для обработки шкур

Посуда и кухонная утварь

Принадлежности женских ремесел

Предметы гигиены

Игрушки

Защитное вооружение

Предметы домашнего обихода

Транспортные средства

Культовые предметы

Изделия неизвестного назначения

Заключение

Сборник «Археология Арктики»

Выпуск 3

Издатель: *О. Ю. Прядко-Каныбекова*
Ответственный редактор: *Н. В. Федорова*
Научные редакторы: *Д. С. Тупахин, Н. В. Федорова*
Перевод с английского: *Т. В. Говорухина*
Корректор: *О. В. Удалова*
Технический редактор: *В. Н. Тонковид*
Художественный редактор: *А. В. Старцев*
Верстка: *И. Е. Максимова*

Подписано в печать 04.08.2016. Формат 60×90/8. Гарнитурa Century Gothic,
Exposure, Palatino Linotype. Печать офсетная. Усл. п. л. 37,5. Тираж 1 000 экз.
Заказ № 16А0201.

ООО «Издательский Дом «РОС-ДОАФК»,
236004, Калининградская область, г. Калининград,
пер. Парковый, д. 7, корпус 1, офис 6
www.rosdoafk.ru, т. 8 (4012) 33-69-22